ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

Krasnij Arkhiv

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Tom 37.

ТОМ ШЕСТОЙ (ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ)

1929

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО
В 1-Й ОБРАЗЦОВОЙ
ТИПОГРАФИИ ГОСИЗДАТА.
МОСКВА, Валовая улица, 28.
Главлит А-53205. П. 12. Гиз 38264.
Заказ № 3756 Тираж 1750 экз. 15½ п. л.

Lib. Com.
Harv.
6-7-30
19652
(cubs)

Царская Россия и Монголия в 1913—1914 гг.

Из официального издания б. министерства иностранных дел [1]) нашему читателю известны основные моменты той дипломатической борьбы, какая разгорелась в 1911—1913 гг. между Россией и Китаем вокруг вспыхнувшего в ту пору в Монголии национально-революционного движения. Переписка, опубликованная царским дипломатическим ведомством, завершалась воспроизведением текста русско-китайской декларации от 23 октября (ст. ст.) 1913 г.

Китайское правительство признавало автономию Внешней Монголии, обязалось не посылать туда своих войск, не содержать там своих гражданских и военных властей и воздерживаться от колонизационных мероприятий. Китайское правительство обязалось вместе с тем к совместному разрешению с Россией всех основных политических и территориальных вопросов Внешней Монголии.

Публикуемые ниже документы относятся к следующему непосредственно за тем периоду. В некоторой своей части они являются извлечением из той коллекции документов, которые войдут в подготовляемую к печати большую публикацию дипломатических документов периода «кризиса» 1914 г.

Локальный характер, какой в течение всего рассматриваемого времени продолжала сохранять монгольская проблема, определялся экономической маломощностью и географической изолированностью территории Монголии от центров большой империалистической борьбы. Тем не менее, поскольку здесь сталкивались такие крупные силы, как царская Россия и богдыханский Китай, монгольский вопрос привлекает к себе внимание не только как вопрос освободительного движения определенного национального целого, но и как вопрос международный, вопрос борьбы капиталистических хищников, соревнующихся в деле лучшей его эксплоатации.

Окаймленное высокими горными хребтами, находившееся долгое время лишь в номинальной зависимости от Китая, монгольское плоскогорье, особенно в своей северной части, так называемой Внешней Монголии, заключало в себе прекрасно сохранившиеся памятники первобытного скотоводческого хозяйства и феодально-крепостнических отношений.

---

[1]) «Сборник дипломатических документов по монгольскому вопросу. 23/VIII 1912—2/XI 1913 г.», изд. МИД. СПБ. 1914.

Дробление Монголии на хошуны (уделы), являвшиеся родовым владением цзасака (князя), роль цзасака, как верховного правителя своего хошуна, значение монастырей, как зачатков городских поселений, при которых формируется класс крепостных крестьян (шаби), рост политического веса ургинского богдо-гэгэна, так наз. хутухты, первенствующего духовного лица во всей Монголии, одного из важнейших перерожденцев Будды по ламаитскому вероисповеданию, владеющего около 100 000 шабинаров, кочующих по Халхе вперемежку с данниками халхасских князей, — таковы внешние контуры общественно-политического уклада Монголии, трехмиллионное кочевое население которой было разбросано на территории, по площади равной около 3 млн. кв.

4 100-верстная граница с Китаем и 2 900-верстная граница с Россией ставили монгольских кочевников под удары китайского торгового капитала, с одной стороны, и российского — с другой.

В начале XX века и особенно в годы, непосредственно следующие за русско-японской войной, феодальная Монголия все явственнее начинает испытывать давление капитализма и, прежде всего, начинает чувствовать тяжесть руки своего искони сюзерена.

Из донесений, получавшихся в министерстве иностранных дел от генерального консула в Урге в 1905 г. [1]), мы узнаем, что китайское правительство намерено было приступить к реорганизации управления Монголии, что оно начало проводить отчуждение хошунных земель и заселение их пришлым китайским элементом. Консульством отмечается, в связи с тем, значительный рост недовольства среди монгольских кочевников, тревога за свое будущее, охватывающая правящие классы (князей и прежде всего князей округа Халха), пробуждение «национального самосознания» и, наконец, стремление к объединению разрозненных княжеств, к образованию независимого от Китая государства.

И тогда же, как гласит сообщение русского ген. консула, князья обращаются к последнему «за советом и содействием».

Донесения русского ген. консула от 1907 г. сообщают об усиливающейся китайской активности и о возрастающем волнении среди монгольских князей. Они констатируют «неуклонное намерение китайского правительства подчинить Монголию общему китайскому порядку управления и поселить на монгольской земле китайских колонистов, что поведет к стеснениям кочевого быта и скотоводческого хозяйства, составляющего средства к существованию». Проводя энергичную колонизаторскую кампанию, китайское правительство принимает меры к поощрению китайской торговли и к открытию в Урге китайского (Дайцинского) банка, который должен был кредитовать китайских купцов и выдавать ссуды монгольским князьям. Когда, по свидетельству русского консула в Урге, пекинское правительство затребовало от ургинского амбаня необходимые для разработки реформ статистические сведения о Монголии, ее населении и природных богатствах и амбань разослал по стране своих агентов для собирания затребованных данных,— «всюду только и слышались разговоры о пекинских распоряжениях, о намере-

[1]) См. тел. Любы от 27/VII 1905 г. и донес. Кузьминского от 4/IX 1905 г. № 1159. (Архив Революции и Внешней Политики. Даты сохраняются такими, какие даны в мин. ин. дел, т. е. по старому стилю.)

ниях Китая и об ожидающей их, монголов, несчастной участи». И снова устраиваются съезды монгольских князей, и князья ходатайствуют перед пекинским двором о сохранении в Монголии status quo и о недопущении туда китайских колонистов; и, как рассказывает русский консул, они снова обращаются к нему за советом и содействием [1]).

В 1908 году те же мотивы дополняются сообщениями о китайских проектах постройки железной дороги между Ургою и Калганом, о проектах развития горной промышленности в Монголии, учреждения в ней школ [2]).

Пекинское правительство поручает ургинскому амбаню обсудить с халхасскими князьями вопрос об участии монголов в будущем китайском представительном органе и выяснить причину их оппозиции проектируемым реформам [3]).

Мотивируя свою точку зрения интересами монгольского скотоводчества, князья остаются при прежних решениях. Они ходатайствуют об оставлении Халхи в настоящих ее условиях; когда же весною 1909 года они созываются в Ургу на совещание, оказывается, что вопрос о железных дорогах обсуждению не подлежит, ибо «уже последовало категорическое предписание из Пекина о том, что железная дорога должна быть построена во всяком случае» [4]). Обращает на себя внимание указание ургинского ген. консула на происходящее в этот период усиление влияния хутухты, который становится политическим центром движения и «руководителем положения» [5]). Разыгрывающийся в 1910 г. конфликт между хутухтою и амбанем в Урге приобретает в такой обстановке сугубо политический характер и дает внешний толчок дальнейшему развитию событий. К характеристике создавшегося положения следует указать на то, что поводом для указанного конфликта послужил факт, который при других обстоятельствах не должен был выйти за пределы обычной хроники происшествий. 26/III 1910 г. в Урге между тремя монгольскими ламами, находившимися в нетрезвом виде, и служащим одной китайской лавки произошла драка. Арест лам вызвал стечение толпы, разгромившей лавку и вступившей в столкновение с китайскими солдатами. Прибывший к месту происшествия амбань Сань-до был встречен градом камней. Последовавшие затем аресты, дознания, допросы и пытки вызвали повторные уличные беспорядки, на которые Пекин реагировал устранением от должности нескольких приближенных к хутухте лам, в том числе его ближайшего помощника Шандцзодбе [6]), как главного виновника беспорядков. Хутухта протестует, полемизирует с Пекином, неоднократно, но безуспешно посылает туда для подкупа нужных людей крупные суммы денег.

Между тем его отношения с местными китайскими властями осложняются новым инцидентом, разжигающим китайско-монгольскую вражду и усиливающим взаимное озлобление.

---

[1]) Записка ген. консула в Урге Шишмарева от 24/X 1907 г.
[2]) Донесение Шишмарева от 11/VIII 1908 г. № 832.
[3]) Тел. его же от 24/III 1909 г. № 374.
[4]) Донесение его же от 2/V 1909 г. № 531.
[5]) Тел. его же от 24/III 1909 г. № 374.
[6]) Управляющий монастырским имуществом.

Чтобы «досадить» китайцам, он требует от амбаня очистить от торговых палаток главную площадь ургинского ламского города, служившую единственным торговым рынком для китайских, монгольских и русских купцов. «Воспользовавшись этим, — рассказывает русский генеральный консул в Урге,—Сань-до с разрешения пекинского правительства отвел для китайского рынка большую площадь около амбаньского ямыня, приказав огородить ее, выкинуть флаг и обложить торгующих сбором. Он проектирует постройку в Урге китайских кожевенных, мыловаренных, шерстопромывательных и даже суконных фабрик. Когда рынок китайский и монгольский был по распоряжению амбаня переведен на указанную площадь, хутухта послал кн. Намсарая объявить монголам, что они должны попрежнему оставаться и торговать на площади ламского монастыря. Правитель Сань-до донес в Пекин о неисполнении хутухтою и шамбинским управлением высочайшего повеления богдыхана относительно Шандцзодбе и да-лам, а также распоряжения пекинского правительства по поводу ургинского торгового рынка»... В заключение консул указывал на возможность громкого следствия и на предстоящую присылку в Ургу китайских войск с карательными целями.

Конфликт хутухты с китайскими властями занял весь 1910 год [1]). Потерпев фиаско в своей борьбе с китайскими властями, хутухта обращается за помощью к России [2]). Между тем китайское правительство с неослабной энергией продолжает свою колонизаторскую политику в Монголии и приступает к проведению реформ в области военного дела в Халхе, намереваясь заменить монгольские гарнизоны состоящих в ведении ургинских амбаней пограничных постов китайскими реформированными войсками. Последняя мера отнюдь не способствует успокоению страны; с севера идут сведения о столкновениях между китайскими войсками и монголами [3]). При таких условиях, следуя по тому же пути, на который только что стал в своей борьбе с китайской администрацией хутухта, князья Северной Монголии принимают общее политическое решение. «Совещание князей окончилось, — гласила телеграмма Лавдовского от 15/VII 1911 г. за № 691.—После долгих прений все пришли к заключению, что проводимые китайцами реформы направлены к окончательному порабощению Монголии, протест против действий китайцев признан бесполезным. Решено не медлить более и обратиться к нам с просьбою о покровительстве, а пока дать уклончивый ответ на требования правительства. Сегодня гэгэн сообщил мне резолюцию совещания и прибавил, что через несколько дней депутация от духовенства, князей и народа выезжает в С.-Петербург, где подаст формальную просьбу о принятии Халхи под протекторат России. Опасаясь, что китайские власти, узнав о том, примут по отношению к монголам репрессивные меры, хутухта и князья просят немедленно прислать в Ургу под каким-либо предлогом русские войска, присутствие коих воспрепятствовало бы насилиям китайцев. Я просил обождать отправлением депутации до получения от вас ответа на мою телеграмму. Необходимо немедленно и точно определить наше отношение к изложенным фактам»...

---

[1]) Записка Шишмарева, датир. 1910 г., донесения его же от 29 и 31/III 1910 г. №№ 328 и 344, донесения Лавдовского из Урги от 20/XI 1910 г. № 1227.

[2]) Тел. Лавдовского от 18/XI 1910 г. № 1215.

[3]) Донесение Лавдовского от 18/V 1911 г. № 473.

Не подлежит никакому сомнению, что роль царских дипломатических агентов в Монголии отнюдь не сводилась к роли пассивных наблюдателей происходящих событий и автоматических передатчиков «самостоятельных» решений монгольских князей. О крупной работе по организации симпатий монгольской знати к «белому царю» мы хорошо знаем из серии писем пресловутого Бадмаева к Александру III, Николаю II и Витте, относящихся еще к 90-м годам XIX века [1]). Правда, на одной из первых записок Бадмаева, где развивался план присоединения к России Монголии, Тибета и части Китая, рукой Александра III было помечено: «все это так ново, необыкновенно и фантастично, что с трудом верится в возможность успеха». Но несомненно, что политика подкупов и обещаний, проводившаяся царским правительством, подготовляла в лице монгольских князей и духовенства исподволь и, так сказать, впрок серьезный оплот для утверждения своего влияния в Монголии и должна была принести в известное время известные плоды. И понятно, что просьба «хутухты» и князей не могла заключать в себе для царского правительства особой неожиданности.

Как же ответило царское правительство на «просьбу» монгольских князей? Как повело оно себя в монгольском вопросе?

Из сказанного явствует, что политика пекинского правительства в монгольском вопросе являлась прежде всего политикой китайского торгового капитала, стремившегося овладеть монгольским рынком, выбросить на свободную территорию избытки собственного населения и создать надежный буфер на границе с Россией. Что касается проникновения русского капитала в Монголию, можно сказать, что, в то время как в других районах Дальнего Востока он выступал под сильным прикрытием солдатского штыка, концессий, привилегий, договоров и казенного золота, в Монголию он выходил первоначально в лице русских колонистов и отдельных торговцев, проникавших туда издавна за свой страх и риск, без сколько-нибудь значительного прикрытия.

Еще в 1854 г., когда, собираясь использовать критическое положение пекинского правительства, генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев выступил с проектом объявления Монголии под русским протекторатом, Особый Комитет на заседании от 26 января склонился к осторожному решению вопроса, ограничивавшему деятельность Муравьева «снисканием расположения монгольского хутухты» и завязыванием связей с наиболее влиятельными князьями.

Рецидив активистских тенденций того же Муравьева, относящийся к 1860 г., нейтрализуется умеренно-осторожным постановлением Амурского Комитета от 12 января того же года [2]).

После 1881 г., когда русским правительством была выговорена в Петербургском соглашении ст. 12-я, предоставлявшая русским подданным право беспошлинной торговли в Монголии, монгольский вопрос выдвигается снова в 1897 г., в разгар русского продвижения в Манчжурию. Тогда, как известно, в тесной связи с полуправительствен-

[1]) «За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева», Гиз, 1925 г., стр. 49—112.

[2]) См. Б. М. Гурьев, «Политические отношения России к Монголии», 1911 г

ным Русско-Китайским банком, образуется особый синдикат для эксплоатации рудных богатств Монголии, превращающийся позднее (в 1900 г.) в акционерное общество «Монголор», но уже к 1904 г. «Монголор» хиреет от недостатка денежных средств, и обсуждается вопрос об его ликвидации [1]).

В том же 1898 г., при переговорах с Китаем о займе, Витте требует железнодорожной и промышленной монополии для России не только в Манчжурии, но и в Монголии, однако требование это скоро снимается Муравьевым [2]). Русско-английское соглашение по железнодорожному вопросу 16 (29)/IV 1899 г., по которому Монголия попадала в сферу русского влияния, для русской политики в монгольском вопросе получает лишь принципиальное значение. Относящиеся к 1903 г. домогательства Безобразовской группы, требующей открытого присоединения Монголии, кладутся царем под сукно [3]). На проекте инженера Риппоса от 28/III 1905 г., предлагающего в помощь Великому Сибирскому пути постройку новой двухпутной ширококолейной линии, имеющей пройти через Монголию и соединить Уральск со ст. Манчжурия, Ламздорф делает пометку: «Много верного, но кто возьмется за постройку и кто даст деньги» [4]).

Статьей 3 русско-японской конвенции 17/VII 1907 г. Япония признавала особые интересы России во Внешней Монголии, однако приложенной к конвенции секретною нотой оговаривала, что признание это не должно нарушать общих принципов соблюдения status quo и равных преимуществ.

И на приведенные выше первые обращения монголов за содействием и помощью в их борьбе с китайским торговым капиталом министерство иностранных дел, озираясь на Японию, обычно отвечало в осторожных и сдержанных формах: «не отклонять категорически предложения далай-ламы, благотворное влияние коего следовало бы использовать в полной мере» [5]); «обещать монгольским князьям нравственную поддержку русского правительства» [6]).

И даже в 1910 г., когда разыгрался конфликт хутухты с амбанем, русское дипломатическое ведомство ограничивает свое содействие передачей доклада хутухты его доверенным лицам в Пекине и наведением справки относительно дела Шандзодбе. «Что же касается настояний на сохранении за последним его должности, — писал Козаков Коростовцу,—то мы опасаемся, что такое вмешательство во внутренние дела Китая может лишь повредить хутухте, поддерживать же эти настояния какими-либо мерами давления не входит в виды императорского правительства» [7]).

К переходу от политики пассивной благожелательности к определенным «мерам давления» особенно настойчиво звал русский посланник в Пекине. Останавливаясь на

---

[1]) См. Б. Романов, «Россия в Манчжурии». Лнгр. 1928, стр. 14, 601—602.

[2]) Там же, стр. 192, 193, 196.

[3]) Там же, стр. 459, 460.

[4]) Дело МИД В.Д.К. № 687.

[5]) Тел. министра ин. д. Козакову от 28/VII 1905 г. № 135.

[6]) Выписка из секр. донес. Кузьминского от 4/IX 1905 г. № 1159 и царская помета на нем от 1/X 1905 г.

[7]) Тел. Козакова от 26/XI 1910 г. № 1737.

мероприятиях, проводимых китайцами в Монголии, направленных к укреплению в ней китайского влияния, Коростовец предлагал, договорившись предварительно с Японией и Англией и опираясь на их поддержку, понудить Китай к сохранению в Монголии status quo и к отказу от введения там военных преобразований [1]). «Относясь с сомнением» к осуществимости проекта Коростовца, министр иностранных дел обратился с запросом в Лондон и в Токио. Малевский-Малевич писал, что правительство «считает вообще принятие слишком сильных мер воздействия на Китай в настоящий момент вдвойне опасным», что оно боится, во-первых, могущих возникнуть в Китае волнений и, во-вторых, возможности бросить тем самым Китай в объятия Америки [2]). Бенкендорф, в свою очередь, предупреждал, что всякая русская акция, направленная против Китая, хотя бы то было сосредоточение войск у китайской границы, может вызвать серьезные международные осложнения, ибо в «Китае гораздо более, чем в Персии, заинтересованы все европейские державы», не говоря уже о заинтересованности Соединенных Штатов Америки [3]).

Точка зрения министерства иностранных дел на монгольский вопрос особенно яркую формулировку получила в телеграмме министра Коростовцу от 27/VII 1911 г. № 1046: «Внутреннее положение Халхи само по себе не затрагивает наших жизненных интересов. Монгольский вопрос важен для нас как средство и должен быть использован при решении других политических задач наших в Китае».

Из сказанного явствует, что в течение долгого времени Монголия оставалась в стороне от большой дороги русской дальневосточной политики, что до известной поры у царского правительства не было достаточных политических и стратегических стимулов к активизации своей политики на этом относительно захолустном участке империалистической борьбы.

Констатированная выше относительная пассивность русской политической линии в монгольском вопросе, равно как и последующая эволюция этой линии, не может быть понята без ответа на основной для всей совокупности русско-монгольских отношений вопрос о значении монгольского рынка для русского торгового капитала, о проникновении последнего в Монголию и о ходе соперничества его с китайским торговым капиталом [4]).

Значительный толчок развитию русской торговли в Монголии дал, как известно, Тянь-цзинский трактат 1858 г., ликвидировавший значение Кяхты, как транзитного пункта следующих из Китая чайных грузов, и обративший энергию русского торгового капитала на соседнюю территорию Монголии. В 1860 г. основывается в Урге первая русская торговая фирма. В 1883 г. их насчитывается 10, в 1910 г. — свыше 20.

---

[1]) Депеша Коростовца от 3/XI 1910 г. № 104.

[2]) Письмо Малевского-Малевича от 3/XII 1910 г.

[3]) Письмо Бенкендорфа от 10/XII 1910 г.

[4]) См. М. Боголепов и М. Соболев, «Очерки русско-монгольской торговли». Томск, 1911 г.; А. Болобан, «Монголия в ее современном торгово-экономическом отношении». Отчет агента мин-ва торговли и промышленности за 1912/13 г.; И. Майский, «Современная Монголия». Иркутск, 1921 г.; А. Беннигсен, «Несколько данных о современной Монголии». СПБ., 1912; Ю. Кушелев, «Монголия и монгольский вопрос». СПБ., 1912 г.

В 60-х гг. русские торговые фирмы появляются в Кобдо и Улясутае, в течение последующих двух десятилетий они проникают в глубь монгольских степей и устанавливают свои фактории по хошунам. Емкость монгольского рынка, где главным потребителем являлось мелкое скотоводческое хозяйство, не могла сулить русскому капиталу особенно крупных перспектив: Северная Монголия могла потребить товаров на сумму около 20 миллионов рублей; вся Монголия—на сумму 35—40 миллионов. Основною чертою русской торговли в Монголии было господство в ней мелкого капитала: первые русские купцы — не московские и петербургские предприниматели, а мелкие кулаки-торговцы, выходцы из захолустных сибирских городов. По статистике первого десятилетия XX столетия средний оборот самых крупных из оперировавших в Монголии русских фирм не превышал 500 тыс. рублей, капитал же мелких фирм, в среднем, был около 20 тыс. рублей.

Разрозненные и слабые, преследовавшие цели легкой и быстрой наживы, практиковавшие примитивные хищнические приемы торговли [1]), эти представители русского торгового капитала столкнулись в стране с издавна сложившейся широко разветвленной китайской торговлей.

Ст. 12 Петербургского протокола не оказывалась для них достаточной гарантией в конкурентной борьбе с китайцами, и в конце 90-х годов, когда китайские купцы стали ввозить в Монголию дешевые английские и американские фабрикаты, безнадежность позиций русской торговли уже обнаруживается с достаточной явственностью.

Правда, общая сумма торгового оборота России с Монголией продолжает расти, увеличиваясь, в частности, для Западной Монголии, с 1 349 тыс. руб. в 1891 г. до 3 677 тыс. рублей в 1908 г. Однако вся незначительность размеров русско-монгольского товарооборота станет ясной, если мы сопоставим цифру, ее определяющую, с суммой товарооборота Китая с Монголией для 1908 г.: первая была равна 8 млн. руб., а вторая — 50 млн. руб. Но и этого мало: рост русско-монгольского товарооборота за указанный период 1891—1908 гг. происходил почти исключительно за счет роста русского вывоза из Монголии: в то время как последний возрос на 566%, ввоз русских товаров в Монголию за тот же период времени увеличился всего лишь на 22%. Русская торговля в Монголии приобретала специфически скупщический характер (прежде всего скупка шерсти и скота), и русский торговый баланс с Монголией становился пассивным.

Мы отметили выше преобладание мелкого капитала в русской торговле с Монголией. К началу второго десятилетия нового века в русской торговле с Монголией отмечается тенденция концентрации, появляется ряд крупных русских торговых фирм (Стукен, Зеергаген, Швецов, Бидерман). К этому времени монгольским рынком начинает сугубо интересоваться объединившее под своим флагом крупнейших русских мануфактуристов «Русское экспортное товарищество», основывающее к 1912 г. свои отделения в Урге и Улясутае [2]). В 1909 г. при министерстве торговли и промышленности создается

---

[1]) Чистый годовой доход ниже 40—50% в обиходе русских купцов в Монголии расценивался, как неудача, — привозимые из России товары продавались с накидкой в 100%.

[2]) См. «Русское экспортное товарищество. Отчет за первый операционный период с 14 мая 1909 г. по 1 янв. 1910 г.», то же за 1910, 1911, 1912 и 1913 гг.

«Особое междуведомственное совещание», под председательством Лангового [1]), ставящее своею задачей собирание материалов для изучения монгольского рынка. Вопрос о судьбах русской торговли в Монголии не сходит со страниц повременной печати. Для изучения монгольского рынка снаряжаются целые экспедиции: летом 1910 г. отправляется торговая экспедиция, организуемая московскими мануфактуристами, вслед за нею едет такая же торговая экспедиция, устраиваемая Томским обществом изучения Сибири. Вопросы организации торговли с Монголией горячо обсуждаются на частных совещаниях представителей московского купечества. Член совета «Русского экспортного товарищества» Рябушинский на одном из таких совещаний резко критикует занятую в монгольском вопросе русскою бюрократиею позицию [2]).

Возвращающиеся из экспедиций привозят самые неутешительные и тревожные данные. Констатируется паралич русской торговли, систематическое вытеснение русской мануфактуры иностранными тканями; угрожаемое состояние констатируется даже для русской скупщической торговли. Мало того, — по словам М. Боголепова и М. Соболева, подытоживавших труды Томской экспедиции, — победившие русских на монгольском рынке китайцы еще не использовали в полной мере своего выгодного положения: первые же их шаги в области железнодорожного строительства в Монголии «могут радикально перевернуть все дело»; «железная дорога от Урги до Калгана легко может иметь катастрофическое значение для русской торговли». И еще констатируется один грозный факт: китайские купцы являются лишь комиссионерами Англии и Северо-Американских Соединенных Штатов, и победа их является лишь победою американской и английской мануфактуры [3]).

Посещающий Монголию агент министерства торговли и промышленности А. Болобан видит опасность для русской торговли и в том, что автомобильное движение Кяхта—Урга может попасть в руки немцев [4]). Возвращающийся из поездки по Монголии (1909—1911 гг.) гр. Беннигсен обращает особенное внимание на создание на границе с Россией китайских военных поселений [5]).

И тот же Беннигсен и упоминавшийся выше Болобан и возвратившийся из поездки по Монголии путешественник Кушелев отмечают приобретающий прямое политическое значение факт крупной задолженности монголов китайским кредиторам, доходящей для всех хошунов до 12 млн. рублей, и исключительную роль, которую сыграл в этом деле своими ссудами Дайцинский банк в Урге, которому одни только князья задолжали свыше 1 млн. рублей [6]).

Необходимость организовать в противовес Дайцинскому банку особый русско-монгольский банк намечалась всеми, как очередная задача русской политики.

---

[1]) Первое заседание состоялось 16/IV 1909 г.

[2]) «Новое время» от 15/XII 1913 г.

[3]) См. М. Боголепов. Op. cit., стр. 474—475.

[4]) См. А. Болобан. Op. cit., стр. 15.

[5]) См. А. Беннигсен. Op. cit., стр. 38.

[6]) А. Болобан. Op. cit., стр. 46; Ю. Кушелев, стр. 59; А. Беннигсен, стр. 98.

Мы остановились на мнениях и заключениях различных отправлявшихся в Монголию путешественников, чтобы констатировать общность их точек зрения, служившую показателем нового активного интереса к монгольскому рынку, который к концу первого десятилетия стал проявляться у представителей русского купечества и русской мануфактурной промышленности.

Рассматриваемый период характеризуется, таким образом, назреванием новых тенденций в русско-монгольских отношениях, тенденций к организованному и руководимому мануфактуристами-фабрикантами выступлению русского капитала, к ломке старых традиций кустарнического разрозненного проникновения русского капитала в Монголию.

Нет никакого сомнения, что в условиях намечающейся новой обстановки проводившаяся министерством иностранных дел линия воздержания от вмешательства в монгольские дела должна была претерпеть некоторые изменения. Мы оставили в нашем изложении министерство в тот критический момент, когда оно узнало о решении монгольских князей и хутухты отправить в Петербург депутацию для переговоров о принятии Халхи под протекторат России.

Несмотря на увещания Коростовца [1]), указывающего, что отказ в заступничестве поведет к падению русского престижа в Монголии и к «ободрению» Японии, которая не замедлит «занять наше место» в Халхе, министерство иностранных дел медлит с ответом, боязливо топчется на одном месте и только под давлением председателя Совета Министров [2]) решает не препятствовать приезду монгольской делегации. Делегация прибыла в Петербург 2 августа.

В течение своего трехнедельного пребывания в Петербурге она посещает Нератова, Тимашева, кн. Ухтомского, Коковцова и, наконец, Столыпина. Коковцов и Столыпин, призывая к осторожности, обещают монголам поддержку. Коковцов, беспокоясь за судьбу делегатов, настаивает перед министерством иностранных дел на предъявлении Китаю требования об отозвании амбаня из Урги. Особенный интерес к монгольским делам проявляет директор общей канцелярии министерства финансов Львов [3]).

Протокол журнала Особого совещания по делам Дальнего Востока, состоявшегося 4/VIII 1911 г., изложен в резолютивной форме и не отражает хода совещания.

Из мотивировки вынесенного постановления ясно, что министр иностранных дел указывал на связанность России обострившимися делами Ближнего Востока и на невозможность при таких условиях активно выступить в монгольском вопросе. Решение Особого совещания сводилось к следующему: «не принимая на себя обязательства силою оружия отстаивать задуманное монголами Халхи отложение от Китая», выступить «посредником между ними» и поддержать «дипломатическим путем стремления монголов сохранить свою самобытность, не порывая с их сюзеренами — императорами дайцинской династии». Практически намечались два шага: 1) сделать в Пекине представление по поводу проектируемых в Халхе преобразований, 2) «для успеха представлений» и для безопасно-

[1]) Тел. Коростовца от 30/VII 1911 г. № 459.
[2]) Письмо председателя Совета Министров Нератову 21/VII 1911 г. № 3529.
[3]) Рапорт шт.-кап. Макушека от 12/VIII 1911 г.

сти монгольской делегации немедленно послать в Ургу на усиление консульского конвоя две сотни казаков с пулеметами.

Назначенным штабом Иркутского военного округа для негласного сопровождения членов монгольской делегации шт.-кап. Макушеком была представлена в министерство иностранных дел записка под заголовком «К грядущему восстанию в Монголии и о средствах, необходимых для его осуществления». План восстания сводился к организации сети складов оружия под флагом торговых фирм, к формированию партизанских отрядов и к вооруженному выступлению для захвата власти. На полях записки рукою Козакова, которому в ту пору принадлежала в министерстве руководящая роль в дальневосточных делах, было помечено: «Какой вздор».

Держа курс на сохранение во что бы то ни стало мирных отношений с Китаем и придерживаясь сугубой конспирации, русское министерство логикою событий приближалось однако к постановке вопроса, дававшейся «революционным» штабс-капитаном.

В секретной телеграмме от 10/VIII за № 1125 Сазонов пишет Коростовцу, что считает «принципиально вполне возможным», «в случае неуспеха наших представлений [в Пекине] и неизбежности восстания Халхи», выдать монголам оружие. В соответствии с этим военный министр отдает распоряжение [1]) о передаче 15 000 винтовок и 7 500 000 патронов в штаб Иркутского военного округа.

В начале ноября по просьбе уполномоченного князьями хутухты из штаба была произведена под видом частных сделок выдача монголам заготовленного огнестрельного оружия и дополнительно 15 000 шашек [2]).

Сам автор приведенной пометы уже в конце сентября готов был к использованию благоприятно складывавшихся обстоятельств. «Затруднения,—писал он Коростовцу [3]),—которые создает китайскому правительству революционное движение на юге Китая, могли бы быть использованы нами для закрепления каким-либо письменным актом признаваемого китайцами на словах положения нашего в вопросе о судьбах Монголии»...

В начале ноября Козакову приходится думать уже только о том, как бы повлиять на монголов, чтобы они «выставили своею целью не разрыв с Китаем и переход под протекторат России», а только «сохранение самобытного строя Монголии» путем осуществления автономии, чтобы «была избегнута опасность для нас быть вынужденными отстаивать вооруженною силою Монголию от китайского засилья» [4]).

Пока Коростовец пикируется в Пекине с китайскими министрами, движение в Монголии продолжает разрастаться и принимает организованные формы.

Участвующий в раздаче монголам оружия и находящийся в курсе всех инсурреционных планов управляющий русским консульством в Урге исправно уведомлял министерство о ходе событий.

---

[1]) Письмо Сухомлинова Сазонову от 17/X 1911 г. № 4271.
[2]) Письмо Сухомлинова Нератову от 3/XI 1911 г. № 340.
[3]) Тел. Козакова от 30/IX 1911 г. № 1482.
[4]) Тел. Козакова от 9/XI 1911 г. № 1853.

Телеграммой от 18/XI 1911 г. за № 1102 он сообщал о первых результатах применения монголами русского оружия — свержении в Халхе китайских властей и объявлении независимости Монголии.

Мы не будем излагать дальнейшего хода событий. Китайские власти Улясутая, Кобдо, Шарасумэ подверглись той же участи, Барга (сев.- вост. часть Монголии) присоединилась к Халхе. 15 декабря 1912 г. состоялось восшествие хутухты на ханский престол и образование для управления страной временного комитета министров из владетельных князей.

Завоевав новый плацдарм для своей деятельности на Дальнем Востоке, русский капитализм приступал теперь к его организации. Оформление международно-правового положения новой буферной области, заботы об ее военной мощи, реализуемые организацией русского военного инструктажа в Монголии, заботы об ее финансовом благополучии, осуществляемые учреждением Русско-Монгольского банка и командированием в Ургу русского финансового советника, удовлетворение насущных потребностей нового дружественного правительства путем единовременных ссуд, гарантируемых доходами от горных богатств Монголии, — таковы первые акции русского правительства, первые проявления новых активных и организованных форм проникновения русского капитала в Монголию.

Что касается русской мануфактуры, для нее в первые медовые дни этого проникновения создавалась в буквальном смысле слова сказочная обстановка: продажа имущества китайских фирм за бесценок, поголовное бегство или просто физическое уничтожение китайских торговцев и, наконец, симпатии со стороны «благодарного» населения. Русским мануфактуристам открывались блестящие перспективы монопольного положения.

Но это были лишь только одни блестящие перспективы. А год спустя слышатся уже другие ноты, полные глубокого пессимизма и разочарования. В отчете «Русского экспортного общества» за 1913 г. — первый операционный год после учреждения отделения общества в Урге — читаем: «приобретенный вновь Россией монгольский рынок далеко не оправдал тех надежд, которые были на него возложены, как на рынок широкого сбыта русских изделий». А вернувшийся из поездки по Монголии агент министерства торговли и промышленности Болобан, давал небезынтересный комментарий такому упадочному настроению: «Где бы вы ни бывали в Монголии, — писал он в своем отчете, — везде слышны жалобы на русских купцов с указанием, что при китайцах было легче».

Очевидно, что царскому правительству предстояло приложить еще не мало усилий для всестороннего обеспечения интересов русского капитала в «освобожденной» стране.

Очевидно также, что монгольскому народу предстояло на опыте убедиться в том, что полученная при помощи царизма из рук феодалов и лам «независимость» являлась лишь новым видом угнетения, освободиться от которого он мог только, сбросив власть своих феодалов и своего духовенства.

А. Попов.

Публикуемые ниже документы воспроизводятся по подлинникам, хранящимся в Архиве Революции и Внешней Политики (фонд мин. ин. дел, IX полит. отдел). Текст публикуемых документов подготовлен к печати А. С. Ерусалимским и А. Л. Поповым.

Ред.

Депеша дипломатического агента в Монголии от 1 ноября (19 октября) 1913 г. № 277.

В дополнение к секретной телеграмме моей на имя гофмейстера высочайшего двора т. с. Нератова от 24 сентября с. г. за № 246, имею честь донести вашему высокопревосходительству, что вручение его святейшеству Чжебзум Дамба хутухте письма, аккредитующего меня в качестве дипломатического агента и генерального консула в Монголии при повелителе монгольского народа, было обставлено чрезвычайною, небывалою еще в Урге, торжественностью.

Вручение этого письма состоялось в день рождения богдыхана, 24 сентября, в 2 часа дня. Обычный прием в этот день происходил раньше в так называемом летнем дворце хутухты — здании, представляющем из себя копию с главного дома генерального консульства. По случаю же столь знаменательного события в политической жизни Монголии, о котором монголы мечтали со времени провозглашения своей независимости, прием был назначен в большом ургинском дворце, построенном на подобие огромной юрты. Несколько примыкавших к главному входу больших юрт играли роль аванзал.

До получения мною аккредитивного письма, за подписью вашего высокопревосходительства, в день рождения хутухты было назначено представление гг. офицеров Монгольской бригады, во главе с полковником Надежным, и начальника Ургинского отряда с командирами отдельных частей.

Для меня же и чинов генерального консульства была назначена специальная аудиенция, до приема поздравлений от наших военных чинов.

К 12 часам дня в генеральном консульстве собрались все представлявшиеся в полной парадной форме. На мне был пожалованный мне его святейшеством монгольский орден Вачира, присвоенный цзюнь-вану (князю 2-й степени). В начале второго часа явился товарищ министра иностранных дел Цэрэн-дорчжигун в сопровождении многочисленной свиты монгольских князей и чиновников в парадной форме и пригласил проследовать во дворец хутухты.

Торжественный поезд экипажей, сопровождаемый конвоем казаков 2-й Забайкальской батареи, открывался богато убранным паланкином, специально присланным его святейшеством для меня. По

монгольскому обычаю, паланкин везли четыре верховых, временами очень быстро. К передним и задним концам длинных палок паланкина прикрепляются поперечные палки, концы которых везущие паланкин всадники кладут себе на седла перед передней лукой и таким образом везут иногда во весь карьер. Монгольская свита и консульский конвой из 20 казаков 1-го Читинского полка скакали впереди и вокруг паланкина.

По прибытии во дворец я был встречен придворными чинами и проведен вместе с чинами генерального консульства и гг. военными в приемную юрту, где нам был предложен кирпичный чай.

Вскоре министр иностранных дел князь Ханда-цинь-ван пригласил меня вместе с чинами генерального консульства и двумя офицерами 20-го Сибирского стрелкового полка, заведующими конвоем и военно-административною частью, проследовать в тронный зал, где на богато украшенном высоком троне восседал повелитель монгольского народа Чжебзун-Дамба хутухта. На ступенях трона стояли председатель совета министров Сайн-ноин-хан и и. д. министра внутренних дел князь Дархан-цинь-ван. По правую сторону стояли в парадных одеждах ламы, а по левую министры, князья и чиновники не ниже бейсэ.

Поднявшись по трем ступеням трона, я преподнес по местному обычаю хадак (длинную шелковую шаль голубого цвета) и верительное письмо, с переводом на монгольский язык, в большом конверте из золотой парчи. Получив от его святейшества обратный хадак, я, стоя на ступени трона, принес поздравление по случаю дня его рождения и передал хутухте привет его императорского величества государя императора, а равно и высочайшее повеление о назначении меня дипломатическим агентом и генеральным консулом в Монголии при его святейшестве. Доложив, что согласно воле моего августейшего монарха я употреблю все старания к развитию и укреплению дружеских отношений, существующих между Монголией и Россией, я высказал пожелание дальнейшего процветания страны под мудрым управлением повелителя монгольского народа.

Его святейшество, справившись о моем здоровье, выразил живейшее удовольствие по поводу нового знака благорасположения к нему его императорского величества, о чем и просил довести до сведения Российского правительства.

После этого, в моем же присутствии, принесли поздравления хутухте от себя и от имени своих подчиненных полковники Надежный и Савельев, преподнесшие его святейшеству хадаки. Гг. офицеры Монгольской бригады и Ургинского отряда стояли перед троном, представляя из себя красивую картину в своих разнообразных формах.

По окончании приема все мы проехали в министерство иностранных дел, где товарищи министров иностранных дел и финансов предложили нам радушное угощение, состоявшее из чая, сластей и вареной баранины. В начале пятого часа я тем же порядком в парадном паланкине вернулся обратно в генеральное консульство, где приближенный к хутухте лама преподнес мне от имени его святейшества специальный тибетский сладкий хлеб и другие сласти и подарки: кусок тибетского сукна, кусок шелковой материи и соболя.

Для полковников Надежного и Савельева в генеральное консульство были доставлены по куску китайского шелка и тибетского сукна, а всем гг. офицерам по куску последнего. Дарить тибетское сукно составляет исключительное право хутухты.

Везших меня в паланкине всадников и прислугу сопровождавших меня монгольских сановников я щедро наградил деньгами.

На следующий день, утром 25 сентября, я спешно выехал в Кяхту для встречи иркутского генерал-губернатора и для участия под его председательством в совещаниях по русско-монгольской торговле. Егермейстер высочайшего двора Князев прибыл в Троицкосавск утром 28 сентября. Мне удалось приехать, благодаря любезным заботам монгольских властей, накануне вечером.

К сему считаю долгом присовокупить, что копия с настоящего донесения представляется императорскому посланнику в Пекине.

А. Миллер.

Записка, составленная в министерстве ин. дел, от 3 ноября (21 октября) 1913 г.

В первых числах ноября в С.-Петербург приезжает специальная монгольская миссия, во главе которой стоит первый министр монгольского правительства Сайн-ноин-хан. Он везет собственноручное письмо хутухты его императорскому величеству и орден Чингис-хана.

Несомненно, что Сайн-ноин-хан рассчитывает быть принятым в России с неменьшим почетом, чем приезжавший в минувшем году Ханда-ван, который удостоился быть принятым государем императором и, как гость высочайшего двора, был помещен в С.-Петербурге на средства министерства двора.

На это Сайн-ноин-хану дает право как возложенное на него хутухтою поручение, так и его положение первого монгольского сановника и наиболее родовитого из потомков Чингис-хана. Отказать в таком приеме Сайн-ноин-хану значило бы кровно оскорбить его и оттолкнуть

от себя наиболее влиятельного в настоящее время монгольского сановника, давшего нам несомненные доказательства своей преданности и готовности руководствоваться нашими указаниями.

Секретная телеграмма посланника в Пекине от 5 ноября (23 октября) 1913 г. № 703.

Тремя появившимися сегодня декретами Юаньшикай дает три дня на ликвидацию партии националистов «Гоминдан». Члены парламента, входящие в состав этой партии, лишаются полномочий и высылаются из столицы на родину. Официальной причиной этой меры выставляется участие этой партии в революционном движении на юге, противодействие заключению реорганизационного займа, отказ утвердить третий проект русско-китайского соглашения по монгольским делам и вообще стремление ниспровергнуть существующее правительство. Этим ударом Юаньшикай совершенно избавляется от оппозиционных элементов в парламенте, и его воля не встречает отныне никакого сопротивления. Крупенский.

Секретная телеграмма и. д. министра ин. дел диплом. агенту в Монголии от 10 ноября (28 октября) 1913 г. № 3075.

Ссылаюсь на телеграмму Крупенского № 714 [1]).

Благоволите настоятельно посоветовать монгольскому правительству прекратить военные действия во Внутренней Монголии, грозящие разгромом монгольских войск, если китайцы направят против них силы, которыми располагают и которых они доныне не двигали лишь из опасения русского вмешательства. Эти опасения теперь, по подписании русско-китайской декларации о Монголии, теряют силу. Нератов.

Секретная телеграмма и. д. министра ин. дел посланнику в Пекине от 10 ноября (28 октября) 1913 г. № 3076.

Сообщается дипломатическому агенту в Урге.

Телеграмма № 714 получена.

Китайский посланник передавал нам просьбу своего правительства о побуждении монголов отозвать свои войска из Внутренней Монголии.

---

[1]) В тел. от 7 ноября (25 октября) 1913 г. посланник в Пекине Крупенский передавал просьбу китайского министра иностр. дел побудить монголов к прекращению враждебных против китайцев действий во Внутренней Монголии.

Мы ответили, что неоднократно советовали монгольскому правительству прекратить военные действия против китайцев и охотно сделаем новую попытку воздействовать на него в этом направлении. Но мы не можем ручаться за то, что наши советы подействуют на монголов. Прекращение их борьбы с Китаем может быть лучше достигнуто заключением предусмотренного в русско-китайской декларации тройного соглашения между Россией, Китаем и Монголией.

Нератов.

Секретная телеграмма диплом. агента в Монголии от 10 ноября (28 октября) 1913 г. № 290.

Ссылаюсь на телеграмму Крупенского № 714.

Монгольское правительство, которому я не замедлил предложить немедленно прекратить военные действия, сообщило мне сегодня о массовом истреблении китайскими войсками монгольского населения в хошуне Бейрин Чжоудасского сейма и других сеймах Внутренней Монголии, а также чахаров и туметов. На это я указал, что чем скорее монгольские милиционеры будут отозваны к границам Халхи и военные действия с их стороны прекращены, тем лучше будет для внутренних монголов и ургинского правительства.

Миллер.

Секретная телеграмма диплом. агента в Монголии от 10 ноября (28 октября) 1913 г. № 291.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 290. Телеграфирую в Пекин:

Приказав отозвать свои войска и прекратить военные действия, хутухта просит, чтобы китайцы не причиняли внутренним монголам никаких беспокойств и мучений.

Миллер.

Секретная телеграмма диплом. агента в Монголии от 10 ноября (28 октября) 1913 г. № 293.

Получил ваш № 3034 [1]).

Ссылаясь на приказ хутухты о прекращении военных действий, монгольское правительство усердно ходатайствует спешно разрешить

[1]) В секр. тел. Нератова от 7 ноября (25 октября) 1913 г., за № 3034, на имя Миллера сообщалось, что русское м-во ин. дел не может сочувственно отнестись к намерению монгольского прав-ва приобрести новую крупную партию оружия, что после подписания соглашения с Китаем о Монголии нападающей стороной являются монголы, выданная же последним ранее 2-миллионная ссуда расходуется ими на «безумную авантюру» во Внутренней Монголии.

от устить из Монгольской бригады 200 000 патронов для надобностей внутри страны. Часть их необходимо послать отзываемым на границы отрядам, чтобы они, оставшись ныне без патронов, не взбунтовались и не перешли на сторону китайцев; другую, большую часть, необходимо оставить в ургинском арсенале, дабы внутренние враги знали, что у монгольского правительства имеются боевые припасы, и не причинили каких-либо неприятностей. Министр иностранных дел, передавая мне это ходатайство, дал самые искренние заверения, что просимые патроны ни на какие военные действия во Внутренней Монголии, ввиду прекращения таковых, употреблены не будут. Зная, что у монголов действительно нет патронов, поддерживаю это ходатайство. Со стороны полковника Надежного препятствий нет.

Миллер.

Секретная телеграмма диплом. агента в Монголии от 13 ноября (31 октября) 1913 г. № 296.

Телеграфирую в Пекин.

Монгольское правительство сообщило мне, что после отправления гонца в южный отряд Тушету-вана с приказом хутухты прекратить военные действия и отозвать отряды, прибыл нарочный с донесением о движении Тушету-вана в сторону китайских войск вследствие известий о насилиях китайцев над монголами-туметами. Объяснив монголам, что подобные известия — хитрость китайцев, дабы обвинить монголов в новом нападении, предложил немедленно спешно командировать второго нарочного с подтверждением подчиниться приказу хутухты, что и исполнено.

Миллер.

Секретная телеграмма и. д. министра ин. дел посланнику в Пекине от 13 ноября (31 октября) 1913 г. № 3107.

Сообщается диплом. агенту в Урге.

Ссылаюсь на телеграмму Миллера № 291.

№ 1.

Ввиду указываемого в передаваемой вам за № 2 телеграмме Миллера факта массового истребления китайскими войсками населения Внутренней Монголии, считаем необходимым обратить серьезное внимание китайского правительства на недопустимость такого образа действий, который лишает нас возможности настаивать перед монгольским правительством, чтобы оно примирилось с ограничением его территории землями внешних монголов. Князья Внутренней Монголии неоднократно обращались к нам за защитою от китайцев. Мы отклоняли эти просьбы, но политика жестоких репрессий, если

Китай будет продолжать ее придерживаться, сделает затруднительным для нас относиться столь же равнодушно к таким ходатайствам. С другой стороны, репрессии во Внутренней Монголии не могут не питать воинственных стремлений внешних монголов и таким образом все более отодвигают наступление успокоения в Монголии, которое необходимо и для самого китайского правительства и для русской торговли в этой стране.

Так как Чжоудасский сейм входит в сферу японского влияния, то было бы желательно привлечь к представлениям по настоящему поводу японского посланника. Но, если бы он отказался присоединиться к вам, вы могли бы все же преподать китайскому правительству вышеизложенные советы, лишь относя их вообще ко всей Внутренней и Южной Монголии.

Нератов.

Секретная телеграмма диплом. агента в Монголии от 15(2) ноября 1913 г. № 303.

Получил № 3105. Телеграфирую Крупенскому:

Посетивших меня 28 октября министра иностранных дел и военного министра я доверительно ознакомил с состоявшимся обменом декларациями о Монголии, причем указал на предстоящие, вероятно, в Кяхте тройные переговоры. Напомнив им постоянные уверения императорского правительства о невозможности полного отделения Халхи от Китая и бесцельности не одобряемых нами попыток ургинского правительства присоединить Внутреннюю Монголию, а равно указав на необходимость для китайского правительства иметь в Монголии своих правительственных агентов для обслуживания многочисленных китайско-подданных, я обещал доверительно сообщить монгольским министрам подробности признания автономной Монголии в существующих границах. Монгольские министры сначала были, видимо, смущены, но затем успокоились надеждой на результаты тройных переговоров. Подробности сообщаю монголам сегодня или завтра. У них нет пока никаких сведений о состоявшемся соглашении по монгольскому вопросу.

Миллер.

Секретная телеграмма посланника в Пекине от 15(2) ноября 1913 г. № 733.

Получил телеграммы №№ 3102 [1]) и 3107.

Опасаюсь, что попытка привлечь японского посланника к моим представлениям китайскому правительству по поводу репрессий китайских войск во Внутренней Монголии может иметь весьма невы-

[1]) Тел. Нератова за № 3102 представляет собой передачу в Пекин телеграммы Миллера, № 290.

годные для нас последствия. Весьма вероятно, что, либо присоединившись ко мне, либо совсем отказавшись сделать это, Ямаза использовал бы мое выступление, чтобы внушить китайцам, что мы стараемся побудить японцев вмешаться в дела Внутренней Монголии, чего китайцы чрезвычайно боятся, что при этом мы имеем виды на Северную Манчжурию, но что японцы из дружбы к Китаю отклоняют наши предложения. Я уверен, что японцы ведут под рукой подобную игру, при всяком удобном случае убеждая китайцев, что с нашей стороны Китай всегда встретит враждебное к себе отношение и что единственным для него выходом является тесное сближение с Японией. Мне казалось бы поэтому весьма нежелательным дать почву для подобных происков, в особенности в настоящий момент, когда китайцы надеются, что им можно будет сблизиться с нами, дабы не подпасть под исключительное влияние властолюбивой Японии. Ввиду вышесказанного позволяю себе ходатайствовать, чтобы мне было разрешено сделать предписанное мне представление китайцам, не привлекая к ...[1]) японского посланника. На основании телеграмм Миллера №№ 290 и 291 я уже обратил внимание китайского правительства на образ действия китайских войск во Внутренней Монголии и убежден, что новые мои наставления по этому поводу окажут надлежащее воздействие, тем более, что я намерен не ограничиться заявлением министру иностранных дел и довести об этом чрез доверительное лицо до сведения самого президента. Жду указаний.

Крупенский.

Секретная телеграмма диплом. агента в Монголии от 16(3) ноября 1913 г. № 304.

Телеграфирую Крупенскому. Ссылаюсь на мой № 303.

Сегодня доверительно ознакомил монгольского министра иностранных дел с декларацией и нотами, обмененными между Россией и Китаем о Монголии. Ханда-цинь-ван, несмотря на все мои доводы о номинальном характере китайского сюзеренитета, остался при своем мнении, что даже такая зависимость даст возможность китайцам вновь обратить Внешнюю Монголию в свою провинцию. Монголы предпочитают сюзеренитет России. При настоящем положении дела Ханда-цинь-ван не видит необходимости в участии монголов в тройных переговорах. Он уехал от меня крайне взволнованным, причем сказал, что в виде протеста против китайского сюзеренитета монгольские отряды не будут отозваны. Указав на сообщенный мне им же письменный указ хутухты об отозвании отрядов, я счел долгом предостеречь в его лице монгольское правительство от неосторожных действий.

Миллер.

---

[1]) В подлиннике пропуск.

Секретная телеграмма министра ин. дел посланнику в Пекине от 18(5) ноября 1913 г. № 3143.

Телеграмма № 733 получена.

Ввиду высказываемых вами опасений, не встречаем препятствий, чтобы вы сделали, независимо от японского посланника и не предупреждая его о том, представления китайскому правительству относительно образа действия его войск во Внутренней Монголии, придав оказанным представлениям общую форму, о которой упоминается в заключительной части нашей телеграммы № 3107.

Благоволите при этом обратить особенное внимание китайского правительства на сведения о военных приготовлениях в Цицикаре, видимо, направленных против Барги, о которых сообщает Афанасьев в телеграмме № 2456 [1]). Мы не включили Баргу в автономную Монголию и в принципе согласны на восстановление в этой области суверенитета Китая. Но это должно произойти путем мирных переговоров, в которых мы могли бы взять на себя роль посредников. Подчинение же Барги Китаю вооруженною силою слишком затронуло бы русские интересы, чтобы мы могли отнестись к нему безучастно.

Имейте в виду, что мы не оставили мысли связать восстановление китайской власти в Барге с вопросом о китайских вооружениях в Северной Манчжурии.

Сазонов.

Секретная телеграмма посланника в Пекине от 18(5) ноября 1913 г. № 742.

Получил телеграмму от 5 ноября [2]).

Сделал министру иностранных дел представление в указанном смысле. Он обещал мне, что командирам китайских войск во Внутренней и Южной Монголии будут тотчас же посланы приказания строго воздерживаться от всяких репрессивных мер по отношению к мирному монгольскому населению и что после опубликования текста монгольского соглашения будет издан президентский декрет, предписывающий всем китайским властям оказывать мирным жителям Внутренней Монголии всевозможное содействие и покровительство. Вместе с тем министр сообщил мне о появлении близ Губихуанчена значительного количества войск ургинского правительства и снова просил нашего содействия к отозванию таковых. На мое заявление по поводу военных приготовлений в Цицикаре министр ответил, что об экспедиции против Барги нет никакой речи, китайское правительство желает там восстановления своей власти путем мирных переговоров и что оно было

[1]) С. В. Афанасьев — русский консул в Цицикаре.

[2]) № 3143.

бы нам очень благодарно за посредничество в этом вопросе. Министр высказал однако при этом мнение, что Китай не может отказаться от права иметь в Барге своих чиновников и содержать там свои войска. На дальнейший его вопрос, каким образом и на каких основаниях мы предполагали бы приступить к переговорам по баргинскому вопросу, я ответил, что не имею по этому поводу инструкций императорского правительства.

Крупенский.

Секретная телеграмма тов. министра ин. дел посланнику в Пекине от 19(6) ноября 1913 г. № 3152.

Сообщаю эту телеграмму нашему представителю в Урге.

За последнее время из Внутреннего Китая караванным путем через Калган в Ургу ввезены иностранные товары русскими купцами, которые, повидимому, пользовались билетами, выданными консульством в Тяньцзине. Этим нанесен ущерб московским купцам, отправившим в Монголию русские товары.

Если с вашей стороны нет возражений, благоволите спешно по телеграфу предписать консулам в Тяньцзине и прочих подлежащих пунктах прекратить выдачу предусмотренных в 10 статье сухопутных правил 1881 г. билетов. Такое распоряжение могло бы быть мотивировано фактом создания, в силу декларации 23 октября, автономной Монголии, по отношению которой порядок транзита товаров еще не определен договорами.

Благоволите также телеграфировать, имеете ли вы в виду какие-либо иные меры для затруднения подвоза в Монголию товаров из Китая.

Нератов.

Секретная телеграмма диплом. агента в Монголии от 20(7) ноября 1913 г. № 310.

Копия Крупенскому.

Ссылаюсь на телеграмму № 304.

Настроение монгольских министров улучшилось. Министр иностранных дел просит письменной гарантии в том, что китайское правительство не будет чинить насилий над внутренними монголами, чахарами и туметами. Я указал ему на тройные переговоры, как на лучший способ достичь соглашения с Китаем по этому и по целому ряду других вопросов. Ханда-ван сообщил, что главным делегатом на эти

переговоры будет назначен Сайн-ноин, его помощником Цэрэн-дорчжи. Министр финансов и хошунные князья не скрывают своей радости по случаю окончания военных действий, истощивших монгольскую казну и страну.

Миллер.

Секретная телеграмма и. д. министра ин. дел диплом. агенту в Монголии от 21(8) ноября 1913 г. № 3179.

Стремясь затруднить доступ в Монголию иностранным товарам из Китая, мы предложили консулам в этой стране прекратить выдачу билетов на провоз товаров караванным путем через Калган, мотивируя это распоряжение фактом создания в силу декларации 23 октября автономной Монголии, относительно которой порядок транзита товаров еще не установлен.

Благоволите телеграфировать, удалось ли вам осуществить предположение, чтобы ввозимые русскими купцами из Китая товары облагались в Монголии пошлинами, а равно, какие иные меры могли бы быть приняты, чтобы затруднить подвоз в Монголию товаров калганским и хайларским путями.

Нератов.

Депеша диплом. агента в Монголии от 21(8) ноября 1913 г. № 312.

В связи с русско-китайской декларацией о Монголии 23 октября 1913 года возникает вопрос, каким образом ургинское правительство будет ведать внутренним строем автономной Внешней Монголии и поддерживать в ее пределах авторитет своей власти.

На реформы внутреннего управления страны и на его поддерживание, равно как и на содержание хотя бы небольшой, но хорошо организованной и дисциплинированной военной части необходимы деньги, которых у монгольского правительства в настоящее время нет.

Бесцельная и дорого стоющая наступательная политика ургинских властей истощила страну. Все чаще приходится слышать жалобы на обнищание целых хошунов.

Несмотря на свое пренебрежительное после переворота отношение к китайцам и на сознание всего вреда экономической от них зависимости, не только монгольские министры, но и хошунные князья и дворяне не переставали кредитоваться у китайских купцов и фирм, легкомысленно не думая не только о дне расплаты, но питая даже уверенность, что такового вовсе не будет, так как Монголия отделилась от Китая и тем как бы ликвидировала все свои прежние денежные счеты с этим государством.

Одному ургинскому отделению Дайцинского банка монгольское правительство состоит должным вместе с процентами около 1 500 000 рублей. На свои просьбы об урегулировании этого долга управляющий вышеупомянутым отделением получил ответ: раз китайцы свергнули дайцинскую династию, то монгольское правительство считает счеты свои с Дайцинским банком оконченными.

Кроме того целый ряд пекинских фирм имеет получить со своих монгольских должников: князей, чиновников и простолюдинов несколько сот тысяч рублей. Китайские фирмы намерены предъявить к монгольскому правительству требования об убытках, причиненных действиями монгольских отрядов не только во Внутренней Монголии, но и в Кобдо.

Не может быть сомнения, что с прибытием в Ургу агента китайского правительства упомянутые денежные требования приобретут настойчивый характер, и затруднительное положение, в которое будет поставлено этими требованиями монгольское правительство, осложнится еще недовольством чиновников, служащих и солдат вследствие нецолучения жалованья из скудной средствами, а временами совершенно пустующей монгольской казны.

С появлением в Урге китайского правительственного агента прекратятся, вероятно, доходы монгольского правительства от взимания с китайских товаров таможенных пошлин и от обложения китайско-подданых разными сборами и налогами — всего на сумму около 1 000 000 рублей в год. Винить в этом монголы будут, конечно, Россию, признавшую сюзеренитет Китая над Монголией.

Вслед за китайским правительственным агентом в Ургe, наверное, появятся под китайским флагом или самостоятельно разные китайские, японские, американские и германские предприниматели с заманчивыми предложениями денежных ссуд на кажущихся легких условиях. Невозможно будет тогда удержать монголов от всякого рода сделок и соглашений, в результате которых вся Внешняя Монголия очутится в полной экономической, а следовательно и политической зависимости от китайцев и иностранцев.

Нельзя будет рассчитывать и на ассигнование монгольским правительством средств на содержание Монгольской бригады под командою русских офицеров, численный состав коей, ввиду предстоящего, согласно ст. 3-й декларации, ухода из монгольских пределов наших войск, желательно было бы увеличить в целях поддержания авторитета власти не окрепшего еще монгольского правительства.

Ввиду доложенных соображений, казалось бы желательным, с точки зрения наших интересов в Монголии, выдать монгольскому правительству новую ссуду в 3 000 000 рублей, о коей оно уже хода-

тайствовало, и ускорить открытие в Урге Монгольского Национального банка, который вместе с предположенным русским финансовым советником помог бы монголам бороться против экономического засилия китайцев и иностранцев.

Часть вышеупомянутой ссуды должна быть удержана на дальнейшее содержание Монгольской бригады в увеличенном составе.

Страх перед этим китайским засильем начинает появляться у монголов. Ко мне уже обращались военный министр Далай-ван и владетельная княгиня Дархан-хошей-цинь-ванского хошуна с настоятельными просьбами о ссуде 200 000 руб. для расплаты с китайскими кредиторами.

Своевременная денежная помощь с нашей стороны именно в настоящее время, разрушив убеждение монголов в том, что декларацией 23 октября с. г. Россия как бы отказалась от Внешней Монголии, признав над ней сюзеренитет Китая, укрепит их доверие к нам.

А. Миллер.

Секретная телеграмма диплом. агента в Монголии от 25(12) ноября 1913 г. № 321.

Телеграфирую Крупенскому:

Монгольское правительство просит меня официально довести до сведения императорского правительства о своем желании участвовать в тройных переговорах. Имена своих делегатов монгольское правительство сообщит по получении уведомления о времени начала упомянутых переговоров. Оно вновь ходатайствует о воздействии нашем на китайское правительство в смысле прекращения военных действий и отозвания войск. Приказ об этом хутухты послан монгольским отрядам. Посетившие меня министр иностранных дел, военный министр и приближенный его святейшества Ширин-Дамдин снова просят об отпуске за деньги миллиона трехлинейных патронов, причем заверяют, что ни на какие экспедиции вне Халхи они употреблены не будут, так как патроны необходимы внутри страны. До получения означенных патронов ходатайствую об отпуске из Монгольской бригады 200 000 патронов.

Миллер.

Телеграмма диплом. агента в Монголии от 26(13) ноября 1913 г. № 2767.

Телеграмма № 31790 [1]) получена.

Мое предположение относительно ввозимых русскими и китайцами из Китая товаров применил один раз, так как их китайские

[1]) Ошибка в литографской копии, по которой воспроизводится данный текст, следует: «3179».

компанионы беспрекословно платили монгольские таможни и пошлины. В акте же одного контракта крупной русской фирмы с китайской фирмой по ввозу в Улясутай иностранных и китайских товаров категорически отказал. Чтобы затруднить подвоз в Монголию товаров со станции Манчжурия хайларским и калганским путями совместно с агентом министерства торговли и промышленности полагали бы полезными следующие меры:

1. Применять мое предложение даже в том случае, когда владельцы ввозимых упомянутыми путями иностранных товаров объявляют себя русско-подданными без участия китайских купцов.

2. Принять меры к скорейшему провозу скопившихся в Верхнеудинске и по дороге оттуда в Кяхту русских товаров, предназначенных для Монголии. Для этого необходимо немедленно распространить действие льготных тарифов и на товары, следующие в Монголию на вольных ямщиках до Кяхты, помимо товарищества Забайкальского пароходства и Кяхтинской городской станции. Грузы эти надлежит предъявлять в Кяхтинской таможне вместе с железнодорожной накладной, согласно которой таможня по досмотру и проверке груза выдает свидетельство о провозе груза в Монголию. Свидетельство это вместе с железнодорожной накладной служит документом для пользования льготным тарифом, так же как и таможенная зачетная квитанция. Скоплением грузов между Верхнеудинском и Кяхтой пользуются наши и китайские купцы для ввоза китайских и иностранных товаров вышеупомянутыми путями в Ургу. Вследствие скопления грузов гужевая провозная плата через Кяхту в Ургу значительно повысилась. Телеграммы о том же посланы министру торговли и промышленности и заинтересованным в привлечении на монгольский рынок русским фирмам.

Миллер.

Депеша диплом. агента в Монголии от 2 декабря (18 ноября) 1913 г. № 333.

В дополнение к секретному донесению моему от 8 ноября с. г., за № 312, имею честь представить при сем на благовоззрение вашего высокопревосходительства копию с секретного отношения на мое имя состоящего при вверенном мне генеральном консульстве агента министерства торговли и промышленности от 8 ноября с. г., за № 317, о задолженности монгольских князей бывшему Дайцинскому банку в Урге и Улясутае.

По исчислению г. Болобана, задолженность монголов названному китайскому банку достигает 1 000 000 рублей без процентов. С последними же монгольские долги составят сумму около 1 500 000 рублей.

Среди крупных должников находятся его святейшество хутухта и его два главных министра: Ханда-цинь-ван и Сайн-ноин-хан. Остальные монгольские министры и большинство хошунных князей фигурируют среди менее крупных должников вышеупомянутого китайского банка.

Недовольство монгольского министра иностранных дел признанием Россией китайского сюзеренитета над Внешней Монголией в значительной мере объясняется, по имеющимся у меня сведениям, уверенностью Ханда-цинь-вана в том, что полное отделение от Китая означало и прекращение платежей по китайским долговым обязательствам.

Трудно предположить, чтобы китайское правительство потребовало немедленную уплату всех монгольских долгов сразу, но можно быть уверенным, что оно, настаивая на частичной выплате прежних долгов, предоставит китайскому банку начислять проценты на остатки долгов и выдавать новые ссуды, дабы окончательно запутать монголов и иметь постоянный предлог для вмешательства в монгольские дела на экономической почве.

К сему считаю долгом присовокупить, что копия с настоящего донесения вместе с приложением представляется мною г. императорскому посланнику в Пекине.

А. Миллер.

Приложение к № 333.

Копия с отношения агента министерства торговли и промышленности в Монголии на имя императорского дипломатического агента и генерального консула в Монголии от 21 (8) ноября 1913 г. за № 317.

Имею честь сообщить вашему превосходительству, что общая задолженность монгольских князей бывшему Дайцинскому банку в Урге и бывшему его отделению в Улясутае достигает 688 000 купинских лан, или около 1 000 000 рублей. Сроки уплаты 1910—1911 и 1912 гг., но из этой суммы едва ли уплачена одна четверть. Банк до сих пор получает долги.

Наиболее крупными должниками банку являются: 1) Тушетуханский аймак — 148 212 купинских лан, 2) Шандцзодбе, управляющий всеми шаби и имуществом богдохана — 138 100 купинских лан; 3) Ханда-цинь-ван, нынешний министр иностранных дел — 39 627 купинских лан и 4) Сайн-ноин-хан — 33 061 купинских лан. Подробные донесения об этом мною на-днях отправлены в отдел торговли министерства торговли и промышленности, а также, согласно инструкции, в общую канцелярию министра финансов.

Верно:

Секретарь генерального консульства: Ал. Хионин.

Депеша диплом. агента в Монголии от 2 декабря (19 ноября) 1913 г. № 336.

Заявление наше китайскому правительству от 30 июня было своевременно сообщено мною монгольскому правительству с должными разъяснениями истинного значения руководящих начал, положенных в основу русско-китайских переговоров по монгольскому вопросу (секретная телеграмма от 6 июля и донесения от 9 и 27 июля с. г. за №№ 105, 106 [1]) и 132 [2]).

Несмотря на это и на мои устные заверения, что Внешняя Монголия никоим образом не может рассчитывать сразу сделаться из китайской провинции полноправным, самостоятельным государством, причем приводил в пример балканские государства, монгольские министры тем не менее упрямо питали утопическую надежду на «полное отделение от Китая» и на присоединение к себе Внутренней Монголии. Они упорно приводили одни и те же доводы: со свержением манчжурской династии все монголы сделались самостоятельными и никогда не признают над собою власти китайцев, бывших в таком же подчинении у манчжуров, как и монголы. Раз монголы вышли из подчинения манчжуров, то они, монголы, имеют право образовать свое самостоятельное монгольское государство, со включением Внешней и Внутренней Монголии, подобно тому, как китайцы образовали свою республику под главенством Юаньшикая.

Большие надежды на проведение этих наивных мудрствований в жизнь монгольское правительство возлагало на миссию Сайн-ноин-хана.

Получив указания о воздействии на монгольское правительство в смысле прекращения военных действий и отозвания их отрядов в пределы Халхи, я немедленно же вошел в переговоры об этом с ургинскими властями, причем доверительно сообщил посетившим меня 28 октября с. г. министрам иностранных дел и военному о состоявшемся обмене декларациями по монгольскому вопросу. С подробностями я их однако не ознакомил, ограничившись повторением моих прежних соображений в вышеизложенном духе.

Монгольские министры не придали последним никакого значения в надежде, что их просьбы о полном отделении от Китая и присоединении к Халхе Внутренней Монголии будут исполнены.

---

[1]) В депеше от 9/VII 1913 г. № 106 Миллер сообщал о том, что он передал монгольскому прав-ву текст заявления от 30 июня, сделанного росс-м прав-вом, Китаю, причем Да-Лама возражал против невключения в понятие автономной Монголии территории так называемой Внутренней Монголии, а также против признания Россией сюзеренитета Китая над Монголией.

[2]) При донесении от 27/VII 1913 г. № 132 Миллер препровождал перевод ноты монгольского министра ин. дел от 14/VII 1913 г. и копию своего ответа от 21/VII на эту ноту.

Поэтому в тот же день, 28 октября, мною было получено письменное сообщение министра иностранных дел о состоявшемся указе хутухты об отозвании монгольских отрядов, в переводе на русский язык при сем представляемое [1]).

Подписав 1 ноября с Ханда-цинь-ваном дополнительное соглашение с монгольским правительством о понижении телеграфной таксы и получив ноту монгольского министерства иностранных дел от 2 ноября с. г. по вопросу об отозвании монгольских отрядов, я того же числа доверительно ознакомил Ханда-цинь-вана с подробностями признания Россией и Китаем автономии Внешней Монголии (моя секр. телеграмма от 2 ноября с. г. за № 304).

Несмотря на то, что, как ваше высокопревосходительство изволите усмотреть из вышедоложенного, монголы были в достаточной мере подготовлены к результатам наших переговоров с Китаем, мое сообщение произвело на Ханда-цинь-вана удручающее впечатление. Я в первый раз видел монгольского министра иностранных дел в таком взволнованном состоянии.

Результатом последнего была нота монгольского правительства от 4 ноября с. г. о том, что «решение» двух правительств подчинить Внешнюю Монголию сюзеренитету Китая ни в коем случае не может быть принято монгольским правительством, так как оно не согласуется с общими законами и состоялось по непосредственному соглашению двух сторон.

Я ничего не ответил на эту ноту в ожидании получения разрешения сообщить монгольскому правительству декларацию и ноту о Монголии, по опубликовании этих документов (моя секрет. телеграмма от 15 ноября с. г. за № 324) [2]).

Представляя 7 ноября с. г. монгольским министрам вернувшегося из своей продолжительной поездки по Монголии агента министерства торговли и промышленности, я заметил значительное улучшение как в настроении Ханда-цинь-вана, так и других его коллег. Министр же финансов не скрывал своей радости по случаю окончания военных действий, опустошивших монгольскую казну без какой-либо видимой пользы.

В отношении монголов к русским со 2 ноября с. г., по моим данным, не только не наступило какого-либо ухудшения, а скорее замечается улучшение. Хошунные князья и масса населения пока сдержанно выражают одобрение соглашению между Россией и Китаем

---

[1]) Этот документ нами здесь опускается.

[2]) Секр. тел., № 324 Миллер запрашивал, опубликована ли декларация и нота о Монголии от 23/X 1913 г. и может ли он сообщить их монгольскому правительству.

«в пять статей», благодаря которому они не будут больше давать ни солдат, ни денег на какие-то военные экспедиции.

Настроение это, безусловно нам благоприятное, хорошо известно ургинским властям. Итти против общественного мнения монгольское правительство не решается из опасения внутренних осложнений. Это опасение и заставляет монгольских министров настойчиво ходатайствовать об отпуске в счет обещанных 4 000 винтовок и 2 000 [sic!] патронов — лишь 1 000 000 патронов, дабы население видело, что у правительства имеется запас боевых припасов. Прося об отпуске этих патронов, монгольские министры всячески заверяют меня, что таковые необходимы внутри, против возможных внутренних врагов, и ни на какие внешние военные операции употреблены не будут.

Ханда-цинь-ван в минуту первого раздражения сказал мне о бесполезности участия монголов в тройных переговорах в виду признания над Халхой китайского сюзеренитета. Успокоившись, он, конечно, заменил свое первоначальное опрометчивое мнение и вместе с военным министром Далай-ваном и делегатом его святейшества хутухты Ширин-Дамдином просил меня официально довести до сведения императорского правительства о желании монгольского правительства участвовать в тройных переговорах (моя секрет. телеграмма от 12 ноября с. г. за № 321). Я напомнил им, что о своем желании принять участие в тройных переговорах монгольское правительство письменно уведомило меня нотою от 30 августа с. г. (12 числа средней осенней луны 3 года правления Олаина Эргукдэксэн), о чем я не преминул тогда же довести до сведения императорского правительства (мои секрет. донесения от 6 и 9 сентября за №№ 216 и 218) [1]).

На вопрос Ханда-цинь-вана, можно ли во время тройных переговоров возбуждать вопросы, кои монгольское правительство сочтет нужными, я ответил, что в основу тройных переговоров, очевидно, положены начала, изложенные в декларации и ноте. При этом я посоветовал монгольскому министру иностранных дел выработать программу всех важных для монгольского правительства вопросов, не выходящих за пределы вышеупомянутых документов. Я выразил готовность помочь ему в этом деле.

В отношении монголов к китайцам, уже осведомленным о состоявшемся между Россией и Китаем обмене декларацией и нот о Монголии, никакой перемены сравнительно с прежним не заметно.

---

[1]) При донесении от 9/IX 1913 г. за № 218 Миллер препровождал в мин-во ин. дел копии своей ноты монгольскому прав-ву от 29/VIII и двух монгольских нот от 29 и 30 августа.

В общем, местная жизнь протекает пока вполне спокойно.

Донося вашему высокопревосходительству об изложенном, имею честь присовокупить, что копия с настоящего донесения представляется г. императорскому посланнику в Пекине.

А. Миллер.

Проект всеподданнейшей записки [1]).

Глава прибывшего чрезвычайного монгольского посольства князь Сайн-ноин доставил мне переводы собственноручного письма ургинского хутухты на высочайшее имя, а равно грамот хутухты на орден Чингис-хана, подносимый вашему императорскому величеству, и орден Рачира, подносимый наследнику цесаревичу.

Повергая эти переводы на всемилостивейшее благовоззрение, приемлю смелость доложить нижеследующее:

Князь Сайн-нойн был ознакомлен с содержанием декларации о Монголии, подписанной посланником в Пекине 23 октября сего года. Узнав о том, что в силу этого акта Внутренняя Монголия не включена в пределы автономного Монгольского государства, князь Сайн-ноин заметил, что в виду этого факта само собою отпадает изложенная в заключительной части письма хутухты просьба о снабжении монгольского правительства оружием для борьбы с китайцами во Внутренней Монголии.

Проект письма министра ин. дел министру финансов Коковцову [2]).

Секретно.

Милостивый государь
Владимир Николаевич.

Прибывший в С.-Петербург монгольский первый министр Сайн-ноин-хан является в настоящее время наиболее влиятельным монгольским сановником, что объясняется как его родовитостью, так и личными качествами ума и занимаемым им в составе монгольского правительства положением. Сайн-ноин не считался сторонником России во времена, предшествовавшие провозглашению независимости Монголии. Однако, вызванный в Ургу, чтобы стать во главе управления страною, он проявил много предупредительности по отношению русских интересов. Все существенные вопросы, которые нам удалось уладить в Урге за последнее время, были решены при его влиянии. Этому человеку

[1]) Проект записки не датирован. Из Петербурга 12 ноября монгольское посольство выехало в Ливадию.

[2]) На полях имеется приписка: «Отправлено В. Н. Коковцову в субботу 23 ноября за летучим номером 98361 самим Григ. Ал. Козаковым».

чужда недоверчивость крайних шовинистов, в роде монгольского министра внутренних дел Да-Ламы, и искание личных выгод, которым руководствуются многие сторонники китайцев в Монголии.

Мы считали поэтому необходимым воспользоваться пребыванием Сайн-ноин-хана в Петербурге, чтобы окончательно привлечь его на нашу сторону и иметь в нем опору для нашей деятельности в Монголии.

Как вашему высокопревосходительству известно, миссия Сайн-ноина имеет целью заручиться нашей помощью монгольскому правительству в тех двух отношениях, которые особенно составляют его слабость, т. е. в финансовом и военном. Стремясь по возможности объединить под властью хутухты все монгольские племена, ургинское правительство послало свои войска во Внутреннюю и Южную Монголию. Легкие победы над слабыми китайскими отрядами питали его надежды на окончательный успех этого предприятия. Для этой войны ему было нужно оружие, и оно настойчиво ходатайствовало о снабжении монголов винтовками и артиллерией. Само собою разумеется, что мы не могли безусловно сочувствовать этому монгольскому империализму и ограничивались выдачею монголам небольших партий оружия, дабы, не давая ему поводов винить нас в нежелании поддержать монгольское дело, вместе с тем не допустить его до таких действий, которые, в конечном результате, должны были привести к полному разгрому Монголии китайцами, неизмеримо сильнейшими монголов. С подписанием декларации 23 октября, мы менее чем когда-либо можем поддерживать территориальные замыслы монголов. Нам приходится направить свои усилия в сторону возможно скорой ликвидации монголо-китайской борьбы, и при таких условиях, очевидно, не может быть речи о выдаче монгольскому правительству тех крупных партий оружия, которые ему желательны.

Между тем, как я имел честь выше упомянуть, поддержать Сайн-ноина, не отпустить его домой с пустыми руками, в высшей степени важно с точки зрения нашего общего положения в Монголии. И потому нам приходится подумать о том, чтобы удовлетворить второе его ходатайство, —о денежной ссуде. Иначе его ждут по возвращении в Ургу обвинения в неуспехе взятой им на себя миссии, падение его авторитета и — вероятное нежелание с его стороны служить нашим видам и интересам.

Выданная нами монголам двухмиллионная ссуда почти целиком использована монгольским правительством. Около четверти этой суммы пришлось резервировать на содержание бригады, образованной в Монголии под начальством наших инструкторов и служащей в значительной степени нашим политическим целям. Остальное разошлось на текущие нужды монгольского правительства и на покупку оружия, в котором было трудно отказать ему, так как мы требовали от монголов

участия в обороне их территории от угрожавшего ей нашествия китайцев. В настоящее время монгольская казна попрежнему пуста и не располагает средствами, чтобы начать организацию управления страною, для каковой работы единственным способным человеком в Монголии является, повидимому, все тот же Сайн-ноин.

При таких условиях, как в интересах монголов, так и в наших собственных интересах, приходится признать необходимою новую ссуду монгольскому правительству в размере двух или трех миллионов рублей. Конечно, ссуду эту ныне можно и должно обставить условиями, которые более надежным образом гарантировали бы ее производительное использование. Мне представлялось бы необходимым обусловить выдачу сказанной ссуды установлением нормальных отношений Монголии к Китаю и приглашением на монгольскую службу русского советника, контракт которого с достаточною ясностью определял бы его роль — лица, услугами которого монгольское правительство должно воспользоваться, чтобы приступить к организации правильной податной системы в Монголии.

Быть может, ваше высокопревосходительство сочтете нужным поставить какие-либо иные условия при выдаче новой ссуды монголам. Но самая выдача ее, мне кажется, должна быть признана в принципе необходимою как для того, чтобы дать монгольскому правительству возможность привести в порядок свое хозяйство и мочь обходиться без дальнейших русских ссуд, так и для поддержания положения Сайн-ноин-хана, содействие которого для нас крайне важно.

Секретная телеграмма тов. министра ин. дел диплом. агенту в Монголии от 9 декабря (26 ноября) 1913 г. № 3326.

Китайский посланник, повторяя просьбу своего правительства побудить монголов прекратить военные действия против китайцев, указал на присутствие русских подданных в рядах монгольских войск и просил принять меры к их отозванию.

Мы ответили, что в рядах монголов, насколько нам известно, действительно сражаются некоторые русские авантюристы. Они действуют на свой страх и риск, и мы лишены возможности распорядиться их возвращением.

Если вы имеете к тому возможность, благоволите, предупредив о том монгольское цравительство, посоветовать сражающимся в монгольских рядах русским прекратить эту деятельность.

Нератов.

Секретная телеграмма министра ин. дел посланнику в Пекине от 13 декабря (30 ноября) 1913 г. № 3358.

Сообщается дипломатическому агенту в Монголии.

Вторая статья Ургинского протокола закрепляет за русскими подданными право беспошлинно ввозить в Монголию всякого рода товары. Мы считаем наиболее выгодным для нас толковать это постановление в том смысле, что беспошлинный ввоз в Монголию установлен по русско-монгольской границе. В остальных частях монгольской границы мы предполагаем требовать для русской торговли лишь равного с другими благоприятствования.

Министр торговли желал бы, чтобы в будущем русско-китайско-монгольском договоре было установлено право монгольского правительства облагать пошлинами ввоз из Китая, при сохранении беспошлинного ввоза из России. Такая постановка, несомненно, соответствовала бы выгодам русской торговли с Монголиею. Но является вопрос, согласится ли на это китайское правительство, и не вызовет ли это протестов держав, имея особенно в виду заявление в рейхстаге германского министра иностранных дел, что Германия признает наши основанные на договорах с Китаем права лишь поскольку они не противоречат основному принципу равноправия.

Благоволите телеграфировать ваше заключение по вышеизложенному предмету.

Сазонов.

Письмо чрезвычайного монгольского посланника, председателя совета министров Монголии министру ин. дел Сазонову от 16(3) декабря 1913 г.

Перевод.

Уведомляя вас, почтенный министр, что монгольское правительство, идя навстречу желаниям России и Китая разрешить монгольский вопрос путем тройных переговоров и стремясь прекратить войну, вредную и для Китая и для Монголии, приказало остановить военные действия и отозвало свои войска с занятых позиций, — имею честь обратиться через ваше высокопревосходительство к российскому императорскому правительству с просьбой не отказать в сообщении китайскому правительству об изложенном выше и дипломатическим путем убедить его немедленно отозвать свои войска, действующие в пределах наших единоплеменников внутренних монголов, и тем облегчить мирные переговоры.

Прося удовлетворить, если найдете возможным, настоящую просьбу, свидетельствую свое искреннее уважение и чувство глубокой преданности к вам.

Чрезвычайный монгольский посланник, председатель совета министров Сайн-ноин-хан Намнан-Сурун.

Многими возведенного 3 год, зимнего среднего месяца 18 дня. 1913 года 3 декабря.

Письмо чрезвычайного монгольского посланника, председателя совета министров Монголии министру ин. дел Сазонову от 16(3) декабря 1913 г.

Перевод.

Его высокопревосходительству
господину министру иностранных дел великой России.

Я имел честь ознакомиться с содержанием переданной мне вашим высокопревосходительством 7 ноября сего года декларации, заключенной между российским императорским правительством и правительством Китайской республики относительно Монголии, а равно с содержанием нот, которыми обменялись при подписании декларации представители обоих правительств.

По поводу упомянутых декларации и нот я снесся с своим правительством, и теперь, согласно инструкции, полученной мною из Урги 25 ноября от моего повелителя Богдо-Эцзена и его правительства, считаю долгом сообщить вашему высокопревосходительству, что Монголия глубоко благодарна России за все то, что она сделала и делает для укрепления основ самостоятельного существования нашего Монгольского государства.

После внимательного ознакомления с содержанием декларации и нот, монгольское правительство убедилось, что за монголами обеспечены и признаны Россией и Китаем существующий ныне государственный строй и независимость во всех областях внутреннего управления, в делах, касающихся торгово-промышленных, железнодорожных, телеграфных и финансово-экономических вопросов, а равно в дружественных взаимных сношениях с другими державами.

В том, что Китай и Россия обязуются не вмешиваться в указанные дела, не будут посылать и держать войска, не будут содержать никаких военных и гражданских властей в Монголии и будут воздерживаться от всякой колонизации нашей страны, монгольское правительство усматривает дружественную и верную гарантию вполне самостоятельного политического существования Монгольского государства.

Вместе с тем однако монгольское правительство считает долгом напомнить то, о чем оно неоднократно предупреждало Россию и Китай,

а именно, что Монголия окончательно порвала связь с Китаем и что она не признает какой-либо зависимости, устанавливаемой помимо ее согласия. Поэтому монгольское правительство оставляет за собою право определить свое отношение к тем пунктам декларации и нот, где говорится о взаимоотношениях Монголии и Китая, и будет настаивать на признании за нами исконных монгольских земель и на таком определении границ Монгольского государства, чтобы в состав его были включены все присоединившиеся монголы.

Высоко ценя дружественное посредничество России и желая установить нормальные добрососедские отношения к Китаю, монгольское правительство изъявляет полную готовность принять участие в тройных переговорах, предусмотренных декларацией и нотами, и твердо надеется, что Россия во время этих переговоров окажет свою могущественную поддержку к тому, чтобы добровольно поддавшиеся нам области: Кулунбуирский округ, Чжеримский, Силингольский, Чжоудасский, Уланцабский и Иекецзоуский сеймы, чахары и все прочие вошли в состав Монгольского государства.

Вместе с тем имею честь сообщить вашему высокопревосходительству, что монгольское правительство, идя навстречу желаниям разрешить вопрос путем тройных дружественных переговоров и искренне желая окончания вредной для обеих сторон войны, дало приказ своим войскам прекратить военные действия против Китая и отозвало свои войска с позиций.

Доводя о сем до сведения вашего высокопревосходительства, имею честь просить доложить о всем изложенном великому белому царю-богатырю и его высокому правительству.

Пользуюсь настоящим случаем выразить вашему высокопревосходительству чувства глубокого моего уважения и совершенной преданности.

Чрезвычайный монгольский посланник, председатель совета министров [подпись].

Многими возведенного 3 год, среднего зимнего месяца 18 дня. 1913 года 3 декабря.

Депеша посла в Берлине от 17(4) декабря 1913 г. № 75.

В дополнение к секретной телеграмме моей от 26 ноября (9 декабря) с. г. за № 294 [1]) имею честь препроводить у сего в газетной

[1]) В секр. тел. от 26/XI 1913 г. № 294 Свербеев сообщал, что «на запрос в рейхстаге, сохранено ли после нашего последнего соглашения в Пекине принадлежащее Германии по договору с Китаем 1861 года право наибольшего благоприятствования, статс-секретарь ответил, что помянутый договор будет применяться во Внешней Монголии и после русско-китайского соглашения».

вырезке тексты запроса лидера национал-либеральной партии г. Бассермана и ответа на него статс-секретаря иностранного ведомства касательно влияния, которое может оказать наше последнее соглашение с Китаем о Монголии на принадлежащее Германии по торговому договору 1861 года право наибольшего благоприятствования.

По словам г. фон-Ягова, содержание нашего соглашения 23 октября с. г. известно берлинскому кабинету из донесений германских представителей в С.-Петербурге и Пекине. Официальной же нотификации этого соглашения не последовало ни со стороны русского, ни со стороны китайского правительств. Торговый договор с Германией 2 сентября 1861 г. и основанное на нем право наибольшего благоприятствования сохранило бы свою силу и в том случае, если бы сюзеренитет Китая над Внешней Монголией и не был столь определенно признан в последнем русско-китайском соглашении. Кроме того, — добавил г. Ягов, — германское правительство имело недавно случай высказать русскому правительству, что оно, придерживаясь принципа равноправия в Китае торговли и одинакового юридического положения подданных всех наций и защищая таковой принцип, не видит возможности предоставлять какие-либо специальные права в определенных частях Китая какой-либо одной державе. Однако берлинский кабинет готов, ввиду особого положения России как пограничной страны, признать за нею такие права, которые основываются на договорах или соглашениях ее с центральным китайским правительством, если эти договоры или соглашения будут официально сообщены германскому правительству и если вытекающие из них права не противоречат принципу равноправия.

Это заявление статс-секретаря было прочтено им по записке. Предшествуя непосредственно речи имперского канцлера о внешней политике, помянутый вопрос Бассермана и ответ г. Ягова не обратили на себя внимания рейхстага.

С. Свербеев.

Копия ноты, переданной чрезвычайным монгольским посланником китайскому посланнику в Петербурге 17(4) декабря 1913 г.

Перевод.

Его превосходительству господину посланнику Китайской республики при императорском русском дворе.

Русское правительство 7 ноября сего года ознакомило меня с содержанием декларации, заключенной между Россией и Китаем относительно Монголии, и нот, которыми обменялись при подписании декларации представители обоих высоких правительств. По сему случаю, по поручению правительства моего повелителя, имею честь уведомить вас,

почтенный посланник, что монгольское правительство, после ознакомления с содержанием упомянутой декларации и нот, с удовольствием убедилось, что Китаем и Россией обеспечены и признаны за монголами существующий ныне государственный строй и независимость во всех областях внутреннего управления, в делах, касающихся торгово-промышленных, железнодорожных, телеграфных и финансово-экономических вопросов, а равно, в связи с этим, в дружественных взаимных сношениях с другими державами. В том, что Россия и Китай отказываются вмешиваться в указанные дела, не будут посылать и держать войска, не будут содержать никаких военных и гражданских властей в Монголии и будут воздерживаться от всякой колонизации нашей страны, монгольское правительство усматривает верную и дружественную гарантию вполне самостоятельного политического существования Монгольского государства.

Вместе с тем однако монгольское правительство считает долгом напомнить, что оно неоднократно уже предупреждало как Китай, так и Россию, что Монголия окончательно порвала свою связь с Китаем и заявляла, что она не признает какой-либо зависимости, устанавливаемой помимо ее согласия. Потому монгольское правительство оставляет за собою право определить свое отношение к тем пунктам декларации и нот, где говорится о взаимоотношениях Монголии и Китая, и будет настаивать на признании за нами исконных монгольских земель и на таком определении границ Монгольского государства, чтобы в состав его были включены все присоединившиеся монголы.

Идя навстречу желаниям обоих высоких правительств установить нормальное добрососедское взаимоотношение трех государств, монгольское правительство выражает полную готовность принять участие в тройных переговорах.

При этом имею честь сообщить вашему превосходительству, что монгольское правительство, искренне желая окончания вредной для Китая и Монголии войны, дало приказ своим войскам прекратить военные действия и отозвало свои войска с позиций. Потому мы рассчитываем, что и китайское правительство отзовет свои войска из пределов родственной нам Внутренней Монголии.

О всем вышеизложенном прошу не отказать довести до сведения вашего высокого правительства.

Пользуюсь настоящим случаем, чтобы выразить вашему превосходительству чувства глубокого моего уважения к вам.

Чрезвычайный монгольский посланник, председатель совета министров Сайн-ноин-хан Намнан-Сурун.

Правления «Многими возведенного» 3 год, зимнего среднего месяца 19 дня (1913 года декабря 4 дня).

Письмо чрезвычайного монгольского посланника министру ин. дел Сазонову от 19(6) декабря 1913 г.

Весьма спешное.

Перевод.

Его высокопревосходительству
господину министру иностранных дел России.

3-го декабря сего года, согласно поручению нашего правительства, мы имеем честь сообщить вашему высокопревосходительству, что монгольское правительство, идя навстречу стремлениям России и Китая решить наш монгольский вопрос путем тройных мирных переговоров и желая остановить войну, вредную и для Китая и для Монголии, приказало своим войскам прекратить военные действия против Китая и возвратиться. Вместе с сим мы просили русское императорское правительство войти в дипломатические сношения с Китаем и добиться вывода китайских войск из родственной нам Внутренней Монголии и тем облегчить предстоящие тройные переговоры.

Но теперь от нашего правительства получена телеграмма, в которой говорится, что вслед за отозванием наших сил китайские войска открыли наступление, неожиданно появились в монастырь Дархан-Ула, в княжестве Абага-Давана, и в монастырь Бато-Халга, сожгли храмы и монастыри, перебили лам, разгромили все. Тем же ужасам подвергаются княжества: Барин, Сунит и Удзумчин и другие. По словам китайских властей, китайские отряды намерены, по возможности, добраться до ставки Иогудзари-Хамбо-ламы.

Монгольское правительство очень встревожено таким известием и не может спокойно смотреть, как китайские войска жестоко расправляются в княжествах и сеймах родственной нам Внутренней Монголии, добровольно присоединившихся к нам.

Сообщая об изложенном, имею честь просить вас, ваше высокопревосходительство, дружественности ради принять энергичные дипломатические шаги перед китайским правительством, дабы впредь, до решения всех вопросов путем тройных мирных переговоров, китайцы ни в коем случае не могли повторить своих нападений и вредительств среди одноплеменных нам внутренних монголов и чтобы китайские войска были выведены из Внутренней Монголии.

Того ради посылаем.

Чрезвычайный монгольский посланник Сайн-ноин-хан Намнан-Суруи.

Правления «Многими возведенного» 3 год, зимнего среднего месяца 21 дня. 6 декабря 1913 года.

Секретная телеграмма диплом. агента в Монголии от 20(7) декабря 1913 г. № . . .[1].

Ссылаюсь на мой № 354 [2].

Хутухта обратился ко мне с доверительной просьбою ссудить ему месяца на два 30 000 рублей. В виду желательности удовлетворить эту просьбу, ходатайствую о переводе в Троицкосавское отделение Русско-Азиатского банка на счет консульства последний взнос ссуды и остаток от 200 000 рублей, удержанный за оружие Монгольской бригады.

Миллер.

Секретная телеграмма министра ин. дел посланнику в Пекине от 23(10) декабря 1913 г. № 3453.

Сообщается дипломатическому агенту в Ургу.

Телеграмма № 800 [3] получена.

По сведениям Миллера, войска монгольского правительства уходят из Внутренней и Южной Монголии.

Между тем китайские войска занимают оставленные монголами местности и при этом совершают зверства: так, ими заняты и разгромлены монастыри Дархан-Ула и Бат-Халга. Уважаемый монголами Ганчжур-гэгэн замучен китайцами. При таких условиях настояния на прекращении военных действий во Внутренней Монголии должны быть обращены нами прежде всего к китайскому правительству.

Благоволите твердо объясниться в этом смысле с министром иностранных дел, указав ему, что занятие китайцами очищенных монголами пунктов, не говоря уже о совершаемых при этом зверских расправах, не могут создать того успокоения, которое необходимо для предположенных тройных переговоров. Мы не можем настаивать на удалении монгольских войск, когда их уход является сигналом для занятия очищенных ими местностей и для резни беззащитного населения.

Сазонов.

---

[1]) В литографской копии № отсутствует.

[2]) Тел. от 5/XII 1913 г. № 354 Миллер сообщал о том, что выдал монгольскому прав-ву, крайне нуждавшемуся в деньгах, 10 000 руб. в счет последнего взноса ссуды.

[3]) В тел. от 8/XII 1913 г. № 800 Крупенский передавал просьбу Юаньшикая побудить монгольское прав-во принять меры к прекращению чинимых монгольскими отрядами грабежей на территории Внутренней Монголии.

Секретная телеграмма министра ин. дел диплом. агенту в Монголии от 27(14) декабря 1913 г. № 3464.

Из объяснений с Сайн-ноином заключаем, что монгольское правительство не считает себя вправе взыскивать пошлины с товаров, ввозимых русскими из Китая и Манчжурии.

Благоволите разъяснить монгольскому правительству, что мы считаем беспошлинным только ввоз через русско-монгольскую границу и ничего не имеем против пошлинного обложения, хотя бы в увеличенном против нынешнего размере, товаров, ввозимых русскими в Монголию через границу с Китаем и Манчжурией, при условии, чтобы русские пользовались в этом случае наибольшим благоприятствованием.

Само собой разумеется, что решение вопроса о том, будут ли оставлены в силе пошлины с ввоза в Монголию из Китая и Манчжурии, будет зависеть от исхода тройных переговоров.

Сазонов.

Секретная телеграмма посланника в Пекине от 28(15) декабря 1913 г. № 803.

Получил № 3453.

Монголия. Мною неоднократно уже обращалось внимание китайского правительства на зверства, производимые китайскими войсками в Монголии. О казни Ганчжур-гэгэна президент узнал из сделанного ему мною специального представления. Он был тяжело поражен этим фактом и послал на место происшествия двух своих адъютантов для производства строгого расследования. Ныне я снова очень категорически объяснился с министром иностранных дел в предписанном вашим превосходительством смысле и передал через доверенное лицо памятную записку президенту. Министр обещал мне сделать президенту доклад о необходимости принятия мер в желаемом нами духе, но вместе с тем указал на недопустимое разбойничанье монгольских отрядов или шаек около Долон-нора и в других местах. Полагаю, что эти обвинения небезосновательны, так как секретный источник сообщает мне, что, согласно полученным здесь сведениям, монгольские предводители Гунчук-чжам и князь Удай вторгнулись в северную часть Чжеримского сейма, грабя и разоряя мирных жителей. — Я убежден, что китайское правительство искренно желает скорейшего умиротворения Внутренней Монголии, но ему трудно, особенно на таком расстоянии, успешно бороться с распущенностью китайских войск.

Сообщаю в Ургу.

Крупенский.

Секретная телеграмма министра ин. дел посланнику в Пекине от 29(16) декабря 1913 г. № 3478.

Телеграмма № 803 получена.

Ввиду отмечаемой вами распущенности китайских войск полагаем, что занятие ими оставляемых монгольскими отрядами местностей не может содействовать умиротворению Внутренней Монголии. Китайское правительство, повидимому, спешит занять возможно большую территорию, чтобы создать совершившийся факт ко времени начала тройных переговоров. Оно может ошибиться в своих расчетах и дать монгольскому правительству доводы, чтобы доказывать невозможность мириться с положением, которое создает восстановление во Внутренней Монголии китайской власти.

Ввиду вышеизложенного китайское правительство поступило бы мудро, остановив движение своих войск по пятам отходящих монгольских отрядов.

Князь Удай находится в Петербурге.

Сазонов.

Депеша диплом. агента в Монголии от 29(16) декабря 1913 г. № 367.

9-го декабря приехал в Ургу бывший американский посол при высочайшем дворе и в Константинополе, известный синолог и знаток тибетского языка, Рокхилль с супругой.

Ни тринадцатиградусный мороз, ни трудности примитивного путешествия из Кяхты в Ургу, с опасной ездой монгольских верховых ямщиков и с ночевками в юртах, не остановили г. Рокхилля в его желании лично ознакомиться с современным положением дел в столице автономной Внешней Монголии.

Помещение для четы Рокхилль было приготовлено в генеральном консульстве — в незанятой еще квартире вице-консула. Я приложил все старания, чтобы сделать пребывание моих гостей в самое тяжелое время в Урге возможно приятным.

Монгольские министры и их жены посетили г. Рокхилля и его супругу. Г. Рокхилль вместе со мною отдал им визиты. Все разговоры его с монголами велись через мое посредство, при содействии переводчика генерального консульства. Когда затрогивались политические вопросы, то г. Рокхилль с неизменной последовательностью проводил ту мысль, что залогом дальнейшего процветания автономной Внешней Монголии должно служить полнейшее доверие к ее другу—России и неуклонное следование ее советам. В разговоре своем с Да-Ламой г. Рокхилль указал ему, что монголы должны быть бесконечно благодарны за все оказанные им Россией истинно-дружеские бескорыстные услуги и ничего не предпринимать, не посоветовавшись предварительно с пред-

ставителем своего могущественного соседа в Урге. Г. Рокхилль предостерег Да-Ламу от поспешных решений, пояснив, что политический рост государства требует известного времени и осторожности. Бывшая провинция не может сделаться сразу самостоятельным государством. Вследствие болезни хутухты представление г. Рокхилля его святейшеству не состоялось.

В беседах со мною г. Рокхилль высказал мнение, что монголы едва ли справятся со своею задачею без нашей помощи в виде контроля над их финансами. По его словам, внутренние монголы по своему развитию и культуре стоят значительно выше халхасцев и никогда не признают над собою главенства последних. Г. Рокхилль много путешествовал по Внутренней Монголии.

14 декабря г. Рокхилль с супругой выехали в Кяхту, откуда он проедет в Пекин, где 6 лет тому назад был посланником. С целью изучения настоящего положения вещей в Китае вообще и финансового состояния этой страны в особенности он посетит главнейшие китайские города, после чего проедет на некоторое время в Японию, откуда в мае месяце вернется на родину.

У меня осталось впечатление, что г. Рокхиллю дано его правительством специальное поручение, для выполнения которого он и совершает большое путешествие. Юаньшикая, которого он знает около 30 лет, г. Рокхилль считает своим другом. Об японцах он отозвался неодобрительно.

Донося вашему высокопревосходительству об изложенном, имею честь присовокупить, что копия с настоящего донесения представляется императорскому посланнику в Пекин.

А. Миллер.

Депеша диплом. агента в Монголии от 29(16) декабря 1913 г. № 368.

Высокоторжественный день тезоименитства его величества государя императора 6 декабря был отпразднован с подобающею торжественностью.

После божественной литургии в церкви генерального консульства и благодарственного молебна с возглашением многолетия его императорскому величеству, сопровождавшимся установленным орудийным салютом 2-й казачьей Забайкальской батареи, на плацу перед генеральным консульством состоялся парад частям Ургинского отряда. Провозглашенная начальником отряда здравица за державного вождя была покрыта громогласным ура, слившимся с артиллерийским салютом.

На литургии и молебне присутствовали в полной парадной форме все чины вверенного мне генерального консульства, почтово-телеграф-

ные чиновники и офицеры Ургинского отряда и Монгольской бригады во главе со своими начальниками.

Вслед за принесением поздравлений в генеральном консульстве состоялся парадный завтрак, перед которым мною был предложен тост за драгоценное здоровье его императорского величества и августейшей семьи, принятый с большим воодушевлением и сопровождавшийся пением гимна.

С 3 до 6 часов вечера в генеральном консульстве перебывали с поздравлениями монгольские министры со своими помощниками, за исключением больного Да-Ламы, и находящиеся в Урге монгольские князья. Всем им было предложено обильное угощение.

Вечером здания генерального консульства были иллюминованы.

Отношение монголов вообще и их властей в частности как к генеральному консульству, так и к русско-подданным остается попрежнему вполне дружелюбным. Высокомилостивый прием, оказанный при высочайшем дворе Сайн-ноин-хану, произвел на ургинских властей большое впечатление.

В Ургу начали съезжаться начальники отозванных в пределы Халхи отрядов. Приехали с юга Тушету-ван и Ширету-лама (брат князя Удая), привезшие известия о печальном состоянии монгольских милиционеров: без теплой одежды они сильно страдают от холода и ропщут, не получая жалованья. Указывая на это и на необходимость сокращения совершенно непроизводительных расходов, я продолжаю настаивать на скорейшем роспуске монгольских отрядов. Мои настояния встречают, к сожалению, глухое противодействие со стороны вернувшегося из отпуска и больного министра внутренних дел. Да-Лама пользуется всякимс случаем, чтобы уколоть Ханда-цинь-вана относительно его русских симпатий, указывая на декларацию 23 октября с. г.

Несмотря на полное безденежье, хутухта, при содействии русского авантюриста Москвитина, выписал себе за 22 000 рублей небольшого слона, не заплатив еще г. Москвитину очередного взноса за 9 000 бурханов в 25 000 рублей.

Я выразил по этому поводу министру иностранных дел мое глубокое сожаление, указав на печальную и в то же время смешную сторону подобных трат, когда замерзающих монгольских солдат не распускают из-за отсутствия денег и когда монгольские чиновники четвертый месяц не получают жалованья. При этом я предупредил Ханда-цинь-вана, что принужден буду отказать в выдаче хутухте кратковременной ссуды в 30 000 рублей, раз деньги эти предназначены на пополнение зверинца его святейшества. Ханда-цинь-ван, участвующий в продаже хутухте слона за такую высокую цену, старался объяснить покупку слона религиозными соображениями.

Легкомыслию монголов в отношении расходования денег, повидимому, нет пределов. Поощряют их в этом направлении беспринципные русские авантюристы вроде корреспондента «Нового времени» г. Москвитина и бывшего переводчика генерального консульства Церенпылова. Я веду борьбу против этих господ, не желающих примириться с утратой своего прежнего влиятельного положения при генеральном консульстве.

Ханда-цинь-ван, опасаясь новых обвинений в измене великой Монголии, уклоняется от каких-либо переговоров касательно подготовки вопросов, подлежащих обсуждению на предстоящих тройных переговорах.

Донося вашему высокопревосходительству об изложенном, имею честь присовокупить, что копия с настоящего донесения представляется императорскому посланнику в Пекине.

А. Миллер.

Нота министерства ин. дел, переданная чрезвычайному посланнику Монголии Сайн-ноин-хану 3 января 1914 г. (21 декабря 1913 г.) № 969.

4-го сего декабря его светлость Сайн-ноин-хан Намнан-Сурун обратился к императорскому министерству иностранных дел, указывая на намерение монгольского правительства создать обученную армию для защиты границ государства и ходатайствуя о выдаче монгольскому правительству для этой цели 6 пушек с 3 000 снарядов, 4 пулеметов с 400 000 пуль и 20 000 винтовок с 20 000 000 патронов, с тем условием, чтобы половину стоимости означенного оружия монгольское правительство уплатило наличными деньгами, а другую половину в течение одного года со дня получения оружия.

Императорское министерство иностранных дел считает долгом заметить, что для создания обученной армии императорское российское правительство командировало в распоряжение монгольского правительства инструкторов, которым, в силу выработанного по этому поводу соглашения, поручено сформировать бригаду монгольских войск. Нужное для этой бригады оружие отпущено, в том числе пушки и пулеметы. Несомненно, что правильно организованная и находящаяся под начальством русских офицеров Монгольская бригада представит неизмеримо большую силу, чем те необученные военному делу и лишенные командного состава люди, которым монгольское правительство могло бы раздать просимую им крупную партию оружия.

Поэтому императорское министерство считает долгом предупредить монгольское правительство, что крупная сумма стоимости испрашиваемого им оружия была бы истрачена им непроизводительно.

Между тем монгольское правительство постоянно указывает на отсутствие денег в своем казначействе, а императорское правительство уже выдало монгольскому правительству ссуду, предназначенную на усовершенствование управления страною и развитие ее финансовых ресурсов.

Тем не менее, стремясь в чем возможно итти навстречу желаниям монгольского правительства и имея в виду помочь ему возможно дешевле приобрести нужное ему оружие, императорское правительство уже отпустило из своих казенных складов по заготовительной цене монгольскому правительству значительное количество оружия и согласно отпустить также ту партию оружия, о которой говорится в ноте его светлости Сайн-ноин-хана от 4 сего декабря, на упоминаемых в оной условиях, когда половина цены этого оружия будет выплачена монгольским правительством.

Руководясь в этом случае желанием дать Монголии дешевое и однообразное оружие в условиях, которые не налагали бы на монгольское правительство каких-либо обязательств, подрывающих его финансовые интересы, императорское правительство рассчитывает, что и монгольское правительство, с своей стороны, блюдя свои интересы, не прибегнет к покупкам оружия у частных лиц, стремящихся извлечь из поставок крупные барыши и попутно заручиться в Монголии правами, клонящимися к ущербу благосостояния монгольского правительства и его народа.

Письмо доктора Бадмаева Николаю Романову от 5 января 1914 г. (23 декабря 1913 г.).

Ваше величество,
дорогой царь!

Сейчас был у меня Удайван, тот самый, который во время русско-японской войны все время был на стороне русских; при всех обстоятельствах, неблагоприятных для России, помогал русским, насколько это ему было доступно и возможно.

Китайцы и японцы его не любили и в прошлом году ему отомстили. Все его княжество было разорено, и он бежал с тысячью семьями, разоренный окончательно. Хутухта его принял.

Удайван числится товарищем министра юстиции в Урге, прибыл вместе с Сайн-ноин-ханом и имел счастье представиться вашему величеству в Ливадии.

Они чрезвычайно удручены своим положением и только из уважения к вашему величеству не жалуются на то, что на них не обращают никакого внимания.

Для меня же ясно, что они недовольны своей миссией, ибо министерство иностранных дел до сих пор не ответило на их письменное обращение с разного рода просьбами.

Зная хорошо положение китайско-монгольско-тибетского и японского Востока и понимая будущую роль России там под руководством вашего величества, смотрю с горечью, как мы наживаем непримиримых врагов и способствуем объединению врагов наших — Запада и Востока — там.

Неужели цель могущественной России, под знаменем белого царя, будет достигнута при таких обстоятельствах?

Повели мне, дорогой царь, лично явиться и картинно, конкретно представить тебе будущность России и китайского Востока на границах нашего отечества.

Удайван мне сказал, что Сайн-ноин-хан уезжает 26 декабря по вызову хутухты.

Искренне любящий тебя, дорогой царь, верноподданный

Петр Бадмаев.

1913 года, 23 декабря, Литейная, 16.

Секретная телеграмма диплом. агента в Монголии от 5 января 1914 г. (23 декабря 1913 г.) № 375.

Не сочтете ли возможным настоятельно посоветовать Сайн-ноину задержать свой отъезд из Петербурга до получения указаний хутухты по делу Козина [1])? Москвитин всячески интригует против него, рассчитывая сделаться негласным финансовым советником под титулом поставщика хутухты.

Миллер.

Копия ноты, переданной чрезвычайным посланником Монголии в министерство ин. дел 7 января 1914 г. (25 декабря 1913 г.).

Перевод.

В министерство иностранных дел России.

21 декабря сего года из высокого министерства иностранных дел на мое Сайн-ноин-хана имя получена была нота, в коей говорится, что русское правительство согласно удовлетворить нашу просьбу

[1]) Козин — чиновник особых поручений при министерстве финансов, который, по соглашению с министерством ин. дел, должен был быть приглашен монгольским правительством для организации всех финансовых дел для заведывания государственными имуществами и для разработки гражданских реформ в стране.

об отпуске оружия на нужды обороны и армии нашего государства в размере 6 пушек с 3 000 снарядов, 4 пулеметов и 400 000 патронов к ним да 20 000 винтовок с 20 000 000 патронов, с условием внести половину стоимости наличными деньгами, а остающуюся половину уплатить в течение одного года со дня получения всей партии заказанного оружия.

Затем в ноте говорится, что императорское российское правительство, желая снабдить монгольскую казну однотипным оружием на условиях, неубыточных для монголов, рассчитывает, со своей стороны, что монгольское правительство не будет приобретать оружия у частных лиц, ищущих заработать, на условиях, невыгодных для монгольского правительства и народа.

По сему поводу имею честь сообщить высокому министерству, что наше посольство глубоко признательно императорскому правительству за удовлетворение нашего ходатайства и просит не замедлить с отпуском условленного оружия, так как внесение денег на уплату половинной стоимости подготовляется.

Причем имею честь уведомить высокое министерство, что если русское правительство будет снабжать оружием нашу казну каждый раз без задержек в потребном количестве, то и монгольское правительство, со своей стороны, воздержится от приобретения оружия у частных лиц, заинтересованных в получении выгод, концессий и прав.

Того ради посылается сие.

Чрезвычайный монгольский посланник Сайн-ноин-хан Намнан-Сурун.

«Многими возведенного» 3 год, последнего зимнего месяца 11 дня (1913 года, декабря 25 дня).

Секретная телеграмма диплом. агента в Монголии от 11 января 1914 г. (29 декабря 1913 г.) № 380.

Дополнение телеграммы № 378.

Москвитин обещал монголам достать деньги и оружие в Германии или Англии. Если ему не удастся устроить это в С.-Петербурге, то он поедет в Берлин и Лондон. Вновь ходатайствую запретить ему и его доверенным въезд в Монголию ввиду его крайне вредного с точки зрения наших интересов образа действий.

Подписание Сайн-ноином контракта с Козиным произвело на монголов сильное и выгодное для нас впечатление.

Миллер.

Секретная телеграмма министра ин. дел диплом. агенту в Монголии от 15(2) января 1914 г. № 9.

Телеграммы №№ 358 и 362 получены.

[Шифром]. Ваше предположение заключить железнодорожное соглашение с монгольским правительством одобряется. Почтою вам высылается наш проект такого соглашения, в основание которого мы кладем изложенную в его вступлении мысль о необходимости для развития торговых сношений Монголии связать ее железными дорогами с русской рельсовой сетью. В виду сего русское и монгольское правительства обязуются обсудить сообща порядок постройки железных дорог в Монголии на общие средства обоих правительств или на частные капиталы. Монгольское правительство обязуется не строить железных дорог и не выдавать железнодорожных концессий, которые конкурировали бы с линиями, построенными или проектированными в силу настоящего соглашения.

Благоволите приступить к объяснениям с монгольским правительством, дабы подготовить почву для соглашения на изложенных основаниях.

Сазонов.

Письмо министра ин. дел диплом. агенту в Монголии от 15(2) января 1914 г. № 3 [1]).

Доверительно.

М. г.

Александр Яковлевич.

В дополнение к телеграмме от сего числа, № 9, имею честь препроводить при сем вашему превосходительству выработанный в министерстве иностр. дел проект железнодорожного соглашения с монгольским правительством. Как вы усмотрите, наш проект несколько разнится от приложенного к вашей депеше от 13 минувшего декабря № 363. Нам казалось предпочтительным не говорить в проектируемом соглашении об исключительных правах России на железнодорожное строительство в Монголии, но фактически закрепить за нами то право, как вытекающее из естественного географического и торгового тяготения автономной Монголии к нашим сибирским владениям и к обслуживающей их нашей рельсовой сети. Такая постановка вопроса представляет в наших глазах, между прочим, и ту выгоду, что при ней действие железнодорожного соглашения с Монголией не ограничивается 50-летним сроком, но становится бессрочным. Подробные соображения, руководившие нами при составлении препровождаемого вам проекта, изложены в прилагаемом при сем в копии письме моем министру финансов от 20 минувшего декабря № 967.

[1]) Воспроизводится с отпуска.

Приложение.

Проект железнодорожного соглашения с Монголией.

Сознавая необходимость, с развитием торговых сношений Монголии, обеспечить ее связь с ближайшей рельсовой сетью, каковой является Сибирская железная дорога, путем постройки соответствующих железных дорог, имп. российское правительство и монгольское правительство согласились между собой о нижеследующем:

I.

Имп. российское правительство и монгольское правительство совместно обсудят наиболее выгодные направления железных дорог, которые должны обслуживать Монголию, а равно порядок, в котором будет приступлено к сооружению названных железных дорог.

II.

По совместном между обоими правительствами выяснении необходимости постройки каждой такой железной дороги, имп. российское правительство окажет монгольскому правительству свое содействие к ее осуществлению путем ли ее постройки на государственные средства имп. российского и монгольского правительств или путем ее постройки на частные капиталы.

III.

Подробности постройки и эксплоатации каждой такой железнодорожной линии будут своевременно обсуждены и установлены обоими договаривающимися правительствами. Равным образом, оба правительства договорятся между собой относительно условий соединения с российской железнодорожной сетью имеющих быть построенными в Монголии железных дорог.

IV.

Само собой разумеется, что монгольское правительство не приступит к постройке на собственные средства железных дорог на своей территории и не выдаст частным лицам концессий на постройку таковых, не обсудив предварительно с имп. российским правительством вопроса о том, не явятся ли они конкурирующими с теми линиями, которые будут построены или проектированы в Монголии на государственные средства имп. российского и монгольского правительств или на средства частных лиц, рекомендованных монгольскому правительству имп. российским правительством.

Что касается прав на судоходство по рекам и озерам Монголии, то, избегая упоминания об исключительных правах России в этой области, которое могло бы подать повод к нежелательным объяснениям с иностранными правительствами, мы предпочли не касаться этого вопроса в настоящем соглашении, удовольствовавшись тем, что выговорено нами по 12-й статье Ургинского протокола 21 октября 1912 г. [1]).

---

[1]) Текст статьи 12 соглашения России с монгольским правительством от 3 ноября (21 октября) 1912 г. гласит: «Русским подданным предоставляется право плавать на своих торговых судах и торговать с прибрежным населением по рекам, текущим сперва по Монголии и затем по русской территории, и по притокам этих рек. Российское правительство окажет монгольскому правительству помощь для

Я надеюсь на искусство ваше и влияние, которое вы приобрели в Монголии, чтобы провести наш проект железнодорожного соглашения, который по существу своему, повидимому, должен быть вполне приемлемым для монгольского правительства. Но если бы вы встретили в этом деле какие-либо затруднения, то дополнительные разъяснения и указания, в которых вы можете встретить надобность, будут вам даны по телеграфу.

Сазонов.

Секретная телеграмма посла в Токио от 15(2) января 1914 г. № 1.

Получил письмо № 954.

Передал министру иностранных дел содержание вышеозначенного письма и оставил у него, под условием строгой доверительности, краткое изложение сообщений, сделанных японским чиновником Кодамой монголам. Письма хутухты японскому императору министр от меня не принял и попросил меня поберечь его в посольстве до выяснения того, представляется ли вообще возможным поднесение императору письма иностранного правителя, с коим Япония не состоит в дипломатических отношениях. По его личному мнению, японский император был бы крайне затруднен получением такого письма, и барон Макино полагает, что лучшим способом разрешения вопроса было бы возвращение письма хутухте чрез наше посредство. Но он должен об этом предварительно переговорить с премьером. Ответ его не замедлю телеграфировать.

Малевский-Малевич.

Секретная телеграмма посла в Токио от 16(3) января 1914 г. № 2.

Продолжение № 1.

Министр иностранных дел, переговорив с премьером, просит меня довести до сведения императорского правительства его просьбу возвратить в Ургу письмо хутухты и пригласить монголов пересмотреть предпринятый ими шаг, приняв во внимание, что обращение их к японскому императору не соответствует ни интересам Японии, ни их собственным. О решении японского правительства отклонить письменное обращение хутухты министр не замедлит доложить императору, который был бы, по его словам, крайне затруднен принятием грамоты монгольского правителя. На мое замечание, как бы возвращение письма хутухты в Ургу через наше посредство не подало бы монголам повода

улучшения судоходства по этим рекам, установки нужных знаков и т. п.; монгольские же правительственные власти отведут на этих реках места, нужные для причала судов, для устройства пристаней и товарных складов, для заготовки дров и т. п., руководствуясь в таких случаях постановлениями статьи 6 настоящего протокола».

подозревать, что мы вовсе не посылали письмо это в Токио, барон Макино ответил, что из донесения Кодама правлению Южно-Манчжурской дороги, с которым он ознакомился и которое обещал доставить мне на прочтение, видно, что враждующие между собой монгольские сановники сами преднамеренно придали Кодаме неподобающее ему преувеличенное значение с явной целью использовать его прибытие в Халху в личных видах. Поэтому министр думает, что ургинские министры должны удовлетвориться объяснением, что они ввели себя в заблуждение насчет Кодама, который не имел никакого поручения от японского правительства и вовсе не был им уполномочен вступать в какие-либо переговоры с монгольскими сановниками. Министр иностранных дел просит хранить весь этот инцидент в тайне, что я объясняю себе нежеланием его давать оппозиции новый случай упрекать японскую дипломатию в пассивности и угодничестве нам. Ожидаю указаний.

Малевский-Малевич.

Телеграмма министра ин. дел Сазонова послу в Токио от 18(5) января 1914 г. № 51.

№№ 1 et 2 reçues.

[Шифром]. Мы не можем не приветствовать решение японского правительства вернуть хутухте его письмо, адресованное японскому императору. Этим будет положен конец интриге, стремившейся втянуть японское правительство в дела Внешней Монголии.

В виду затруднительности изыскать иной способ, мы согласны взять на себя возвращение хутухте сказанного письма. Дабы предупредить обвинения в том, что мы не пересылали этого письма по назначению, мы принуждены ознакомить монгольское правительство с содержанием ваших телеграмм. Но, конечно, если не предадим настоящий инцидент гласности в печати.

Сазонов.

Депеша посла в Токио министру ин. дел от 18(5) января 1914 г. № 1.

Токио. 18(5) января 1914 г. № 1.

Секретно.

Одно приложение.

Милостивый государь,
Сергей Дмитриевич.

По получении весьма секретного письма вашего высокопревосходительства от 13 декабря мин. года за № 954, я не замедлил повидаться с японским министром иностранных дел и переговорить с ним доверительно о грамоте хутухты, адресованной японскому императору.

При этом я подробно изложил ему приведенные в вашем письме соображения и передал ему на прочтение краткое изложение на английском языке сообщений, сделанных монголам японцем Кодамой. Вместе с тем я напомнил барону Макино мои с ним беседы в минувшем сентябре, когда он уверял меня, что японское правительство совершенно непричастно к поездке Кодамы в Халху и что его переговоры с монгольскими сановниками вовсе не отвечают политическим задачам японцев. В заключение я положил перед министром письмо хутухты.

Барон Макино был, видимо, поставлен в немалое затруднение. Повертев пакет в руках, он спросил меня, знаю ли я, что содержится в грамоте монгольского «принца». Я ответил ему, что в своем письме к японскому императору хутухта, после обычных восточных приветствий, обращается с просьбой послать в Ургу представителя японского правительства и оказать содействие к политическому объединению всех монголов.

На это министр мне заметил, что подобное обращение монгольского «принца» к японскому императору поставит последнего в большое затруднение, тем более, что Япония не состоит в дипломатических отношениях с ургинским правительством. По его личному мнению, лучшим способом выйти из создавшегося затруднения было бы возвратить письмо хутухты через наше посредство в Ургу. Развивая дальше эту мысль, барон Макино сказал мне, что он готов взять на себя ответственность немедленно же отклонить принятие письма хутухты; но, чтобы быть вполне корректным, он намерен переговорить с премьером, а пока просит меня грамоту хутухты сохранить в посольстве. К этому он прибавил, что объяснения его с премьером по этому вопросу являются простой формальностью, так как он ни мало не сомневается в солидарности с ним графа Ямагато. Отказ в принятии письма для японского правительства определяется уже тем одним обстоятельством, что Япония не состоит в сношениях с монголами.

Затем министр спросил меня, почему мы, не сочувствуя возникновению непосредственных сношений ургинского правительства с Японией, взялись передать сказанное письмо по назначению. На это я ответил барону, что в этом случае, как и во всех остальных, мы держимся с японским правительством лойяльного и откровенного образа действий, вполне уверенные, что и японское правительство отвечает нам тем же. К тому же, — прибавил я, — так как письмо хутухты явилось явным результатом пребывания в Халхе Кодамы, то нам казалось желательным воспользоваться случаем, чтобы совершенно определенно выяснить отношение японского правительства к монгольскому вопросу.

На это министр с живостью возразил мне, что вновь категорически отрицает всякое касательство японского правительства к поездке Кодамы в Ургу и не думает даже, чтобы названный японец был посылаем в Монголию какой-нибудь оппозиционной группой. По его мнению, Кодама — просто доброволец, пожелавший «отличиться».

Окончательный ответ по поводу письма хутухты барон Макино обещал мне дать в самом скором времени.

Действительно, через день, 3(16) января, в свой обычный прием, министр заявил мне, что переговорил с премьером и просит меня передать императорскому правительству просьбу взять на себя труд возвратить в Ургу письмо хутухты, пригласив министров последнего пересмотреть (reconsiderer) свой шаг и принять в соображение, что обращение монгольского правителя к японскому императору не соответствует ни интересам Японии, ни интересам самих монголов. К этому барон Макино присовокупил, что решение японского правительства отклонить письменное обращение хутухты к императору будет доложено его величеству незамедлительно. По его словам, японский император был бы крайне затруднен принятием письма монгольского правителя.

Я ответил министру, что не премину, с возвращением в Петербург грамоты хутухты, довести до вашего сведения содержание наших бесед и вместе с тем просил его при докладе императору обратить внимание его величества, насколько в данном случае наглядно проявилась наша корректность по отношению к Японии и наше стремление строго держаться духа политических соглашений 1907, 1910 и 1912 гг.

Кроме того, я счел возможным высказать министру опасение как бы возвращение в Ургу грамоты хутухты через наше посредство не подало повода монголам заподозрить нас в том, что мы вовсе не посылали этого письма в Токио. Барон Макино сказал мне на это, что он прочел донесение Кодамы правлению Южно-Манчжурской железной дороги и сообщит мне его доклад на прочтение; из него он, Макино, вынес заключение, обратное тому, которое мы составили себе о пребывании в Урге Кодамы. Повидимому, монгольские сановники, враждующие между собой и интригующие друг против друга, сами намеренно преувеличили значение как самого Кодамы, так и его поездки в Ургу, чтобы использовать обстоятельства в своих личных видах. Не он, а они вели с ним политические разговоры и склоняли его на выводы, соответствующие их планам. Поэтому, — думает министр, — монгольские сановники удовлетворятся объяснением, что они неосторожно ввели себя в заблуждение насчет личности Кодамы, который не был облечен никаким поручением от правительства и не был вовсе уполномочен вести с монголами политические беседы.

В заключение барон Макино выразил надежду, что весь этот инцидент сохранится в тайне, что я объясняю себе, как я имел честь телеграфировать вашему высокопревосходительству, стремлением министра избегнуть перед предстоящим 21 января нов. ст. возобновлением заседаний парламента всего, что может подать повод оппозиционным элементам выступить с сенсационными интерпелляциями по внешней политике. Японскую дипломатию и без того упрекают в шовинистских листках, в пассивности и угодничестве нам.

Грамота хутухты у сего возвращается.

Н. Малевский-Малевич.

Всеподданнейший доклад министра ин. дел 19(6) января 1914 г.

Монгольский первый министр Сайн-ноин-хан во время своего пребывания в С.-Петербурге передал мне письмо ургинского хутухты на имя японского императора с просьбой доставить его по назначению. Это письмо было привезено Сайн-ноин-хану русским подданным бурятом Бадмажаповым, который, явившись в министерство иностранных дел, совершенно доверительно ознакомил нас с запиской, полученной им от монгольского министра иностранных дел Ханда-вана, где излагалась сущность объяснений монгольских сановников с известным вашему имп. величеству из повергавшейся мною на высочайшее благовоззрение дипломатической переписки японцем Кодамою, посетившим Ургу в... месяце мин. года. Сказанная записка Ханда-вана резюмировала бывшие с Кодамою объяснения в том смысле, что последний от лица своего правительства предлагал монголам дружбу и поддержку взамен предоставления японцам права на постройку железнодорожных линий в прилегающей к Южно-Манчжурской железной дороге части Внутренней Монголии. Письмо хутухты исходило из мысли о возможности заручения содействием японского правительства для присоединения Внутренней Монголии к владениям ургинского правителя и содержало предложение прислать в Ургу дипломатического представителя Японии.

Полагая желательным показать монголам тщету возлагаемых ими на японское правительство надежд и неизбежность для них опираться на Россию в своей нарождающейся государственной жизни, я поручил послу в Токио передать японскому министру иностранных дел письмо хутухты и ознакомить его с теми выводами, которые были сделаны ургинскими сановниками из приезда к ним японца Кодама, отметив в то же время, насколько такого рода поездки, носящие характер мелкой политической интриги, препятствуют проведению в

жизнь разграничения русской и японской сфер влияния, на котором настаивал сам токийский кабинет.

Японское правительство приняло по этому вопросу разумное решение вернуть хутухте его письмо, адресованное японскому императору, причем еще раз заверило нас, что Кодама не имел никаких поручений от своего правительства и что монголы сами постарались придать его приезду в Ургу не соответствующее действительности значение. В интересах беспристрастия я должен отметить, что в противность тому, что утверждал в своей сводке разговоров с Кодамою Хандаван, в письме хутухты говорится о японской железнодорожной концессии во Внутренней Монголии, как о проекте, исходившем не от Кодамы, а от монгольских министров. То же подтверждал нам на словах и Сайн-ноин-хан.

Я ознакомил Сайн-ноин-хана с тем, как японское правительство отнеслось к детской попытке его повелителя втянуть Японию в дело объединения монголов и отторжения от Китая их территории, и постарался осветить этот инцидент, как урок в политической деятельности юного монгольского правительства.

Относящиеся к настоящему делу документы долгом почитаю повергнуть на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение.

Приложение к всеподданнейшему докладу от 19(6) января 1914 г.

Перевод письма ургинского хутухты на имя японского императора.

Зимою позапрошлого года мы, монголы, всенародно, желая сохранить исконный самобытный строй, свою территорию, религию и законы, отложились от Цинской империи и образовали самостоятельное автономное государство, о чем правительство наше, желая войти в дружественные сношения с великой державой и заключить торговый договор, известило в свое время правительство вашего императорского величества особым письмом, но пока не получило никакого ответа.

Зимою прошлого года нами был командирован наш министр внутренних дел Пин-ван-лама Цэрэн-Чимед, которому было поручено поднести вашему императорскому величеству письмо от нашего скромного государства и выразить приветствие от нас, но, к сожалению, в виду закрытия пути, должен был вернуться обратно с дороги. Ныне мы снова, почтительно поднося государственное письмо, шлем приветствие вашему императорскому величеству и выражаем пожелание установить постоянную и добрую дружбу между двумя государствами для вящего блага и мира народов наших на многие годы. Когда дойдет наше письмо, соблаговолите его принять.

Засим имеем почтительно сообщить вашему императорскому величеству, что самостоятельность и автономность нашего слабого государства была признана соседней сыздавна и дружественной Россией, которая заключила соглашение и торговый договор с нашей Монголией.

Тем не менее, наша Внутренняя Монголия, граничащая с Китаем, терпит очень тяжкое зло, а теперь китайские войска, ворвавшись в ее пределы, начали сжигать храмы и монастыри, истреблять мужчин и женщин, стариков и детей, без разбора, отбирать имущество и скот, вследствие чего многие принуждены были фиктивно признать наружно республику, беспрерывно прося нашего заступничества и защиты. По сему случаю правительство нашей слабой страны послало войска для отражения неприятеля в нескольких направлениях; тем не менее, однако, благодаря недостаточности хорошего оружия, до сих пор не успели оказать твердую защиту и объединить всех. Когда недавно прибыл в нашу столицу чиновник вашей страны Кодама, наше правительство сообщило ему о своем желании установить дружественное сношение между обоими государствами и чтобы ваше высокое правительство, получив железнодорожную концессию во Внутренней Монголии, помогло к тому, чтобы в ее пределы китайские войска не могли быть вводимы. Упомянутый выше чиновник обещал о таковых наших желаниях довести до сведения своего правительства. Поэтому мы обращаемся теперь к вашему императорскому величеству не отказать в содействии доброму делу и, если будет соблаговоление ваше, энергично внушить китайскому правительству не вводить свои войска в пределы Внутренней Монголии и помочь нашим стремлениям к скорейшему объединению Внутренней Монголии с нашей Внешней и утверждению нашей народности и религии полностью.

Следовало бы нашему слабому государству послать к вам полномочного посланника из сановников наших, но, встречая препятствие в пути и не желая откладывать доброе дело, обращаемся с просьбой к вашему императорскому величеству, если найдете возможным, повелеть вашему высокому правительству командировать к нам уполномоченного сановника и помочь установлению нашего государства и закреплению дружественных отношений между нашими государствами на долгие годы. Повелитель слабого государства, все власти, духовенство и миряне с благоговением и благодарностью встретили бы ваше высокое соблаговоление и впредь старались бы усугублять нашу взаимную дружественность.

Того ради мы шлем привет вашему императорскому величеству и просим принять наши просьбы и удостоить нас ответом.

Правления «Многими возведенного» 3-й год, зимнего 1-го месяца 19-го дня. Урга.

Копия отношения посланника в Китае на имя вице-консула в Хайларе от 20(7) января 1914 г. № 2.

Вследствие донесения вашего от 29 декабря минувшего года за № 7, считаю долгом уведомить вас, что, не имея определенных указаний от императорского министерства касательно того, в какое время будут начаты наши переговоры с китайцами по баргутскому вопросу, в какую определенную форму они должны вылиться и где они будут сосредоточены, я ограничиваюсь пока сообщением вам, для вашего личного сведения, следующих общих указаний касательно нашей политики в данном вопросе.

По мнению императорского правительства, Барга, т.-е. Хулунь-буирский округ, должна разделить участь Северной Манчжурии. Вследствие сего мы не включили Баргу в автономную Монголию и в принципе

согласны на восстановление там китайского суверенитета. Последнее должно однако произойти путем мирных переговоров, в которых императорское правительство возьмет на себя роль посредника. Подчинение же Барги вооруженной силой слишком затронуло бы русские интересы, чтобы мы могли отнестись к нему безучастно. Поэтому, всякий раз, как получалось известие о каких-либо приготовлениях китайцев к походу в Баргу, мною делались весьма категорические представления китайскому правительству, от коего мною ныне получены уверения о желании его восстановить свой суверенитет в Барге мирными средствами и о готовности его прибегнуть с этой целью к нашему посредничеству.

По получении более определенных указаний, я не премину снабдить вас дополнительно соответствующими инструкциями.

Второй секретарь миссии [подпись].

Секретная телеграмма диплом. агента в Монголии от 23(10) января 1914 г. [1])

Испрашиваю указаний, решено ли дать монгольскому правительству новую ссуду в 3 миллиона рублей или нет и на каких условиях. Когда можно ожидать приезда Козина?

Миллер.

Секретная телеграмма посла в Токио от 23(10) января 1914 г. [2]) **№ 4.**

Получил № 54 [3]).

Передал содержание этой телеграммы министру иностранных дел, который просит при возвращении письма хутухте в Урге ограничиться следующим объяснением: японское правительство не считает возможным поднести императору это письмо, так как считает его вызванным явным недоразумением. Монгольские сановники неправильно истолковали себе личность Кодамы и приписали его словам превратное значение; таким образом, письмо явилось следствием заблуждения и основано на надеждах, внушенных словами Кодамы, который не был уполномочен на ведение переговоров с монголами и за слова которого японское правительство не может поэтому нести никакой ответственности. Кроме того, министр иностранных дел просит нас принять меры, чтобы монгольский посол не разглашал инцидента с письмом хутухты. Слухи о письме хутухты, проникшие в печать, могуть подать повод к запросам в парламенте. В этом случае министр принужден будет прибегнуть к полному отрицанию, чтобы не вызвать серьезных осложнений.

Малевский-Малевич.

---

[1]) В литографской копии номер отсутствует.

[2]) В литографской копии ошибочно: «1913 г.».

[3]) В литографской копии ошибка: следует № 51.

Секретная телеграмма министра ин. дел на имя диплом. агента в Монголии от 24(11) января 1914 г. № 81.

Телеграмма 10 января получена.

Министр финансов согласен внести на обсуждение Совета Министров вопрос о выдаче монгольскому правительству новой ссуды и сообщил Сайн-ноину на словах, что принципиально не возражает против нее. Условия новой ссуды должны быть выработаны в Урге. Вам предстоит также определить, какими источниками доходов монгольского правительства она может быть гарантирована. Благоволите телеграфировать ваши соображения на этот счет.

Имейте в виду, что мы не согласны выдавать новую ссуду в бесконтрольное распоряжение монгольского правительства. Она должна поступать в государственное казначейство, которое монгольское правительство обязалось учредить в заведывании Козина по заключенному с ним контракту, и расходоваться исключительно на культурные задачи.

Отъезд Козина задерживается необходимостью подыскать себе помощников.

Сазонов.

Всеподданнейшая записка министра ин. дел от 25(12) января 1914 г.

В повергаемой при сем на высочайшее благовоззрение вашего императорского величества телеграмме [1]) дипломатический агент в Монголии передает, что монгольское правительство запрашивает его о том, кто будет представителем императорского правительства при предстоящих переговорах о тройном русско-китайско-монгольском договоре.

Местом ведения этих переговоров предположено назначить Кяхту, что имеет ту выгоду, что китайские и монгольские делегаты, созванные на конференцию в сказанном городе, не будут подвергаться каким-либо посторонним влияниям, что неизбежно случилось бы, если бы конференция собралась в Петербурге или Пекине. Что касается Урги, то этот город не казался нам подходящим для ведения тройных переговоров, так как китайский делегат мог бы воспользоваться своим там пребыванием, чтобы интриговать среди не слишком расположенных друг к другу монгольских сановников и благодаря их розни выговорить условия, несогласные ни с русскими, ни с монгольскими интересами.

Придя к мысли о созыве в Кяхте конференции для выработки русско-китайско-монгольского договора, мы полагали, что нашим

[1]) В тел. Миллера от 23 (10) января 1914 г. № 5.

уполномоченным на этой конференции было бы естественно назначить д. с. с. Миллера, которому лучше чем кому-либо известны настроения ургинских правящих сфер и который может в кратчайший срок прибыть в Кяхту.

На случай, если вашему императорскому величеству благоугодно будет одобрить сказанный выбор, приемлю смелость повергнуть при сем на высочайшее благовоззрение проект ответной телеграммы дипломатическому агенту в Монголии.

Сазонов.

Секретная телеграмма диплом. агента в Монголии от 29(16) января 1914 г. № 12.

В связи с новой ссудой монгольскому правительству стоит вопрос о дальнейшем существовании Монгольской бригады. Монгольское правительство не расположено возобновить соглашения о бригаде, представленного вашему высокопревосходительству при донесении 6 февраля прошлого года № 10 [1]). Испрашиваю указаний вашего высокопревосходительства, следует ли настаивать на продлении действия прежнего соглашения о Монгольской бригаде или же надлежит заключить с монголами новое соглашение, и на каких условиях, касательно числа наших инструкторов и урядников, их жалованья, довольствия монгольских солдат и срока соглашения.

Миллер.

Секретная телеграмма диплом. агента в Монголии от 29(16) января 1914 г. № 13 [2]).

Ссылаюсь на мой № 340 прошлого года.

Монголы интересуются, будет ли открыт Монгольский Национальный банк и когда именно.

---

[1]) Имеется в виду русско-монгольское соглашение от 16(3) февраля 1913 г., по которому монгольское правительство обязалось «для защиты своей территории... сформировать бригаду из двух конных полков, ...пулеметной команды и взвода артиллерии, всего в составе 1900 человек, и пригласить русских инструкторов». «На покрытие всех расходов, связанных с организацией военных сил в Халхе и приглашением русских инструкторов, — гласит 6-й пункт соглашения, — монгольское правительство ассигновало депозитом в императорское консульство триста пятьдесят тысяч рублей, и расходование этой суммы возлагается на командированных российским правительством инструкторов. Означенная сумма будет удержана из двухмиллионной ссуды, которую российское правительство предоставило монгольскому соглашением от 15(28) января 1913 г.». Соглашение по вопросу о бригаде имело силу один год, и еще до подписания его монголы выражали свое недовольство установленным контролем российского консульства, а также слишком большими окладами русским инструкторам.

[2]) На подлиннике помета: «К мин. финансов. Нужно поспешить. Царское Село, 17 января 1914 г.».

По некоторым данным можно думать, что Москвитин обещал привезти монголам из Германии или Англии представителя какого-нибудь банка для открытия в Урге банковских операций.

Скорейшее открытие в Урге Монгольского Национального банка без участия в нем Москвитина очень желательно.

Миллер.

Секретная телеграмма Козакова вице-консулу в Хайларе от 29(16) января 1914 г. № 151.

Сообщается посланнику в Пекине и дипломатическому агенту в Монголии.

Телеграмма «Нового времени» из Хайлара сообщает, будто депутация баргутов выехала в Ургу для обсуждения китайского предложения о примирении.

Если это известие правильно, мы, сочувствуя в принципе такому примирению, не желали бы, чтобы оно произошло без нашего участия. Благоволите разъяснить баргутским амбаням, что мы охотно примем на себя посредничество к их примирению с китайским правительством, которое в этом деле необходимо как для нас, так и для Барги, ибо в нем будет заключаться гарантия соблюдения китайцами условий примирения, которые, в противном случае, будут ими нарушены при первом удобном случае.

Козаков.

Письмо министра ин. дел диплом. агенту в Монголии от 30(17) января 1914 г.[1])

Секретно.

Милостивый государь
Александр Яковлевич.

Монгольский первый министр Сайн-ноин-хан, после двухмесячного пребывания в С.-Петербурге, выехал обратно в Монголию. Сайн-ноин-хан был дважды принят государем императором: в первый раз — в Ливадии, вскоре после своего приезда в Россию, и второй раз — в прощальной аудиенции в Царском Селе, перед его отъездом. Его императорскому величеству благоугодно было пожаловать Сайн-ноин-хану, при первом представлении, орден Белого Орла.

Считаю нелишним поставить ваше превосходительство в известность о тех объяснениях, которые мы имели с Сайн-ноин-ханом во время его пребывания в С.-Петербурге.

Эти объяснения касались прежде всего декларации 23 октября 1913 г. Мы постарались оттенить громадную важность для Монголии

[1]) Воспроизводится с отпуска.

этого акта, которым китайское правительство официально признало существование Монгольского государства, хотя и находящегося в вассальных отношениях к Китаю, но фактически независимого во всех делах, кроме политических и территориальных вопросов, в решении которых оно имеет однако право голоса. Сайн-ноин-хан казался удовлетворенным данными нами объяснениями и приветствовал сказанную декларацию как акт, в существе своем отвечающий стремлениям монгольского правительства и современной политической обстановке. Лишь по получении инструкций из Урги, Сайн-ноин-хан обратился к нам с нотою, в переводе при сем прилагаемою, в которой заявлял о решении своего правительства добиваться при предстоящих тройных переговорах полной независимости Монголии и объединения под властью хутухты всех монгольских племен. С тожественной нотою, снабженной переводом на французский язык, Сайн-ноин обратился также к пребывающим в С.-Петербурге иностранным дипломатическим представителям, в том числе и к китайскому посланнику, который вернул Сайн-ноину его ноту. Остальные представители ограничились передачею монгольской ноты своим правительствам.

В личных объяснениях с Сайн-ноин-ханом мы настойчиво указывали ему на несбыточность надежды его правительства добиться объединения всех монголов в одно государство и признания независимости этого государства со стороны держав. Разъясняя монгольскому министру отношение держав к монгольскому вопросу, мы указывали ему на то, что большинство их не желает расчленения Китая и в частности создания автономной Монголии, которая обязана своим бытием исключительно усилиям России. Мы объяснили ему, что провозглашение независимости Монголии вызвало беспокойство таких сильных держав, как Англия и Япония, и что если тем не менее нам удалось предупредить иностранное вмешательство в монголо-китайскую распрю, то лишь положительными заверениями, что мы не будем поддерживать стремлений монголов к отложению от Китая в тех областях, где уже создались, как во Внутренней Монголии, японские интересы, или в областях, как Куку-нор и Цайдам, прилегающих к Тибету, в котором Англия специально заинтересована. Эти доводы произвели некоторое впечатление на Сайн-ноин-хана. Он сознался, что, говоря об объединении всех монголов, монгольское правительство, несомненно, запрашивает. Однако он упрямо стоял на том, что в автономное Монгольское государство должны быть включены те хошуны Внутренней Монголии, которые уже признали над собою власть ургинского хутухты. Разъясняя Сайн-ноину недопустимость такой постановки вопроса при тройных переговорах, мы указывали ему на возможность добиваться включения в русско-китайско-монголь-

ский договор каких-либо постановлений, создающих гарантии самобытного существования внутренних монголов; эти постановления могли бы быть в будущем использованы монгольским правительством для вмешательства в отношения Китая к оставшимся под его суверенитетом монголам. Мы не скрывали однако от Саин-нойна, что самая возможность такого вмешательства потребует создания сильного монгольского государства, что может явиться лишь результатом многолетней, упорной внутренней работы.

При самом своем приезде Сайн-ноин-хан указал нам на следующие цели его миссии в Россию: заручиться нашим содействием к присоединению Внутренней Монголии к владениям ургинского хутухты, получить новую ссуду и необходимое, по его словам, для монгольского правительства оружие. Объяснения наши по вопросу о Внутренней Монголии изложены выше. Что же касается новой ссуды, размер которой Сайн-ноин-хан первоначально определил в 5 миллионов, а затем — в 3 миллиона, то мы не могли не признать, что без нового займа монгольское правительство не может обойтись. К тому же нам казалось необходимым не отпускать Сайн-ноина с пустыми руками из России, дабы не подорвать его положения среди монгольских сановников, дав им возможность указывать на бесплодность его миссии. Обсуждая с этой точки зрения настоящий вопрос с министром финансов, мы пришли к заключению, что принципиальных возражений против выдачи монгольскому правительству новой ссуды в 3 миллиона рублей не существует; необходимо лишь изыскать источники доходов сказанного правительства, которыми эта ссуда могла бы быть гарантирована, и оформить ее выдачу актом, который вполне обеспечивал бы употребление выдаваемой нами ссуды исключительно на предприятия, клонящиеся к культурному развитию и обогащению Монголии. О такой постановке вопроса статс-секретарь Коковцов на словах сообщил Сайн-ноину.

Эти переговоры давали нам подходящий повод, чтобы поставить в решительной форме вопрос о приглашении на монгольскую службу русского советника. Мы объяснили Сайн-ноину, что не возьмем на себя выдачу монголам новой ссуды, если не будем уверены в том, что ссуживаемые нами деньги будут расходоваться на поднятие благосостояния Монголии, а уверенность эта может создаться у нас только, если монгольское правительство, доказавши свою неспособность заняться внутренней организацией страны и ее финансов, пригласит себе в помощь русского советника. С этой предпосылкою мы предложили Сайн-ноину подписать с г. Козиным известный вам контракт. Наш проект контракта был подвергнут чинами монгольской депутации подробному обсуждению с г. Козиным, и они скоро пришли

к соглашению относительно его окончательной редакции. Но когда дело дошло до подписания, Сайн-ноин объявил нам, что он телеграфировал в Ургу, прося разрешения своего правительства подписать контракт с г. Козиным, но, вместо ответа, получил предписание немедленно спешно вернуться в Ургу. Мы ответили, что монгольское правительство обещало нам, что вопрос о приглашении русского советника будет решен во время пребывания Сайн-ноина в С.-Петербурге, и что отказ от исполнения этого обещания не может не отразиться на русско-монгольских отношениях. Несмотря на это Сайн-ноин делал приготовления к отъезду. Понадобилось более сильное давление. Получив письменную просьбу Сайн-ноина о разрешении представиться его императорскому величеству, мы оставили эту просьбу без движения и на запрос, через одного из переводчиков депутации, может ли Сайн-ноин рассчитывать на исполнение его ходатайства о высочайшей аудиенции, поручили передать монгольскому министру, что его отказ подписать выработанный по соглашению с нами контракт побуждает нас сомневаться, действительно ли он является уполномоченным монгольского правительства. Отказываясь признавать его в этом качестве, мы считаем несуществующими все данные ему обещания и, очевидно, не можем докладывать государю императору о желании его быть принятым его императорским величеством. Контракт с г. Козиным был подписан в тот же день, и вслед за тем состоялась высочайшая аудиенция Сайн-ноин-хану.

В связи с вопросом о ссуде из нашего государственного казначейства, я должен заметить, что Сайн-ноин делал в С.-Петербурге попытки заключить заем у частных банков, то в счет сказанной будущей ссуды, то под залог скота его собственного хошуна. Попытки эти, как и следовало ожидать, остались без результатов.

Последний из поставленных нам Сайн-ноином вопросов — о снабжении монголов оружием — вызвал в нас наибольшие сомнения. Было очевидно, что это оружие требовалось для продолжения вооруженной борьбы с Китаем, о чем проговаривался и сам монгольский министр. Он официально и письменно утверждал однако, что полученное от нас оружие будет употреблено на вооружение монгольского народа исключительно в пределах Халхи, в видах как поддержания порядка внутри страны, так и отражения китайских шаек, которые могут вторгнуться на территорию Монгольского государства. Мы указывали Сайн-ноину, что расход на оружие, количество которого первоначально определялось им в 100 тысяч винтовок, десять орудий и сорок пулеметов, с соответствующим количеством снарядов и патронов, — будет непосильным бременем для тощего монгольского казначейства. Между тем Монголия, благодаря декларации 23 октября

1913 г., находится в счастливом положении страны, которой не угрожает ни один из ее соседей. Что касается внутреннего порядка в стране, то он зависит не от одного присутствия военной силы, но главным образом от правильной организации управления и финансов. Во всяком случае, монгольское правительство располагает для этой цели формируемой под руководством русских офицеров бригадою. Раздав же оружие по хошунам, оно рискует, напротив, создать возможность вооруженного сопротивления распоряжениям ургинского правительства со стороны любого из князей, некоторые из которых теперь, лишь скрепя сердце, сознавая свое бессилие, подчиняются правительству хутухты. Сайн-ноин не находил доводов, чтобы опровергнуть наши слова, но продолжал настаивать на получении оружия, количество которого он лишь уменьшил до 20 000 винтовок, 6 орудий и 4 пулеметов, причем предлагал внести вперед половину стоимости этого оружия с тем, чтобы уплата второй половины была отсрочена на год. Было очевидно, что получение от нас оружия стало для Сайн-ноина вопросом отчасти самолюбия, но еще более поддержания его престижа среди монгольских сановников. Считая необходимым по возможности поддержать его положение в Урге, мы решились удовлетворить его просьбу, причем военный министр счел возможным отступить от общепринятого в этих случаях порядка и согласился отсрочить на один год уплату половины стоимости выдаваемого монголам оружия. При этом мы имели в виду, что монгольскому правительству потребуется, конечно, немало времени, чтобы собрать подлежащую немедленной выплате часть стоимости этого оружия, а тем временем его отношения к Китаю могут утратить теперешнюю остроту и в Урге могут восторжествовать более разумные мысли о необходимости экономного отношения к государственным суммам. Считаю долгом приложить копии нот, которыми мы обменялись с Сайн-ноином по вопросу о выдаче монголам оружия. Как ваше превосходительство усмотрите, мы сделали при этом попытку заручиться обязательством монгольского правительства не обращаться за оружием к агентам иностранных фирм. Как ни уклончив ответ Сайн-ноина по этому поводу, он даст вам средство до некоторой степени бороться с происками тех авантюристов, которые, под предлогом снабжения Монголии оружием, стремятся обделать там свои дела.

Перед отъездом из Петербурга Сайн-ноин уведомил нас, что оставляет свою печать Цэрэн-дорчжи, который будет его заместителем и будет находиться в постоянных телеграфных сношениях с ургинским правительством. Мы усмотрели в этом попытку установить постоянное дипломатическое представительство монгольского правительства в С.-Петербурге. Не сочувствуя созданию такого порядка

сношений с Монголиею, мы указали Сайн-ноину, что даже он однажды не оказался достаточно уполномоченным для завершения начатых с ним переговоров. Тем более такие недоразумения будут случаться с Цэрэн-дорчжи. Мы отказались поэтому вести с последним официальные сношения. Цэрэн-дорчжи тем не менее остался в Петербурге с переводчиком Жамсарановым, объяснив, что он займется той частью миссии Сайн-ноина, которая не была им выполнена, а именно — изучением торговых и промышленных вопросов. Со времени отъезда Сайн-ноина Цэрэн-дорчжи не появлялся в министерстве иностранных дел и не делал попыток вступить с нами в официальные сношения.

Расставаясь с Сайн-ноин-ханом, мы отметили выгодное впечатление, которое он произвел как на государя императора, так и на входивших с ним в сношения наших официальных лиц. Мы указали, что с нашей стороны было сделано все, чтобы удовлетворить в пределах возможного его ходатайства. Мы рекомендовали ему по возвращении в Ургу воздействовать в умеряющем духе на его сотоварищей по управлению и руководствоваться вашими советами. По неопытности в международных делах монгольское правительство уже ставило себя и впредь может ставить в неловкое положение, если не будет прислушиваться к советам императорского правительства, неизменно проникнутого благожелательством к Монголии. Мы обещали Сайн-ноину нашу поддержку во всех разумных начинаниях руководимого им правительства.

[Подпись.]

Внешняя политика контр-революционных „правительств“ в начале 1919 г.

(Из документов Парижского посольства.)

Два обстоятельства делают документы Парижского «посольства» особенно интересными. Парижское «посольство» было передаточным пунктом между Омском, с одной стороны, — Екатеринодаром, Архангельском и т. п., с другой,— являясь, тем самым, центральным фокусом, где сосредоточивались сообщения со всех фронтов гражданской войны в России; сверх того, посольство находилось в городе, где заседала Мирная конференция, подводившая итоги империалистской войне и утверждавшая новый передел мира.

Документы, печатаемые в настоящем томе, относятся к тому критическому моменту в развитии гражданской войны, когда «союзники» добились победы над Германией и стали перед вопросом: как быть с Россией? До сих пор основной, по крайней мере, официальный мотив интервенции был военный: для разгрома Германии нужна была не большевистская Россия. Сейчас предстояло выдвинуть другой мотив, оправдывающий интервенцию, и тут сразу сказались те глубокие противоречия между империалистскими державами, пользуясь которыми русская революция могла удачно маневрировать в борьбе с неравными противниками. «Во Франции начинают понимать пользу для себя воссоздания сильной России, но в Англии и Америке дело обстоит несколько иначе, почему там находят сочувственный отклик вожделения народностей, стремящихся отделиться от России», — так определил Маклаков основное противоречие между Францией, которой нужна была сильная Россия, притом на поводу у Франции, для борьбы с Германией, — и Англией, для которой, напротив, расчлененная Россия означала устранение крупнейшего конкурента на Востоке.

Как раз к тому моменту, к которому относятся документы, англо-американская точка зрения на Мирной конференции победила. По предложению Вильсона, поддержанному Ллойд-Джорджем, было решено пригласить все де-факто существующие на бывшей территории России правительства на Принцевы острова, чтобы сговориться с ними и тем самым оставить Россию расчлененной. Франции оставалось провалить это решение, используя антибольшевистские правительства, тем более, что последние прекрасно понимали, к чему приведет прекращение военной и материальной помощи со стороны «союзников».

Наряду с борьбой вокруг Принцевых островов документы дают еще несколько любопытных штрихов из интервенционной политики «союзников», из которых по актуальности выделяются два.

Первый — вопрос о Китайско-Восточной железной дороге, которую в 1919 г. все та же Америка пыталась так же интернационализировать, как в недавнем конфликте,— так глубоко уходят корни современной дипломатии.

Второй — вопрос о материальной заинтересованности «союзников» в интервенции и той циничной откровенности, с которой последние действовали в России.

Генерал Деникин сообщал в своих воспоминаниях о капитане Фуке, предложившем от имени французского командования подписание договора, один из пунктов которого требовал возмещения убытков всех французских граждан «на Дону и в Малороссии» за счет Добровольческой армии. Для генерала, в своих мемуарах всячески подчеркивавшего, что своим поражением русская контр-революция обязана слабой помощи «союзников», такой штрих мог быть только лишней попыткой дискредитировать «союзников». Увы, реальная действительность богаче любой фантазии: оказывается, капитан Фуке не выдуман и даже не шаржирован, а как раз требовал подписания именно такого кабального договора, характерного для эпохи колониальных грабежей, под угрозой отказа в помощи со стороны французов.

И. Минц.

Публикуемые ниже документы воспроизводятся по подлинникам, находящимся в «деле» Парижского «посольства», представляющем собой конторскую книгу в черном переплете, в которой наклеены машинописные копии входящих и исходящих телеграмм «посольства». На обложке «дела» наклеен ярлык со штампом: «1919» и имеется помета красным карандашом «11»; ярлык с такой же пометой наклеен на корешке. «Дело» начинается копией телеграммы Нератова Сазонову от 29 января (11 февраля) 1919 г. № 227 и кончается телеграммой Угета Маклакову от 27 февраля 1919 г., полученной в посольстве 4 марта. В конце «дела» находится список корреспондентов «посольства» (Мейендорф, Нератов и т. д.) с указанием номеров телеграфной переписки с ними. В числе других материалов «посольства» «дело», из которого извлечены публикуемые здесь телеграммы, хранится в Центральном Архиве Октябрьской Революции в Москве.

Ред.

Нератов — Сазонову [1]).

Гл. тел. отд. Добр. армии. 29 января (11 февр.) 1919 г. № 227.

(Шифр: 434). № 1.

Сообщаем сведения о политике англичан на Кавказе.

Эрдели виделся, наконец, в Тифлисе с генералом Уокером, который обнаружил очень большую предупредительность; по общему

[1]) Заголовок здесь и далее — подлинника. На подлиннике пометы: «Получ. 14/II.19».—«Дело № 25».—«Перед. ген. Головину».—«Вал. в Рим».—«В Quai d'Orsay Базили».—«Перед. Набокову за № 261».

же политическому вопросу сообщил, что, будучи сравнительно самостоятельным в военной области, он осуществляет в политическом отношении общую программу союзных держав, согласно инструкциям из Константинополя. В эту программу входит самодеятельность существующих национальных образований. Слова Уокера о согласованности союзной программы находят подтверждение и в образе действий союзников на юге России, которые работают вне политического контакта с нами; повидимому, были бы не прочь достигнуть соглашения с Петлюрой. Энно только что устранен французским командованием. Все это указывает на стремление союзных держав в лучшем случае обеспечить ... ... [1]) цель — водворение порядка в различных областях России при помощи местных элементов, даже враждебных идее единой России, — не задаваясь вопросом о конечных результатах такой политики.

Нератов — Сазонову [2]).

29 января (11 февраля) 1919 г. № 227.

(Шифр...). Устраняем при этом самую мысль о возможности существования у союзников, и в частности у англичан, затаенной цели не допустить восстановления единой могущественной России.

Вологодский — послу [3]).

Омск. 11 февраля 1919 г. № 110.

Ссылаюсь на ваш № 182.

(Шифр...). Для Сазонова.

Отрадные известия, в ней заключающиеся, повидимому, относятся ко времени до большевистского ответа.

Мы, в свою очередь, получили сообщение от Пишона в духе первой части вашей телеграммы, т. е. о видимом неуспехе съезда на Принцевых островах.

Однако ответ из Москвы, быть может, поставит союзников перед вопросом, надлежит ли им продолжать разговоры с большевиками и завязать по пути [4]), ими самими намеченному.

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) На подлиннике пометы: «Получена 18 февраля 1919». — «Дело № 25». — «Окончание, исправленное, телеграммы № 227, по входящему журналу № 400».

[3]) На подлиннике пометы: «Перед. ген. Головину». — «Вал. в Рим». — «Набокову за № 258».

[4]) Так в подлиннике.

Необходимо сделать все возможное, чтобы Франция, сославшись на отсутствие согласия других частей России, настояла на необходимости отказаться от переговоров на Принцевых островах и продолжала оказывать нам поддержку в военном отношении.

Канадские войска, повидимому, во всяком случае, будут отозваны. Они уже получили приказ задержаться во Владивостоке и не следовать в направлении Омска. Считаете ли вы, что существует вероятность прекращения помощи со стороны Англии [1]).

Необходимо отстоять во что бы то ни стало поддержку снаряжением, без которого ведение операций у нас станет невозможным. Уход войск также произвел бы губительное моральное действие. Нельзя ли оставить союзные войска в Сибири, хотя бы для охраны железной дороги, о международном управлении которой сейчас завершаются переговоры?

Вологодский — послу [2]).

Омск. 11 февраля 1919 г. № 117.

(Шифр: 446). Для Сазонова.

Сообщаем краткое содержание конфиденциального обращения к здешним представителям Франции и Англии, передача которого полностью затруднительна по обширности ноты. От имени совета министров мы обращаемся к Франции и Англии, как к странам, которые с первых шагов образования правительственной организации на Востоке ей сочувствовали и покровительствовали. Мы указываем, что большевики, соглашаясь на предложение послать представителей на Принцевы острова, тем самым готовы, как ранее в Брест-Литовске, на продажу русской чести и достояния. Далее мы повторяем заявление о нашей решимости довести борьбу с большевиками до конца и о недопустимости для правительства, единодушно поддерживаемого общественным мнением, итти на переговоры с большевиками. Отмечая нежелательные явления, которые уже вызвало предложение держав, и те трудности, которые приходится преодолевать при национальных усилиях воссоздать государство, мы указываем, что уход союзных войск был бы весьма тяжким, и выражаем надежду, что союзники, не взирая на ответ большевиков, сошлются на отсутствие согласия других частей России и, отказавшись от своего предложения, будут попрежнему продолжать свою помощь.

---

[1]) Разрядка подлинника.

[2]) На подлиннике пометы: «Получ. 14/II. 19»—«Дело № 40». — «Пер. ген. Головину».—«Набокову за № 259». — «Рим...»

Бер — послу [1]).

Стокгольм. 10 февраля 1919 г. № 27.

(Шифр...). Генерал Гулькевич просит передать военному агенту в Париже и генералу Головину:

«По поручению генерала Юденича, прошу сообщить, какое последовало решение по его телеграмме от 17 января № 57 на имя маршала Фоша, отправленной через французского консула в Гельсингфорсе на французское министерство иностранных дел, содержание которой передается в телеграмме № 2 [2]). Современное положение дела вынуждает меня лично просить вас оказать содействие к скорейшему разрешению вопроса, возбужденного этой телеграммой, а равно просить указать, каким способом можно достигнуть в наиболее краткий срок благоприятного разрешения начатого дела. Гельсингфорс, № 99».

Бер — послу [3]).

Стокгольм. 10 февраля 1919 г. № 27 [4]).

(Шифр...). № 2. Текст телеграммы генерала Юденича маршалу Фошу:

«Г. маршал, как только в Германии вспыхнула революция, я уехал из Петрограда в Финляндию с тем, чтобы организовать русские силы для активной борьбы с большевизмом. В начале декабря у меня было совещание с г. de Vaux, французским послом в Стокгольме, резюме которого изложено в моей докладной записке, посланной через нашего посла в Париже. Мой план заключался в том, чтобы повести военные действия против Петрограда и Москвы, используя берега Финского залива и территорию балтийских провинций. Для выполнения этой задачи было необходимо иметь войска, чтобы обеспечить возможность организации добровольческих отрядов, продовольственное и техническое снабжение, так как правительства Финляндии, Эстонии и Латвии не располагали необходимыми средствами.

Я обратился к помощи союзных держав. Сейчас наиболее благоприятный момент для того, чтобы покончить с русским большевизмом, ибо с течением времени борьба станет значительно более трудной и серьезной, чем теперь.

---

[1]) На подлиннике пометы: «Получ. 15/II. 19». — «Дело № 3». — «Перед. ген. Головину».—«Вал. в Лонд.».—«Вал. в Рим».

[2]) «См. вход. № 406».—Примечание в подлиннике. См. ниже.

[3]) На подлиннике пометы: «Получ. 15 февраля 1919».—«№ 3».—«Перед. ген. Головину». — «Вал. в Лондон». — «Вал. в Рим». — «Получ. 15/II. 19». — «Дело № 0—1».—Подлинник на французском языке.

[4]) Далее пометы: «№ 1 см. вход. № 406», т. е. предыдущую телеграмму.

В данное время я отказался от мысли просить поддержки союзных войск, но прошу удовлетворить потребность в снабжении всякого рода, недостаток которого не позволяет мне начать формирование военных сил. В случае благоприятного решения с вашей стороны, прошу уполномочить кого-нибудь обсудить со мной этот вопрос. Будьте добры прийти мне на помощь и оказать поддержку, без которой я не могу выполнить мой долг по отношению к моей родине. Ю д е н и ч».

Вологодский — послу [1]).

О м с к. 9 ф е в р а л я 1919 г. № 105.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 94.

(Шифр: 434). Для Сазонова.

Телеграмма эта была составлена в предвидении, что наш ответ последует ранее большевистского. В этом случае предложенные нами тексты представляют известные выгоды. Однако теперь, после большевистского согласия, считаем необходимым (выработать) декларацию возможно (тщательно) с тем, чтобы не оставалось сомнений в неосуществимости ... ... [2]) на Принцевых островах, как бы ни были для нас тяжелы последствия такого решения. Не считаете ли нужным использовать ответ большевиков, указав в нашей декларации, что они, как и ранее в Брест-Литовске, сейчас дали новое доказательство готовности продать Россию ради собственного спасения и сохранения очага мировой анархии? Ожидаем от вас срочного извещения, как предполагаете поступить и какой текст будет вами опубликован. С своей стороны, кроме официального ответа, вручение которого ожидаем от вас в Париже, передаем здесь дополнительные конфиденциальные ноты, предназначенные лично для Франции и Англии.

Маклаков — в диплом. канц. в Екатеринодаре (для Нератова) [3]).

Мин. ин. дел в Омске (для Вологодского).

Циркулярно.

П а р и ж. 14 ф е в р а л я 1919 г. № 243.

Для Екатеринодара: Ссылаюсь на вашу телеграмму № 183.

Для Омска: Получил вашу телеграмму № 108.

(Шифр: 398). Сазонов просит передать:

«За посылку своих представителей на Принцевы острова высказались только большевики, а также эстонцы. Резко отрицательное

[1]) На подлиннике пометы: «Получ. 15/II.19».—«Дело № 40—I». «Перед. вализой в Рим и Лондон 16/II».

[2]) Так в подлиннике.

[3]) На подлиннике пометы: «Дело № 40—I».—«Пер. вал. в Лондон».

отношение к американскому предложению всех небольшевистских русских кругов и осуждение его значительной частью французской и английской печати побудили некоторых участников Мирной конференции придать этому предложению толкование в том смысле, что державы желали только осведомиться этим путем о положении вещей в России. Есть даже основание думать, что некоторые державы склонны провалить предложение после отъезда Вильсона в Америку. — Обсудив вопрос в совещании с участием общественных деятелей, мы решили высказать Конференции нашу точку зрения и от имени Сибирского, Архангельского и Южно-Русского правительств передали сегодня подписанное мною и Чайковским заявление о нашей готовности рассмотреть совместно с державами способы помочь России восстановить порядок при непременном условии устранения от этого обмена мнений большевиков. Текст нашего заявления передается вам за № 244».

Циркулярная телеграмма Маклакова [1]).

16 февраля 1919 г.

Сибирское правительство, Архангельское и правительство Южной России считают необходимым сделать Мирной конференции следующее заявление:

Высоко ценя мотивы, побудившие союзников сделать их предложение от 22 января, названные правительства с удовлетворением констатируют, что Конференция считает восстановление порядка в России необходимым условием прочного мира, и охотно принимают предложение союзников содействовать внутреннему успокоению России. После трех лет борьбы, в течение которых она честно выполняла взятые на себя обязательства и несла на себе значительную часть общего бремени, Россия, доведенная до невозможности продолжать войну, может залечить свои раны только в условиях мира. Но эта работа по восстановлению невозможна в силу гражданской войны, которую провозглашают и которую ведут узурпаторы, преступники, не признающие ни закона, ни совести, деспотизм которых распространяется на значительную часть земли русской.

Желая прежде всего положить конец кровавой тирании большевиков, русские политические группировки, взявшие на себя задачу восстановления родины и возрождения государства на истинно демократических основах, будут признательны Мирной конференции за содействие, которое она хочет оказать в этом необходимом деле государственного переустройства. Они выражают уверенность, что все, что будет сделано для того, чтобы вернуть России, вместе с порядком

[1]) На подлиннике помета: «244». Подлинник на франц. языке.

внутри страны, ее место в союзе наций, решительным образом послужит в то же время целям установления общечеловеческой справедливости и мира, которые ставит себе Конференция.

Поэтому объединенные правительства России предлагают свои услуги союзным державам, чтобы ознакомить их с настоящим положением России и совместно с ними изыскать средства помощи.

Тем не менее, не может быть и речи об обмене мнений по этому вопросу при участии большевиков, в которых совесть русского народа видит лишь изменников, так как они совершили предательство, заключив мир с врагом общего дела России и союзников; они породили анархию, попирая демократические принципы, которые господствуют в цивилизованных государствах, и поддерживают свою власть исключительно путем террора.

Между ними и русскими национальными группами никакое соглашение невозможно; всякая встреча не только не осталась бы безрезультатной, но сопровождалась бы риском причинить непоправимый моральный ущерб русским патриотам, а равно союзным нациям.

Сазонов, Чайковский.
Маклаков.

Набоков — послу [1]).

Лондон. 13 февраля 1919 г. № 82.

Телеграфирую в Омск.

(Шифр: 434). Вчера в палате Ллойд-Джордж высказался по вопросу о России гораздо более подробно в том же смысле, как накануне лорд Керзон. Назвал большевиков убийцами и террористами и категорически заявил: о признании их речи нет. Вмешательство путем посылки больших армий невозможно, во-первых, по причинам практическим, во-вторых, потому что все, кто в прошлом шел в Россию — будь то шведы или французы — кончалось плачевно, доказало [2]) вмешательство Англии во Французскую революцию повело к длительной войне. «Америка не пошлет ни людей, ни денег, ни снаряжения, так что все бремя падет на нас и Францию». Закончил он заявлением, что не хочет распространяться о размерах помощи, оказываемой деньгами и снаряжением всем правительствам, борющимся с большевиками, чтобы не давать последним осведомления, и что вообще вопрос о помощи России будет снова на-днях обсуждаться в Париже. Печать сегодня указывает, что речь Ллойд-Джорджа несколько рассеяла тревогу в обществе и парламентских кругах, но что все же желательно

[1]) На подлиннике пометы: «Получена 15 февраля». — «Дело 15».
[2]) Так в подлиннике.

более решительности, определенности и творчества. Сила Ллойд-Джорджа — в его чуткости к настроениям общественного мнения и парламента. Поняв, что к конференции на Принцевых островах большинство относится отрицательно, он уже идет на попятный, и его вчерашнее выступление следует оценить как окончательный отказ от сговора с большевиками. Планы содействия нам продолжают разрабатываться. Ценно также прямое и категорическое указание на позицию Америки, указание, которое должно, как мне кажется, быть учтено в особенности в Омске.

Нератов — послу [1]).

Екатеринодар. 10 февраля 1919 г. № 216.

(Шифр: Урал). Повторяем № 124. (См. вход. № 198).

Французское командование в Одессе требует передачи трех пароходов Русского общества пароходства и торговли «Император Александр III», «Петр Великий», «Император Николай» в ведение французского министерства и отправки их в Марсель. Главнокомандующий поручил генералу Гришину-Алмазову поставить в известность генералов Бертело и д'Ансельма, что такое распоряжение весьма скудным русским тоннажем наносит чрезвычайный ущерб делу военного снабжения вооруженных сил Юга России и снабжению продовольствием и топливом всего нашего юга. Все распределение тоннажа, в интересах дела, централизуется при Управлении торговли и промышленности Особого Совещания, и идущее помимо сего распоряжение нашими судами принесло большой вред [2]), а в будущем поставит в критическое положение армии, ведущие борьбу против большевиков. Генерал Деникин просит отменить сделанное распоряжение.

Прошу вас предпринять соответствующие шаги на месте и о последующем телеграфировать.

Председатель Национ. совета бар. Меллер-Закомельский — русскому послу в Париже [3]).

Одесса. 9 февраля 1919 г.

(Не шифр.). Будьте добры телеграфировать в Одессу, отель «Лондон», дату и форму приглашения на Принцевы острова. Подтверждаем телеграмму, отправленную в Лондон Набокову, о необходимости

[1]) На подлиннике пометы: «Получ. 16/II. 19».—«Дело № 24, Юг».—«Передана морск. агенту»,—«Погуляеву».

[2]) Так в подлиннике.

[3]) На подлиннике помета: «Передано Титову».

представительства на островах всех групп, составляющих Национальный совет, а именно: законодательных палат, земств, промышленной, городских самоуправлений, русского церковного собора, финансовой, землевладельческой, сената и академической.

Укажите нашей делегации в Париже на необходимость установления с нами телеграфной связи.

Распространившийся слух о приглашении на острова большевиков вызывает большое волнение. Будьте добры настоять на официальном опровержении.

Посол — поверенному в делах в Стокгольме [1]).

Париж. 16 февраля 1919 г. № 247.

Ваш № 21 получен. Копия в Лондон.

Прошу передать Карташеву.

(Шифр: 398). Здешний финляндский представитель не осведомлялся об отношениях русских к финляндской независимости. Не думаю, чтобы мы имели право ее признать, если бы даже смотрели на нее без тревоги. Финляндцы не имеют права требовать от русских заявлений, которые превышали бы их полномочия и показались бы в России забвением ее интересов и прав. Но это не помешает нам сочувствовать установлению в Финляндии порядка и власти и всеми мерами этому содействовать. В наших отношениях с здешней властью мы держимся взгляда, что всякая помощь, оказываемая народностям, входящим в состав России, есть помощь России. Каковы бы ни были теперешние настроения народностей, вопрос о наших отношениях — вопрос будущего. В свое время мы постараемся уладить его в обоюдных интересах. Вопрос же настоящего есть создание у нас власти, которая способна была бы противостоять большевикам. Мы содействуем созданию такой власти и настаиваем на всякой помощи ей. Этой политики мы держимся и относительно Эстонии и потому употребим все меры для оказания генералу Юденичу той помощи, которую он просит. Конечно, сами национальности не вполне понимают или, вернее, не доверяют этой политике. Это не помешает нам последовательно держаться именно ее, не затемняя вопроса о совместной работе с ними предрешением спора о наших будущих отношениях.

---

[1]) На подлиннике пометы: «Дело 3».— «Пер. вал. в Лонд. 26/II».

Маклаков — поверенному в делах в Лондоне [1]).

Париж. 16 февраля 1919 г. № 248.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 61.

(Шифр: 398). Нератов телеграфирует, что чины артиллерийского ведомства, командированные за снарядами в Батум, встретили сначала полное содействие и предупредительность со стороны английских властей. Затем, 15 января, английский полковник, начальник снабжения, заявил, что он получил приказание приостановить снабжение Добровольческой армии, вследствие чего из двух грузившихся пароходов один ушел в Новороссийск пустым, а другой груженным лишь до половины.

Благоволите просить возобновления снабжения Добровольческой армии, имея в виду данные вам Черчиллем обещания (ваша телеграмма № 61).

Главноком. всеми вооруж. силами на Юге России ген. Деникин — Сазонову [2]).

Екатеринодар. 16 февраля 1919 г. № 182/Р.

(En clair). В течение трех месяцев Юг России ждал реальной помощи союзников. Вооруженные силы союзников за это время заняли некоторые территории России, где их присутствие или вовсе не вызывалось русскими интересами или силы эти могли быть значительно меньше. В частности я несколько раз просил хоть небольшой отряд для Дона, где помощь именно союзников была психологически необходима. Отказ в этом привел к разложению Дона, к потере им почти половины его территории и к возможности потери всей области, что отбрасывает всю нашу работу на полгода назад. Прошу вас ориентировать ваше правительство, что эти обстоятельства вызвали полное недоумение и поворот русского общественного мнения не в пользу союзников. 2 февраля. № 182/Р.

---

[1]) На подлиннике помета: «Дело № 44».

[2]) На подлиннике пометы: «Получ. 17/II. 19». — «Дело № 24, Юг». — «Пер. в Лонд. вал. 26/II». — «Перед. Quai d'Orsay». — «Ген. Головину». — «Копии: генералу Франшэ д'Эсперэ, генералу Мильн, генералу Бертело (Одесса)».

Нератов — Сазонову [1]).

Гл. тел. отд. Добр. армии. 30 января (12 февраля) 1919 г. № 229.

(Шифр: 398). Управляющий отделом финансов М. В. Бернацкий просит передать адмиралу Колчаку в Омск:

«Для расчета за приобретенные за границей предметы снаряжения и для производства других полезных для нашего общего дела расходов нам необходимо иметь в своем распоряжении в Париже и Лондоне до 30 миллионов рублей золотом.

Не признаете ли возможным войти в соглашение с английскими банками в Шанхае об открытии в распоряжение финансового отдела Особого Совещания при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России в парижских и лондонских банках соответствующих кредитов, передав для этой цели шанхайским банкам необходимую сумму золота из хранящихся в сибирских учреждениях государственного банка золотых запасов.

Сообщаю, что мы устраиваем для своих учреждений банка центральное управление. К к в этом отношении обстоит дело у вас?».

Маклаков — мин. ин. дел в Омске [2]).

В диплом. канцелярию в Екатеринодаре.

Париж. 16 февраля 1919 г. № 253.

(Шифр...). Сазонов просит передать:

«Предстоящее на-днях возобновление перемирия с немцами совпадает с обузданием в Германии спартакизма и проявлениями национального подъема. Заявления немецких политических деятелей и печати о недопустимости отторжения от Германии польско-немецких земель, ее колоний, спор об Эльзас-Лотарингии, включение в состав Учредительного собрания депутатов от немецких земель Австрии и, наконец, успех набора добровольческой армии отмечаются здешним общественным мнением и печатью с тревогой. Они требуют, чтобы при возобновлении перемирия были предъявлены немцам такие условия, которые окончательно обезвредили бы Германию.

В связи с этим усилились нападки на политику Вильсона. Печать недвусмысленно упрекает его в идеологии, результатом которой явились преждевременный разговор с немцами о мире и смягчение первоначально проектированных условий перемирия».

---

[1]) На подлиннике пометы: «Получ. 17/II. 19».—«Дело № 38».—«Перед. ген. Головину». — «Новицкому». — «Передана в Омск за № 281».

[2]) На подлиннике пометы: «Дело № 40—II». «Пер. вал. в Лондон 26/II».

Маклаков — в диплом. канцелярию в Екатеринодаре (для Нератова) [1].

В мин. ин. дел в Омске (для Вологодского).

Париж. 16 февраля 1919 г. № 255.

Ссылаюсь на мой № 182.

(Шифр: 434). Сазонов просит передать:

«Высказанные в ней предположения оправдываются, и мысль о съезде на Принкипо, повидимому, окончательно оставлена. Судя по полученным мною доверительным сведениям, есть некоторая надежда на известный поворот в отношении держав к русскому вопросу в более благоприятную для нас сторону».

Нератов — Сазонову [2].

Екатеринодар. 2(15) февраля 1919 г. № 250.

(Дельта). В газетах появилось известие, будто бы союзники склоняются к допущению русской делегации на Конференцию с совещательным голосом.

По поручению главнокомандующего, сообщаю, что мы не придаем веры этому известию, но считаем долгом на всякий случай предупредить вас, что такое решение безусловно неприемлемо. Россия может быть представлена на Конференции лишь на равных правах с прочими державами. В противном случае предпочтительно отказаться вовсе от официального участия, сохранив за собою свободу действий.

Винавер, министр ин. дел Крымского правительства — послу [3].

Одесса. 13 февраля 1919 г.

(Не шифр.). Русские газеты наполнены слухами о том, что союзные державы решили созвать на Принцевых островах конференцию для разрешения русского вопроса. Передают, что в конференции примут участие два представителя от каждой партии и по два представителя от каждого гражданского правительства и от военных образований. Согласно некоторым сообщениям, предположено пригласить на кон-

[1]) На подлиннике пометы: «Дело № 40—I».—«Послано повторение за № 325. 22 февр. 19 г.». — «Перед. вал. в Лондон 26/II».

[2]) На подлиннике пометы: «Получена 18 февраля».— «Дело № 40—I».— «Перед. вал. в Лондон 26/II».

[3]) На подлиннике пометы: «Получ. 18/II. 19» — «Дело № 24, Крым». — «Отвечено № 302. Дело 24, Кавказ». — «Пер. вал. в Лондон. 26/II». — Подлинник телеграммы на франц. языке.

ференцию и большевиков. Мы считаем это последнее сообщение неправдоподобным, но мы хотели бы получить от вас точное указание, в какой мере отвечают действительности вышеупомянутые сообщения. Если сведения о конференции верны, будьте добры сообщить нам, когда она будет иметь место и приедет ли на конференцию кто-либо из русских, находящихся в Париже.

Адресуйте ваш ответ командующему французскими силами, высаженными в Севастополе, для передачи министру иностранных дел Крымского правительства.

Нератов — Сазонову [1]).

Екатеринодар. 15 февраля 1919 г. № 251.

(Шифр: Урал). Главнокомандующий обратился к генералам Мильну в Константинополь и Уокеру в Тифлис с телеграммой по поводу обострения положения в Сухумском округе, в которой сообщает следующее.

Грузины своевременно ввели войска в Сухумский округ, поставили администрацию и повели гонение против Абхазского народа, составляющего большинство населения. Они разогнали национальный Абхазский совет, арестовали и отправили в Тифлис в тюрьму самых уважаемых деятелей и проводят новые выборы в совет, под давлением вооруженной силы. Эти меры вызвали крайнее озлобление, и ныне официальные представители Абхазского народа обратились к главнокомандующему с просьбой: 1) приостановить выборы в совет под влиянием грузинских властей и 2) добиться у союзного командования немедленного вывода грузинских войск из Абхазии, дабы избавить абхазцев от насилия и дать им возможность мирной работы.

Со своей стороны генерал Деникин находит: 1) что, ввиду ненависти абхазцев к грузинам, промедление в удалении грузин вызовет необходимость вооруженного вмешательства для восстановления порядка;

2) что Сухумский округ необходимо объявить нейтральным, немедленно вывести грузинские войска и администрацию и возложить поддержание порядка на абхазские власти и военные отряды из абхазцев;

3) грузины должны быть отведены за бывшую границу Кутаисской губернии.

---

[1]) На подлиннике пометы: «Получена 18 февраля 1919». — «Дело 24, Кавказ».—«Передана в Лондон за № 323».—«Передана в Омск за №...».—«Передано 21 февр. советнику для Quai d'Orsay».

Их претензии на ...щийся [1]) между реками Кадор и Ингур ни на чем не основаны, а местное население ненавидит их еще более, чем остальное население Абхазии.

Главнокомандующий настаивает на выполнении этих пунктов, ибо предвидит, что иначе и английской и Добровольческой армиям придется проливать кровь для умиротворения края, доведенного грузинами до последней степени возмущения.

Главнокомандующий предполагает, что в этом случае интересы английского командования совпадают с его интересами.

Маклаков — поверенному в делах в Лондоне [2]).

Париж. 17 февраля 1919 г. № 261.

(Шифр: 398). Вологодский телеграфирует, что канадские войска, повидимому, будут отозваны из Сибири. Они уже получили приказ задержаться во Владивостоке и не следовать в направлении Омска. Вологодский сообщает, что необходимо во что бы то ни стало отстоять поддержку снабжением. Увод войск, по его мнению, произвел бы губительное действие. Он просит поэтому об оставлении союзных войск в Сибири, хотя бы для охраны железной дороги.

Благоволите объясниться в этом смысле с великобританским правительством и о последующем телеграфировать.

Маклаков — в диплом. канцелярию в Екатеринодаре (для Нератова) [3]).

Париж. 17 февраля 1919 г. № 265.

Получил вашу телеграмму № 177.

(Шифр: Дельта). Сазонов просит передать:

«Вопрос о нашем участии в Конференции разрешается пока отрицательно, независимо от нашего отношения к нему. С своей стороны я, как и вы, придерживаюсь мнения, что нам лучше сохранить свободу действий в будущем, чем связать себя участием в принятии неблагоприятных для нас решений, которым при нынешней обстановке нам невозможно было бы противодействовать. Моя деятельность пока направлена, главным образом, к получению от союзников материальной помощи против большевиков и к выяснению им общности их инте-

[1]) Так в подлиннике.
[2]) На подлиннике помета: «Дело № 24, Сибирь».
[3]) На подлиннике помета: «Дело № 40—I».

ресов с нашими в этой борьбе. Во Франции начинают понимать пользу для себя воссоздания сильной России, но в Англии и Америке дело обстоит несколько иначе, почему там находят сочувственный отлик вожделения народностей, стремящихся отделиться от России. Мне приходится работать здесь в совершенно новых условиях, а потому много высказываемых вами пожеланий, вполне справедливых по себе [1]), трудно выполнимы. В частности, при существующем недостатке тесного общения между нами и союзниками, здесь трудно добиться указаний в смысле более согласованной деятельности местных агентов союзников с Екатеринодарским и Омским правительствами. Тем не менее, продолжая настаивать на этом перед Парижским и Лондонским кабинетами, прошу вас и на местах стараться поддерживать по возможности наилучшие отношения с представителями держав, памятуя, что их донесения влияют на отношение их правительств к происходящему в России».

Маклаков — министру ин. дел в Омске [2]).

Париж. 17 февраля 1919 г. № 267.

Для адмирала Колчака.

(Шифр...). Щербачев просит передать:

«№ 4. 26 сего января я прибыл в Париж, имея полномочия на военное представительство на Мирной конференции от главнокомандующего всеми армиями Юга России генерала Деникина. Политическое Совещание в Париже признало мои полномочия и образовало под моим председательством единую военно-морскую комиссию для технической подготовки тех военных вопросов, которые могут рассматриваться на Мирной конференции. Вместе с тем, Политическое Совещание предоставило мне право единоличного разрешения всех прочих военных вопросов: о военнопленных во всех государствах, о заграничном снабжении всех армий, борющихся против большевиков, и т. д. Моим помощником состоит генерал Головин. Ведение вопросами заграничного снабжения я поручил генералу Гермониусу через посредство русских организаций по снабжению, сохранившихся в Париже, Лондоне и Нью-Йорке. Ожидаю вашего ответа на телеграмму мою о военном представительстве».

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) На подлиннике помета: «Перед. вал. в Лондон 26/II».

Маклаков — в диплом. канцелярию в Екатеринодаре [1]).

Париж. 17 февраля 1919 г. № 268.

Генералу Деникину.

(Шифр: Дон). Генерал Щербачев просит передать:

«№ 7. Мной приобретен от английского правительства транспорт авиационных средств, заготовленных АНПРА для предполагавшегося и ныне отмененного десанта. Количество имущества приблизительно соответствует ведомости № 18. Все укупорено. К 8 марта нового стиля прибудет в Екатеринодар подполковник британской службы Маунд во главе инструкторов. Самое имущество прибудет в Новороссийск в начале апреля. Погрузка и перевозка не может быть налажена более срочно. Финансовая сторона договора улажена при посредстве Новицкого, представителя министерства финансов. Прошу подготовить штат летчиков, главным образом механиков, на сто аэропланов и телеграфировать, сколько требуется командировать для пополнения штата. Подробности почтой».

Сукин — послу [2]).

Омск. 16 февраля 1919 г. № 141.

(Шифр: Кама). Сегодня агентству Бурцева передается текст резолюции, принятой блоком политических и общественных организаций в составе представителей Совета всесибирских кооперативных союзов, отдела Союза возрождения, Всероссийского совета съездов торговли и промышленности, Комитета народной социалистической партии, казачьих войск — Сибирского, Забайкальского, Семиреченского и Иркутского, — партии социалистов ...ев [3]), Восточного отдела Центрального комитета партии народной свободы, Центрального военно-промышленного комитета, Областного отдела Национального союза.

Резолюция выражает единодушное отрицательное отношение этих организаций к совещанию на Принкипо.

Обращаю ваше внимание на этот текст, который мог бы быть вами широко использован.

---

[1]) На подлиннике пометы: «Дело № 44» — «Получено извещение о получении. Вх. № 670».

[2]) На подлиннике пометы: «Получена 20 февраля 1919». — «Дело 24, Сибирь». «Перед. вал. в Лонд. 26/II».

[3]) Так в подлиннике.

Набоков — послу [1]).

Лондон. 5(18) февраля 1919 г. № 95.

Телеграмма № 261 получена.

(Шифр: Кама). Сделал по содержанию этой телеграммы соответствующие представления. Так как решение вопроса об уводе канадских войск зависит от верховного командования, а также от канадского правительства, имеющего своих представителей в Париже, не найдете ли целесообразным объясниться с английскими военными представителями и с канадской делегацией и в таком случае уведомить меня об их отзыве? По установившейся технике сношений по такого рода делам, здешнее министерство иностранных дел может лишь только служить передаточной инстанцией. Полагаю, что вы найдете в этом деле сочувствующую поддержку в лице министра колоний лорда Мильнера, находящегося сейчас в Париже.

Набоков — послу [2]).

Лондон. 20 февраля 1919 г. № 100.

Я телеграфирую в Омск.

(Шифр: 398). В связи с телеграммами Юденича и извещениями из Омска и Екатеринодара, считаю долгом обратить серьезное внимание на нижеследующие соображения. Из всех центров, где организуются русские силы для борьбы с террором в России, поступают обращения, передаваемые представителями России державам Согласия, о всесторонней помощи России военным снаряжением, деньгами, продовольствием. Помощь эта испрашивается уже не для общей цели борьбы с Германией, а для восстановления порядка и законности в России. Как ни ясно нам, что единая и сильная Россия необходима в интересах не ее одной, а всего мира, как ни очевидно, что понесенные Россией жертвы дают ей право на помощь дружественных держав, тем не менее непосредственная прямая цель, для достижения которой мы требуем новых усилий со стороны этих держав — есть цель альтруистическая, есть помощь Российскому государству. В настоящее время ни одна из держав Согласия, за исключением Америки, не может итти на дальнейшие крупные усилия и финансовые жертвы, не имея уверенности, что за это они получат возмещение. В то же время державы Согласия не желают признавать полноправным и суверенным

[1]) На подлиннике пометы: «Получ. 21/II. 19». — «Дело 24, Сибирь».

[2]) На подлиннике пометы: «Получ. 21/II. 19». — «Дело № 59». — «Пер. вал. в Лонд. 26/II».

русское государство, объединяющего крупные центры [1]). Благодаря этому создается и все растет в русских государственных и общественных кругах подозрение, что державы Согласия, а в особенности Англия, как оказывавшая нам наиболее крупные услуги, намерены собственными силами добиться «возмещения расходов». Из этого положения, по моему мнению, необходимо найти выход. Этот выход представляется мне таким: нужно, чтобы державы Согласия признали суверенную власть единого российского правительства и вели с ним дипломатические переговоры на началах полного равноправия. Это даст нам возможность приступить к реальному разрешению тяжелой задачи расплаты за союзную помощь во время войны и за те услуги, которые мы теперь просим. Расплата за помощь во время войны должна быть отложена до момента полного восстановления государственного организма России. На такую продолжительную отсрочку нравственное право наше приобретено несметными и послужившими на пользу общего дела жертвами и кровью России. По обязательствам второй категории новая русская государственность, казалось бы, должна быть в силах изыскать способы притти с державами Согласия к уговору на строго деловой почве. Этим путем устранятся политические столкновения и опасность хозяйничания в России, и рассеется атмосфера нерешительности союзников и наша подозрительность. Иначе усилится настроение держав, что мы требуем слишком многого, а в России утвердится убеждение — на мой взгляд неправильное — что союзники не хотят нам помочь.

Нератов — Сазонову [2]).

Екатеринодар. 17 февраля 1919 г. № 254.

(Шифр...). 27 января к атаману Краснову явился капитан Фуке, который от имени генерала Франше д'Эсперэ передал ему для подписания два договора, которыми Краснов обязывался: во-первых, признать над собой высшее командование и власть по вопросам военным и политическим в лице генерала Франше, во-вторых, возместить за счет Войска донского все убытки французских граждан за время революции на Дону и Малороссии. Фуке добавил, что военная помощь будет оказана союзниками не ранее подписания договоров. — На запрос атамана, как ему поступить, главнокомандующий ответил, что он категорически запрещает подчиненным ему генералам связывать себя

[1]) Так в подлиннике.

[2]) На подлиннике пометы: «Получена 21 февраля 1919». — «Дело 59». — «Передана Щербачеву, Погуляеву». «Перевод передан Каммереру 22 февр.».

не отвечающими достоинству русского имени документами и он ничего подобного не подпишет.

Вместе с тем генерал Деникин по телеграфу выразил генералам Франше и Бертело надежду, что шаги капитана Фуке не были ему предписаны французским командованием, а были результатом личной его инициативы. Главнокомандующий указал французским генералам, что донской фронт находится в весьма тяжелом положении, Новочеркасск под угрозой и, если союзная помощь не будет дана без задержки, то донские казаки окончательно потеряют веру в союзников.

В Херсоне французское командование запрещает формирование частей Добровольческой армии и не допускает пребывания там наших частей, чем наносит чрезвычайный ущерб делу Добровольческой армии, единственной реальной силе на юге России, ведущей успешную борьбу против большевиков, петлюровцев и прочих анархических банд.

В заключение главнокомандующий ставит вопрос об ясном определении ему союзным командованием его участия в помощи России. Необходимо знать, будут ли союзники поддерживать его и вместе доблестно сражающиеся армии или ему придется одному вести борьбу одиноко, так, как ему велит долг перед родиной и его совесть.

Набоков — послу [1]).

Лондон. 20 февраля 1919 г. № 104.

(Шифр...). Для Сазонова.

Объяснился с помощником статс-секретаря по иностранным делам по содержанию телеграммы Нератова, в части относительно поощрения англичанами сепаратизма Грузии. Он ответил, что руководящее стремление Англии — лишить военное воздействие для водворения порядка и законности на Кавказе характера политического вмешательства, но что правительству приходится считаться с отрицательным отношением английского общественного мнения к насильственному подавлению стремления кавказских народностей к самоопределению. Отговорка слабая, но при настоящих политических условиях представлялось бы желательным не обострять принципиальное разногласие между Россией и Англией в вопросе о будущей судьбе Кавказа. Мне кажется несомненным, примирение друг другу противоречащих вожделений кавказских народностей — задача слишком обширная, чтобы быть разрешенной по приготовленным формулам самоопределения народностей. Сами провозвестники этих формул в Париже

[1]) На подлиннике пометы: «Получ. 21/II. 19». «Дело №.24, Кавказ».

ведь не сумели еще вложить в них реальное содержание. Кавказ, уже в сильной степени проникнутый русской культурой и имеющий соседями Турцию и Персию, несомненно, останется в русской орбите. Все дело в том, чтобы создать крепкий русский центр притяжения. Поэтому не следует, по моему мнению, преувеличивать значение принимаемых теперь бумажных решений.

Набоков — послу [1]).

Лондон. 7(20) февраля 1919 г. № 102.

Дополнение к моей телеграмме № 95 [2]).

(Шифр: Кама). Для Сазонова.

Помощник статс-секретаря по иностранным делам сказал мне, что намерение увести канадские войска вызывается, насколько ему известно, настроением этих войск, упорно стремящихся быть демобилизованными.

Бер — послу [3]).

Стокгольм. 19 февраля 1919 г. № 31.

Получил вашу телеграмму № 241.

(Шифр: Кама). Для Головина.

«На № 2. Верьте, что делаю все доступное для скорых сношений с Юденичем. Телеграфировать нельзя ввиду наличия финской цензуры и неимения права на шифр у Юденича. Затем только одни французы с трудом согласились предоставлять нам своего курьера раз в неделю, но при условии неадресования пакетов на имя Юденича, ни на мое, а[на] частное лицо. Несмотря на эту осторожность, все же в ландтаге сделан уже запрос о льготах Юденичу. Запрос провален небольшим числом голосов. После сего газета «Хувудстадсбладет» потребовала отставки министра Энкеля за его мнимое руссофильство. В Финляндии открыто говорят, что ей антибольшевики опаснее большевиков, ибо они не признают ее независимости. Лично уверен, что до решения вопроса об отношении Колчака к Финляндии организация Юденича не может стать на твердую почву. Геруа получил визы и выезжает 25. Военный агент Кандауров. № 59».

---

[1]) На подлиннике пометы: «Получена 22/II. 19». — «Дело № 24, Сибирь». «Пер. вал. в Лонд. 26/II».

[2]) «Вх. № 471». — Примечание в подлиннике.

[3]) На подлиннике пометы: «Получ. 22/II. 19». — Дело № 3». — «Перед. вал. в Лондон 26/II». — «Передана ген. Головину».

Маклаков — в диплом. канцелярию в Екатеринодаре (для Нератова) [1].

Париж. 21 февраля 1919 г. № 317.

Получил вашу телеграмму № 199.

(Шифр: 398). Сазонов просит передать:

«Мною, чрез посредство посольства, было обращено внимание французского правительства на недопустимость участия французских войск в подавлении восстания бессарабцев против румын. Министерство иностранных дел заверило, что французские войска не примут участия в подобных действиях».

Маклаков — мин. ин. дел в Омске (для Вологодского) [2].

В диплом. канцелярию в Екатеринодаре (для Нератова).

Париж. 21 февраля 1919 г. № 319.

(Шифр: Урал). Сазонов просит передать:

«В речи, произнесенной третьего дня в Лондоне, великобританский военный министр Винстон Черчилль заявил, что Англия не намерена посылать в Россию больших армий и что содействие, которое она нам окажет, будет заключаться в снабжении оружием, снарядами, снаряжением, техническими средствами и помощью на добровольных началах. Из заявлений министра можно таким образом косвенно вывести заключение, что посылка небольших отрядов не исключается».

Ген. Миллер — Маклакову [3].

Архангельск. 18 февраля 1919 г. № 205.

Для Чайковского.

16 февраля Зубов устроил завтрак для дипломатических и военных представителей и для членов правительства. Зубов благодарил союзников за оказанную помощь продовольствием и войсками, которая дала возможность организовать русскую армию для победоносной борьбы с большевиками. Он указал на необходимость повести после умиротворения России решительную борьбу с Германией на экономической почве, ибо Германия является единственной воюющей державой на континенте, сохранившей непоколебленной свою экономическую мощь. Линдлей напомнил великие заслуги России в первые

[1]) На подлиннике помета: «Дело № 23».

[2]) На подлиннике помета: «Дело № 50».

[3]) На подлиннике пометы: «Получ. 22/II. 19. № 493». — «Дело № 24, Север». — «Передана Чайковскому». — «Передана Головину».

два года войны, которые никоим образом не могут быть компенсированы оказываемой ныне помощью [1]).

(Шифр: 693). Союзники не преследуют никаких эгоистических целей в России, желают своими войсками создать заслон, за которым сорганизуются русские силы, дабы помочь России скорее окрепнуть и восстановить нормальную государственную жизнь. Генерал Айронсайд заявил: главная цель его работы — содействовать созданию русских войск. Русские войска на фронте держатся очень хорошо. Русская артиллерия великолепна, не было ни одного дезертира. Надеется скоро передать командование целым участком [в] русские руки [2]). (Не шифров.) Японский представитель напомнил о заявлении своего министра-президента и министра иностранных дел о том, что Япония, приветствуя укрепление Сибирского правительства и будучи готова оказать всяческую помощь, не ищет никаких выгод для себя и желает лишь возрождения России на основах права, справедливости и свободы.

Сазонов — Нератову [3]).

Париж. 24 февраля 1919 г. № 395.

Ваша телеграмма 192 получена.

(Шифр...). Я поручил Набокову переговорить по содержанию означенной телеграммы с английским правительством. Военное министерство ответило ему доверительно, что оно намерено деятельно продолжать снабжение Добровольческой армии и что оно неизменно дружественно относится к генералу Деникину. Что касается поощрения, оказываемого, по вашим словам, англичанами сепаратизму Грузии, помощник статс-секретаря по иностранным делам сказал Набокову, что «Англия стремится лишь к водворению порядка, избегая вмешательства в политические вопросы, но что правительству приходится считаться с отрицательным отношением английского общественного мнения к насильственному подавлению стремления кавказских народностей к самоопределению».

Полагаю, что при нынешних обстоятельствах нежелательно ставить возможные наши разногласия с англичанами по поводу происходящего на Кавказе на принципиальную почву, тем более, что, когда Россия окрепнет, сепаратистские стремления кавказских народностей, вероятно, скоро потеряют значение.

---

[1]) Первый абзац в подлиннике — на английском языке.

[2]) Далее текст — на английском языке.

[3]) На подлиннике пометы: «Дело 24, Кавказ». — «Получено уведомление о получении 18/III. 19 г. за № 343. (Вх. № 670)».

Через посольство в Лондоне я обратил внимание великобританского правительства на желательность преподания английским военным властям на Кавказе указаний в смысле поддержания тесной связи с нашим командованием.

Доверительно. Помня прежнюю деятельность генерала Ляхова в Персии, боюсь, что его назначение затруднит достижение намеченной цели дружественного сотрудничества англичан с нами.

Прошу телеграфно уведомить о получении настоящей телеграммы.

Сазонов — в диплом. канцелярию Екатеринодара (для Нератова) [1].

В Омск (для адмирала Колчака).

Париж. 24 февраля 1919 г. №№ 336 и 337.

Предположение создать в Финляндии под руководством Юденича военную силу для борьбы с большевиками выдвигает вопрос о нашем отношении к домогательствам финляндцев, которые склонны оказать поддержку Юденичу только при условии предварительного выяснения указанного вопроса. По моему мнению, никто в настоящее время не правомочен дать какие-либо заверения в смысле признания независимости Финляндии, так как право это принадлежит исключительно будущему русскому народному собранию. Хотя Финляндия не имела права односторонним актом порвать свою связь с Россией, тем не менее полагаю, что при нынешних обстоятельствах нам следует пока считаться с создавшимся положением, противодействовать которому мы бессильны. Поэтому, в виду крайней необходимости дать Юденичу возможность подготовить наступление на Петроград, нам нужно воздержаться теперь от государственно-правовых споров с финляндцами. Я желал бы знать, разделите ли вы это мнение.

Кн. Кудашев — послу [2].

Пекин. 14 февраля 1919 г. № 69.

Получил вашу телеграмму № 178.

(Шифр: Дон). Прошу передать Путилову:

«Проект международного контроля над Сибирскими и Китайско-Восточной железными дорогами выработан Соединенными Штатами и Японией и мне известен неофициально лишь в общих чертах. Он должен быть принят остальными союзниками, раньше чем вступить

[1]) На подлиннике пометы: «Дело № 3». — «Передана ген. Головину».

[2]) На подлиннике пометы: «Получ. 24/II. 19». — «Дело № 11». — «Передана Путилову». — «Пер. вал. в Рим.». — «Передана Бахметеву 28/II. 19 г.». — «Передана в Quai d'Orsay».

в силу. В применении к Китайско-Восточной железной дороге, чтобы быть законным, на него должно согласиться правление — единственный законный хозяин дороги. Если проект будет (принят) помимо правления, я буду протестовать перед Китаем. Полагаю, что такой же протест последует со стороны Омска по адресу других правительств. Протест имеет исключительно принципиальное значение охраны наших договорных прав, ибо я допускаю целесообразность иностранного контроля в видах наведения порядка и дисциплины на дороге, а также основательность претензии союзников обеспечить себе контроль над единственной линией сообщения с посланными в Сибирь войсками их. Конечно, всякое оправдание такого контроля отпадает, если интервенция прекратится или останется в настоящем неопределенном виде. Во всяком случае, крайне прискорбно, что с правлением никто не считается. Это объясняется тем, что оно само себя свело на нет, ни разу даже не собравшись, хотя (одиннадцатого) для формы решено было перенесение его в Пекин. В апреле истекают его полномочия, и следует ныне же озаботиться их возобновлением. Не могли бы ли вы приехать, чтобы навести в этом деле порядок?».

Нератов — Сазонову [1]).

Екатеринодар. 8 (21) февраля 1919 г. № 299.

(Шифр: Кама). 2 февраля сюда прибыл английский генерал Бриггс, назначенный начальником британской военной миссии при главнокомандующем на место генерала Пуль. По его словам, ему дана инструкция оказывать содействие снабжению Добровольческой армии всем необходимым по расчету, предъявив от британского военного министерства телеграмму, гласящую: «так как вопрос о России еще рассматривается Парижской конференцией, то мы не можем принять окончательного решения касательно просьбы генерала Деникина о присылке войск».

Впрочем, по словам генерала Бриггса, его задача чисто военного характера и не касается вопросов (снаряжения) на 250 000 человек. Первые пароходы с грузом находятся уже в пути на Новороссийск, и дальнейшее снабжение будет производиться без перерывов.

Решение (это) было принято в Лондоне за 10 дней до прибытия сюда генерала.

Что касается помощи живой силой, то Бриггс донес: только что получил от получил [2]) от английского морского министерства [телеграм-

[1]) На подлиннике пометы: «Получ. 25/II. 19».—«Дело 24, Кавказ».—«Перевод для О.».

[2]) Так в подлиннике.

му], гласящую:... [1]). Подчинен он непосредственно Лондону, но по делам Кавказа сносится с военным министерством чрез посредство генерала Мильна в Константинополе).

Эттер — Сазонову [2]).

Тегеран. 22 февраля 1919 г. № 36.

(Шифр: Дон). В отношении Персии желательно:

I. Признание невозможности односторонней отмены договоров.

II. Признание существующих концессий и «форс-мажорных» обстоятельств для ограждения некоторых из них от расторжения.

III. Образование особой русско-персидской комиссии для взаимных расчетов и рассмотрения убытков от войны и революции и от хронической анархии в Персии.

IV. Обеспечение существования христиан в западной Персии.

V. Наш суверенитет на Каспийском море.

Англия объявила приостановленными наши с ней специальные соглашения о Персии. При пересмотре их желательно выговорить преимущество наших концессий на Севере.

Временно, до восстановления в России государственного порядка, необходима полная поддержка и солидарность с нами союзников, особенно Англии. Для нас, в Персии, важно недопущение сепаратистских выступлений Закавказских образований.

Для освещения положения считал бы полезным прибытие в Париж Минорского, вскоре выезжающего в Екатеринодар.

Прошу телеграфировать о получении настоящей телеграммы.

Маклаков — мин. ин. дел в Омске (для адмирала Колчака) [3]).

В диплом. канцелярию в Екатеринодаре (для ген. Деникина).

Париж. 25 февраля 1919 г. № 346.

(Шифр: 398). Князь Львов просит передать:

«Необходимость дать Совещанию наибольшую устойчивость и авторитет путем равновесия представленных в нем течений побудила нас кооптировать Сергея Андреевича Иванова, социал-революционера,

---

[1]) К последнему абзацу в подлиннике сделана сноска: «Исправленный конец см. вх. тел. № 681». В распоряжении редакции телеграммы № 681, исправляющей текст данной, неудовлетворительно расшифрованной в «посольстве», телеграммы не имеется.

[2]) На подлиннике пометы: «Получена 25 февраля 1919». — «Дело 25». — «Перед. вал. в Рим». — «Послан Albus за № 365».

[3]) На подлиннике помета: «Дело № 40—I».

члена Парижского отдела Всероссийского союза возрождения. Его связи и чистая репутация весьма ценны. Прошу вашего спешного одобрения».

Маклаков — ген.-губернатору ген.-лейт. Миллеру в Архангельске [1]).

Париж. 28 февраля 1919 г. № 364.

(Шифр: 693). Чайковский просит передать:

«Четвертого марта в Лондоне в парламентском комитете будет решаться вопрос о доставке военного снаряжения на русские фронты. Сообщите спешно шифром генералу Головину в русское посольство в Лондон, что наиболее нужно для русских частей Северной области».

Сукин — послу [2]).

Омск. 24 февраля 1919 г. № 23/134.

Прошу передать Лондон и Рим.

(Шифр: Кама). Мартель только что передал сообщение французского правительства, в котором сказано, что ввиду неопределенности результатов, которые можно ожидать от съезда на Принцевых островах, французское правительство не может приостанавливать своей поддержки Омскому правительству. Помощь, которую оно раньше ему оказывало, и выполнение уже начатых мероприятий в деле поддержки адмирала Колчака и организации армии в Сибири будут продолжаться впредь до какого-либо решения, которое может быть принято только по полном выяснении обстановки.

Набоков — послу [3]).

Лондон. 14(27) февраля 1919 г. № 119.

(Шифр: Кама). Для Сазонова.

Мною получен от управляющего министерством иностранных дел следующий письменный ответ по содержанию телеграммы Нератова:

«Сочувствие английского правительства к генералу Деникину ясно выразилось в сотрудничестве его военным операциям, успеху

[1]) На подлиннике помета: «Дело № 44».

[2]) На подлиннике пометы: «Получ. 28/II. 19». — «Дело № 24, Сибирь». — «Передана в Лондон и Рим за № 377».

[3]) На подлиннике пометы: «Получена 1/III. 19». — «Дело 50». — «Передана в Екатеринодар за № 384». — «Бахметеву 5/III 19 г.». — «Перед. вал. в Лондон». — «Перед. вал. в Рим 12/III 19».

которых правительство оказало существенное содействие. Местное положение на Кавказе так быстро меняется ежедневно и осведомление о нем так неполно, что представляется покамест невозможным определить в Лондоне точные пределы как «статуса», так и военных действий в этой области. Что касается Закавказских республик, английское правительство полагает, что окончательный их статус подлежит решению Мирной конференции. Впредь до такого решения желательно невмешательство с русской стороны. Генералу Деникину уже сообщено, что, по мнению английского правительства, его военные действия следует ограничить районом к северу от указанной ему линии и что поддержка и сочувствие английского правительства зависит от строгого соблюдения этого условия».

По поводу этой ноты позволю себе думать, что желательно было бы указать английскому правительству, что решать статус Закавказья Мирная конференция без участия России не может.

Приписка, сделанная к переводу телеграммы Нератова № 119, переданному в Quai d'Orsey [1]).

По этому поводу г. Сазонов заявил, что он считает недопустимой точку зрения министерства иностранных дел, заключающуюся в том, что судьба кавказских народностей должна быть решена Мирной конференцией в Париже без вмешательства русских в этот вопрос. Россия ни в коем случае не может отказаться от своих интересов на Кавказе; наоборот, она должна сохранить все свои права на будущее урегулирование касающихся его вопросов.

Сукин — послу [2]).

Омск. 22 февраля 1919 г. № 35/411.

№ 2[3]). Я телеграфирую в Вашингтон. Ссылаюсь на ваш № 140. (Шифр: 398). Передача правительству лишь только ограниченной суммы в 500 миллионов рублей ставит нас в чрезвычайно затруднительное положение. Как вы знаете, месячный бюджет превышает 600 миллионов. Рядом с этим, выпуск наших краткосрочных обязательств

[1]) Текст приписки в подлиннике — на франц. языке.

[2]) На подлиннике пометы: «Получ. 1/III. 19». — «Дело № 38». — «Перевод передан советнику [?] для Q. d. O». — «Перед. вал. в Лондон».

[3]) На подлиннике помета: «№ 1 см. вх. № 529». Содержание тел. Сукина № 1 след.: «Поверенный в делах в Вашингтоне известил, что американское правительство наконец согласилось вернуть банкноты с Маниллы во Владивосток, однако с передачей нам из них всего лишь 500 миллионов. Телеграммой № 2 вам передается текст нашей инструкции в Вашингтон, по существу которой мы рассчитываем на поддержку французского правительства».

все увеличивается в связи с растущими потребностями и постепенным улучшением технических средств печатания. При таких условиях выпуск 500 миллионов, если за ними немедленно не последовала новая выдача, имел бы результатом лишь ухудшение нашего финансового положения. Ибо, с неминуемым созданием при появлении новых денег лажа на наши обязательства, последние были бы обесценены, тогда как денежные знаки не могли бы покрыть всей потребности. Однако мы считаем себя не в праве отказываться от принятия хотя бы 500 миллионов, обращая в случае надобности внимание американского правительства на необходимость уже сейчас обеспечить нам и дальнейшие выдачи. Для более детальной аргументации вам посылаем осведомительную телеграмму от министерства финансов. Не откажите в этом смысле объясниться с американским правительством, указав еще раз, что передача банкнот ни в каком случае не должна рассматриваться, как финансовая нам помощь, так как речь идет только о непрепятствовании использовать свой технический... [1]) в Америке.

Сазонов — мин. ин. дел в Омске (для адмирала Колчака) [2]).

В диплом. канцелярию в Екатеринодаре (для Нератова). № 390.

Париж. 3 марта 1919 г. № 387.

Для Омска: Получил вашу телеграмму № 51/143.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 337.

Для Екатеринодара (шифр: Урал): Я телеграфирую Колчаку в ответ на его запрос и ссылаюсь на мою телеграмму, идентичную посланной вам за № 336.

(Шифр...). Как я уже высказался в означенной телеграмме, настоятельная необходимость помочь Юденичу подготовить в Финляндии наступление на Петроград, — что без содействия финляндцев невозможно, — заставляет нас считаться с намерением последних использовать создавшееся положение для получения от нас признания их независимости. Я настаиваю на неправомочности кого бы то ни было, кроме будущего Всероссийского народного собрания, высказаться по этому предмету. Тем не менее, ввиду опасности погубить начатое Юденичем дело, думаю, что нам следует изыскать средство, хотя бы отчасти, удовлетворить финляндцев. По имеющимся здесь данным, это, может быть, могло бы быть достигнуто заявлением [3]), что мы лично не возражаем против предоставления Финляндии [4])

[1]) Так в подлиннике.

[2]) На подлиннике пометы: «Набрано и отпр. 3/III». — «Дело № 3».

[3]) Далее зачеркнуто: «от имени вас, Деникина и меня, а также Чайковского».

[4]) Далее зачеркнуто: «в нынешних ее территориальных пределах».

самостоятельности при условии обеспечения стратегических интересов России и защиты Петрограда. Мы могли бы даже дополнить это заявление обещанием в свое время поддержать такое разрешение вопроса перед будущим Русским народным собранием. Чайковский с своей стороны согласен на такое заявление. Благоволите срочно телеграфировать мне, согласны ли вы [1]) уполномочить меня в случае надобности сделать заявление и от вашего имени.

Далее для Екатеринодара: «Прошу сообщить, согласен ли на это и генерал Деникин».

Вологодский — послу [2]).

Омск. 21 февраля 1919 г. № 6—211.

(Шифр: Дон). До последнего времени политика в отношении Японии носила выжидательный и неопределенный характер. Это обусловливалось наблюдаемыми до сих пор противоречиями между дружественными заявлениями японского правительства, с одной стороны, и действиями японских агентов, с другой, что выражалось в поддержке сепаратистских тенденций некоторых военных организаций и, главное, в поведении их войск в Сибири, носившем характер военной оккупации.

Эти обстоятельства препятствовали установлению более тесного взаимного понимания с Японией.

За последнее время однако замечается стремление японского правительства более серьезно считаться с центральной российской правительственной властью и умерить деятельность наиболее шовинистических своих военных представителей. В связи с этим, а также вследствие новой международной конъюнктуры, клонящейся к более тесному сотрудничеству с Японией, мы, в свою очередь, пересмотрим нашу дальневосточную политику, желая устранить неясность и неопределенность создавшихся отношений с Японией. Это однако не означает, что правительство намерено менять основы своей политики и поколебать этим ясность и лойяльность своей международной позиции.

Мы принуждены поэтому категорически опровергнуть все проникшие в заграничную печать слухи о перемене ориентации Омского правительства, которое, по словам газетных корреспондентов, отчаявшись в помощи союзников, будто бы бросается в объятия Японии.

Подобные сообщения нам чрезвычайно вредят, и если мы и можем пользоваться в своей аргументации перед союзниками призраком

---

[1]) Далее зачеркнуто: «чтобы таковое было сделано и от вашего имени».

[2]) На подлиннике пометы: «Получена 1 марта 1919». — «Дело 59». — «Перед. вал. в Лонд. 11/III. 19». — «Перед. вал. в Рим 12/III. 19».

японской опасности, то лишь в очень осторожной форме, не идя слишком далеко. По существу же мы считаем подобное коренное изменение нашей политики гибельным и бесплодным. Во-первых, Япония, не обладающая достаточными финансовыми и техническими рессурсами, не в состоянии дать нам всего необходимого для нашей борьбы, не может восстановить железнодорожного транспорта, оживить нашу промышленность и способствовать производительному, а не одному лишь хищническому развитию естественных богатств России. Во-вторых, Япония, будучи связана с Англией в решении на Мирной конференции многих жизненных для нее вопросов, не сможет также итти открыто и против Америки. При таких условиях нам нельзя серьезно рассчитывать на ее деятельную поддержку, если бы мы допустили размолвку с союзниками. В-третьих, использование японской военной помощи в смысле посылки войск к западу от Иркутска, при обнаружившихся на опыте оккупационных приемах последних, могло бы постепенно нас поставить в полную зависимость от Японии. Что же касается посылки войск на фронт, это, вероятно, лишь приманка и вряд ли будет приведена в исполнение, так как Япония пока проявила интерес только в отношении восточных областей. Если бы эти войска и были посланы, то это повлекло бы, вероятно, постепенное внедрение Японии во все отрасли нашего военного управления. В-четвертых, наконец, Япония не заинтересована в скором (создании) единой и сильной России. Подобно своей деятельности в Китае, она будет и здесь стремиться к поддержанию гражданской войны до полного изнурения России, чтобы создать более удобную почву для эксплоатации обессиленной страны. Мы, равным образом, полагаем, что политика, основанная на преувеличенных расчетах в возможности использовать в интересах России существующее соревнование между Америкой и Японией, не может привести к каким-нибудь прочным и положительным результатам. Америка, не желающая конфликта с Японией, станет нас сторониться, поскольку она будет видеть опасность быть втянутой в осложнения из-за России.

Вышеизложенные соображения вам следует иметь в виду, руководствуясь также тем общим настроением полного спокойствия и уверенности в благоприятном повороте наших отношений с союзниками, которые характеризуют позицию правительства. Находясь в тесном контакте с Парижем, мы не видим оснований к... [1]), не усматриваем... ... [1]) союзной помощи, и, в самом деле, наша сила лежит в неизменном и последовательном укреплении нашего положения в России, сосредоточенной работе и упорядочении нашей государственности.

[1]) Так в подлиннике.

Мы в то же время считаем своевременным воспользоваться попытками сближения со стороны Японии, чтобы искать разрешения ряда практических вопросов, которые стоят серьезным препятствием к укреплению власти правительства. В частности, ликвидация нетерпимого положения Забайкальской области составляет одну из главнейших наших забот, причем проявляемое Японией дружелюбие должно было бы прежде всего сказаться в непрепятствовании нам распространить свой контроль на эту область.

Равным образом, было бы желательно заговорить с Японией на более реальном языке, чтобы выяснить те конкретные условия, на которых мы могли бы в большей мере, нежели ранее, привлечь помощь и содействие Японии в вопросах снабжения наряду с другими союзниками.

Ибо до сих пор пожелания Японии не были формулированы сколько-нибудь ясно, и не чувствовалось предела ее вожделениям, что, естественно, создавало невозможность какого-либо более практического взаимодействия.

Угет — послу [1]).

Вашингтон. 26 февраля 1919 г. № 183.

Для Бахметьева.

(Шифр: Кама). В Америке около месяца находится Брешковская, с которой установился тесный контакт. Конечно, настроение Брешковской ярко антибольшевистское, и полагаю, что, пользуясь своим колоссальным нравственным авторитетом в Америке, она более, чем кто-либо другой, может содействовать в перевоспитании большевистски-идиллически настроенной части американской интеллигенции. К сожалению, рассчитывать влиять на Вашингтон не приходится впредь до крутых социальных катастроф в самой Америке или же иных мировых катаклизмов. Первым провозвестником большевизма в Америке послужила забастовка в Сиатле, охватившая около 150 000 человек. Забастовка длилась четыре дня без эксцессов, правительство праздновало победу, по неофициальным же сведениям, это была лишь первая репетиция повиновения большевистски настроенных масс центру. Однако это событие заставило все-таки сенат поручить комиссии Овермана заняться рассмотрением распространения большевизма в Америке. В частности, кроме американцев, возвратившихся из России, показания давала Брешковская, видимо,

[1]) На подлиннике пометы: «Получ. 3/III. 19». — «Дело № 47». — «Передана Бахметьеву 5/III. 19 г.».—«Перед. вал. в Лонд. 11/III. 19».—«Перед. вал. в Рим 12/III. 19».

произведшая довольно сильное впечатление. Однако допрос четы Ридов и Вильямса, опасаюсь, что может внести значительное успокоение в общественное мнение, так как они удачно отметили, что большевизм есть ..... [1]) для России, но не годится для Америки. Все пути пропаганды в пределах наших средств используются полностью, встречаю в нашей работе полную поддержку Брешковской. На-днях прибыл Авксентьев со спутниками, с которыми также установил вполне добрые отношения. 9 марта они выезжают в Париж, где намереваются принять усиленное участие в ваших работах. Авксентьев настроен государственно и ставит себе основной задачей выставление единого национального фронта перед союзниками, объединенного общей формальной программой. У всех у них, включая Брешковскую, сквозит однако горечь по поводу Омского переворота, причем вполне определенно чувствуется не оскорбленное партийное или личное самолюбие, а боязнь, чтобы правительство, не опирающееся, по их мнению, на народные массы, не послужило началом гражданской войны в антибольшевистском лагере. При этом из слов Авксентьева можно понять, что .....[1]) поддержку на своей стороне, он сознательно уклонился от реставрации власти Директории, чтобы не сеять раздора и новую братоубийственную войну. Во всяком случае, мое личное впечатление, что приезд Авксентьева в Париж может быть крайне полезен для наших национальных интересов.

---

[1]) Так в подлиннике.

К истории процесса 21.

(Письма и показания П. Ф. Якубовича.)

Продолжение. *)

17. Показание 30 ноября 1884 г.

Близкое прикосновение к революционной среде, уже заведомо для меня активно-революционной, я начал иметь только с февраля или марта 1883 г., когда познакомился с известным впоследствии Сергеем Дегаевым [1]). До этого времени, благодаря большому кругу знакомств среди литературного и вообще интеллигентного петербургского мира (как литератор) и среди учащейся молодежи (как студент), я имел несколько столкновений с лицами, которые обвинялись впоследствии как революционеры, но которые в своих отношениях ко мне были простыми частными знакомыми; мнения их и убеждения, иногда несколько революционные, были для меня также мнениями и убеждениями частных лиц; просьбы некоторых из них, обращенные ко мне, несмотря на свой нелегальный характер, исполнялись мной, в большинстве случаев, как просьбы частных знакомых, л и ч н о с т и которых я симпатизировал. Тем не менее, теперь же я должен заявить, что еще много лет назад у меня составилось мировоззрение чисто социалистическое и революционное. У меня не было никакой программы, которой придерживается человек действующий, потому что с в о ю л и ч н о с т ь я считал, помимо своих убеждений, совершенно неспособной и нимало не склонной ни к какой организационной деятельности. Но людям д е й с т в у ю щ и м (искренно), не справляясь с деталями их программ, я тем не менее всегда считал своим нравственным долгом помогать, чем мог. Этим объясняется то, что на просьбы знакомых (которые, — так я был уверен, — обращались ко мне также не лично от себя, а для кого-нибудь из хороших знакомых и, может быть, так далее) дать для переписки нелегального характера мой собственный адрес или попросить таковой у кого-либо другого — я никогда не давал отказа. При этом, я прежде

*) См. «Красный архив», т. V (36), стр. 122—179.

всего предлагал свой собственный адрес и, только когда его находили почему-либо неудобным, обращался к знакомым. Таким образом произошла и история с Евгенией Демидовой [2]). Последнюю я лично не знал близко, но считал своей хорошей знакомой сестру ее Александру и через ее посредство получил адрес Евгении, вполне убежденный при этом, что как та, так и другая хорошо поняли несколько опасный характер предложенного им дела. Но Александра Демидова согласилась без всяких раздумываний, должно быть, не дав себе даже труда вслушаться хорошенько в мои слова. Но когда письма начали приходить по адресу Евгении Демидовой довольно часто и на одном из них, плохо написанном, она заметила проступавшие между строк цифры, то, испугавшись, она немедленно просила меня прекратить переписку по ее адресу. Я сообщил это своему знакомому; но письма продолжали сыпаться, и в один прекрасный день я получил от Евгении Демидовой открытое письмо угрожающего характера («Перестаньте писать мне письма, иначе я обращусь, куда следует» и пр.). Я жил, между тем, в квартире (казенной) своего брата доктора [3]), вместе с матушкой и сестрой (в клинике баронета Виллие) и т а к о е открытое письмо, превратно понятое, очень взволновало моих родных; я же, зная, в чем дело, взволновался еще больше, боясь скомпрометировать брата, в квартире которого я жил, — и, под влиянием всего этого, немедленно написал Евгении Демидовой письмо от 7 марта 83 г., которое по предъявлении мне и признаю своим, равно как и письмо от 12 февраля того же года. Прекратились ли после того письма на ее адрес, я не знаю. Что это были за письма, также не знаю.

Из числа знакомых, оказавшихся впоследствии «революционерами», но для меня бывших простыми знакомыми, назову братьев Карауловых, Михаила Шебалина и Овчинникова. Из Карауловых гораздо раньше и несравненно ближе я был знаком со старшим братом Василием [4]), которого узнал, кажется, еще весной 1882 г., — при каких обстоятельствах, не помню. Во все время наших сношений — они были чисто личные; в разговорах о предметах революционного характера, какие помню, ни разу я не слышал от него слова «мы» и потому считал его стоящим от действующих людей совершенно в стороне, подобно себе; никогда не слышал от него даже, чтоб он знал кого-либо из революционеров, равно как и о себе не говорил ему ни о чем подобном. Он представлялся мне образованным, умным и в высшей степени обаятельным как личность человеком. Я безбоязненно ходил к нему на квартиру, где и познакомился с его женой и братом. У последнего был, помнится, однажды (на Введенской улице), по чисто семейному делу, касавшемуся, кажется, болезни одного из детей Николая Караулова. Николай Караулов казался мне человеком

очень серьезным, молчаливым, туго идущим на знакомства и, в свою очередь, мало располагающим к нему. Мои отношения с Василием Карауловым были до того личные и чуждые скрытности и всякого нелегального элемента, что я счел даже возможным весною 1883 г. не отказаться от его приглашения провести лето в деревне его отца вместе с ним (в Великолуцком уезде). [5]).

Возвращаюсь к более раннему периоду. С Овчинниковым (фамилию эту услышал только нынешней осенью, уже много спустя после его ареста) я познакомился, кажется, осенью 1882 г. — за время, впрочем, не ручаюсь. Об обстоятельствах знакомства нахожу нужным умолчать, но знакомство это вначале и долгое время потом опять-таки было несравненно более личное, нежели революционное. Это объясняется характером его личности, несколько флегматичной, не любящей выставлять себя и говорить о себе, не особенно интеллигентной, но и не выдающей себя за таковую. При знакомстве мне его совсем не отрекомендовали (и я впоследствии только узнал разные его клички), но я с первого же разу увидел (да никто и не скрывал этого), что он человек скрывающийся, гонимый. Он нуждался в деньгах, в местах убежища. Я всем этим, сравнительно с ним, был богат. Я должен был помогать ему без всяких соображений. Он редко бывал в Петербурге (куда исчезал — я не любопытствовал спрашивать), а когда бывало и я знал об том, я и помогал ему, чем мог. Так продолжались мои отношения к нему почти все время до его ареста, хотя в последние несколько месяцев я уже смотрел на него не только как на скрывающегося, но и как на действующего под знаменем «Народной Воли» революционера [6]).

Михаила Шебалина я знал как товарища по университету, не более, но, кажется, взаимно симпатизировали друг другу и встречались, хотя и редко, с удовольствием и после окончания курса. На квартирах друг у друга не бывали. Я к себе не приглашал никого уж и потому одному, что жил, повторяю, не на собственной квартире. Шебалин не имел в своем характере и тени склонности «радикальничать», выставлять напоказ свои убеждения и уж тем более действия, если они были. Если знакомые его, и я в том числе, даже подозревали смутно нечто неладное в его образе жизни и, главным образом, в сьадьбе на незнакомой всем нам девушке [7]), то своих подозрений не высказывали ни ему, ни промеж себя громко. Обусловливалось это, подчеркиваю, характером, всем складом человека. Это был просто хороший человек, в лучшем смысле этого слова, добродушный весельчак, хотя в то же время флегматик и прочее. Потерял я его из виду весной 1883 г., насколько помню. В общем, знакомство было настолько мимолетное, что, не сделайся его имя общеизвестным, я через несколько

лет, быть может, спросил бы: «Кто это такой?» — Весьма возможно, что мое имя и существование на свете еще меньше врезались в его памяти.

Перехожу к Дегаеву. Познакомился с ним, как с Петром Алексеевичем Федоровским, весной 1883 г. — в каком месяце, точно не помню, на «курфиксе» в одном интеллигентном, близком к литературному миру, семействе. В этот раз он произвел на меня не очень хорошее впечатление своей развязностью, неумолкаемой болтовней, «радикальничаньем», некоторой неискренностью, сквозившей во всем. Я же, напротив, повидимому, имел несчастие очень понравиться ему (ему назвали меня, конечно, под настоящей моей фамилией); он, что называется, прицепился ко мне, говорил со мной отдельно от других гостей, просил позволения приходить ко мне. Последнее я отклонил под тем предлогом, что живу в семействе. Он с первого же разу, без всякой тактичности, предложил мне встретиться в трактире... Я наотрез отказался. Но в утешение ему сказал, что часто бываю в этом же доме и в других знакомых ему (он сыпал фамилиями известных ему людей направо и налево). И действительно, после того вскоре же мы снова встретились утром, и в эту вторую беседу наедине первое впечатление антипатии к нему во мне изгладилось; он, должно быть, успел уловить внутренний склад моего «я», потому что умел быть тонким психологом, как потом я узнал. В эту вторую беседу он, без всяких околичностей, сказал мне, что он нелегальный, что он член партии «Народной Воли». Впоследствии он объяснил мне, почему так привязался ко мне, едва услышав мое имя. Всюду вертясь, он давно уже знал меня заочно, как человека, сочувствующего революционному движению в широком смысле этого слова, готового, по темпераменту своему, на всевозможные услуги приятелям и, кроме того, как поэта. Этого было достаточно. Но, вызвав во мне в эту вторую беседу лучшее отношение к себе, он продолжал быть нетактичным — и с первых же слов предложил мне быть редактором «Народной Воли»!.. Я, разумеется, в ответ на это только рассмеялся. На вопрос, почему отказываюсь, отвечал, что, будучи действительно сочувствующим революции по убеждениям, я не революционер по натуре, да к тому не склонен подчиняться в своих действиях никаким рамкам и тенетам. В конце концов, он должен был ограничиться тем, что предлагал мне не отказываться, чем могу, помогать его делу в литературном отношении, в смысле просмотра и редактирования по временам формы и внешности статей, а также доставления стихотворений и пр. От этого я не отказался. Под конец он еще предложил мне, как человеку, «стоящему совершенно в стороне от революционного потока и потому могущему без опасности и хладнокровно вести это дело», — вести «арестную хронику»,

т. е. записывать в свою записную книжку имена арестованных, о которых он будет сообщать мне или же о которых я сам услышу, и, когда будет нужно, составленную хронику передавать ему. Весной, однако мне не пришлось оказать ему ни одной из этих «услуг»; правда, я переписал несколько статей, данных им мне в разное время, но их я ни тогда, ни после никогда не видел в подпольной печати. Ближе сойдясь с г. лже-Федоровским, я не отказывался уже от так называемых им «свиданий» (отказывался только от трактиров), причем видался по большей части у разных своих знакомых (с близкими знакомыми, особенно в молодой среде, это делается очень легко: приходишь раньше того, с кем нужно видеться, и скажешь, нельзя ли как-нибудь так устроить, чтобы переговорить у него с о д н и м человеком. Расспросов в большинстве случаев не бывает, и, когда приходит нужный вам человек, хозяин или хозяйка или уходят в другую комнату, если это своя квартира, или же совсем из дому, сказав прислуге, что скоро вернутся. А часто делаешь так, что намеренно приходишь в квартиру хозяина в его отсутствие, — прислуга не обращает внимания на такие странности в жизни студентов). Где мы встречались — отчасти не помню, отчасти не могу сообщить. Вот и вся история моих отношений к Федоровскому до конца мая 1883 г., когда я уехал в имение Карауловых.

Упомяну только об одном странном явлении в моей жизни того времени, которое теперь я объясняю себе только моим знакомством с Дегаевым. Квартира моих родных была положительно осаждена шпионами, добивавшимися увидеть меня в лицо, как сообщил моей матушке очень привязанный к ней старичок-служитель и как все мы (т. е. я и мои родные) сами в этом вскоре убедились. Увидеть меня в лицо было трудно потому, что в квартире очень много ходов и выходов, и я, входя в один ход, выходил обыкновенно в другой, да и к тому же там вечно толпа студентов-медиков. Теперь я думаю, что Судейкин, услышав обо мне, — что, наверно не знаю, — хотел проверить самого Дегаева и самолично подсмотреть за мною. Все это, крайне обеспокоив моих родных, заставило меня поторопиться отъездом из Петербурга, причем у меня было уже намерение с осени поселиться отдельно, чтобы не повредить как-нибудь репутации брата, человека, преданного исключительно своей семье и науке. — Жизнь же, как и во все время студенчества, я вел крайне неправильную, «подозрительную»: дома сидеть не любил, не мог жить без общества, без людей, возвращался всегда поздно, в 1 час и 2 ночи, — что настоящим революционерам, кажется, несвойственно. Последнее обусловливалось тем, главным образом, что у меня была невеста, Роза Франк, жившая от меня очень далеко, но к которой я ходил почти ежедневно по вечерам.

Так как в настоящее время, благодаря нашим личным отношениям, эта девушка также привлечена к ответственности, то я должен сказать здесь несколько слов об этих отношениях. Мы знакомы уже несколько лет, и как познакомились, я не помню. Наши отношения как жениха и невесты существуют также очень давно. Мы мечтали, окончив курс (она — слушательница медицинских курсов), повенчаться — она как еврейка готова была креститься в православие. Насколько я был по натуре скиталец, склонный ко всякого рода «опасным» знакомствам, настолько же она была домоседка. Если бы полиция тщательно следила за ней, она видела бы, что с раннего утра до позднего вечера, изо дня в день, из года в год, эта девушка ходила по своим лекциям и клиникам, разбросанным по всему Петербургу, а по вечерам проводила время или дома или же в кругу неизменных, всегда тех же знакомых, большей частью подруг по курсам. У ней-то я бывал очень часто, почти каждые два-три дня, и за чтением и беседой мирнейшего характера засиживался очень поздно. От революционных знакомств и дел более или менее опасного рода, на которые сам я не напрашивался, но от которых и на отстранялся, — Франк я о б е р е г а л всеми силами и мерами, именно о б е р е г а л, — да не оскорбит ее это слово, если оно станет ей известно. Если раз или два я злоупотребил ее доверием и воспользовался, быть может, ее квартирой для каких-либо «свиданий» вышеупомянутым способом (хотя не помню, были ли такие случаи), то она тут непричем. Дегаева, как я теперь припоминаю, — почти наверное могу утверждать, — не приводил к ней, хотя, сблизившись с ним и почувствовав к нему доверие, как к человеку, я еще весной 1883 г. много говорил ему о своей невесте, как и обо всех подробностях своей внутренней и внешней жизни. Помню, что осенью того же года он п р о с и л меня прямо познакомить его с ней, я отказал, кратко сказав, что в этом нет нужды и пользы. Сам я также не посвящал Франк в свои отношения к таким людям, как Дегаев, и вообще в революционную часть своей жизни, хотя думаю, что она могла подозревать об ее существовании. Не делал я этого вот почему. К какому результату привела бы моя откровенность? Она стала бы или упрекать и отговаривать меня, или же, напротив, поощрять и ободрять. Первого она никогда не позволила бы себе сделать из гордости, из нежелания, чтобы я и другие когда-либо обвиняли ее в том, что она «тянула меня книзу», второго — потому, что любила меня. Потому я и не был с ней откровенен. Из той же гордости она никогда не позволила бы себе требовать от меня отчета в моей жизни и в образе действий и довольствовалась тем, что я сам говорил ей. Когда мы расставались на более или менее продолжительное время (так, летом 1883 г. она уехала, по обыкновению, к матери, я — в де-

регню к Карауловым), я всегда писал ей очень часто, она же крайне редко и иногда не писала по целым месяцам, потому что «не умела писать письма», как сама выражалась. Такими же были мои отношения к ней почти до самого конца. Но я вернусь к ним еще раз в свое время.

От Карауловых я уехал обратно в Петербург 20 августа 1883 г. и поселился по Спасской улице в д. № 23, кв. 24. Почти целый месяц я прожил совершенно в стороне от революционеров. Но однажды, кажется, в конце сентября, встретился у одного из знакомых с своим старым «приятелем» Федоровским, бывшим до этого времени, как он объяснил мне, заграницей. Он тотчас спросил мой адрес; я сказал, было, что рано ухожу из дому и возвращаюсь очень поздно, но он через несколько же дней уличил меня в этой невинной лжи, явившись ко мне в 10 часов утра и застав за писанием кандидатской диссертации, а в другой раз в ту же пору даже в постели. С этого времени его утренние визиты ко мне [происходили] очень часто. Отношения наши были те же революционно-литературные, да кроме того он расспрашивал меня попрежнему о всех моих знакомствах в Петербурге и в других городах, прося делать характеристики, а иногда добиваясь рекомендации устной или письменной. Часто я отказывал ему в этих просьбах, иногда соглашался исполнить их. О себе и о своем прошедшем он избегал говорить. О бегстве своем из тюрьмы рассказал мне историю, невероятность которой тогда не пришла мне даже в голову; он, якобы, во время перевозки из одной тюрьмы в другую, засыпал двум сопровождавшим его жандармам глаза нюхательным табаком, а вознице дал хорошего тумака и удрал!.. Больше же всего он избегал говорить о Судейкине и однажды (это было в ноябре или даже в начале декабря), когда я в разговоре сказал ему, что революционерам, если б они захотели убить его, никогда не удастся даже изловить этого знаменитого Лекока наших дней, что для этого они должны бы были разузнать о его частных знакомствах и частной жизни, а это, в свою очередь, невозможно, так как, по циркулировавшим тогда слухам, Судейкин даже жене своей назначал «свидания» раз в неделю и жил в трех или четырех квартирах, — когда я говорил это, он побледнел и совершенно смешался. За месяц или более до 16 декабря [8]) он сообщил мне, что за ним начинают «прислеживать», что он боится за свое существование и очень хотел бы познакомить меня с товарищем, который де мне наверное понравится и который заменит мне его, Дегаева, в случае его ареста. Я согласился на это только на условии, что знакомство будет совершенно частное.

Еще забыл упомянуть, что в числе моих «услуг» Дегаеву было несколько писем революционного содержания, писанных солью (желтой) на указанные им адреса и с зашифровкой нужных мест ключом,

который он же указывал. Последнему искусству, довольно неприятному и докучному для большинства обращающихся к нему, научил меня тот же г. «Федоровский», и я вскоре «произошел» это искусство в совершенстве и полюбил его, как истый художник. Содержание писем было указываемо им же. Сколько помню, он просил меня подписывать их «Максимом Петровичем». Сам он отговаривался недостатком времени, и я находил это вполне естественным, тем более, что «услуги» эти считал пустячными.

Перед 16 декабрем свидания мои с «Петром Алексеевичем» совершенно прекратились. Новый мой знакомый, представленный мне Дегаевым, как Зиновий Андреевич (и только), в первую минуту не понравился мне потому, что внешностью напоминал несколько своего товарища — такой же маленький и черненький; но я скоро убедился, что это был совершенно другого сорта человек.

Прерываю продолжение рассказа заявлением, что я т о л ь к о потому считаю себя в полном праве давать показания относительно этого человека, что достоверно знаю, что он находится в настоящее время в полной безопасности от поисков полиции и что никогда не возвратится к революционной деятельности по той простой причине, что я расстался с ним почти с умирающим. — Зиновий Андреевич по характеру своему был полнейшей противоположностью Дегаеву: ни одного слова не выпускал он изо рта, тщательно не взвесив его (особенно в сообществе людей, где не все были свои, приятели), затем у него была д у ш а, которой у того не было, глубокая и искренняя. И потому я полюбил его. В лице этого человека я узнал первого революционера-конспиратора в полном смысле этого слова. Хотя мне лично он и страшно много повредил, но я убежден, что он не хотел мне зла, что он любил меня, что сам он не был трусом, а только осторожным в высшей степени человеком. Он даже прямо говорил, что «для того, чтобы сделать что-нибудь, революционер должен быть в глазах посторонних зрителей трусом, человеком без сердца, без привязанностей». — В самом начале знакомства я заявил Зиновию Андреевичу (как рекомендовал мне его Дегаев, но я слышал, что его звали и иначе), чтобы он глядел на меня только как на частного человека, готового помогать революционному делу, чем можно и в тех пределах, в каких позволяют эти убеждения. Несмотря на это, л и ч н о е сближение с Зиновием Андреевичем завлекало меня, как видно будет сейчас, нередко даже за такие пределы. Я предлагал к его услугам готовность: продолжать вести «арестную хронику», переписывать и просматривать (главным образом, со стороны внешней обработки) рукописи, доставлять адреса для корреспонденции, доставлять квартиры для свиданий и ночевок, наконец, писать шифрованные письма.

Этим главным образом и ограничивалась моя «деятельность» до перехода на нелегальное положение, т. е. до марта 1884 г.

16 декабря было для меня полною неожиданностью. На следующий и даже на третий день после убийства подробности его мне были известны в самых легендарных и небывалых чертах и формах. Кажется, только к вечеру на третий день Зиновий Андреевич и успел, наконец, отыскать меня и объявить, что он удивляется еще, что я не арестован до сих пор. Эти слова, как громом, поразили меня: я не знал — за что. «Судейкин знал об вас, и так как вы — один из немногих легальных лиц, более или менее прикосновенных к нашей среде, то вас и должны прежде всего взять». Вот все, что сказал мне Зиновий Андреевич, который спешил куда-то итти, да еще, что Петр Алексеевич уехал и что настоящая фамилия его Дегаев. А вечером в тот же день я узнал, будто товарищ Судейкина, оставшийся в живых [9]), кричит: «Дегай! Дегай!» Тогда я все понял, хотя думал долгое время, что Дегаев был лакеем у Яблонского (тем более, что Дегаев одеянием своим всегда напоминал мне лакея). Только сравнительно долгое время спустя я узнал, как было дело. Но Зиновий Андреевич рассказал мне только в самых общих чертах и даже, как потом оказалось, многое он не ясно себе представлял. В с ю п р а в д у мы узнали лишь в в конце марта, а, пожалуй, и позже.

В Зиновии Андреевиче я ни на минуту не усомнился, хотя он и был представлен мне Дегаевым, потому что с а м узнал его хорошо. Наши свидания изредка продолжались, частью случайные, частью заранее условленные. В скором времени он и сам отбросил мысль о моем аресте, так как утвердился упорный слух, что Судейкин «все унес с собою в могилу». Кончилось тем, что я совсем перестал беспокоиться, хлопотал о выдаче мне учительского свидетельства (кандидатскую диссертацию я уже представил и диплом получил), и личное счастие и личная жизнь представлялись мне так близкими, так возможными... Все просьбы и поручения Зиновия Андреевича я исполнял, не считая их важными. Только раз, под впечатлением 16 декабря и страхов относительно ареста, я отказал ему в одной просьбе. Вскоре, кажется, через несколько же дней после убийства, — он предложил мне с кем-либо из своих товарищей вынести из одной квартиры в другую (адресов он мне не сказал, не зная еще, соглашусь ли я) около пуда шрифта и кинжал. Не помню, к этому ли случаю относятся еще врезавшиеся мне в память два каких-то «стеклянных» кинжала. Может быть, что об них я слышал в другое время и при других обстоятельствах. Я отказался. Отказался даже сделать это предложение и кому-либо из знакомых и даже спросил, почему же с а м Зиновий Андреевич не хочет взяться за это дело, а навязывает его другим. Это был

единственный раз во все время наших отношений, когда я позволил себе по отношению к своему приятелю такую неделикатность — я был взволнован. Но в другое время я всегда относился к нему с большой любовью и никогда не позволил себе усомниться в его личной храбрости. Зиновий Андреевич ответил мне, что в таком случае он действительно с а м сделает это. Сказал он это и, может быть, сделал, тоже будучи взволнован, только поэтому; потому что для него это значило — у ж а с н о отступить от своей обычной тактики (по принципу), в которой он всегда прямо сознавался мне и которую считал необходимой для человека, всецело отдавшегося «делу». Другой товарищ при переноске вещей, по словам Зиновия, был нужен для того, чтобы сделать эту громоздкую для одного человека переноску моментально. Результатов этой истории он мне никогда не сообщал; мы об ней никогда больше не говорили, и на отношения наши она нимало не повлияла к худшему. Не скрою, что, отказав и расставшись с Зиновием Андреевичем, я раскаивался в своей трусливости; не скрою и того, что эта история несколько повлияла на то, что впоследствии я всегда уже уступал и соглашался на всякие просьбы, которые, — я убежден был, — в устах Зиновия Андреевича и не могли выходить за пределы того, что я мог сделать по своей нереволюционной натуре. Для него, как и для Дегаева, я писал иногда шифрованные, междустрочные письма (в «лицевых» строках я часто импровизировал целые романы — это было уже неотъемлемое мое дело, без пособников). Словом, этого рода услуги мне особенно были по душе — я исполнял их с любовью.

Происходило это обыкновенно так: или Зиновий Андреевич говорил мне адрес, по которому следует написать, ключ, которым следует зашифровать опасные места, и содержание письма; или говорил мне содержание письма и на лоскутке бумаги вручал ряд цифр, представлявших уже зашифрованные адреса, явки, имена мест, лиц, причем около каждого из таких рядов шифра стояли надписи: «адрес», «явки», «т а к о й - т о сообщает то-то». При этом следовало устное пояснение. Бывал и другой способ, даже более частый, писания писем. Сойдясь со мной, Зиновий Андреевич или писал сам или диктовал мне черновую междустрочного письма; затем, в то время как я писал «лицевое» письмо, он зашифровывал что находил нужным. Потом я переписывал, предоставляя себе нередко право изменить оборот речи, заменить одно слово другим, по своему вкусу и усмотрению. Так, хорошо помню, что мне всецело принадлежит выражение «сгрохать на удивление всему миру номер» (в киевских письмах). Я упомянул выше, что в подобных письмах для Дегаева я подписывался «Максимом Петровичем»; Зиновий Андреевич предложил мне подписываться

«Александром Ивановичем». Должно быть, отсюда и произошла утвердившаяся впоследствии за мной кличка «Александр Иванович», — по многим обстоятельствам адресаты иногда, должно быть, узнавали (хотя было то и долгое время спустя), к т о п и с а л письмо, и называли между собой Якубовича (кто знал меня) «Александром Ивановичем». Я хочу этим только то сказать, что кличка эта утвердилась за мной совершенно помимо моей воли, потому что сам я всегда и всем прямо говорил, кто я, и только стращания Дегаева и Зиновия Андреевича заставляли меня иногда называть себя т о л ь к о Петром Филипповичем.

Повторяю еще раз: во многом будучи по убеждениям революционером-политиком и всецело революционером-социалистом, я считал себя совершенно неспособным к активной, заговорщической и организаторской деятельности, неспособным по натуре, по темпераменту, по отсутствию во мне достаточной для этого о т в а г и, н р а в с т в е н н о й в ы д е р ж к и, готовности в о в с е м отречься от себя и взять крест, — словом, я считал себя прямо н е д о с т о й н ы м для такой роли. Мне не было дела до того, что в среде революционеров-деятелей могли быть и бывали такие же «недостойные» люди, — это было делом их собственной совести. Сам я не мог и не хотел быть действующим революционером. Когда я видел или подозревал, что мне хотят «навязать» подобную роль, я возмущался, волновался, протестовал, и в этом отношении ко мне нужно было подойти умело. Также долгое время возмущало меня и то, что меня прозвали «Александром Ивановичем»; потом с этим, как и со многим другим, я постепенно примирился (наружно, но не в душе).

В день Рождества (прошлого года) умер в Варшаве мой отец скоропостижно. Мне очень хотелось съездить похоронить его, но разные обстоятельства заставили меня отказаться от этой мысли, и ездил к отцу брат. Потом я постоянно мечтал чем-нибудь почтить память отца, которого я очень любил и долго был с ним в разлуке, и все собирался съездить в Киев отыскать его родную сестру, мою тетку, Анну Тарасьевну Якубович, которая жила там монахиней в одном из женских монастырей (уже в течение целого десятка лет не подавая о себе никакой вести) и которую еще покойный отец мой собирался отыскать. Но собирался я очень долго и все не мог собраться: у меня были уроки, которыми отчасти я жил, литературная работа в разных журналах; тем не менее, Зиновий Андреевич как-то слышал от меня о моем желании ехать в Киев (которое обусловливалось еще и просто желанием «проветриться», так сказать, после стольких треволнений).

Поправки в настоящем протоколе и некоторые помарки сделаны мною. Дальнейший допрос, по позднему времени, прошу отложить до следующего раза. П. Я к у б о в и ч.

18. Показание 1 декабря 1884 г.

Во вчерашнем своем показании (30 ноября) я забыл упомянуть, что, уезжая в августе 1883 г. из имения Карауловых в Петербург, я оставил Василия Караулова в деревне больного; расставаясь, он сказал мне, что, вероятно, долго не поедет в Петербург, быть может, до самого Рождества, во-первых, чтобы поправиться здоровьем, а главное потому, что место его на заводе, где он служил, упраздняется, а собственных средств на житье в столице у него нет. Таким образом, я лишь довольно поздно, — быть может даже после нового года, — узнал, что он поехал за границу, и крайне этому удивился. В марте же еще больше изумился, узнав, что он арестован в Киеве на нелегальном положении. — Возвращусь к тому месту своего показания, на котором остановился вчера.

Однажды, когда я почти уже оставил мысль о поездке в Киев по своему частному, семейному делу, Зиновий Андреевич напомнил мне, что я собирался туда съездить, и прибавил, что, если бы я поехал, я мог бы оказать ему большую услугу, а именно: отвезти туда на один адрес письмо. Я просил времени подумать об этом его предложении — меня затрудняло, главным образом, то, что я могу потерять уроки. Но, едва расставшись с Зиновием Андреевичем, я уже решил сам с собою, что поеду: меня прельщала особенно мысль увидеть Киев, юг. Быстро уладил я свои частные дела (между прочим, выхлопотал, наконец, учительское свидетельство) и предложил себя к услугам Зиновия. Тогда, в условленное место и время, он, действительно, принес мне запечатанный конверт без надписанного адреса, — и устно сообщил, куда и кому его передать. Затем сказал «явку», по которой я должен был притти и назвать кличку одного господина (не помню теперь, какую), которого я должен был увидать лично и передать ему «новые» (на место прежних, — по его мнению, скомпрометированных) адреса для писем и явок в Питер, новый ключ и шифр. Все это он продиктовал мне в цифрах (значит уже раньше он сам зашифровал), так что я не знал, что под ними скрывалось, сам же, разумеется, не любопытствовал потом расшифровать их для себя, хотя и имел для этого указанный им ключ. Последний (а может быть, и не один, теперь забыл, сколько и какие именно) я, по его просьбе, должен был держать в голове, цифры же, им данные, по его же просьбе, переписал очень мелко на клочок бумаги и спрятал в карманные часы, чтобы иметь возможность, в случае какой-либо опасности в дороге, уничтожить. Что заключалось в конверте, я не знал. Наконец, относительно последней просьбы Зиновия Андреевича я имел с ним довольно бурный разговор: именно, он просил, чтобы я «один раз в жизни» сыграл

комедию, роль — не говорил людям киевской «организации» (как он выражался), которых мне придется увидеть по этому делу, что я простой передатчик, только посредствующее, сочувствующее лицо, но показывал бы вид, что я также член организации петербургской. Это было, по его словам, очень важно, необходимо ввиду временного «безлюдья», вызванного 16 декабря и последовавшим за ним отъездом легальных и нелегальных лиц партии в безопасные места. Я согласился только на то, что, пожалуй, не стану отрицать, буду, по возможности, избегать этого, но что в то же время ни за что не буду и прямо утверждать и заявлять, будто я член партии «Народной Воли». Он помирился с этим, — и таким образом, я выехал из Петербурга, должно быть, 19—22 января 1883 г. (в Петербурге жил в то время под собственной фамилией по 7 ул. Песков, в д. № 17, кв. № 7) и, нигде не останавливаясь, прибыл в Киев, где остановился по Фундуклеевской улице, в гостинице «Италия» и прописался также по собственному кандидатскому диплому.

Письмо отнес в тот же день по назначению; на другой день сходил на «явку» и вызвал нужного мне господина. К величайшему своему удивлению, под вычурной кличкой оказался не кто иной, как старинный мой знакомый, почти приятель, имени которого назвать я не желаю. Перед ним я уже, конечно, не мог разыгрывать никаких ролей и просто передал ему все, что нужно, не как член партии, а именно посредствующее, сочувствующее лицо, чего так не хотелось Зиновию Андреевичу. Адреса и пр. я передал ему уже переписанные накануне мною самим с клочка бумаги на обыкновенной величины листок. — Затем, провел девять дней своего пребывания в Киеве в обществе встреченного мною знакомого и его приятелей и приятельниц, совершенно как частный человек, очень весело. Уезжая, я сказал старому знакомому в ответ на его просьбу: к петербургской организации писать чаще,—что, может быть, м н е поручат вести ее [sic!] и что тогда я буду подписывать «Александр Иваныч». Для писем в Киев он просил меня оставить (т. е. передать об этом) прежний адрес.

Вернувшись в Петербург, я вернулся вместе с тем и к своей прежней частной жизни. — Вскоре после того я действительно, по первой же просьбе Зиновия Андреевича, согласился вести переписку с Киевом. Вел ее, как и раньше, со слов и по указаниям Зиновия Андреевича, и способами, указанными во вчерашнем моем показании. Предъявленные мне в настоящее время письма в Киев от 21 февраля, 28 февраля и 29 февраля, 4, 5 и 13 марта 1884 г. [10]) признаю писанными моей рукой. Относительно содержания их заявляю, что большинство зашифрованных мест представляют для меня теперь совершенную новость; я не подозревал, что скрывалось за даваемыми мне Зиновием

Андреевичем цифрами, — иначе не посоветовал бы ему быть так неосторожным в шифровании. Считая себя человеком н е организации, я ни разу не считал себя в праве просить Зиновия Андреевича объяснить мне что-либо из того, чего я не понимал в переписке с Киевом, и всегда довольствовался тем, что он сам сообщал мне. Разные имена и клички, которые мне случалось употреблять в этой корреспонденции, вроде Михаил Петрович (к Шебалину я не мог относить этого обращения, так как в частном мимолетном знакомстве с ним знал его, по студенческому обычаю, только под фамилией, без имени и отчества); Михаила Ад., Александр Павлович, Василий Ал., просто Алексей или А. К., — все это вначале было для меня совершенно безразлично. С течением времени, впрочем, у меня составлялось относительно некоторых из них, — например, относительно Алексея Константиновича, — известное представление и потому уже, что сам Зиновий Андреевич, хотя и не побуждаемый с моей стороны расспросами и пр., часто по доброй воле старался представить мне приблизительную картину того, что происходило во внутренней жизни партии. Поэтому часто и сам я писал очень бойко о том, чем сам не жил.

Еще будучи на свободе, я узнал, что Михаил Петрбвич, к которому шли письма, был Шебалин; Прасковья Федоровна — его жена. Относительно Алексея Константиновича я впервые здесь узнаю, как нечто будто бы доказанное, что под этим именем разумелся офицер (отставной?) Константин Степурин, фамилию его я слышал, как лица арестованного. В предъявленной мне его карточке припоминаю однако что-то знакомое: такое лицо я, кажется, встречал у разных знакомых мне лиц. — Во всяком случае, утверждаю, что л и ч н о никаких сношений общественного, революционного характера я с этим человеком не имел, вражды — тем более. Зиновий Андреевич, если только он был с ним лично знаком, мог, конечно, говорить с ним обо мне, как об Александре Ивановиче, «своем товарище по делу», чтобы этим усилить в чьих-либо глазах себя и свое дело, — хотя я искренно желал бы не допускать этой мысли.

Вот все, что я могу сказать по поводу киевских писем, предъявленных мне ныне. Относительно телеграммы в Киев (от 29 февраля) на имя Васильева, за подписью Павловой [11]) могу сказать, что, действительно, она также написана мной (слово в слово под диктовку), и послана по просьбе того же Зиновия, причем я не знал, какому «Михаилу» она должна быть передана. — Кажется, во второй половине февраля было опубликовано правительственное объявление о назначении денежной премии за выдачу Дегаева, а так как в то время в обществе — да, кажется, и в большинстве революционной партии,— еще не знали ничего верного и несомненного относительно этого че-

ловека и его деятельности, то объявление это и было понято всеми, как назначение награды за предательство в о о б щ е убийц Судейкина. А ненависть к этому человеку (к Судейкину), страх перед ним и радость по поводу его смерти были таковы, что я нигде и никогда ничего подобного не видал. К этому нужно прибавить, что, хотя в некоторых иностранных государствах, даже более нашего цивилизованных, и водится обычай назначения таких премий, но у нас до сих пор ничего подобного еще не было; голова человека — кто бы он ни был — на вес золота еще ни разу так публично и откровенно не ценилась; понятно, что в среде общества, стоявшей более или менее близко к революционной среде (и мною в том числе), высказывалось мнение, что «вот теперь было бы тактично и не бесполезно, если бы партия выпустила в противовес правительству свое объявление». Зиновий раньше всех моих знакомых уловил «смысл» этого момента, как сам он выражался, и говорил об этом; однажды, когда в моем присутствии он развивал свою мысль, то я под его диктовку и написал это объявление, которое в предъявленном мне ныне подлиннике я и признаю действительно писанным мною. Он взял его с собою, но в течение некоторого времени все говорил мне, что никак не может добиться согласия товарищей. Потом объявление однако вышло; в распространении его я не принимал участия. О типографии, в которой оно было напечатано, я, по обыкновению, не любопытствовал расспрашивать. Зиновий мне также ничего не говорил; но однажды, должно быть в половине или в конце марта текущего года, в одной знакомой квартире меня застала одна барышня, знакомая мне до того времени лишь по шапочным поклонам (тогда я и на улице еще имел привычку кланяться), и впопыхах сообщила, что она очень рада этой встрече, что ей меня нужно. Оставшись один с этой барышней, я узнал следующее: подруга ее подруги (или как-то в этом роде), «обитательница Лиговки, Софья Александровна» (по словам барышни, ей т о л ь к о это было сообщено), в безопасности которой сильно заинтересована партия, сообщает, что дольше почему-то она почти не находит возможным жить в прежней квартире, а между тем увидеться с кем-либо из членов партии непосредственно она может только через несколько дней. Поэтому нужно немедленно кого-либо отыскать, чтобы спросить, что делать; между прочим, не могу ли и я оказать барышне какой-либо помощи, не имею ли я возможности отыскать кого-либо из партии не позже завтрашнего дня. Я отвечал, что имею, так как рассчитывал или в этот же вечер, или на другой день рано утром отыскать Зиновия.

Мы условились, что на другой день, не позже трех часов дня, Софья Александровна получит с посыльным письмо о том, что ей делать. Я тут же сказал, что знаком доверия к этому письму пусть

послужит для нее надпись «Александр Иванович» (которую я обыкновенно употреблял в своих письмах); потом мы расстались, а на другой день утром я встретил Зиновия. Он сказал мне, что эта квартира, находящаяся теперь в опасности, конспиративная квартира (но не сказал, что типография), и принял мой план написать письмо; он сообщил мне, что написать (суть дела), и внешнюю форму этой сути я придал немедленно при нем же. Считая, должно быть, квартиру погибшей, он не скрывал уже от меня и ее адреса (а может быть, сделал это и потому еще, что вообще доверял мне). Написав письмо, я тотчас же передал его посыльному и о судьбе его до сих пор не знал. Думал, впрочем, что оно дошло по назначению, так как слышал потом, что типография была взята, но хозяйка Сладкова скрылась. В предъявленном мне ныне подлиннике письма признаю свою руку и свое произведение [12]).

Несколько раньше этого случая в моей жизни произошло уже событие, совершенно выбившее меня из прежней колеи, разрушившее все мечты о личном будущем, о литературной деятельности и пр. Я говорю о переходе на нелегальное положение. Я упоминал уже, что и раньше, еще в конце декабря, я знал, что был оговорен Дегаевым (вернее будет сказать по отношению к тому времени, бедному положительными сведениями, просто «известен» почему-то Судейкину). Но в то время я сравнительно спокойно ждал своего ареста и ни за что не согласился бы скрыться, если бы кто-либо в то время сделал мне такое предложение. Отчасти это происходило потому, что я в то время не чувствовал за собой никакой вины, но главным образом потому, что арестов почти не было, что все было спокойно, и мелькала надежда: «Авось пройдет туча!» Но теперь, в марте, вдруг — пронеслись слухи — Судовский (так называли оставшегося в живых коллегу Судейкина) выздоровел и дешифрирует оставленные Судейкиным шифрованные записки с именами лиц, бывших у него на примете. И, действительно, повсюду разразились аресты, преувеличенные, быть может, стоустой молвой до грандиозно-небывалых размеров. Общество, хотя бы то было и интеллигентное общество, всегда похоже на стадо: паника овладевает им с быстротой молнии; все готовы удариться в бегство, если побежит кто-нибудь первый, охваченный смертельным ужасом. Под влиянием этого общего страха и уговариваемый друзьями и знакомыми, я счел за лучшее выписаться с своей квартиры выбывшим, чтобы «выждать», что будет дальше. И, действительно, сначала выехал из Петербурга в Москву, но потом вернулся вскоре обратно и, располагая массой квартир, отчасти имевшихся в собственном моем распоряжении, отчасти предложенных Зиновием Андреевичем, счел за лучшее, переходя таким образом с квартиры на квартиру (причем

на многих из них я имел возможность проживать, не прописываясь очень долго, будучи старинным знакомцем хозяев и прислуги), продолжить на неопределенное время свое «выжидательное» положение.

Дальнейшее показание откладывается до следующего допроса. Помарки и поправки в сегодняшнем моем показании сделаны собственной моей рукой.

Петр Якубович.

19. Показание 3 декабря 1884 г.

В своих предыдущих показаниях я дошел до того момента своей жизни, когда революционная деятельность моя в значительной степени стала обусловливаться уже не одним желанием оказывать посильную помощь хорошим знакомым, дело которых в общем мне было симпатично, но и другими причинами более активного свойства: водоворот событий насильно выбросил меня из колеи личной жизни, которой прежде я принадлежал всецело; я стал, почти не отдавая себе отчета, подпольным, нелегальным человеком, каким-то прокаженным членом общества, парием, от которого все должно было бежать в страхе за личную безопасность; отдельные смельчаки, более привязанные к тебе, в конце концов, должны были горько поплатиться за свою благородную смелость!

Закон, так жестоко карающий политические проступки, своей жестокостью сам себе роет яму — я говорю о массе рецидивистов (самых опасных деятелей), появление большинства которых, я думаю, объясняется следующим. Ошибочно мнение, будто для «общего» (сиречь правительственного) блага «политического преступника» следует вырвать с к о р н е м из той жизни, в которой он жил до преступления, а таким «вырыванием с корнем» я называю удаление на многие, на долгие годы *) из родной среды, от всего милого и дорогого,— это в нравственном отношении, и лишение всех легальных прав (иначе говоря, всех средств к жизни) в материальном отношении. Когда такой человек через много, много лет возвращается «помилованный» или кончивший срок своего наказания к прежней свободной жизни, то он возвращается уже на развалины ее: дорогих людей и связей или совсем уже не существует, или же, унесенные вновь нахлынувшими волнами новой жизни, эти люди встречают пришельца с неохотой, как воспоминание закрывшихся ран, забытой, страшной, хотя вместе с тем, быть может, и сладкой, волшебной сказки... И вот, не привязанный к личной жизни, чуждый ей, хотя, быть может, и жаждующий

*) Далее зачеркнуто: «личные физические страдания, вроде каторжных работ, для здорового интеллигентного человека сравнительно ничто».

ее, человек идет с спокойным, окамененным сердцем на зов своих убеждений, становится тем, что закон называет рецидивистом. А между тем, чтобы меньше иметь врагов, правительству необходимо, чтобы больше было людей д о в о л ь н ы х своим личным существованием, потому что, как бы человек ни был нравственно развит и убежден в правоте своих идей, он все-таки прежде всего эгоист и не так-то легко отрекается для идеи от личной жизни. Чтобы из мелкого «преступника» не выработался крупный, его нужно (наказав, конечно, в известной мере) п р и в я з а т ь к ж и з н и или, по крайней мере, не жечь за ним кораблей, не воздвигать бездну между ним и всем, что ему улыбалось в жизни. Правительство не понимает этого: с каждым годом и чуть ли не с каждым днем оно топчет и давит все больше и больше личных жизней, окаменяет все больше и больше сердец, — и этим, несмотря на свое временное торжество и победу, роет само себе могилу.

Все эти рассуждения и считаю необходимыми, близко и тесно соприкасающимся с моим делом. Я страстно любил свободу, жизнь, людей, передо мной раскрывалась тюрьма, в которой [sic!], как я постоянно видел, входило так много и выходило так мало людей. Я предпочел перейти на нелегальное положение, чтобы по возможности отдалить время своего входа в эту могилу. Но в то же время, вместе с этим переходом, за мной сожигались само собой корабли, безнадежно погасала надежда на личную жизнь и на личное счастье. И я — не воин по натуре, я, преклонявшийся с почтительным страхом перед теми, кто имел в себе отвагу и силу быть таким воином, бойцом без упрека, и, презиравший до тех пор самого себя за неспособность всецело отдаться своим убеждениям,—теперь я, повторяю, против воли, мало-помалу сам всходил на опасную гору, с которой открывалась такая ужасающая наклонная плоскость личной гибели, хотя и служения делу. Это не значит, что я раскаиваюсь или что виню кого-либо, увлекшего меня; винить некого, кроме несчастной эпохи, в которую мы живем. Я делал, что мог, в своем, насильно навязанном мне несчастным стечением обстоятельств, нелегальном, революционном положении, и если бы т е п е р ь мне удалось очутиться снова на свободе, но снова в том же положении разыскиваемого человека, не имеющего за собой кораблей, я, конечно, о п я т ь д е л а л б ы то, что мог, в пределах своих убеждений.

Перейдя на нелегальное положение, вначале я имел, конечно, в виду только выждать некоторое время и разузнать, насколько верны слухи относительно меня: я надеялся дотянуть таким образом дело до осени (каникулярное, уже приближавшееся, время не представлялось особенно трудным провести, не прописываясь), и потом опять

прописаться под своим собственным видом и вернуться к прежней личной жизни, но эта надежда с каждым днем гасла; слухи о том, что меня с и л ь н о ищут, делались все распространеннее и яснее, сомнения исчезали. Между тем, я видел, что люди, и бесконечно меня невиннее, томились в заключении по много месяцев и потом ждали ссылки. А в то же время, среди всех этих сомнений и тревог передо мной неслась шумным потоком, уже без всяких покрывал и декораций, революционная жизнь, со всеми своими треволнениями и заботами. Отсутствие прежней таинственности по отношению ко мне обусловливалось в это время отчасти, конечно, ореолом моего нелегального положения, отчасти печальными, в высшей степени прискорбными, обстоятельствами, выпавшими на долю русской революционной партии того времени. Я говорю о некоторой доле анархии, господствовавшей в ней нынешней весною и вызванной громадным притоком новых, молодых революционных сил, проснувшихся после долгого томительного сна, в которой держала их рука Дегаева. Это было время не столько действий, сколько теоретических споров, умственного брожения; это была весна (правда, очень печальная) того нового периода русской революции, который в настоящее время, очевидно, предстоит ей.

Около конца марта, т. е. около того времени, когда я уже утвердился в мысли о необходимости неопределенное время жить нелегально, кончается и мое хождение на помочах исключительно у Зиновия Андреевича. Тем более, что в это время он был почти в постоянных разъездах и что я не видал его по две недели и больше. Сам он очень мало принимал участия в тех спорах, которые поднялись в то время в Петербурге. Он медленно составлял себе известное мнение — и, приняв его, любил больше уже действовать сообразно с ним, нежели продолжать споры. Впрочем, еще в начале моего знакомства с ним, еще при Дегаеве [13]), он лично стоял уже за те положения, которые приняла потом так называемая «Молодая партия». Я лично с особенной страстностью принял их и, не будучи до того времени человеком организации, а потому, не взвешивая всего, что следовало взвесить и принять в соображение по обстоятельствам и условиям того времени, я без всякого колебания примкнул (теоретически) к группе, с которой свел меня и в которой вращался Зиновий, и стал усердно, со всем жаром кабинетного убеждения, помогать ей в теоретической (литературной) борьбе с революционными группами и кружками противных взглядов. Я не желаю назвать ни одного из тех лиц (дружественного мне лагеря — противного же я лично совсем не знал), с которыми мне приходилось сталкиваться в пылу этой чисто словесной (а для меня, главным образом, письменной) борьбы. Назову одного Овчинникова, фамилии которого я все еще не знал, но с которым, действительно, сталкивался в

это время; но так [как] он, по складу натуры и отчасти степени образования, меньше чем кто-либо принимал активное участие собственно в «разговорах», которыми я так интересовался, то я и не помню теперь подробности наших встреч за их мимолетностью. Я попрежнему не считал себя человеком организации (и в беседах с людьми более близкими попрежнему настаивал на этом), но это не мешало мне быть, может статься, одним из самых деятельных членов возникшего тогда теоретического движения; когда же возникла мысль кончить это движение созданием д е й с т в у ю щ е г о центра по созданной теоретическим движением программе, — я, разумеется, не вошел не только в этот центр, но и ни в одну из второстепенных д е й с т в у ю щ и х организаций. Мое место и роль были совсем особые, часто очень полезные — быть может — для того же центра, но в то же время совершенно свободные от всяких обязательств, организаций и рамок, и это хорошо знали люди, которым это нужно было знать. Объяснять это всем было излишне и, как уверяли меня (и, пожалуй, совершенно справедливо) даже вредно. Ведь может же Тихомиров, находясь за границей, несмотря на то, что в с е стараются навязать и приписать ему роль члена Исполнительного Комитета, стоять, между тем, совершенно в стороне от него, будучи ему очень полезным, настаивать на том, что он не больше как «слуга и работник партии, охраняющий ее единство» [14]). Почему же я (хотя и пигмей сравнительно с Тихомировым) не мог играть подобной же роли; быть «слугой и работником» действительно действующих людей, — не больше? Тихомирову мешает быть и считать себя действующим лицом пребывание за пределами родины, мне — глубокое сознание своей неспособности быть таким лицом. Но если м а с с а считала меня таковым, для этого было много видимых поводов: нелегальное положение, моя подвижность, близость к действующим людям и — кто знает? быть может — грех этих последних по отношению ко мне: из желания пользы делу, быть может, старались выдавать меня за вполне с в о е г о человека; сравнительно, я все же был человек не без имени, не без способностей, наконец, с большими связями среди молодежи и общества. Их д о в е р и е по отношению ко мне относительно своих внутренних, организационных дел было, действительно, велико: при мне не стеснялись громко произносить и адреса и имена, и даже говорить о некоторых планах. Но все это делалось без всяких расспросов и желаний с моей стороны, и большей частью я старался не вслушиваться в эти беседы, как не касающиеся меня. Все же, что передавалось мне людьми посторонними для передачи центру, я охотно и аккуратно передавал.

Страсти, между тем, разгорались, и борьба обострялась, выходя далеко за пределы того, в чем революционный деятель не должен был

бы впоследствии горько раскаиваться. Вместе с тем, росла дезорганизация и неизбежно сопровождающее ее уменьшение конспиративности. Я часто, против воли, был посвящаем таким образом в то, во что, по избранному мною положению, не имел права быть посвященным. Оправдывается это, впрочем, тем, что по обстоятельствам времени сами организационные вопросы сделались тогда предметом чуть ли не площадных споров и обсуждений, и что для удачной защиты того, что каждой из враждующих сторон казалось правдивым, также необходим был некоторый литературный талант. Поэтому и в некоторых случаях такого рода обращались ко мне же. Таково происхождение и той «записки», которая предъявлена мне ныне в памятной книжке Овчинникова и которую я признаю своею и писанную моей рукой [15]). Но я положительно в настоящее время не помню, сам ли Овчинников непосредственно дал мне свою книжку или кто другой; но, по всей вероятности, кто-нибудь из подобных знакомых просил меня в сжатой и определительной форме изложить те положения касательно организационных дел, которые мне представлялись справедливыми, как глядевшему на дело с точки зрения моих д е й с т в у ю щ и х приятелей (в том числе и Зиновия Андреевича), а для чего было нужно такое изложение — я не помню: может быть, просто такая запись нужна была, как канва для систематического обсуждения вопросов, составлявших «злобу» тех дней. Но я не мог знать, кто разумелся в числе тех п я т е р ы х представителей организации, о которых говорится в записке, и уж, разумеется, не считал в числе их самого себя. Да и вообще, сталкиваясь по разным поводам и при разных обстоятельствах с лицами, в круг которых я был в это время введен Зиновием, я только смутно (особенно вначале) мог догадываться, какую роль играл каждый из них, в том числе и Зиновий и Овчинников. Последнего он мне не представлял — и знакомы ли они, я не знаю. С Овчинниковым, как со старым знакомцем, я столкнулся при своих переходах с квартиры на квартиру; при этих переходах сам я ни ему, ни кому другому (кроме Зиновия) не говорил, что я нелегальный; тем не менее однако об этом знали на всех перекрестках. В неведении я держал долгое время только мирок своих личных знакомых, своих родных, невесту и других друзей, стоявших в стороне от революционного потока. Что касается невесты (Франк), то по тем же причинам, по каким прежде я скрывал от нее или, вернее, замалчивал революционную сторону своей жизни, я и теперь не говорил ей прямо о своем положении и о грозившей мне участи, — к этому присоединялась еще и просто боязнь огорчить дорогого человека, н а з ы в а я п о и м е н и то горе, которое и без того можно было чувствовать сердцем. То же и по отношению к матери, к сестре.

Так время тянулось до мая 1884 г., когда я получил однажды письмо от Зиновия, где он называл безумным с моей стороны так долго оставаться в одном месте, и притом в Петербурге, и умолял, чтобы я немедленно куда-нибудь уехал до начала июня, когда он снова надеется быть в Петербурге и думает устроить мою дальнейшую участь, к моему удовольствию и соответственно моим склонностям. Я послушался этого совета и почти весь май провел вне Петербурга, но людей, у которых я гостил в это время, я назвать не желаю [16]).

В самых последних числах мая или же в начале июня я, действительно, вернулся в Петербург, отчасти помня слова Зиновия Андреевича, отчасти желая увидеться перед отъездом с Франк, которая по окончании экзаменов должна была, по обыкновению, уехать на родину к матери. Когда я приехал в Петербург, Зиновий уже с неделю, по его словам, был здесь и участвовал в происшедшем в это время соглашении группы, к которой он принадлежал и к которой я примыкал по своим взглядам, словом, «нашей» группы с группой, представлявшей собою старый «Исполнительный Комитет». Каковы были организационные условия этого соглашения, мне до сих пор не вполне известно, а теоретическую часть его мне тотчас же в подробности передали Зиновий и другие. В первый момент, должен сознаться, я не совсем был доволен совершившимся фактом, казавшимся мне «постыдным отступлением» от твердо принятых решений, тем более, что по приезде в Петербург я был приготовлен увидеть прокламацию от «Молодой партии», выяснявшую причины разделения партии, а, быть может, и первый номер ее органа. Это немало повлияло на некоторый упадок во мне «духа»; мне представлялось, что польза, какую я могу приносить русской революции, отныне должна стать еще меньше, когда программа партии становится не совсем отвечающей моим желаниям и убеждениям. Словом, у меня было в эти дни такое настроение, что я готов был, под влиянием овладевшего мной равнодушия ко всему, согласиться на все, что ни предложила бы мне в то время судьба. Я опять серьезно подумал было даже о возвращении к покинутым пенатам, о прописке под собственной фамилией, что бы за этим ни последовало. Но Зиновий поддержал меня в этом унынии. Он предложил мне отъезд за границу для участия в работах редакции «Вестника Народной Воли». Он говорил, что редакция официально не делает мне этого предложения, но что дела ее таковы, что мои услуги будут приняты ею с радостью, что лишь бы туда я поехал, а там представится мне такое поприще работы по сердцу, которое совершенно удовлетворит меня. Что касается финансовой стороны этой поездки и жизни за границей, то Зиновий Андреевич знал, что из денег, оставленных нашей семье покойным отцом, я без труда мог бы спросить у матери некоторую

сумму, достаточную, по крайней мере, на первое время. Я, конечно, соглашался на это предложение с восторгом. «Но...», сказал Зиновий Андреевич, «нужно сначала раздобыть заграничный паспорт», таковой имеется в виду, но, как скоро можно им располагать, этого он сам не знает, и потому мне придется, если я сам не имею места, где укрываться до того времени, — принять другое предложение партии. Это другое — было предложение поселиться в местности, где временно были очень подходящие условия для напечатания 10 № «Народной Воли», местности совершенно безопасной (особенно сравнительно с Петербургом), и где я своим пребыванием могу быть очень полезен делу, будучи посредствующим лицом между типографией и Петербургом, — а может быть, отчасти и своими литературными способностями. Кроме того, Зиновий Андреевич соблазнял меня еще и тем, что, может быть, будет там бывать и он сам. Но мне, собственно, не оставалось ничего выбирать, — и я поставил одно только условие, чтобы мне был дан адрес для одной моей частной переписки (я разумел Франк); однако на эту просьбу я получил решительный отказ. Таким образом я расстался с ней, еще не зная даже, увижусь ли с ней еще раз. Впрочем, я не высказал ей своих опасений и обещал, во что бы то ни стало, при первой возможности написать и прислать свой адрес.

Ввиду неопровержимых данных, имеющихся в жандармском управлении помимо моих показаний, относительно места, где я провел нынешнее лето, и дела, которым там занимался (хотя не могу не назвать преступлением со стороны неизвестных мне лиц, хранивших без нужды мои старые письма и разные записи по этому предмету)[17], — ввиду всего этого я нахожу возможным говорить здесь о Дерпте. Именно этот город назвал мне Зиновий Андреевич. Кажется, около 10 июня мы отправились, наконец, в дорогу: Зиновий, я и еще одно лицо, которое назвать не желаю, но все трое как бы незнакомые друг другу. Прожив несколько дней в Дерпте (где — объяснить не могу), я получил от своих товарищей все нужные инструкции и объяснения. Как я узнал уже в это время и особенно ясно впоследствии, Зиновий в деле печатания номера брал на себя разъездную роль, другой наш товарищ и еще несколько прибывших после лиц принимали участие в непосредственном печатании номера; я, как раньше было условлено, был, главным образом, литературное посредствующее лицо между редакцией и типографией. Поэтому нашли более удобным, чтобы я жил в окрестностях Дерпта, в одном семействе, с которым меня вскоре и познакомили, но которое назвать я не желаю. Время от времени, по мере нужды, я должен был являться в Дерпт, чтобы там видеться с друзьями, заранее условившись с ними о дне и месте встре-

чи, а также (это дело было вскоре также возложено на меня) дешифрировать получаемые из редакции письма и давать ей ответы. Где была типография — в самом ли Дерпте, в окрестностях ли его — я не знал в течение всего моего пребывания в этом городе, так как это составляло конспиративную тайну, которой я, по своей роли, и не должен был и не хотел знать. В условленный день, час и в условленном месте (в кондитерских, в Университетском парке — «на Домберге» и пр.) я встречался с нужными мне людьми и, отыскав удобное место (а таким местом там может служить любое), мы без помехи и досыта обсуждали все, что нужно, и затем расставались до следующей встречи. В своих отчетах редакции, которую, по моему представлению, составляла революционная группа, бывшая перед тем в натянутых отношениях с «нашей», я говорил о себе как об участнике в непосредственных работах по печатанию, потому что, как сказали мне Зиновий и др., — подробности организации этой типографии, до времени соединения обеих фракций созданной их трудами, — редакции неизвестны. Но, судя по ответным письмам, в редакции было известно, кто я: сам же я в своих письмах обращался, со слов товарищей, к лицу, которого в глаза не видал, но которое я считал одним из агентов «Исполнительного Комитета». Во время одного из моих приездов в Дерпт мне сообщили, что приезжал от «Исполнительного Комитета» некто Георгий Павлович [18]), и передавали мне до мелочей все беседы и споры с тем господином. В последующих письмах в Петербург, я писал много раз по поводу этого приезда, называя это лицо для краткости буквами Г. П., и также не разграничивая себя от товарищей и своей функции от их деятельности. Письма писались, тем более, с обращением к «Александру Ивановичу», как будто писавший не знал об именах остальных моих коллег. Мои письма, найденные при обыске у какой-то Лобойко [19]), которую я не знаю, предъявленные мне ныне, а именно письма от 14 сент., 19 сент. и 20 сент. и без числа (относящееся, повидимому, к более раннему времени) [20]), признаю, действительно, писанными моей рукою. Так как письма из Петербурга относились официально ко мне, к «Александру Ивановичу», то я позволял себе от своего лица делать в своих письмах и теоретические отступления.

Допрос отлагается до следующего раза. Поправки и помарки сделаны мною.

Петр Якубович.

20. Показание 4 декабря 1884 г.

Собственно говоря, если бы рассуждать с точки зрения «продуктивности» и «экономии» сил, как выражаются революционеры, то мое пребывание в Дерпте для данного, предпринятого там дела было,

пожалуй, совершенно излишне; но должно принять в соображение, что я играл в партии несколько исключительную роль, и то, чего, быть может, не сделали бы для другого, для меня могли делать: многие из моих революционных друзей прекрасно знали мое внутреннее настроение, мои взгляды на свою собственную личность по отношению к их делу; все же вместе (быть может, я ошибался, но мне так казалось) считали меня, во всяком случае, такой полезной для них силой, которую стоит сберечь и сохранить. Вероятно, эти соображения и заставили не подумать относительно меня об обязательном вообще законе «продуктивности и экономии» сил, тем более, что, утомленный нравственно пережитыми в этот год волнениями, — все знали, — я не согласился бы принять на себя в течение лета какую-нибудь более активную и полезную роль. Что касается меня, то я, в свою очередь, не затруднялся подобными соображениями на том основании, что в финансовом отношении не ложился лишней тяжестью на партию, имея свои — хоть и небольшие деньги, да к тому же рассчитывал совершенно искренно все же быть полезным по силам и способностям. — Вот почему я с охотой взял на себя прежде всего ведение корреспонденции с редакцией «Народной Воли» и, слыша, во-первых, от своих дерптских товарищей, что ей неизвестны подробности организации типографии, ни даже имена работающих лиц, а, во-вторых, видя, что письма из Петербурга обращаются непосредственно ко мне, я вел эту переписку, хотя и сам, но с той же самостоятельной развязностью, с какой вел подобную же переписку с Киевом (в феврале и марте) под диктовку Зиновия Андреевича, еще совершенно ходя в то время на помочах у этого последнего. Слыша от товарищей, что подробности типографской организации редакции неизвестны и что даже излишне раскрывать их и на будущее время (для большей конспиративности), я ввиду этого не говорил ничего в своих письмах и о своей настоящей функции, о том, что сам я физически не работаю. Что касается этой физической работы, обо всех ее деталях я писал поэтому только со слов коллег; но то место в одном из писем, где выражается некоторое «раскаяние» в возбуждении весенних раздоров, как и другие подобные же теоретические отступления, которых в предъявленных мне четырех письмах я не вижу, принадлежат не только моему перу, но и моей душе, моему внутреннему миру того времени. Этот «мир» сложился под влиянием четырех бесед с приезжавшим иногда Зиновием, рассказывавшим о настроении в Москве и в других городах, с другими товарищами (из которых один мне был знаком еще весной в Петербурге), под влиянием их рассказов о своих беседах, с приезжавшим агентом Исполнительного Комитета Георгием Павловичем, под влиянием чтения статей для 10 № «На-

родной Воли» и, главным образом, собственных размышлений, дум и бесед с самим собою.

Весной я мало и редко оставался наедине с самим собою; теперь я имел для этого массу времени. И вот я, действительно, пришел постепенно к заключению, что со стороны многих из революционеров было преступно в общественном деле поддаться влечениям личного темперамента и затеять внутреннюю братоубийственную войну: необходимо было, во избежание этой гибельной войны, пожертвовать не только личностями (об этом и говорить нечего), но даже и в программах, в с е м, чем возможно, и уж, конечно, большим должна была пожертвовать «наша» группа, которая, во всяком случае, выступила с массой новшеств и в теории и в практике. Такой я составил себе взгляд на дело: подробнее он изложен мною в негласном (т. е. частном) письме от 14 ноября (т. е. накануне моего ареста), захваченном у кого-то и ныне мне предъявленном [21]), но об нем после. Из предъявленных мне моих писем из Дерпта в Петербург видно, что я нумеровал их и на одном из них стоит № 6. Однако я помню, что нумеровать эту переписку я стал сравнительно поздно и что писем было написано мною значительно больше шести. Кроме ведения корреспонденции с редакцией, я помогал ещё иногда в просмотре корректур (особенно в конце сентября, когда спешили кончить работу) и, главным образом, в приведении в порядок литературного материала, из которого многое — особенно арестная хроника — было не более как сырой материал. До половины лета и даже больше я все еще надеялся, что мне удастся уехать из Дерпта до окончания работы, так как временами в этом одиночестве и бездеятельности мне бывало страшно скучно: веселье в обществе людей, стоявших ниже меня в умственном отношении на целую голову и даже не подозревавших, кто я в действительности, и считавших меня просто молодым человеком, желающим перевестись из Петербургского университета в Дерптский для развеселого прозябания в буршеских компаниях, — такая жизнь, понятно, не только не удовлетворяла меня, но часто страшно гнела.

Вот почему я не послушался «строжайшего» воспрещения Зиновия Андреевича вести частную переписку и, едва прибыв в Дерпт, уже искал возможности завязать корреспонденцию с Франк. Адрес удалось мне найти без всякого труда. Одному из буршей, в обществе которых я вращался, я намекнул, что обстоятельства, быть может, заставят меня скоро уехать из Дерпта, а между тем мне нужно бы, по частным моим обстоятельствам, иметь здесь адрес, на который в течение всего лета я мог бы получать письма, даже и находясь в отсутствии. Он отвечал, что легче ничего быть не может, как устроить эту историю, что своего адреса он не может предложить по той же самой причине, по

которой и я, т. е. не ручается за то, что скоро не уедет ввиду смертельной скуки, но что есть у него один знакомый бурш, человек в этом отношении разлюбезный, а именно Геккельман [22]), для товарищей готовый предложить все — и карман (далеко не пустой) и голову; что у него громадная переписка — отчасти своя собственная, отчасти же его эксплоатирует в этом отношении чуть ли ни весь Дерпт, шлют на его адрес, даже не спрашивая заранее согласия, и деньги, и посылки, и письма, и телеграммы, что с ним по этому поводу бывают курьезные недоразумения. Соглашается же на все он, может быть, по той причине, что, не будучи ни фоном, ни дворянином, да к тому же еще будучи евреем, он, благодаря порядочному состоянию (по слухам — баснословному), во что бы то ни стало хочет разыгрывать роль «большого барина» и старается иметь друзей во всех слоях общества, начиная с русского и кончая немецким и эстонским. Как сам я впоследствии убедился, Геккельман, — не преувеличивая, можно сказать, самая популярная личность в Дерпте, он, кажется, не состоит ни в одной из корпораций, но и к лучшему для себя — все желали бы иметь его своим. Его знают все — от жандармского капитана и профессора до последнего фурмана и экспресса. В Петербурге такой человек, даже и с его богатством, терялся бы в толпе, в Дерпте — он первый. Подобная характеристика этого человека позволила мне с радостью принять предложение моего знакомого и немедленно послать Розе Франк адрес Геккельмана, с прибавкой писать мне без всяких «передач», так как мой знакомый должен был предупредить этого последнего о получении на его имя корреспонденции из Каменец-Подольска. Что касается меня, то я, по обыкновению, довольно часто писал к Франк из Дерпта; что касается ее, то она, по своему обыкновению, ни строки, насколько помню, не писала мне. Поэтому, обеспокоившись под конец ее здоровьем, я отправил ей от 8 августа телеграмму, которую в предъявленном мне ныне подлиннике признаю писанной моей рукой [23]). Подписался я «Песковским» без всякого предварительного условия, так как Рождественская часть (в Петербурге), называемая обыкновенно Песками, многие годы была местом постоянного жительства Франк, а я, так часто посещая ее, а одно время и сам обитая на Песках, действительно мог назваться «Песковским». Наконец, она, вероятно, ни от кого больше не могла ждать телеграммы из Дерпта, так что и подобная-то подпись была, в сущности, совершенно излишней. Адрес Песковского в Дерпте я дал на телеграфной станции, разумеется, фиктивный. Я даже не ждал от Франк ответной телеграммы, потому что, в противном случае, непременно послал бы свою с уплаченным ответом; но вскоре мой знакомый спросил у меня, не для меня ли предназначается полученная Геккельманом телеграмма из Каменца, приведшая его в недоумение, —

и я, конечно, поспешил ее раздобыть (через того же знакомого). Последнего, кстати сказать, я назвать не желаю, так как, стоя совершенно в стороне от революции и видя во мне все время мирнейшего из граждан, он оказал мне услугу, как товарищу, и я не желаю причинить ему даже самомалейшую неприятность; Геккельману же, которого знаю только по вышеприведенной характеристике моего приятеля, и предоставляю объяснить эту историю — если только он помнит ее, как ему угодно. Могу посоветовать одно: прежде чем арестовать его, лучше навести предварительно подробнейшие справки об его образе жизни в Дерпте, которые убедят в его совершеннейшей политической невинности, арест же его, вполне бесполезный для дела, только вызовет без нужды громадную сенсацию в дерптском обществе. Впрочем, тем лучше для русской революции. Относительно денег, будто бы посланных кем-то из петербургских революционеров в Дерпт же также на имя Геккельмана (в количестве 50 руб.)[24]), я могу категорически утверждать, что я, по крайней мере, никаких денег через адрес Геккельмана во все время пребывания моего в Дерпте не получал. Раз или два, действительно, были получены суммы — одна, кажется, в 50 руб., другая — значительно больше (не для меня лично, а для типографии), — но совсем не по почте, а с оказией. О других случаях присылки мне, по крайней мере, ничего не известно, да и вообще, что касается адресов, по которым получались петербургские письма и разные посылки, то я не любопытствовал узнавать их.

В средине лета (в июле) Зиновий Андреевич в один из своих приездов объявил мне, что, во-первых, до осени нечего и мечтать об моем отъезде за границу — по неимению паспорта и по другим причинам; да если бы и был паспорт, в это время я сам уже видел, что я могу быть в значительной степени полезен, и мне хотелось видеть начатое дело конченным при мне и отчасти при моей помощи; тогда я мог сказать: «ныне отпущаеши раба твоего с миром»: выпуск 10 № представлялся мне счастливой развязкой братоубийственной вражды, в которой сам я принимал, как никак, деятельное участие. Тогда я мог уже с спокойным духом уехать за границу. Когда работа подходила к концу, начали думать о том, как вернее и безопаснее доставить издание в Петербург, и по этому поводу я, действительно, предлагал редакции обменяться, когда будет нужно, телеграммами. Оттуда присылали согласие, но, когда срок отъезда приблизился, Зиновий Андреевич, только что приехавший из Риги, решительно воспротивился мысли о телеграммах, как крайне неконспиративному делу.

Кстати, относительно Зиновия Андреевича. Он, вообще, был человек очень хилого здоровья; но никогда оно не внушало ему самому такого опасения, как в это лето, и в последнее свидание со мною он

объявил мне, что у него чахотка в последнем градусе и что это уже решенное дело, что он после выпуска номера совершенно устраняется от революционной деятельности и «уединяется» как он выразился. На мой вопрос, не едет ли он за границу, он отвечал уклончиво и повторил, что, во всяком случае, «уединится». В Петербург он не хотел ехать с номерами, не желая — у самого порога к необходимому для него спокойствию (собственные его слова) рисковать возможностью быть арестованным. Поэтому первоначально было решено, что первую партию номеров в Петербург повезу я, а одновременно со мной другой товарищ повезет такую же партию по другому направлению; остальные продолжают работу. Но когда Зиновий в решительную минуту энергично протестовал против посылки в Петербург телеграммы (по получении которой в Петербурге должны были устроить подобающую встречу), то принят был, по его же предложению, совершенно другой план, а именно: я должен был выехать из Дерпта 28 сентября с пустыми руками, в роли предтечи для идущего вслед за мной Мессии, а товарищ, который по прежнему плану должен был ехать по другому направлению, поехать на следующий день, т. е. 29 сентября, также в Петербург, но уже с номерами в двойном против предположенного раньше количестве. Так и было сделано, и никакой телеграммы на имя Шнейдера никем из нас не посылалось (по крайней мере, насколько я знаю). Утро 28 сентября я провел с Зиновием (он также наднях должен был уехать — и уже навсегда) в Университетском саду, на так называемом Домберге. Мне врезался в память и образ этого честного фанатика и его последняя беседа со мной — завещание. Не позже последних чисел октября мне должны были вручить, по его словам, заграничный паспорт, маршрут же он сообщил мне теперь же. В течение этого предстоявшего месяца он заклинал меня быть возможно осторожным, так как он предсказывал, что выпуск 10 № вызовет в Петербурге большие аресты. — Итак, я могу только предполагать, куда направлялся сам Зиновий, но если бы я даже знал с положительностью, что в настоящее время никакие, самые длинные руки не могут достать этого человека, я и тогда не сообщил бы ни одной новой данной, могущей послужить не только к отысканию, но даже к определению его личности: последнее, т. е. определение, могло бы послужить, быть может, во вред другим лицам, его личным друзьям и близким. Таким образом здесь я спускаю, наконец, над Зиновием Андреевичем непроницательную [sic!] завесу.

Еще я забыл упомянуть в рассказе об ответной телеграмме моей невесты Франк, что могу дать объяснение ее конспиративной, на первый взгляд, подписи, а между тем она составляет шалость — не больше: по-еврейски «Дрейкоп» — значит «Верти-голова» (сорока) и еще то, что у нас называется относительно женщин «и крутит, и вертит,

и след заметает». Зная немного по-еврейски от той же Франк, я прозвал ее в шутку этим именем «Дрейкоп», а когда получил телеграмму с этой подписью, то в первую минуту немного даже рассердился: мне показалось, что по отношению к Дерпту, где происходили такие страшные конспирации, так мог шутить только человек, ничего об них не подозревающий.

Явившись в Петербург и все устроив относительно привозки первой партии номеров, как было нужно, я лично считал поконченным свое участие в этом деле и передал его в безусловное распоряжение человека, клички которого назвать не желаю (подлинного же имени и фамилии не знал), но которого не признаю в предъявленных мне карточках Лопатина и Саловой. Относительно товарища, привезшего вслед за мной в Петербург номера, знаю, что он уехал обратно, должно быть, чтоб повезти их же и по другому направлению, как предполагал раньше. Остальные, должно быть, кончали работу, так как предприняли ее, сколько помню, в очень больших размерах, в количестве 5 000 экземпляров. Знаю еще, что кончить ее обязательно должны были к 15 октября, так как дольше нельзя было продолжать ее при наличных условиях квартиры и работавших в ней людей *); впоследствии же предполагалось, если дерптская почва была бы признана Комитетом подходящей для типографского дела, устроить его на других, более совершенных началах, и при других совершенно условиях.

Время своего пребывания в Петербурге от 29 сентября до 10 октября я провел в совершенном бездействии по отношению к революции, в совершенно частной обстановке и жизни: мне казалось, что я вышел на большой свет из какой-то душной могилы. Петербург, несмотря на все горе, какое он дал мне в моей короткой, но бурной жизни, я всегда страстно любил, и до сих пор люблю; он был одним из любимейших предметов моих поэтических песнопений, — его молодежь, его жизнь и сам он, включая Петропавловскую крепость, в которой я теперь имею удовольствие квартировать —

Эту грозно-немую твердыню
О, друзья! я люблю... как святыню.

Подобно огоньку, привлекающему к себе мотыльков, этот город, как и многих в моем положении, постоянно тянул к себе. Мне хотелось «надышаться» всем здесь — и воздухом, и людьми, которых я так любил и так давно не видел, — и в этом опьянении я часто положительно забывал, что я нелегальный. Однажды компания друзей собиралась сой-

*) Крайне истомившихся и не желавших сидеть более в Дерпте. Примечание в подлиннике.

тись вместе и повеселиться: видаясь с ними в одиночку, я не мог увидеть их всех вместе, чтоб не повредить им в случае беды своим присутствием, и горькое чувство во мне пробуждалось... Все, включая самые невинные вещи, все напоминало мне, отравляя каждую минуту, каждое наслаждение: «Memento mori! Ты парий общества, проклятый судьбою; не здесь, не в этом тепле и мире, твое место: иди в битву!» — «А если я не воин?» — «Все равно, ты и не мирный гражданин».

10 октября подтвердился, наконец, ходивший уже несколько дней перед этим слух о громадных разразившихся в Петербурге арестах, — называли в том числе и Лопатина, имя которого, действительно, всюду гремело. С 10 октября (а до этого дня я пользовался полнейшей личной свободой) меня стали отовсюду искать и теребить, как представителя партии (так как никого другого не могли отыскать, кто решился бы выдавать себя за имеющего большую или меньшую степень полномочий); ко мне обращались все — и молодежь и нелегальные: с тем-то начато было такое-то дело (которое мне приходилось поневоле выслушивать), тому-то обещано на такое-то дело столько-то денег, тому-то нужно столько-то номеров, а этому нужен паспорт или есть нечего. Почему обращались именно ко мне? Потому, что имя «Александра Ивановича» пользовалось очень широкой репутацией, потому что меня считали, как сравнительно «старого», имеющего некоторые предания, — и, действительно, мне нередко случалось видеть, что люди, стоявшие на самом деле в организации, сознательные д е я т е л и, не только не участвовали сами, но и краем уха не слыхали о таких сравнительно еще недавних фактах внутренней жизни партии и о таких сошедших со сцены лицах, которые мне были прекрасно известны. Между тем я еще выше объяснил, что моя истинная роль в партии была известна лишь немногим, в толпе же я сам всегда признавал излишним говорить об этом направо и налево. Таким образом я был о б я з а н и теперь принять на себя временно роль комитетского агента. Имел ли я на это право de jure? Смысл минуты был такой, что я должен был, не думая об этом, выступить в качестве «полномочного» человека: после же могли судить меня. Но я и не намеревался самолично приступить к каким-нибудь действиям: я предвидел, что до «поступков» дело еще далеко при наличных условиях и средствах. Я узнал потом, что несколько лиц, действительных агентов Комитета, уехало во время начавшегося погрома: мне лично показалось это крайне нехорошим поступком, хотя, может быть, показалось так в пылу увлечения, и они, как политики, были правы. Во всяком случае, я счел своим нравственным долгом взять на себя в это безвременье бразды правления, — это мне казалось необходимым уж и для того, чтобы прекратилась суетня и беготня, неизбежные при безвластии, но

могшие причинить массу вреда. В смысле «наступательном» я ничего не предполагал делать, но моей задачей было: собрать рассеянное и затерянное, поддержать вокруг веру и бодрость — и, твердо стоя на своем посту, дождаться людей действительно «полномочных», которым я все и передал бы в целости и сохранности. Отказавшись принять на себя подобную роль, я был бы в собственных глазах позорным трусом, заботящимся только о себе и ждущим только заграничного паспорта, чтоб безопасно и благополучно улепетнуть.

Таким образом, аккуратно и добросовестно ведя «текущие дела» партии в Петербурге и ожидая себе смены, я главные свои усилия, по обыкновению, направил на теорию. Я проповедывал в это время примирение. Не то полудействительное примирение, о котором говорится в 10 № в заявлении от «Молодой партии» [25]), я проповедывал искреннее объединение всех протестующих сил. Дело в том, что весной с «Исполнительным Комитетом» соединился, главным образом, так называемый Центральный Комитет «Молодой партии», но остался в Петербурге один второстепенный кружок (но обладавший большими связями и средствами), который не примкнул к соединенной партии и продолжал работать по программе, выработанной «Центральным Комитетом». Вот с этой-то группой мне и хотелось сговориться, к ней-то и было адресовано мое письмо от 14 ноября [26]), очутившееся в настоящее время в руках полиции. Я признаю его писанным моею рукою и мысли, в нем изложенные, всецело моими единоличными мнениями и взглядами на революционное дело. Кому я передал это письмо, объяснить не желаю. Письмо, отобранное в Туле у некоего Моисеева, признаю писанным также мною [27]). Но лично я не только не передавал его Моисееву, но даже и предназначал совсем не для Тулы, и, каким образом оно очутилось в руках этого господина и в этом городе, я не знаю. 18 октября я получил сведение, доставленное мне, должно быть, по поручению Зиновия Андреевича, что заграничный паспорт будет мне вручен, — и на этот раз уж непременно, наверное, — лишь в половине следующего месяца. При этом советовали на это время куда-нибудь уехать. На последнее я, разумеется, не обратил ни малейшего внимания и, предполагая, что легко может статься, что я не дождусь столь желанной «смены» еще довольно продолжительное время, — я решился, наконец, рискнуть и поселиться по нелегальному паспорту. К этому побуждала меня положительная невозможность укрываться дольше, бродя с квартиры на квартиру. Атмосфера была всюду крайне подозрительная; обыски и аресты продолжались; я сам несколько раз лишь по счастливой случайности избег провала. Между тем я рассчитывал, что «смена», во всяком случае, не за горами, и что, если бы даже, прожив нелегально недели две-три, я и возбудил своим паспортом некото-

рые подозрения, то, пока будут наводить справки, пройдет еще недели две, и я успею исчезнуть. Паспортист мне предложил несколько паспортов, и я выбрал вид на имя мещанина Орлова. В 20-х числах съездил дня на два — на три в Псков, чтобы прописаться сначала в провинции, и затем действительно поселился в Петербурге под именем мещанина Петра Федорова Орлова, по Конногвардейской ул., в д. № 52, кв. 4, где и проживал до дня своего ареста. Мне почему-то долгое время не возвращали паспорт, — и это время я, правда, несколько волновался; мне советовали бежать, пока есть время, но я не захотел, я вполне был убежден, что моя счастливая звезда и на этот раз вывезет, что «сама судьба не попустит» моего ареста: и в самом деле было бы обидно и горько, пройдя благополучно все Сциллы и Харибды, в виду самого берега погибнуть бесславно! Но судьба оказалась действительной «злодейкой», и я готов теперь согласиться, что и жизнь, пожалуй, в самом деле — «копейка».

Оглядываясь на свою революционную деятельность, я скажу, в заключение, следующее. По натуре я не был бойцом, я не был воином по призванию. Взяв на себя эту роль, я только подражал одному из благороднейших героев Шпильгагена: я был жертвой, — и один бог да я знаем, чего мне стоила эта жертва. Да, я не был бойцом по призванию, по натуре — я мог только приготовлять путь другим, более сильным меня. И если при этом мне удалось бросить хоть в одну голову искру света, я доволен, я исполнил долг свой.

Допрос, по позднему времени, отлагается до другого раза. В сегодняшних показаниях все поправки и помарки сделаны мною самим.

Петр Якубович.

(Окончание следует.)

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Дегаев, после известного акта своего предательства (конец декабря 1882 г. — начало января 1883 г.) и пребывания в Харькове (январь), где выдал В. Н. Фигнер, появился в Петербурге уже в феврале месяце и тотчас вошел в местные кружки. От 15 марта уже имеется, напр., записка об одном собрании руководящего кружка в Петербурге, составленная со слов Дегаева. Повидимому, к этому же времени относится знакомство Дегаева с Якубовичем, о последствиях которого см. во вступительной статье.

[2]) При обыске у Евгении Алексеевны Демидовой были найдены два письма Якубовича. В первом, открытке за полной подписью, от 12 февраля 1883 г. Якубович обещал зайти к адресатке и между прочим писал: «Если ваш адрес неверен, то очень досадно — почему, скажу лично». Во втором — записке от 7 марта 1883 г., тоже за полною подписью (на имя Евгении же Демидовой), Якубович между прочим пишет: «Если вы [Евгения Демидова] грозите такой низостью, то я должен напомнить вам, что угроза ваша мне не причинит вреда или, во всяком случае,

вред, равный с вашей сестрой, которая несравненно виновнее меня в этой неприятной истории. Меня просили об адресе, я обещал попросить, попросил у А. А. [Александры Алексеевны], она не только обещала, а продиктовала самый адрес... своего адреса она не сочла возможным дать». Далее в записке следовало: «Месяц тому назад я дал вам слово уничтожить адрес и, очевидно, сделал, что мог; если же теперь вы снова получили, то, значит, вышло какое-нибудь недоразумение, адрес ваш я взял не нахрапом, а с согласия вашей сестры».

Оба письма известны нам только в этих отрывках, имеющихся в протоколе осмотра переписки, отобранной по обыску у Евгении Демидовой.

[3]) Брат П. Ф. Якубовича — Василий Филиппович Якубович, по окончании в 1883 г. медико-хирургической академии остался при ней в качестве частного ординатора. Впоследствии приват-доцент академии (с 1886 г.) и проф. Новороссийского университета (с 1904 г.).

[4]) Братья Карауловы — Василий Андреевич (см. «Красный архив», т. V (36), стр. 168, прим. 22) и Николай Андреевич. С именем Николая Караулова и историей его привлечения к дознанию связана любопытная история одной петербургской библиотеки. Библиотека эта была открыта 22 января 1879 г. известным народником-писателем П. В. Засодимским. Сам Засодимский во время дознания показал, что библиотека основана с политическою целью, по инициативе Льва Буха. В декабре библиотека эта перешла к А. И. Эртелю, а в 1881 г. к Николаю Николаевичу Дерюгину, который поручил ее управление Н. А. Караулову. С марта 1881 г. и по август 1883 г. Караулов управлял библиотекой. Как сообщил впоследствии Дегаев, библиотека в это время служила местом конспиративных свиданий, и ряд близких к ней лиц был привлечен к дознаниям (как-то: Фанни Личкус, Розалия Бердичевская, Богораз и др.). Что сведения Дегаева не были выдуманы, доказывается также показаниями Ф. Завалишина (члена центрального военного кружка) о том, что в библиотеке происходило одно из собраний этого кружка. Караулов входил в состав «Красного креста», а в 1883 г. вошел в состав петербургского центра и был, между прочим, посредником в сношениях типографии Шебалиных с организацией.

[5]) Это лето было решающим для Якубовича. По неизданным заметкам его к своим стихотворениям, стихотворение: «По лазури, чуть белея, вьются стаи облаков...» было написано именно здесь в имении, когда Якубович готовился к «решительной битве».

[6]) В своих показаниях (известных нам в этой части только по прокурорскому изложению) Овчинников указал, что с Якубовичем познакомился в свой первый приезд в Петербург, а приезд этот относится к июлю-августу 1882 г. В Петербурге Овчинников действительно живал не подолгу. Уехав в августе 1882 г., он вновь приехал только в январе 1883 г. и прожил здесь до конца марта. В июле 1883 г. он был вызван в Петербург Дегаевым и отправлен им в Ригу, а потом был в городах Северо-западного края вплоть до момента, когда получил письмо Якубовича с изложением положения дел в Петербурге. Считая тоже «Исполнительный Комитет учреждением вредным для развития социалистического движения в России», Овчинников в марте 1884 г. приехал по этому вызову в Петербург.

[7]) Брак М. П. Шебалина с Богораз был тогда устроен, как фиктивный, с целью сделать их хозяевами типографии.

[8]) 16 декабря 1883 г. был убит подполковник Судейкин.

[9]) Судовский, Николай Дмитриевич, чиновник секретной полиции, вместе с Судейкиным явившийся на квартиру Дегаева 16 декабря 1883 г. и тяжело ра-

неный в голову. Выздоровление Судовского относится к марту месяцу, и, напр., показание об обстоятельствах убийства Судейкина было дано Судовским 17 марта 1884 г.; ср. с этим фактом показание Якубовича от 1 декабря.

[10]) См. «Красный архив», т. V (36), стр. 141 — 147.

[11]) См. «Красный архив», т. V (36), стр. 168, прим. 10.

[12]) Об обстоятельствах оставления Сладковой типографии см. «Красный архив», т. V (36) стр. 169, прим. 26. Это письмо Якубовича не дошло до нас и известно по изложению обвинительного акта. Оно было доставлено на квартиру Сладковой уже после обыска на квартире и содержало приглашение, «причем предосторожности, которыми автор письма советовал Сладковой обставить свой приезд к нему, указывали на то, что посещение это вызывалось преступными целями» (из обвин. акта).

[13]) Отношение Дегаева к вновь возникавшему направлению определялось, несомненно, его шатким положением между организацией и полицией: все то, что шло к отвлечению сил от центрального политического террора, все это, конечно, для Дегаева было приемлемо. Поэтому он не только не боялся (ср. «Письмо к товарищам»), но и поддерживал программные прения, устраняя, по возможности, обсуждение организационных тем. Как явствует из показания Якубовича от 18 мая, весьма возможно, что Дегаев, подхватив новые веяния, являлся даже их прямым сторонником.

[14]) См. «Красный архив», т. V (36), стр. 177, прим. 68.

[15]) См. «Красный архив», т. V (36), стр. 137.

[16]) Якубович в это время уезжал в Дерпт и там подготовлял типографское дело.

[17]) Именно письма из Дерпта, взятые по обыску у Н. М. Саловой.

[18]) Пользуясь тем, что в письмах к Саловой были только инициалы Г. П., Якубович здесь намеренно кличку Лопатина — «Григорий Петрович» переделывает на «Георгия Павловича».

[19]) См. «Красный архив», т. V (36), стр. 172, прим. 41.

[20]) См. «Красный архив», т. V (36), стр. 148 — 151.

[21]) См. «Красный архив», т. V (36), стр. 154.

[22]) Геккельман, Арон-Абрам Мордухов (впоследствии Ландезен и еще позднее Аркадий Михайлович Гартинг), род. в 1854 г. в Минске. В мае 1882 г. выдержал при Тверской гимназии испытание на аттестат зрелости и поступил в Петербургский университет, откуда по собственному желанию уволился 23 октября 1882 г. и затем уехал в Дерпт. Вот к этому-то непродолжительному промежутку пребывания в Петербурге должно быть отнесено начало агентурной деятельности Геккельмана, так как при заключении с ним контракта в Париже в 1885 г. он именуется «бывшим агентом С.-Петербургского охранного отделения». 5 февраля 1883 г. Геккельман поступил в Дерптский университет на медицинский факультет и уволился в отпуск 15 декабря 1884 г. для того, чтобы больше сюда не возвращаться и продолжать свою дальнейшую карьеру в Париже. Подозрение против Геккельмана возникло уже в Париже. Как он сам сообщает об этом 9 апреля 1885 г. в департамент полиции (если, конечно, только он не выдумывает, чтобы набить себе цену), он был приглашен к Тихомирову, где застал приехавшего из России «одного из самых крупных столпов», повидимому, А. Н. Баха (так как Сергей Иванов приехал раньше). Вот дальнейший рассказ самого Геккельмана, иносказательно вполне открывающий ту роль, которую он играл в дерптской среде: «Сообщения были крайне неожиданные: вследствие существующих между друзьями и одним из ваших сношений сделалось еще в ноябре изве-

стным, что т.*) вам известна и что последние дела произошли, благодаря присутствию среди друзей вашего человека. Все эти сведения, вы сами догадаетесь о них подробнее, получались непосредственно этим приезжим, но он ничего не мог предпринять, вследствие болезни кузена и других **). Он не имеет точных сведений об общем друге ***), но, разбирая старые дела и затем известие от Марии Ник. ****) (которое вам тоже известно), что Артуру *****) она не верит, он с Т. ******) сделали на Артура вчера нападение, т. е. заявили ему, что они думают, не вынудили ли его обстоятельства иметь сношения с вами и не сделался ли он жертвою обстоятельств. Ваш друг был, конечно, крайне возмущен и потребовал объяснений, на каком основании ему предъявляют такую чушь. Понемногу все успокоилось, и произошло взаимное объяснение. Сегодня у Артура был приезжий и пробеседовал целое утро. Они расстались друзьями. Он ему сообщил, что где-то среди них находится ваш приятель ***), они сопоставили факты и предположили, что это не Артур ли, но находят его объяснения достаточно вероятными и что приезжий окончательно убедился теперь в его правоте, но затем, так как нужно попробовать поискать этого человека, то они дома завяжут сношения с предв. закл. и затем советуют Артуру остаться пока на месяц или 2 здесь, чтобы окончательно его забыли там. Приезжий говорит, что они потом вместе вернутся, а пока предлагает ему принять участие в здешних делах друзей». И действительно, как известно из показаний А. Новикова, Геккельман бывал в квартире, где помещалась типография. Геккельман официально был привлечен к дознанию по делу о дерптской типографии, но, конечно, не был разыскан.

[23]) Текст этой телеграммы таков: «Каменец-Подольск. Розе Франк. Нет ваших писем. Беспокоюсь. Здоровы ли? Писал часто. Пе с к о в с к и й». Ответная телеграмма по адресу Геккельмана, о которой говорится далее, гласила: «Вчера выслала письмо. Виновата. Простите. Д р е й к о п».

[24]) Расследование о деньгах возникло по найденным у Саловой записям, где значилось: «Сентябрь» «20-го Петр. (деньги)». Петр.— Петруччио = Якубович.

[25]) Полудействительным примирением называет Якубович заявление «Молодой партии Народной Воли» потому, что она в нем не отказывалась от своих взглядов: она заявляла, что продолжает считать, что «пришло время внести некоторые серьезные поправки как в строй организации партии, так и в самую программу ее деятельности», но что, по ознакомлении со взглядами Исполнительного Комитета, расхождение в практических вопросах не оказалось таким, чтобы необходим был разрыв на две организации.

[26]) См. в тексте № 13.

[27]) См. «Красный архив», т. V (36), стр. 154 и стр. 178, прим. 74.

---

*) Типография.
**) Вследствие арестов; кузен, повидимому, Якубович или Переляев.
***) Агенте.
****) Емельяновой.
*****) Геккельману.
******) Тихомировым.

Гр. А. Х. Бенкендорф о России в 1827—1830 гг.

(*Ежегодные отчеты III отделения и корпуса жандармов.*)

В «Красном архиве» были ранее напечатаны извлечения из ежегодных всеподданнейших отчетов начальника III отделения собств. е. и. в. канцелярии и шефа жандармов о рабочем движении в России, декабристах и др.; кроме того, Центрархив выпускает отдельным изданием материалы о крестьянском движении в 1827—1861 гг., извлеченные также из ежегодных отчетов III отделения, — но эти отчеты еще не появлялись в печати полностью, без купюр.

Между тем, несомненно, всеподданнейшие ежегодные отчеты начальника III отделения и шефа жандармов представляют собой исторический источник первостепенного значения. Отсутствие в печати этих отчетов, носивших нередко характер настоящих историко-политических трактатов, вылившихся из-под жандармского пера, сказывается до сих пор, например, хотя бы на наших представлениях о темпах и формах развития крестьянского и рабочего движения в эпоху царствований Николая I и Александра II. В неменьшей степени ценный материал дают эти отчеты для оценки состояния администрации, экономики, просвещения, роста оппозиционных течений в командующих классах, национальной политики и т. д. Для данной эпохи отчеты III отделения являются одним из наиболее авторитетных исторических источников по своему происхождению и, вместе с тем, по богатству и значимости содержания. Конечно, они требуют критического к себе отношения, но крупная научная ценность их неоспорима, так как они освещают деятельность наиболее важного политического учреждения 1826—1880 гг., которое еще в буржуазной историографии характеризовалось как «учреждение, дававшее возможность о б х о д и т ь другие учреждения или о б х о д и т ь с я без них» [1]). III отделение в системе феодально-крепостнического самодержавия Николая I и Александра II заполняло отсутствие представительных учреждений и, являясь центральным органом политического сыска, было в то же время верховным органом надзора за всем аппаратом исполнительной власти, начиная с министерств. Это ставило III отделение в положение, несравнимое с положением Преображенского приказа, Тайной канцелярии, тайной экспедиции, особенной канцелярии министерства внутр. дел и др., с которыми оно преем-

[1]) Градовский, собрание сочинений, СПБ, 1907, т. VIII, стр. 520.

ственно было связано своим происхождением. К сожалению, это учреждение окутано мраком тайны как для тех, кто от него в свое время непосредственно страдал, так и для исторической науки. Мы до сих пор не имеем специальной работы о генезисе, функциях и деятельности III отделения, оставившего после себя столь недобрую память и губительный след в общественно-политической и культурной жизни России XIX столетия.

Опубликование печатаемых ниже четырех первых всеподданнейших отчетов III отделения за 1827—1830 гг. является попыткой привлечь внимание исследовательской мысли к изучению этого учреждения. Эти отчеты (на франц. языке) составлены, повидимому, директором канцелярии III отделения М. Я. фон-Фоком, правой рукой гр. Бенкендорфа, и им же переписаны для царя. Обширные знакомства Фока в высшем обществе Петербурга и великолепно организованная агентура, в составе которой были и литераторы, давали ему огромный осведомительный материал, на основании которого им и составлялись «обзоры» для царя. Начиная же с 1831 г., когда Фок умер, ежегодные всеподд. отчеты III отделения составлялись на русском языке, переписывались канцеляристом, и общий их характер несколько видоизменился; но прилагавшиеся к ним «нравственные обозрения» очень напоминают первые «обзоры» Фока. В позднейших отчетах появляются отделы с материалом статистического порядка, отсутствующие в печатаемых ниже (о крестьянских и рабочих волнениях, пожарах, ссыльных, «замечательных происшествиях», въезде иностранцев, деятельности III отделения по цензурной части и т. д.); к отчетам прилагались ежегодные сводки не только о личном составе корпуса жандармов, но, например, о числе убийств и самоубийств в империи, из которых видно, что в царствование Николая I почти половина годов отмечена превышением числа самоубийств над убийствами, причем большинство самоубийц составляли — «лица податного состояния и нижние чины». В целом отчеты дают картину постепенно нарастающего чрезвычайного напряжения административной системы, которому соответствовало не меньшей силы политическое напряжение масс. Как это свидетельствуют отчеты, в царствование Николая I крестьянская изба, казарма, каморка разночинца, дворянская гостиная, провинциальный город и обе столицы жили в постоянном ожидании какой-то громадной перемены. Когда в 1848 г., во время наводнения, в Петербурге раздались обычные сигнальные выстрелы из пушек, публика, — по словам шефа жандармов, — была уверена, что началась революция. Это ожидание революционного взрыва характерно для всех годов царствования Николая I: взрыв мог возникнуть, — как думало III отделение еще в конце 20-х и в середине 30-х годов, — в крестьянстве и в армии, комплектовавшейся из крестьян же. По мере приближения к 60-м годам крестьянский вопрос занимает центральное место в отчетных докладах органа «высшего надзора».

Публикуемый здесь первый ежегодный отчет III отделения озаглавлен: «Краткий обзор общественного мнения за 1827 г.». В одном из своих донесений Бенкендорфу еще в 1826 г. автор «обзора» М. Я. Фок, приведя изречение Талейрана: «Я знаю кого-то, кто умнее Наполеона, Вольтера с компанией, умнее всех министров настоящих и будущих; этот кто-то — общественное мнение», — писал, что общественное мнение «может назваться благом, когда оно просвещенно и в то же время прочно и умеренно». «Но,—

продолжает он, — общественное мнение составляет зло, когда оно заблуждается в выборе цели и средств, становясь, таким образом, силою, которая противится правительству» [1]). Именно с этой стороны первый обзор и рассматривает «мнение большинства во всех классах общества», разумея под последними: двор, высшее общество, делившееся на «довольных» и недовольную «знать» — объект упорных подозрений и ненависти автора отчета, «средний класс» (помещики, купцы 1 гильдии, «образованные люди» и литераторы — в совокупности «душа империи» Николая I), «молодежь», чиновничество, армию, крепостное крестьянство и духовенство. Настроение всех этих групп в годы, непосредственно следовавшие за разгромом движения декабристов, укрепившим полицейско-бюрократический строй, представляет, разумеется, крупный интерес. За исключением двора и части высшего общества во всех группах населения автор обзоров констатирует наличие недовольства существующим положением дел. Падение хлебных цен и застой торговли давали оппозиционную окраску настроениям землевладельческого дворянства и буржуазии, среди которой «русскими патриотами» сеялись конституционные замыслы; в головах дворянской молодежи («самой гангренозной части империи») продолжали гнездиться якобинские идеи; в армии еще наблюдались отзвуки идей Пестеля; духовенство было политически ненадежно вследствие необеспеченности своего материального положения; среди крепостного крестьянства бродил призрак Пугачева в образе «Метелкина». Обзор за 1827 г. заканчивается тирадой: «Вся Россия ждет с нетерпением перемен как в системе, так и в людях. Требуется вновь завести машину. Ключами для этого являются: правосудие и промышленность». В 1828 г. обзор вновь настойчиво указывает на необходимость изменения положения крепостного крестьянства и спасения дворянства от неминуемого банкротства. Осуждение деятельности министерства финансов в значительной мере связано с его неспособностью предотвратить разорение помещиков и купечества. Характерно, что, вспоминая участников «14-го декабря», автор обзоров объясняет их террористические замыслы против династии именно желанием ликвидировать свою безнадежную задолженность банкам и ломбардам, рассматривавшимся ими как собственность императорской фамилии, с исчезновением которой прекратилась бы выплата ссуд и процентов.

Кроме характеристики «общественного мнения» в отчетах находим анализ политического состояния Польши, прибалтийских провинций и Финляндии, любопытный как в отношении готовившейся к восстанию Польши, жители которой, под эгидой русской администрации, чувствовали себя «париями» и жили с «попранным национальным самолюбием» в состоянии «мрачного бессилия», так и в отношении остзейских губерний, феодальное дворянство которых дало столько «верных слуг» Николаю I. Не менее ценны обозрения деятельности министерств с откровенной характеристикой деловых способностей управлявших ими лиц, а также изображением отношения «общественного мнения» к войне с Персией и Турцией, польской и французской революции 1830 г. и т. д. Значительный интерес представляют обзоры настроений в литературном мире, в частности

---

[1]) М. Лемке, Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг., СПБ, 1909, изд. 2, стр. 36.

упоминание о революционном влиянии стихов Пушкина (1830 г.). Ценность всех этих характеристик и обзоров заключается не в объективных данных, сообщаемых ими, а в том, что они отражают политическую идеологию учреждения, которому под надзор и «моральное» руководство был отдан весь аппарат дворянского государства в 1826—1880 гг., и дают материал для определения классовой сущности романовской монархии в этот период.

Николай I с особым вниманием читал «обзоры», представлявшиеся ему начальником III отделения и шефом жандармов, находя в них, без сомнения, мысли и взгляды, даже фразеологически совпадавшие с его собственными. В этом также ценность обзоров. Они испещрены его карандашом на полях во многих местах, в том числе почти везде, где приводятся отзывы об особе императора, иногда учтиво дидактичные и всегда, конечно, самые лестные. Великорусский цезарь XIX века, нелюбимый обществом в бытность свою великим князем, был весьма чувствителен к тому, как относились лично к нему его «верноподданные». Деятельность III отделения и корпуса жандармов, а также рекомендовавшиеся ими, в «качестве» предлагаемых «общественным мнением», меры, неизменно находили «августейшее» одобрение. И Бенкендорф, — вынужденный, впрочем, признаться, что «институт жандармерии при его учреждении внес смятение в настроение общества» (обзор за 1829 г.), — был горд деятельностью подведомственных ему чинов и с удовлетворением цитировал следующий отзыв о жандармерии каких-то «влиятельных лиц»: «Жандармерия сделалась народным врачом моральным. К ней каждый прибегает в своем недуге и отчаянии, а если б другие начальства не вредили ей противодействием, то она бы еще более приносила пользы. Против жандармерии — одни злоупотребители и з н а т ь. Но злоупотребители должны молчать, а з н а т ь н е и м е е т н и к а к о г о в л и я н и я в б о л ь ш о й п у б л и к е» [разрядка моя. — *А. С.*].

Текст публикуемых документов воспроизведен по подлинникам, хранящимся в Архиве Революции и Внешней Политики в Москве. В подстрочных сносках отмечены особенности подлинника, а также даны расшифровки встречающихся в тексте имен и примечания фактического характера.

А. Сергеев.

Краткий обзор общественного мнения за 1827 г. [1]).

Общественное мнение для власти то же, что топографическая карта для начальствующего армией во время войны. Но составить верный обзор общественного мнения так же трудно, как и сделать точную топографическую карту. Чтобы ознакомиться с мнением большинства во всех классах общества, т. е. с мнением лиц, пользующихся

[1]) Подлинник — на французском языке. Над заголовком надпись по-русски: «Его величество изволил читать». В левом верхнем углу Николаем I поставлен карандашом знак рассмотрения (·/.). Слова, подчеркнутые в подлиннике, набраны здесь разрядкой; слова, написанные в подлиннике по-русски, набраны курсивом.

в своем кругу наибольшим влиянием, органы высшего надзора использовали все находящиеся в их распоряжении средства, а также содействие достойных доверия и уважения лиц. Все данные проверялись по нескольку раз для того, чтобы мнение какой-либо партии не было принято за мнение целого класса. Представляем здесь краткий обзор результатов этого обследования.

1. Двор, т. е. круг лиц, из коих собственно и составляется придворное общество, или люди, состоящие на службе при дворе, делится на две группы. Одни проявляют особую привязанность к ныне царствующим августейшим особам и являются сторонниками принятого в настоящее время этикета, другие предпочитают старый порядок и проявляют больше преданности по отношению к императрице-матери [1]). В обществе эта партия именуется Гатчинским двором. При данном положении двора мы не видим тех многочисленных интриг, которые когда-то оказывали такое сильное влияние на ход государственных дел как в России, так и в других странах. Все ограничивается пересудами, восхвалением некоторых членов императорской фамилии или мелкими, глухими неудовольствиями, не выходящими за пределы придворных кругов, которые, впрочем, не оказывают никакого влияния на общественное мнение столицы или провинции.

Во времена императрицы Екатерины II [2]) люди, занимавшие придворные должности, имели большой вес в глазах общества, и каждый из них, будучи неподвижной звездой при дворе, становился в городе маленьким солнцем, окруженным своей планетной системой, которой передавались его импульсы и движение. Теперь дело обстоит совершенно иначе. Придворные образуют отдельную секту, отношения их ограничиваются их кругом, в котором и сосредоточены их взаимные интересы. Честолюбие хорошо одаренных от природы людей высокого происхождения уже не довольствуется службой при дворе; они стараются выдвинуться на поприще военной или гражданской службы и, даже будучи сами облечены придворным званием, относятся как бы с презрением к тем из своих коллег, которые, как они говорят, лишь увеличивают собой число придворных лакеев.

Большая часть царедворцев однако очень довольна устраиваемыми при дворе увеселениями и любезным обхождением царствующих императора и императрицы [3]) в качестве хозяев дома. Дворцовая

---

[1]) Мария Федоровна (1759—1828), вдова имп. Павла I. Слова: «другие предпочитают . . . двором» отчеркнуты на полях карандашом.

[2]) Екатерина II (1729—1796), имп., бабка Николая I.

[3]) Александра Федоровна (1798—1860), жена имп. Николая I.

прислуга, начиная с фурьеров и метр-дотелей, выражает некоторое неудовольствие тем, что их братию ограничили в смысле возможностей получения чинов и что слишком соблюдается экономия [1]).

В общем же, мнение двора не представляет значения для правительства, так как оно не играет никакой роли в обществе.

2. Высшее общество делится на два класса:

а) Довольные, во главе которых стоят — граф Кочубей [2]), группирующий вокруг себя многочисленных знатных особ всех возрастов, и г. Сперанский [3]), на которого нужно смотреть как на опору всех умных и даровитых людей среднего класса, как например, литераторов, купцов и гражданских чиновников. Значительное число их в трудных случаях жизни обращаются к нему как к оракулу, доверяя ему свои опасения, свои надежды и свои самые сокровенные мысли. Он доступен, популярен и приветливо идет навстречу этому доверию. К его словам относятся, как к пророчеству. Он, повидимому, вполне предан е. в. государю императору и существующему строю, поддержанию которого он посвящает все свои силы, возвышенно отзываясь о личности государя и скрашивая будущее успокоительными предсказаниями. Граф Кочубей менее доступен. Он не общителен, но тем не менее его влияние на общественное мнение очень благотворно.

В Москве в настоящий момент нет ни одного сановника, который играл бы роль, подобную роли графа Кочубея или Сперанского. Во времена императрицы Екатерины II высшее московское общество представляло собой как бы особый род аристократической республики и руководило общественным мнением. Теперь оно лишено всякого морального авторитета, и общественное мнение исходит из кругов

---

[1]) Слова «Дворцовая прислуга... экономия» отчеркнуты на поле слева карандашом.

[2]) Кочубей, В. П., князь (1768—1834), б. дипломат (чрезв. посланник в Константинополе, член коллегии иностр. дел и вице-канцлер), дважды министр внутр. дел. (1802—1812 г. и 1819—1825 г.); в 1827 г. Николай I дал ему княжеский титул и назначил председателем Госуд. Совета и Комитета Министров; один из самых приближенных сановников Николая.

[3]) Сперанский, М. М. (1772—1839), граф (с 1 янв. 1839 г.), автор либерально-буржуазных проектов госуд. преобразований при Александре I, один из самых доверенных советников последнего; в 1812 г. попал в опалу и не мог уже вернуть к себе прежнего доверия, хотя и был после ссылки назначен в 1821 г. членом Госуд. Совета; под конец жизни отказался от конституционных планов и стал защитником неограниченной монархии. Николай I при воцарении отнесся к нему сначала подозрительно, но Сперанский реабилитировал себя своей деятельностью в верховном уголовном суде над декабристами и окончательно расположил к себе Николая I изданием «Первого полного собрания законов Российской империи» и составлением «Свода законов».

средних классов, о чем будет изложено ниже. Пален [1]) в Новороссии, Закревский [2]) в Финляндии и князь Хованский [3]) в Белоруссии и т. д. распространяют благоприятное нынешнему правительству мнение, но, в силу местных условий, влияние их здесь не велико и зависит от индивидуальных свойств и уменья действовать каждого из них.

б) Недовольные разделяются на две группы [4]). Первая состоит из так называемых русских патриотов, столпом коих является Мордвинов [5]). Во вторую входят лица, считающие себя оскорбленными в своих честолюбивых замыслах и порицающие не столько самые мероприятия правительства, сколько тех, на ком останавливается выбор государя. Душой этой партии, которая высказывается против злоупотреблений исключительно лишь потому, что сама она лишена возможности принимать в них участие, является князь Куракин [6]).

---

[1]) Пален, Ф. П., граф (1780—1863), одесский градоначальник в 1826—1828 гг.

[2]) Закревский, А. А., граф (1783—1865), ген.-адъют., в 1823 г. был назначен, после ссоры с Аракчеевым, ген.-губернатором в Финляндию, сохранив этот пост и после назначения своего в 1828 г. министром внутр. дел.; неудачные меры борьбы с холерой, свирепствовавшей в России в 1830—1831 гг., вызвали отставку Закревского в 1831 г. В 1848 г. он был назначен генерал-губернатором Москвы (1848—1859) и прославился в этой должности необузданным деспотизмом и мракобесием. Впоследствии он так оправдывал свою деятельность в Москве: «никто не знает инструкции, которую мне дал имп. Николай, видевший во всем признаки революции; он снабдил меня бланками с собственноручной подписью, которые я возвратил в целости».

[3]) Хованский, Н. Н., князь (1777—1837), ген.-от инф., сен., член Госуд. Совета, ген.-губернатор смоленский, витебский и могилевский.

[4]) Слова: «Недовольные ... Мордвинов» отчеркнуты на полях карандашом.

[5]) Мордвинов, Н. С. (1754—1845), граф (с 1834 г.), адмирал, морской министр в 1802 г., в 1810 г. член Госуд. Совета, единомышленник по многим вопросам М. М. Сперанского, участвовал в составлении последним плана новой системы финансов; в знак протеста против ссылки Сперанского в 1812 г. оставил должность председателя деп. экономии Госуд. Совета; в 1820 г. был назначен председателем деп. гражд. и дух. дел Госуд. Совета; был членом финансового комитета и Комитета Министров и сохранил эти должности при Николае I. Мордвинов был сторонником политических преобразований на английский лад в смысле усиления аристократии путем раздачи представителям ее казенных имений и предоставления этой аристократии широких политических прав; в то же время был ярым крепостником, допускавшим освобождение крестьян (без земли) только за выкуп громадных размеров. В виду его связей с декабристами, над ним, как и над Сперанским, было произведено секретное следствие, не давшее никаких компрометирующих его данных.

[6]) Куракин, Алексей Борисович, князь (ум. в 1829 г.), в царств. Павла I был ген.-прокурором, при Александре I — ген.-губернатором Малороссии, в 1807—1811 гг. министром внутр. дел., позже членом Госуд. Совета.

Партия русских патриотов очень сильна числом своих приверженцев. Центр их находится в Москве. Все старые сановники, праздная знать и полуобразованная молодежь следуют направлению, которое указывается им их клубом (cercle) через Петербург. Там они критикуют все шаги правительства, выбор всех лиц, там раздается ропот на немцев, там с пафосом повторяются предложения Мордвинова, его речи и слова их кумира — Ермолова [1]). Это самая опасная часть общества, за которой надлежит иметь постоянное и возможно более тщательное наблюдение. В Москве нет элементов, могущих составить противовес этим тенденциям. Князь Голицын [2]) — хороший человек, но легкомыслен во всем; он идет на поводу у своих приверженцев и увлекаем мелкими расчетами властолюбия. Во всем прочем он очень предан трону и вполне благонамеренный человек.

Партия Куракина состоит из закоренелых взяточников, старых сатрапов в отставке и женщин, не могущих более интриговать.

Партия Мордвинова опасна тем, что ее пароль — спасение России. Партия Куракина не имеет сколько-нибудь значительного влияния на общественное мнение; приверженцы этого князя, в общем не очень популярного, имеют некоторое значение лишь в силу родства Куракина с графом Чернышевым [3]), которому в обществе приписывают большое влияние на государя императора.

В общем, фрондирующие суть люди, стремящиеся следовать внушениям этих двух партий; одни осуждают мероприятия правительства, кричат против немцев и желали бы видеть Мордвинова руководителем административных дел, а Ермолова и Раевского [4]) во главе

---

[1]) Ермолов, А. П. (1772—1861), ген.-от-инф., прославившийся в войну 1812 г., в 1817 г. был назначен главноуправляющим в Грузию и ком. отд. кавказского корпуса; имя его тесно связано с русскими завоеваниями на Кавказе и экспансией русского торгового капитала в Персию. Неудачи русских войск в начале войны с Персией повели к столкновениям Ермолова с присланными к нему, как бы в помощь, ген. Паскевичем и Дибичем, в результате которых Ермолов подал прошение об отставке в марте 1827 г. и покинул Кавказ. Николай I относился к нему очень подозрительно из-за его популярности в обществе и связей с декабристами.

[2]) Голицын, Д. В., князь (1771—1844), ген.-от-кав., московский генерал-губернатор.

[3]) Чернышев, А. И., князь (1786—1857), ген.-адъют., ген.-от-кав., военный министр; один из ближайших фаворитов Николая I; участвуя в следств. комиссии над декабристами, проявил себя как самый придирчивый и безжалостный судья.

[4]) Раевский, Н. Н. (1771—1829), ген.-от-кав., один из виднейших генералов эпохи Александра I; с 1826 г. был членом Госуд. Совета.

обеих армий [1]); другие жаждут возвышения для себя и своих друзей и поносят всех тех, кто пользуется каким-либо доверием или занимает видное положение.

3. Средний класс [2]): помещики, живущие в столицах и других городах, неслужащие дворяне, купцы первых гильдий, образованные люди и литераторы. Этот многочисленный класс, разнородные элементы коего спаяны в одно целое, составляет, так сказать, душу империи. Улучшение настроения и общественного мнения этого класса прогрессирует с поразительной быстротой. Именно среди этого класса государь пользуется наибольшей любовью и уважением. Здесь все проникнуты верой в правильность его воззрений, в его любовь к справедливости и порядку, в твердость его характера. Преследование взяточников, обнародованные «Сенатскими ведомостями» собственноручные резолюции по многим делам, строгие меры, принимаемые против медлительности в делах и недостаточной точности в исполнении указов, удаление женщин и священников от всякого вредного влияния на дела и на участь отдельных лиц, искоренение пагубного мистицизма, семейные добродетели монарха, его явное желание улучшить дело воспитания, оказанное многим литераторам покровительство, превосходное воспитание наследника цесаревича [3]), отсутствие фаворитов и визирей, одинаковое преследование лиц, виновных в нарушении служебного долга независимо от их положения и происхождения, неутомимая настойчивость в работе, одержанные Россией в Персии успехи [4]), которые должны быть приписаны исключительно сильной воле государя-императора, перебросившего тяжелую артиллерию по ту сторону горного хребта; благородная и великодушная защита греков, участью которых интересуется вся Россия [5]), уничтожение влияния всеми ненавидимого Меттер-

[1]) Слова «Ермолова . . . . армий» отчеркнуты на полях карандашом.

[2]) Весь этот отдел отчеркнут на полях карандашом, причем против текста: «Преследование... идеями партий» и «Большинство... ропот» поставлены нотабене.

[3]) Александр Николаевич (1818—1881), старший сын Николая I, вступивший на престол в 1855 г.

[4]) Осенью 1827 г. ген. Паскевич взял Эривань, занял Азербайджан и др. местности в Персии. 9 февраля 1828 г. в Туркманчае был подписан мир с Персией, которым закончилась русско-персидская война, начавшаяся в июле 1826 г. Россия получила 70 млн. руб. ассигн. контрибуции и присоединила к своим владениям Эриванское и Нахичеванское ханства. Туркманчайский договор привел к учреждению в Персии ряда русских консульств и закреплению за Россией положения наиболее благоприятствуемой нации.

[5]) Вооруженная борьба Греции с Турцией за свою национально-политическую независимость началась еще в 1821 г. и шла несколько лет успешно, но к 1827 г., вследствие экономического истощения восставших и перевеса турецких

ниха [1]), возрождение флота [2]), воскресившее столько славных воспоминаний, убеждение в том, что государь-император серьезно трудится над улучшением столь несовершенного в России законодательства, надзор за деятельностью министров, генерал-губернаторов и гражданских губернаторов, деспотизм коих тяготел над провинцией, и бесконечное количество других обстоятельств, на которых зиждется любовь и привязанность среднего класса к особе монарха и которые служат оружием против недовольных из среды этого же класса, склоняющихся на сторону пропитанных извращенными идеями партий. Большинство стоит за государя-императора, оно одобряет учреждение жандармерии, коей недоброжелатели страшатся, как пугала. Но, хотя большинство и настроено наилучшим образом, мы не должны от себя скрывать, что в отдельных частях каждой из этих групп время от времени слышится ропот.

а) П о м е щ и к и жалуются на то, что министр финансов [3]) занимается только подписанием докучных бумаг и изысканием средств

сил, обозначился кризис восстания. Заинтересованные в ослаблении Турции, Россия, Англия и Франция заключили 6 июля 1827 г. конвенцию, в которой было решено потребовать от Турции заключения перемирия с греками. Предложение союзников было отвергнуто. Тогда соединенная англо-русско-французская эскадра вошла в бухту Наварин и уничтожила турецкий флот (20 октября 1827 г.); в декабре союзные посланники покинули столицу Турции. Русско-турецкая война, начавшаяся в апреле 1828 г., закончилась подписанием Адрианопольского трактата (14 сент. 1829 г.), 10-й статьей которого Турция согласилась на условия, выработанные по греческому вопросу союзной конференцией 22 марта 1829 г.: Греция уплачивала Турции дань в $1^1/_2$ млн. тур. пиастров и становилась вассальным государством с «наследственным главой», утверждавшимся Портой. Новой Лондонской конференцией союзников 3 февраля 1830 г. Греция была признана независимым государством.

[1]) Меттерних, К. М., князь (1773—1859), австрийский министр иностр. дел.

[2]) В декабре 1825 г. Николаем I был учрежден «Комитет образования флота», который выработал ряд мер по реорганизации морского ведомства. Одновременно с этим была усилена корабельно-строительная деятельность, в интересах которой был учрежден корпус корабельных инженеров, корпус флотских штурманов (1827 г.). Интересы промышленного капитала на Востоке требовали непрерывного усиления флота, которое особенно стало форсироваться с начала 30-х годов, когда Николай начал готовиться к войне с Англией, вставшей на путь борьбы с русским промышленным протекционизмом.

[3]) Канкрин, Е. Ф., граф (1774—1845), министр финансов (с 1823 г. до 1844 г.). При его участии еще в 1822 г. был введен покровительственный таможенный тариф, действовавший все время управления Канкриным финансами; при нем были увеличены прямые налоги, особенно тяжело ложившиеся на неимущие классы, введены новые акцизы (на табак), и взамен казенной (с 1818 г.) продажи вина введена более выгодная в финансовом отношении откупная система. С именем Канкрина связана финансовая реформа конца 30-х и начала 40-х гг., имевшая целью восстановить металлическое обращение в стране.

увеличения государственных доходов путем повышения пошлин и измышлением новых методов обложения и совершенно не заботится о той стороне деятельности своего министерства, которая дает непосредственную выгоду, т. е. о способах сбыта продуктов земледелия и промышленности [1]). Восстановление откупной системы питейных сборов доставило большое удовлетворение помещикам, внеся некоторое оживление, и, хотя результаты его до сих пор в массе очень мало заметны, есть, тем не менее, помещики, уверяющие, что они уже замечают благодетельные последствия этой меры в отношении взимания налогов. Этот же самый класс жалуется также на то, что правительство занимается только взиманием податей, а не прибегает к действительным средствам усиления денежного обращения в рабочих слоях населения, между тем как недостаток звонкой монеты сильно чувствуется. Постройка в городах общественных зданий, особенно казарм, — что облегчило бы положение жителей, — тюрем, сооружение каналов, мостов, дорог и пр. способствовало бы, по их мнению, распространению денег среди населения. Полезным для народа мероприятием явилось бы также взимание налогов местными продуктами, особенно в местах расквартирования войск. Одним словом: бедность и нужда вызывают ропот даже со стороны честных людей, но они надеются на будущее, и лишь злонамеренные элементы не сдерживают своего недовольства.

б) Купечество в этом отношении разделяет мнение помещиков и жалуется на понижение торговли товарами местного производства, как то кожами и т. д.; они недовольны тем, что правительство не приходит на помощь частным лицам, не создает для них условий, необходимых для улучшения положения вещей, и что при г. Канкрине делом ведают несколько иностранцев, действующих в пользу англичан. Однако же купцы вообще очень преданы государю-императору и возлагают на него большие надежды [2]). Но среди них тоже встречаются русские патриоты, придерживающиеся идей Мордвинова и его сторонников. Молодежь этого класса, для которой только что закрылся путь честолюбивых достижений, поставляет недовольных, но количество их незначительно.

в) Литераторы настроены превосходно. Несколько главных вдохновителей общественного мнения в литературных кругах [3]),

---

[1]) Начало этой фразы отчеркнуто на полях карандашом.

[2]) Слова, «при г. Канкрине . . . . надежды» отчеркнуты на полях карандашом.

[3]) Вероятно, Бенкендорф имел в виду Булгарина, Греча и др. Булгарин и Греч издавали субсидировавшуюся III отделением рептилию «Северную пчелу», единственную частную газету в Петербурге до начала 60-х го-

будучи преданы монарху, воздействуют на остальных. Но все единодушно жалуются на полную бездеятельность министерства народного просвещения [1]). Они говорят, что ни одно из провозглашенных при восшествии на престол предначертаний государя-императора касательно воспитания не было выполнено, что комитет, образованный [2]) для выработки начальных пособий и преобразования школ, состоит из неспособных теоретиков или наполненных предрассудками педантов. Ни один из видных литераторов не был привлечен министерством к этому делу. За два года не составлено ни одного начального учебника, даже обещанной азбуки. Везде полный застой. Литераторы жалуются также на то, что все литературные общества были закрыты в Петербурге, между тем как они продолжают существовать в Москве, Харькове, Казани, Риге, Митаве и т. д. [3]). Как будто бы, — говорят они, — музам нет места вблизи трона. Известие о новом цензурном уставе [4]) произвело на ученых и литераторов в высшей степени благоприятное впечатление. Этот класс общества вообще имеет заметное влияние на общественное мнение.

г) Молодежь [5]), т.-е. дворянчики от 17 до 25 лет, составляет в массе самую гангренозную часть империи. Среди этих сума-

---

дов. Эта газета, считавшаяся единственною представительницею «общественного мнения», пользовалась монополией публиковать известия политического характера о России и Европе. «Неужто, кроме «Сев. пчелы», — писал Пушкин, — ни один журнал не смеет у нас объявить, что в Мексике было землетрясение и что камера депутатов закрыта до сентября?» Булгарин был аккуратным осведомителем III отд. о всех событиях тогдашней литературной и общественной жизни.

[1]) В 1827 г. министром нар. просвещения был адм. А. С. Шишков, который в мае 1828 г. был заменен гр. К. А. Ливеном, бесцветной личностью, в 1833 г., в свою очередь, замененным гр. С. С. Уваровым, поборником политической формулы всех последних Романовых: «православие, самодержавие, народность».

[2]) В подлиннике слова: «что ни одно . . . . образованный» подчеркнуты карандашом.

[3]) Слова: «Литераторы жалуются также на то . . . . Митаве и т. д.» отчеркнуты на полях карандашом.

[4]) В 1826 г. был издан новый цензурный устав, заменивший сравнительно либеральный устав 1804 г. В 1827 г. для пересмотра этого нового устава был назначен особый комитет, в который вошел Бенкендорф. Под влиянием Бенкендорфа, в новый цензурный устав, утвержденный Николаем в 1828 г., были включены две статьи, из которых одна подчинила цензуру драматических произведений для представления на сцене всецело III отделению, другая обязала содержателей типографий доставлять в III отд. по 1 экз. всех печатаемых у них газет, журналов и альманахов. Этим уставом и многочисленными «частными наказами» цензорам литература была всецело подчинена жандармской гегемонии III отделения.

[5]) Вся первая половина этого отдела до слов «Злонамеренные люди»... отчеркнута на полях карандашом.

сбродов мы видим зародыши якобинства, революционный и реформаторский дух, выливающиеся в разные формы, и чаще всего прикрывающиеся маской русского патриотизма. Тенденции, незаметно внедряемые в них старшими, иногда даже их собственными отцами, превращают этих молодых людей в настоящих карбонариев. Все это несчастие происходит от дурного воспитания. Экзальтированная молодежь, не имеющая никакого представления ни о положении России, ни об общем ее состоянии, мечтает о возможности русской конституции, уничтожении рангов, достигнуть коих у них не хватает терпения, и о свободе, которой они совершенно не понимают, но которую полагают в отсутствии подчинения. В этом развращенном слое общества мы снова находим идеи Рылеева [1]), и только страх быть обнаруженными удерживает их от образования тайных обществ. Злонамеренные люди замечают этот уклон мыслей и стараются соединить их в кружки под флагом нравственной философии и теософии. Мы видим уже зарождение нескольких тайных обществ в этом роде [2]), основным принципом коих является слепое подчинение членов невидимым главарям. Главную роль в этих обществах играют мистики. Ничто не может достаточно удовлетворить эту экзальтированную молодежь. Все, что не исходит от палаты депутатов, — плохо, всякая власть кажется ей тиранией, всякий закон — стеснением. Главное ядро якобинства находится в Москве, некоторые разветвления — в Петербурге. Но тайные политические общества не образуются без иностранного влияния. Возможно, что Вена подготовляет лжебратьев, а Париж настоящих [3]). Конечно, в массе есть и прекрасные молодые люди, но, по крайней мере, три четверти из них — либералы. Впрочем, надо надеяться, что возраст, время и обстоятельства излечат понемногу это зло.

4. Чиновники. Под этим именем следует разуметь всех, кто существует своей службой. Это сословие, пожалуй, является наиболее развращенным морально. Среди них редко встречаются порядочные люди.

Хищения, подлоги, превратное толкование законов — вот их ремесло. К несчастью, они-то и правят, и не только отдельные, наиболее крупные из них, но, в сущности, все, так как им всем известны все тонкости бюрократической системы [4]). Они боятся введения пра-

---

[1]) К. Ф. Рылеев (1770—1826), поэт, один из виднейших руководителей восстания 14 декабря 1825 г. в Петербурге, казненный 13 июля 1826 г.

[2]) Слова: «Мы видим уж зарождение . . . роде» в подлиннике подчеркнуты карандашом; против них рукой Николая написано: «Ou, qui sont les individus?» («где, кто — персонально?»).—Ср. «Былое», № 1, 1918, стр. 16—25.

[3]) Слова: «Главное ядро . . . настоящих» отчеркнуты на полях карандашом.

[4]) Слова: «Среди них . . . системы» отчеркнуты на полях карандашом.

восудия, точных законов и искоренения хищений; они ненавидят тех, кто преследует взяточничество, и бегут их, как сова солнца. Они систематически порицают все мероприятия правительства и образуют собою кадры недовольных; но, не смея обнаружить причины своего недовольства, они выдают себя также за п а т р и о т о в и взывают к своему кумиру, Мордвинову, который оказывал покровительство Дьякову [1]) и Спасскому [2]). Они оказывают некоторое влияние на купечество, дураков-бояр и также через своих детей, которым они обычно дают модное воспитание, на молодежь.

5. А р м и я. Армия никогда не имела влияния на народ, а напротив, всегда сама подвергалась воздействию общественного мнения. Нельзя, может быть, определенно утверждать, что армия в целом довольна, но надо сознаться, что она вполне спокойна и прекрасно настроена. Среди офицеров больше недовольных, чем среди солдат. Одни становятся борцами за Ермолова и Раевского, другие завидуют участи тысячи своих товарищей, третьи жалуются на бедность и четвертые ворчат от скуки и бездействия. Среди гвардейских офицеров есть несколько современных либералов, но теперь они стали бесконечно более сдержанны, не кричат больше в обществе о политике, ограничиваясь, может быть, тем, что говорят о ней между собой. Не подлежит почти сомнению, что в армии распространились некоторые идеи Пестеля [3]). Персидская кампания и ожидаемая с нетерпением война с турками, изменяя направление мыслей, очень содействуют и общему улучшению настроения в войсках. В общем, настроение в армии приняло очень успокоительный характер. Впрочем, вполне естественно, что значительные массы войск, находящиеся в мирное время в бездействии, подпадают под влияние идей своих соотечественников.

6. К р е п о с т н ы е [4]) *(Крепостное состояние)*. Среди этого класса встречается гораздо больше рассуждающих голов, чем это

---

[1]) Дьяков — чиновник комиссии прошений, обвинялся в лихоимстве и был присужден к каторжным работам. 6 октября 1826 г. деп. гражд. и дух. дел Госуд. Совета согласился с мнением своего председателя Н. С. Мордвинова — «исключить Дьякова из службы и впредь к делам не определять»; то же самое постановило общее собрание Госуд. Совета («Архив Мордвиновых», VIII, стр. 55—57).

[2]) Спасский, Н. И., обер-секретарь деп. Сената, был судим за лихоимство и присужден Сенатом к ссылке в Сибирь на поселение. В общем собрании Госуд. Совета, разбиравшего дело Спасского 30 мая 1827 г., было принято мнение Н. С. Мордвинова — «отрешить Спасского от должности и впредь в службу не определять» (там же, стр. 114—118).

[3]) Пестель, П. И. (1792—1826), руководитель Южного Общества декабристов, казненный 13 июля 1826 г. Слова: «Среди гвардейских офицеров . . . идеи Пестеля» отчеркнуты на полях карандашом.

[4]) Весь отдел отчеркнут отдельными штрихами на полях карандашом.

можно было бы предположить с первого взгляда. Приходя в соприкосновение с казенными крестьянами и живя с согласия своих господ в городах, крепостные невольно учатся ценить те преимущества, коими пользуются свободные сословия. Надо заметить, что всякий крепостной, которому удалось своим трудом скопить несколько тысяч рублей, употребляет их прежде всего на то, чтобы купить себе свободу. Они хорошо знают, что во всей России только народ-победитель, русские крестьяне, находится в состоянии рабства; все остальные: финны, татары, эсты, латыши, мордва, чуваши и т. д. — свободны. Среди крестьян встречаешь странников, которые говорят им об их положении; сельские священники также им его разъясняют. Доктрины многих сектантов заставляют их почувствовать свое положение, и убежища этих самых сектантов (*скиты раскольнические*) могут быть рассматриваемы в этом отношении, как якобинские клубы. Кроме того, шатающиеся по кабакам мелкие чиновники, в особенности выгнанные за дурное поведение, распространяют пагубные идеи среди крепостных, главари и подстрекатели коих находятся среди барской челяди. Среди крестьян циркулирует несколько пророчеств и предсказаний: они ждут своего освободителя, как евреи своего Мессию, и дали ему имя *Метелкина* [1]). Они говорят между собой: «*Пугачев попугал господ, а Метелкин пометет их*». В начале каждого нового царствования мы видим бунты, потому что народные страсти не довольствуются желаниями и надеждами. Так как из этого сословия мы вербуем своих солдат, оно, пожалуй, заслуживает особого внимания со стороны правительства.

7. Духовенство. Нельзя отрицать старания правительства дать духовенству лучшее, более соответствующее его призванию образование, однако молодой священник, будучи послан в деревню, лишенный всякого общества, дичает и приобретает вид, характер и даже привычки окружающих его мужиков. В мыслях и чувствах своих он сливается с сословием, которое доставляет ему средства к существованию. Бедность и зависимость крестьян вынуждают его поощрять надежды и страстные желания его паствы.

[1]) Под именем Метелкина, или Метельки, был известен атаман Игнат Заметаев, занимавшийся грабежами на Волге в 1774—1775 гг. В июне 1775 г. он был пойман вместе с группой своих товарищей; сенатским указом 3 сентября 1775 г. они были приговорены к наказанию кнутом во всех тех местах, где они действовали, а также клеймению и ссылке в Нерчинск на каторжные работы. Заметаев был наказан кнутом в Царицыне, Саратове, Астрахани и др. городах. Характерно, что усмиритель пугачевщины гр. Панин строжайше запретил даже упоминание имени Метелкина, однако народные толки о нем, как о продолжателе Пугачева, держались очень долго, вплоть до воцарения Николая I, как это видно из настоящего обзора.

Поэтому государство не может рассчитывать в своих видах на духовенство до тех пор, пока оно не даст ему обеспеченного существования [1]). В России все церковные [2]) высокие должности и богатства являются достоянием монахов, не имеющих никакого влияния на народ. Городские священники, даже самые образованные, стоят совершенно отдельно от правительства и составляют особый класс русских патриотов. Духовенство вообще управляется плохо и пропитано вредным духом. Священники в большинстве случаев разносят неблагоприятные известия и распространяют среди народа идеи свободы. Хорошие священники — большая редкость [3]).

Заключение.

Отличительной чертой нашего века является его активность. Пружины правительственного механизма в большинстве случаев действовали плохо, ход дел пришел в расстройство; первые места были заняты людьми неспособными или нерадивыми; хищения и взяточничество не прекращались. Вот что породило то неудовольствие, то болезненное настроение умов, которое так пагубно проявилось за эти последние два года. Деятельность государя-императора влила новую жизнь в умы и сердца. Большинство суждений ему благоприятно, но вся Россия ждет с нетерпением перемен как в системе, так и в людях. Требуется вновь завести машину. Ключами для этого являются: правосудие и промышленность. Вот чего нехватало России. Чтобы у каждой пружины иметь верных двигателей, надо урегулировать воспитание и образование юношества. Самые благонамеренные люди изнывают в ожидании и не перестают повторять: «Если этот государь не преобразует России, никто не остановит ее падения. Российскому императору нужны только ум, твердость и воля, а наш государь обладает этими качествами во всей их полноте» [4]).

Настроение умов в провинции.

1) Прибалтийские провинции. Летом прошлого года нами уже было представлено донесение касательно этих провин-

[1]) Слова: «В мыслях и чувствах . . . существования» отчеркнуты на полях карандашом.

[2]) Слово: «церковные» (ecclesiastiques) в подлиннике вписано карандашом, по видимому рукой Николая.

[3]) Слова: «Священники в большинстве . . . редкость» отчеркнуты на полях карандашом.

[4]) Слова: «Самые благонамеренные . . . полноте» отчеркнуты на полях карандашом.

ций. После посещения их государем-императором настроение там стало еще более благоприятным.

Эстония—легион монарха. Ее дворянство сердцем и душой предано трону; оно надеется на благость монарха для улучшения своей финансовой системы и торговли.

Ливония имеет более сходства с Германией и, если эстонцев можно назвать русскими немцами, ливонцы должны именоваться немцами-русскими [1]). Среди ливонского дворянства слышится больше недовольства их администрацией, потому что маркиз Паулуччи [2]) чаще оскорбляет их самолюбие и допускает произвол. Эстонией же он занимается меньше и поэтому реже нарушает ее покой. В Ливонии вообще недовольны назначением Гана [3]) на должность гражданского губернатора, и заметно усилившееся значение маркиза подействовало угнетающе.

Курляндия еще не слилась с Россией [4]); по своему настроению тамошнее дворянство стоит ближе к польскому; там замечается больше движения и больше возбуждения, потому что курляндцы крепче держатся своих очагов и с большей горячностью занимаются общественными делами своей провинции. Дворянство ненавидело Гана и еще больше маркиза, который покровительствовал ему. Впрочем, якобинства там нет; оно было бы несовместимо с гордостью курляндцев [5]). Это — прекрасный и цветущий край, но чинимые министерством финансов в делах торговли препятствия вызывают протесты со стороны дворянства и народа. В общем, настроение умов во всех трех Балтийских провинциях в политическом отношении превосходно, и правительству было бы легко сделать их совершенно счастливыми [6]).

2) Финляндия. Дворянство и горожане тяготеют больше к Швеции, между тем как крестьянство довольно своей судьбой. Шведы неизменно поддерживают свое тайное влияние на финнов на случай войны [7]); но, не имея достаточно веских аргументов, дабы подорвать их преданность России, которая осыпает их благодеяниями, шведы

---

[1]) Слова: «Эстония . . . немцами-русскими» отчеркнуты на полях карандашом.

[2]) Паулуччи, Ф. О., маркиз (1779—1849), ген.-губернатор лифляндский и курляндский; позже главнокоманд. в Грузии.

[3]) Ган, П. В., барон, начальник Курляндской губ. в 1825—1827 гг.

[4]) Слова: «Курляндия . . . с Россией» отчеркнуты на полях карандашом.

[5]) Слова: «Впрочем . . . . курляндцев» отчеркнуты на полях карандашом.

[6]) Слова: «В общем, настроение . . . . счастливыми» отчеркнуты на полях карандашом.

[7]) Слова: «Финляндия. Дворянство . . . . на случай войны» отчеркнуты на полях карандашом.

пугают их уничтожением их конституции, несоответствующей русским методам управления. *Указ* о допущении православных к занятию должностей в Финляндии произвел неблагоприятное впечатление. Финны смотрят на него, как на нарушение своих привилегий, и обеспокоены последствиями, которые может повлечь за собой проведение в жизнь идущих вразрез с их законами указов, а шведы тем временем подливают масла в огонь; однако, в общем, народ настроен хорошо, и, если государь-император посетит Финляндию, отношение дворянства и горожан станет, без сомнения, еще более благоприятным. Генерал-губернатора уважают за его справедливость и очевидное бескорыстие, но не одобряют его крутых и решительных мер, которые, конечно, всегда направлены к достижению общественного блага, но часто производят впечатление нарушения конституции.

3) Польские провинции. Осенью прошлого года нами было представлено несколько подробных донесений. Представляемый нами здесь краткий обзор может быть составлен только на основании данных, полученных от тех же поляков, которые доставили нам материал для вышепоименованных донесений, и еще от нескольких их соотечественников. В этой местности до сих пор не имеется никаких органов высшего надзора.

Вот рассуждения и речи, которыми обмениваются между собой поляки относительно положения этих провинций. Никакого правосудия [1]). Бесконечные преследования польского национализма, который окрашивают в самые отвратительные цвета карбонаризма. Отличительной чертой этих провинций является мрачное бессилие. Власть продолжает там оставаться в руках презренных субъектов, возвысившихся путем лихоимства и ценою несчастья населения. Все государственные чиновники, начиная со служащих канцелярии генерал-губернатора, продают правосудие с аукциона. Ни одно монаршее благодеяние, ни одна милость не распространились на эти провинции. Китайская стена не пропускает к ним исходящих от трона лучей, и они зовут себя отверженными детьми отца России — «*пасынки отца России*». Ничей голос не осмеливается возвыситься до трона. Находящиеся в Петербурге агенты предупреждают об этом Новосильцева [2]). В этих провинциях распустили даже слух, что не следует

---

[1]) Слова: «Вот рассуждения.... правосудия» отчеркнуты на полях карандашом.

[2]) Новосильцев, Н. Н. (1761—1836), б. личный друг Александра I, член его негласного комитета; в 1812 г. был назначен вице-президентом временного совета, учрежденного для управления Варшавским герцогством; осуществлял главный надзор за финансами герцогства, позже заведывал комитетом по учебной части; состоял при вел. кн. Константине Павловиче. Являясь всемогущим комиссаром

ничего писать в Петербург, потому что все письма читаются [1]). Вообще там поддерживаются столь же странные, сколь и абсурдные идеи о современном правительстве. Бесчисленные подозрения и страхи витают над головами жителей, удручаемых бедностью и постоянными банкротствами. Национальное самолюбие их попрано [2]). Дошли до того, что в Виленском университете [3]) запретили читать историю Польши и выписали из Петербурга какого-то дурака, родственника ректора [4]) этого университета, который [5]) должен читать всеобщую историю по-русски, в то время как все преподавание ведется на польском или латинском языке. Все это в высшей степени всех раздражает, и никто не думает о том, чтобы помочь делу.

В заключение мы приведем собственные слова поляков: «Там оставляют поджигателей и преследуют тех, кто взывает о помощи во время пожара» [6]).

Краткий обзор общественного мнения в 1828 г. [7]).

Уже давно общественное мнение не было столь оживленно и, в то же время, столь доблестно, как в течение этого года. Внимательно наблюдавший за его развитием и за его главными двигателями высший

русского правительства при польском «конституционном» правительстве, он, в сущности, вместе с тем присматривал и за Константином Павловичем. Приемы его управления и полонофобство вызвали к нему упорную ненависть поляков. После польского восстания, в 1831 году, переехал в Петербург и был назначен членом Госуд. Совета, а в 1832 г. председателем Госуд. Совета и Комитета Министров.

[1]) Слова: «Ни одно монаршее благодеяние .... письма читаются» отчеркнуты на полях карандашом.

[2]) Слова: «Национальное .... попрано» отчеркнуты на полях карандашом.

[3]) Виленский университет был учрежден в 1803 г. вместо Главной школы, в которую была преобразована Виленская иезуитская академия в 1780 г. Виленский ун-т был закрыт в 1832 г.; взамен его предполагалось открыть высший лицей в Орше, но в 1834 г. николаевское правительство отказалось от этого намерения и все денежные ассигнования для этого лицея перевело на устройство университета в Киеве.

[4]) Пеликан, В. В. (1790—1873), проф., ректор Виленского университета.

[5]) Повид., П. В. Кукольник (1795—1884), в 1827 г. ординарный профессор Виленского унив. по кафедре всеобщей истории и статистики; секретарь университета.

[6]) Слова, набранные здесь разрядкой, в подлиннике подчеркнуты, а на поле слева отчеркнуты карандашом. На отдельном листе, пришитом к этому отчету, написано: «Справка. Ведомости, следуемые к сему отчету, находятся в особой папке».

[7]) Подлинник на французском языке. Над заголовком надпись по-русски: «Его величество изволил читать». В верхнем углу слева Николаем I поставлен карандашом знак рассмотрения.

надзор считает своим долгом представить в конце года мотивированный обзор результатов своих наблюдений.

Россия желала войны с Турцией [1]) не по политическим расчетам, а из национальных чувств [2]): она столько же желала освобождения Греции, как и своего собственного освобождения от опеки со стороны Австрии, политика коей была для нее оскорбительна. Третьей причиной, побуждавшей Россию желать войны, была надежда, что она вызовет усиленное обращение денег, которое [3]) оживит национальную промышленность и земледелие, находящиеся в полном упадке за отсутствием рынков для сбыта.

Война возгорелась, но, к большому удивлению всех, народная масса не проявила ожидавшегося энтузиазма. Какова могла быть тому причина? По общему мнению, это объясняется тем, что при объявлении войны обращались к Европе, не подарив ни единым взглядом Россию. Снабженный объемистыми приложениями, преисполненный совершенно отвлеченной и для большей части населения непонятной политической декламации, манифест ничего не говорил сердцу. В нем не было ни слова ни о Греции, ни о вере православной, ни *о матушке России*. Все дело рассматривалось как простая ссора между двумя дворами, которая должна была быть улажена армией без участия в том народа. Манифест этот скорее походил на простую декларацию по адресу европейских кабинетов, чем на манифест, обращающийся к нации, которая всегда и везде любит, чтобы льстили ее самолюбию и хотя бы делали вид, что действуют в ее интересах и сообразуются с ее желаниями. Свобода торговли на Черном море — мера из области политической экономии, которая может принести выгоду только двадцатой части российского населения. Масса в этом ничего не понимает. Оскорбление русского флага никого не трогало, потому что все русские купцы того мнения, что на Черном и Средиземном морях под русским флагом ведут торговлю только иностранцы. Таким образом, при объявлении войны массы остались пассивными, между тем как некоторые люди старого закала, ссылаясь на манифесты императрицы Екатерины и императора Александра, распространяли в своих кругах праздные, а иногда и злостные, толкования последнего акта. Отъезд государя-императора в армию [4]) еще усиливал это брожение умов. Все партии едино-

---

[1]) См. на стр. 145 прим. 5-е.

[2]) Слова: «Россия желала.... чувств» отчеркнуты на полях карандашом.

[3]) От слов: «оживит национальную промышленность» до слов: «Таким образом, при объявлении войны» текст отчеркнут на полях карандашом.

[4]) Николай выехал в сопровождении начальника главного штаба гр. Дибича в действующую армию в конце апреля 1828 г. В виду возможности длительного отсутствия Николая в столице, 24 апреля 1828 г. была учреждена вре-

душно жаловались на то, что государь подвергается опасностям войны и нездорового климата, не думая о малолетнем наследнике, судьбе которого, также как и всему государству, был бы в случае несчастия нанесен удар. Твердость характера государя и проявленная им при подавлении беспорядков в момент восшествия на престол справедливость рассматриваются, как залог спокойствия для империи. Но, — прибавляют при этом, — чтобы держать гидру революции запертой в вырытом страстями и софизмами вертепе, необходимы сильная рука и просвещенный ум [1]). Наша аристократия лишена какого-либо авторитета в глазах нации, она в этом отношении совершенно утратила популярность, кто же будет в состоянии, — раздаются возгласы, — поручиться за будущее, если твердость и правосудие покинут трон, если уже не будет стремления к введению улучшений, которые характеризуют современное правительство? Вообще отсутствие государя произвело неприятное впечатление, вызвавшее различные толки, главное зло коих заключалось в том, что они воскресили пагубные по своим последствиям идеи. Вопросы: что будет, если произойдет такое-то или такое-то несчастие, подавали повод к неблагоприятным для нынешнего строя ответам [2]).

Успехи наших армий в Азии и в начале кампании в Европе, конечно, льстили национальной гордости, но не могли сделать приятной самую войну [3]). Надежды на усиление денежного обращения исчезали

менная верховная комиссия с чрезвычайными полномочиями в составе гр. В. П. Кочубея, кн. А. Н. Голицына и гр. П. А. Толстого. Вел. кн. Михаил Павлович, на случай смерти Николая, был облечен «саном и властью правителя государства».

[1]) Слова: «Отъезд государя-императора.... просвещенный ум» отчеркнуты на полях карандашом.

[2]) Слова: «Вообще отсутствие государя.... ответам» отчеркнуты на полях карандашом.

[3]) Война с Турцией велась на двух театрах военных действий: азиатском и европейском. Командовавший кавказским корпусом ген. Паскевич в течение 1828 г. взял турецкие крепости: Карс, Ахалцых, Баязет и Ардаган и три пашалыка: Карский, Ахалцыхский и Баязетский; кроме того, на Черном море были заняты Поти и Сухум-Кале. Главные силы армии Николая были сосредоточены однако на европейском театре. По плану кампании, выработанному Дибичем (нач. главного штаба) и одобренному, несмотря на возражения главнокоманд. армией Витгенштейна, Николаем, предполагалось достаточным ограничиться занятием придунайских княжеств, переходом через нижний Дунай и взятием придунайских крепостей. Вначале кампания развивалась успешно: были заняты Молдавия и Валахия, форсирован Дунай и взят ряд крепостей ниже Силистрии, но затем со второй половины июня последовали неудачи. Вместо удара всеми силами на Варну, предприняли осаду Шумлы, вокруг которой была сосредоточена большая часть армии, но Шумлы взять так и не удалось; правда, 28 октября сдалась Варна, но от продолжения осады Силистрии пришлось отказаться, чем и закончилась кампания 1828 г.; войска расположились на зимние квартиры на левом

по мере того как вводилась система реквизиций, которую, ввиду наносимого ею населению материального ущерба, следовало бы применять, пожалуй, исключительно в завоеванных, богатых и густо населенных странах.

Среди всех этих рассуждений, всей этой критики, которую фрондирующие старательно распространяли, а толпа подхватывала, было однако приятно видеть, что внимание всех классов населения сосредоточивалось исключительно на особе государя; бюллетеней из армии ждали лишь для того, чтобы узнать что-нибудь о государе. Это служило доказательством тому, что Россия признает императора Николая нужным и необходимым для поддержания ее благоденствия и процветания [1]).

Дошли слухи о некоторых неудачах, и вот все настроенные неодобрительно пришли в движение. Общее недовольство выбрало своей жертвой графа Дибича; все стали бросать в него камнями. Двор, знать, генералы, офицеры и гражданские чиновники, вплоть до мелких торговцев, все обвиняют графа Дибича в неумении вести дело. Все говорят, что граф Витгенштейн был только ширмой. Высшее общество задает тон, другие повторяют. Фрондирующие и группа так называемых п а т р и о т о в не преминули воспользоваться этим настроением для того, чтобы обесценить все без разбора.

В глазах образованных классов и народа самыми ценными качествами государя являются: его способность к административной деятельности, его любовь к правосудию, его стремление самому все видеть, все знать, уничтожать злоупотребления, наказывать виновных и награждать за заслуги. Неоспоримой истиной для России, — раздаются голоса, — является положение, что правительственный механизм может хорошо действовать только при условии, чтобы хозяин ежедневно приводил его в действие каким-либо актом доброты, справедливости или даже строгости, показывая бюрократам и народу, что, как говорит последний, *око земного бога блюдет над ними подобно провидению*. — После отъезда государя и особенно во время осады Шумлы и Варны фрондирующие старались посеять беспокойство, постоянно утверждая, что государь увлечется войной, что гражданские дела начали уже ему надоедать, что воспитанный по-военному монарх занимался административной частью управления только по необходимости. Так как Россия считает самой блестящей эпохой своей истории царствование

берегу Дуная и в оккупированной части Болгарии. 9 февраля 1828 г. Витгенштейн получил отставку; был выработан план забалканского похода на Адрианополь; новым главнокомандующим Николай назначил Дибича.

[1]) Этот и следующий абзацы отчеркнуты в подлиннике карандашом, причем против этого абзаца поставлен знак нотабене.

Петра I и Екатерины II единственно потому, что эти государь и государыня держали бразды правления в своих руках, все душою и сердцем были преданы молодому монарху, который сосредоточивал все свое внимание на этой основе всех сторон национального благоденствия [1]). Потому, чтоб взволновать умы, фрондирующие и не могли выбрать ничего более действительного, чем подобные толки. Достигшая высокой степени продажность правосудия, проявленное по отношению к некоторым бесстыдным взяточникам покровительство, оказанные некоторым состоятельным людям льготы, усилившийся в отсутствие императора деспотизм министров, наконец, испытываемые всеми тяготы общего обеднения и плохое состояние внутренней торговли, которая процветала только в министерской газете, все эти затруднения располагали умы к недовольству и как бы давали возможность относиться с доверием к злостной болтовне фрондирующих. Пословица, гласящая, что отсутствующий всегда виноват, казалось, подтверждалась и здесь. Однако большая часть общества, глубоко преданная государю, ждала его возвращения с нетерпением, даже со страхом, и 14 октября было днем общей радости и веселия. На улицах друг друга поздравляли.

С другой стороны, победы Паскевича льстили национальному самолюбию и вселяли надежды на то, что, если действующая в Европе армия будет вверена опытному и искусному полководцу, обстоятельства скоро изменятся и кампания увенчается успехом. Деятельность государя-императора по его возвращении в столицу и неопровержимые доказательства того, что он опять усердно предается административным делам, подействовали успокоительно. В короткое время при министерстве народного просвещения, министерстве финансов и в части военных поселений были устроены полезные благотворительные учреждения, причем особенно сильное впечатление произвели распоряжения касательно солдатских детей и, в частности, сирот [2]). С нетерпением ожидается принятие некоторых суровых мер против хищений и продажности в судах. Фрондирующим нечего сказать, и они могут только кричать о мнимой неспособности некоторых стоящих во главе администрации лиц; они и усердствуют, крича встречному и поперечному, что все эти прекрасные правительственные мероприятия суще-

---

[1]) От начала этого абзаца и кончая словами: «национального благоденствия» в подлиннике текст отчеркнут карандашом, причем против слов: «что государь увлечется войной» поставлен нотабене. Отчеркнут также конец этого обширного абзаца.

[2]) От начала этого абзаца до слов: «С нетерпением ожидается» в подлиннике текст отчеркнут карандашом, причем против слов: «в короткое время.... сирот» поставлен знак нотабене.

ствуют только на бумаге и никогда не будут осуществлены. Благоразумные же люди, между тем, воздерживаются от всяких догадок и в восторге от того, что слухи о мнимой бездеятельности государя-императора оказываются лишенными всякого основания.

Следя с величайшим вниманием за всеми фазами общественного мнения, высший надзор усмотрел несколько очагов интриг, недоброжелательства и политических махинаций. По возвращении государя-императора и после прискорбнейшего события — кончины императрицы-матери [1]) — начались всевозможные интриги и трения. Вот как их объясняли в обществе: государь счел нужным отличить и возвысить некоторых придворных, не игравших ранее никакой роли; он выказывает расположение некоторым лицам, носящим прославленное их предками имя. Говорят даже, что на дипломатические посты и государственные должности были назначены царедворцы, не имеющие никаких заслуг, кроме своего самодовольства. Много говорили о том, что некоторые женщины пользуются особым расположением царствующей императрицы и влияют на распределение монарших милостей. По обыкновению, в этом отношении сильно преувеличивали. Так как распространилось убеждение, будто император не видит никого, за исключением лиц, имеющих к нему доступ по своему придворному званию, то все, имеющие какое-либо состояние или имя, устремились без оглядки в сферу интриг с целью получения места при дворе. Пробудилось даже честолюбие людей бесталанных и небогатых, предполагающих, что достаточно быть хорошо принятым при дворе, чтобы достигнуть всего. Люди эти группируются вокруг особ, которых они считают имеющими власть и пользующимися доверием. Таким образом образовалось несколько маленьких дворов, кружков всевозможных оттенков, начался шум, крики, сплетни и слухи, которые просители-клиенты изобретали для того, чтобы быть приятными своим меценатам и умалить значение покровителей тех из должностных лиц, кои имели несчастье им не понравиться. Лесть и честолюбивые подстрекательства самых ловких и наиболее пресмыкающихся искателей породили вражду между некоторыми видными лицами — как военными, так и гражданскими. К этому примешалась взаимная зависть между власть имеющими и добивающимися милостей. Старые приятели становились холодны друг к другу, в их отношения проникал дух соперничества [2]). Старались исчислять недостатки и неспособность тех, на долю которых выпадали милости, и так как обыкновенно каждый приписывает себе больше заслуг, чем их имеет, то интриги и соревнование множились

[1]) Имп. Мария Федоровна умерла 12 ноября 1828 г.

[2]) Слова: «К этому примешалась.... соперничества» отчеркнуты на полях карандашом.

и становились все упорнее. Наконец, стало необходимым собираться для того, чтобы иметь возможность обмениваться надеждами и взаимными подозрениями. Вновь появились тайные собрания, происходившие у некоторых старых дам, находившихся в пренебрежении у правительства. Вообще женщины опять начинают добиваться влияния и власти, которые они, казалось, утратили.

Между тем министры и некоторые видные особы, убедившись, что до тех пор, пока жандармерия и высший надзор, под руководством чуждых всяким интригам и всяким влияниям лиц, высоко держат голову, им не удастся ослепить государя, — повели заметную кампанию против указанных органов власти. Они проявляли намерение их уничтожить или, по крайней мере, водить их за нос, отдав в руки какого-либо избранного из тесного круга аристократии члена. Все партии, казалось, желали соединиться для того, чтобы действовать в этом направлении. Некоторые даже старались преследовать людей, которых они считали преданными органам надзора, поставить их в ложное положение, повредить их репутации. Различные средства были пущены в ход в целях лишения надзора его морального авторитета. Судя по словам некоторых болтунов, поднимался, очевидно, вопрос о том, чтобы сбить с толку государя и возбудить его недоверие к деятельности надзора. Должностные лица и лихоимцы, несомненно, настроены против жандармерии, но народ в целом стоит за это учреждение, принесшее, конечно, немало пользы. Частные и доверительные письма свидетельствуют о том, что в провинции, где нет жандармов, все классы желают их присутствия как защитников от чинимых властями неприятностей и раздоров между ними [1]). До сих пор все интриги и глухие инсинуации разбивались о порог надзора, который внушает страх честолюбцам, интриганам, лихоимцам и взяточникам [2]).

Надзор направил свое внимание, главным образом, на раскрытие демагогических происков. За три года своего существования он отмечал на своих карточках всех лиц, в том или ином отношении выдвигавшихся из толпы. Так называемые либералы, приверженцы, а также и апостолы русской конституции, в большинстве случаев занесены в списки надзора. За их действиями, суждениями и связями установлено тщательное наблюдение. Число этих либералов довольно значительно, особенно среди молодых людей хорошего происхождения и среди офицерства. Но ввиду того, что наиболее видные из них пользуются покровительством влиятельных лиц, надзор уже не раз ском-

[1]) Слова: «Должностные лица.... между ними» отчеркнуты на полях карандашом.

[2]) Весь следующий абзац отчеркнут на полях резкой, местами двойной, чертой.

прометировал бы себя, если бы эти самые либералы не выдавали себя своей корреспонденцией и не доставляли таким образом сами подтверждения собранным о них справкам. Главные очаги этого либерализма находятся в Москве. Но так как они не обладают ни достаточной консистенцией, ни достаточным материалом для того, чтобы образовать твердое тело, т. е. определенно сгруппироваться вокруг одного из членов с подобающей репутацией, — то деятельность их направлена только на достижение следующих двух целей: 1) овладеть общественным мнением, т. е. формировать его и давать ему желательное для них направление, и 2) всеми средствами добиваться должностей, которые давали бы им возможность оказывать влияние на воспитание юношества. Надзору удалось до известной степени противодействовать их деятельности, направленной к достижению первой цели, — что касается второй, то она относится к области, для нас недоступной. Либеральная партия очень сильна в Москве, потому что ей удалось, при посредстве женщин и аристократической клики, совершенно овладеть умом генерал-губернатора. В Петербурге некоторые члены этой партии облекаются в тогу патриотизма и, в силу родства и кровных связей, пользуются покровительством самых высокопоставленных лиц. Надзору это известно, и он не теряет их из виду.

На основании некоторых сведений, надзор с некоторой уверенностью предполагает, что Австрия и Англия ведут здесь систематический шпионаж и что их происки направлены не только на то, чтобы своевременно добывать нужные сведения о политических планах нашего кабинета, но и чтобы воздействовать на него путем внушения ложных конфиденциальных сообщений. Верность некоторых низших чиновников и агентов находится под сомнением. Дом графа Лаваля [1]) считают очагом австрийского шпионажа, а дом графа Людольфа очагом шпионажа английского. Княгиню Яблоновскую [2]) и г-жу Хитрово [3]) называют австрийскими агентами и уверяют, что дом княгини Куракиной [4]) служит местом встреч, служащих этой цели. Говорят даже, что Австрия приложила руку и к делу снабжения армии.

---

[1]) Лаваль, И. С., граф (1761—1846), тайн. сов., гофмейстер; его дочь Зин. Ив. была замужем за австрийским посланником в Петербурге (1816—1826) гр. Л. Лебцельтерном.

[2]) Вероятно, Т. М. Яблоновская (1790—1847), урожд. кн. Любомирская, жена кн. М. А. Яблоновского.

[3]) Хитрово, Е. М. (1783—1839); ее дочь (от первого брака) Д. Ф. Тизенгаузен была замужем (с 1821 г.) за гр. К. Л. Фикельмоном, назначенным в 1829 г. австрийским посланником в Петербурге. В салоне Е. М. Хитрово собирались виднейшие госуд. деятели, дипломаты и писатели той эпохи.

[4]) Вероятно, Н. И. Куракина (1766—1831), ур. Головина, вдова кн. А. Б. Куракина (1752—1818), б. посла в Вене и Париже.

Графа Нессельроде [1]) обвиняют в беспечности и упрямстве, проявляемом в желании во что бы то ни стало покровительствовать пользующимся плохой репутацией чиновникам, и уверяют, что в военном министерстве ненависть служащих к князю Чернышеву облегчает иностранным агентам выполнение их планов. Надзором собрано по этому поводу множество указаний. Он деятельно продолжает свои изыскания, но еще не считает для себя возможным действовать открыто. У надзора имеются указания на то, что слабость нашего посланника [2]) в Константинополе причинила вред нашим там интересам и что дела по управлению княжеств идут плохо вследствие злой воли стоящих около графа Палена [3]) людей [4]). Надзор уже доносил об этом ранее, в настоящее же время он ограничивается наблюдением за происходящим. В обществе говорят, что австрийская политика начинает опять приобретать влияние, что Англия тесно связана с Австрией общими интересами, а именно, чтобы препятствовать росту России и ослаблять ее значение в Европе. Говорят, что, если бы русским удалось перейти Балканы и двинуться на Адрианополь, Австрия, в согласии с Англией, объявила бы России войну, постаралась бы поднять Персию и Швецию и оторвать от нас Францию. Но ввиду того, что результаты кампании, как говорят, не соответствуют ожиданиям русского двора, Австрия и Англия рука об руку стараются исподтишка противодействовать всем военным операциям, вплоть до поставок на армию, для того, чтобы истощить Россию безуспешной, бесцельной и бесконечной войной, если только она не согласится на предложенный этими двумя державами план умиротворения; план этот в принципе основывается на сохранении Турции достаточно сильной для того, чтобы в случае австрийской войны она могла во всякое время производить диверсии, на предоставлении Англии полного протектората над Мореей и Архипелагом, на предоставлении Австрии главенства над славянскими провинциями в целях удаления от России ее естественных помощников на границе Оттоманской империи.

Общее обеднение в земледельческих губерниях становится, как уверяют, все чувствительнее и чувствительнее. Почти три четверти помещичьих земель заложены в ломбардах, банках или частных руках;

---

[1]) Нессельроде, К. В., граф (1780—1862), бессменный министр иностр. дел при Николае I; поклонник Меттерниха, австрофил.

[2]) Рибопьер, А. И., граф (1785—1865).

[3]) Пален, Ф. П. (1781—1863), граф, полномочный председатель диванов княжеств; в начале 1829 г. был заменен ген. П. Ф. Желтухиным; после взятия Адрианополя Пален был послан к Дибичу вместе с гр. А. Ф. Орловым для ведения мирных переговоров с турками.

[4]) От начала абзаца и кончая словами: «графа Палена людей» текст на полях отчеркнут карандашом.

помещики не могут больше выплачивать процентов, а крестьянам не из чего вносить казенных налогов. В богатых хлебом губерниях громко жалуются на военное министерство [1]). Единственным имевшимся там сбытом зерновых хлебов была продажа их казне. Когда-то хлеб покупался по установленным ценам *(по справочным ценам)*, хоть и очень дешево, но это было законно оформлено. Теперь военный министр, зная, что землевладельцы крайне нуждаются в деньгах, опубликовал, что будет допускать покупку хлеба только со значительной сбавкой с установленных цен. Страдающие от безденежья помещики вынуждены продавать по какой бы то ни было цене.

Таким образом, покупая хлеб дешевле его стоимости, военное министерство съэкономило, говорят, полтора миллиона рублей, а министерство финансов потеряло более трех миллионов вследствие задержки поступления податей [2]). Южные губернии страдают, как говорят, от реквизиций, при производстве которых происходят величайшие злоупотребления. Погонщики, доставляющие в армию быков, — в отчаянии; они говорят, что о скоте никто не заботится и что он должен погибнуть. Застой торговли в Одессе якобы лишает соседние губернии всяких доходов и делает их неспособными к уплате налогов. Балтийские провинции тоже жалуются на полное отсутствие сбыта своих продуктов, что ведет к разорению землевладельцев. Одна Рига держится еще продажей балтийским и польским провинциям колониальных товаров и вин; все остальные города в полном упадке как вследствие застоя промышленности, так и вследствие системы запретительных пошлин.

Рекрутские наборы производятся теперь повсеместно с гораздо меньшими злоупотреблениями и неприятностями для населения, чем прежде; слышатся однако частичные жалобы на слишком большую строгость при выборе людей [3]).

Банкротство дворянства, продажность [4]) правосудия и крепостное право — вот элементы, которые р у с с к и е п а т р и о т ы считают возможным использовать в подходящий момент, чтобы возбудить волнения в пользу конституции. Слишком распространено мнение, что в России все, что разумеется под словом *казна*, в том числе банки и ломбарды, рассматривается как с о б с т в е н н о с т ь ц а р с к о й ф а м и л и и. Самые тщательные наблюдения за всеми либералами,

---

[1]) Слова: «общее обеднение.... министерство» отчеркнуты на полях карандашом.

[2]) Слова: «Таким образом.... податей» отчеркнуты на полях карандашом.

[3]) Слова: «слышатся однако.... людей» отчеркнуты на полях карандашом.

[4]) Над этим словом (в подлиннике: «la venalite») написано по-русски: «корыстолюбие».

за тем, что они говорят и пишут, привели надзор к убеждению, что одной из главных побудительных причин, породивших отвратительные планы людей «14-го», были ложные утверждения, что занимавшее деньги дворянство является должником не государства, а царствующей фамилии. Дьявольское рассуждение, что, отделавшись от кредитора, отделываются от долгов, заполняло головы главных заговорщиков, и мысль эта их пережила; до сих пор однако на это нет указаний, могущих внушить тревогу. Люди благонамеренные, искренно любящие свою родину, считают, что необходимо, чтобы правительство позаботилось о каких-либо действительных средствах для изменения положения крепостных, а также и по вопросу о погашении долгов во имя спасения дворянства от неминуемого банкротства.— Следует, впрочем, заметить, что вышеупомянутые пагубные идеи не имеют широкого распространения. Надзор усмотрел их в рассуждениях р у с с к и х п а т р и о т о в, стараясь ознакомиться с точкой зрения и образом мыслей последних [1]).

В провинции вообще государя очень любят; там уверены, что он желает счастья своих подданных и печется о нем. Жалуются только на окружающих его: «Государя обманывают министры; каждый из них представляет дела в самом благоприятном свете для того, чтобы получать награды». — Но в Финляндии и Польше дела обстоят иначе. — Финляндцы считают себя обиженными тем, что император еще не посетил их и что изданием нескольких указов допущено нарушение их привилегий и конституции. Старания русского правительства введением военного управления в Финляндии умалить там значение конституции, с одной стороны, и, с другой—инсинуации шведских патриотов возбуждают недовольство и поддерживают надежду, что, в случае общей европейской войны, Финляндия могла бы вновь быть присоединена к Швеции. Политические интересы этой державы побуждают ее, может быть, поддерживать некоторое недовольство в пограничной провинции, хотя бы на случай войны, но оппозиция или густависты стараются воздействовать на умы в Финляндии в совершенно противоположном направлении. Обе партии однако прибегают к одному и тому же оружию, возбуждая в финнах опасения, что введением указов их конституция мало-по-малу будет уничтожена. Впрочем, дело управления Финляндии идет хорошо; русское правительство не раздражает население какими-либо придирками или подозрениями [2]).

---

[1]) Весь этот абзац в подлиннике отчеркнут карандашом резкой чертой, местами двойной (начальные фразы и слова о «людях 14-го»).

[2]) Весь этот абзац отчеркнут в подлиннике карандашом. Следующий абзац также отчеркнут до слов: «Все жители этих провинций...»

Находящиеся на военном положении и под военным управлением польские провинции испытывают ужасный гнет. Надзором по этому поводу было представлено несколько записок с приведением в них более или менее интересных фактов. Провинции эти управляются коалицией лихоимцев. Непостижимо, каким образом администрация университета в Вильне могла захватить в свои руки управление всех этих губерний. Главные члены этой коалиции следующие: г. Новосильцев [1]), ректор Пеликан, прокурор [?] Ботвинка и варшавская канцелярия, за исключением г. Данилова [2]). Все жители этих провинций дрожат перед этой коалицией, которая каждому из них угрожает обвинением в карбонаризме и ссылкой в Сибирь. Примеры распространяемого коалицией террора, облекшие столько семейств в траур, повергли всех в состояние ужаса. Покрой жилета, цвет шляпы служат поводом к доносам и преследованиям. Все дела этих провинций подвергаются воздействию коалиции, позволяющей себе всевозможные хищения; она разграбила даже университетские фонды. Поляки уже не смеют говорить друг с другом о своем несчастии, и всякий раздавшийся звук колокольчика повергает их в содрогание. В то же время им стараются внушить, что государь их терпеть не может, видит в них революционеров, и что Царство Польское было бы давно разделено на губернии, если бы его не оберегало покровительство е. и. высочества великого князя [3]). Довести до сведения государя это плачевное положение вещей осмеливается не один только надзор. Все проезжавшие по этим провинциям сенаторы, все чиновники и офицеры говорят то же самое. Поляки считают себя п а р и я м и в Российской империи и, приехав в Петербург, не могут надивиться царящему там порядку вещей; они проливают слезы о том, что в России они одни находятся в состоянии угнетения. Судя вообще по рассказам и донесениям, все зло заключается в Новосильцеве, который, предаваясь вину и обществу женщин, тратит огромные суммы, доставляемые ему его агентами — Ботвинкой и Пеликаном. Учреждение жандармерии влило несколько капель надежды в сердца поляков, которые подумали, что государь несколько заинтересуется их участью. Посланный в Вильну полковник Рутковский приобрел там всеобщее расположение и уважение; но как только

---

[1]) Новосильцев в 1824 г. был назначен попечителем Виленского учебного округа.

[2]) Данилов И. Д. (1768—1852), состоял с 1801 г. при вел. кн. Константине Павловиче до смерти последнего и несколько лет управлял его военно-походной канцелярией.

[3]) Константин Павлович, вел. князь (1779—1831), наместник Царства Польского и главнокомандующий польской армией. Слова: «В то же время.... великого князя» отчеркнуты на поле слева карандашом.

в Варшаве заметили, что он стремится видеть вещи в их истинном свете и является борцом за правое дело [1]), его тотчас удалили, а, вопреки всему, покровительствуют известным взяточникам. Вот образец власти коалиции, которая уже не боится Петербурга и поддерживает здесь только связи, нужные ей в целях шпионажа, чтобы быть в состоянии своевременно парировать могущие ей быть нанесенными удары и чтобы наблюдать за людьми, которые могли бы проникнуть в их интриги. — Все убеждены в том, что удаление Новосильцева было бы не только благодеянием для польских провинций, но и мудрой мерой предосторожности при запутанных обстоятельствах настоящего момента. — Медленный ход пресловутого процесса государственных преступников [2]) также угнетает все сердца и возбуждает сочувствие даже в России. Все поляки были уверены, что государь-император будет, согласно конституции, короноваться королем Польши; но эта надежда рассеялась и оставила неприятное впечатление в умах населения, настроенного в этой местности и вообще плохо.

Убежденный в том, что государь стремится узнать истину, надзор берет смелость представить ее ему без каких-либо прикрас и комментарий. Он только собрал то, что мог наблюдать в течение года и о чем велись разговоры среди населения. Строгая проверка каждого слова, каждого симптома, каждого мнения, даже каждого слуха может убедить государя в том, что надзор действовал во всем согласно закона.

Делаем общий вывод о настроении умов. Настроение в войсках особенно хорошо. То, что рассказывают о военных операциях в Персии и в Азии вернувшиеся с Кавказа герои, не может посеять ни малейших сомнений. Они скромно говорят о самих себе и превозносят выдающиеся качества своих генералов. В высших слоях общества настроение не может считаться удовлетворительным, потому что там происходят постоянные столкновения и трения между партиями, они сплачиваются только в тех случаях, когда ставится вопрос об их первенствующем значении и о распространении их взглядов. Средние классы в массе настроены превосходно, так как они более или менее получают импульсы сверху; крупные и мелкие интриги появляются иногда в их кружках и тайных собраниях. Принадлежность к этому классу всего так называемого государственного чиновничества вносит туда постоянно отравляющий умы яд [3]). Касательно низших торговых классов и буржуазии можно дать только

---

[1]) Слова: «Учреждение жандармерии.... за правое дело» отчеркнуты на поле карандашом.

[2]) См. обзор за 1829 г.

[3]) Слова «Средние классы.... умы яд» отчеркнуты в подлиннике резкой карандашной чертой.

вполне удовлетворительные сведения; они, как и народ, искренно любят государя и возлагают на него все свои надежды за свое благосостояние. Во всяком случае, покой не будет никогда нарушен простым народом.

Надзор почел бы себя счастливым, если бы представленная им небольшая картина результатов его наблюдений пролила свет на пути деятельности правительства [1]).

Отчет о действиях корпуса жандармов со времени учреждения его по 1 генваря 1829 года [2]).

Всемилостивейше доверенное мне вашим императорским величеством начальство над корпусом жандармов налагало на меня священную обязанность: всеми средствами стремиться к достижению полезной и истинно благотворной цели учреждения его.

Корпус жандармов, в краткое время своего существования, оправдал по возможности намерения, при учреждении его бывшие.

Я имел счастие неоднократно доводить до высочайшего сведения о частных отличиях по службе и подвигах, оказанных некоторыми из жандармских чиновников.

Теперь, повергая к подножию престола вашего императорского величества общее обозрение действий всего корпуса, стократно счастливым почту себя, если оно удовлетворит ожиданиям вашего величества.

Вашему императорскому величеству известно, что обязанности чинов корпуса жандармов суть двух родов: прямые, или определен-

---

[1]) К «Краткому обзору обществ. мнения в 1828 г.» приложен «Отчет за 1828 г. корпуса жандармов», состоящий из двух кратких ведомостей: «о состоянии разных воинских чинов к 1 генваря 1829 г.» и о том, «сколько поступило дел по 1 генваря 1829 г.», а также отчет на двух страницах «о действиях жандармских нижних чинов в течение 1829 г. [sic!]». На обложке отчета помета: «Государь-император изволил читать. 3 генваря 1829».

[2]) Заголовок подлинника. Заголовок написан на титульном листе отчета, на котором Николаем I поставлен карандашом знак рассмотрения; над заголовком надпись чернилами: «Государь-император изволил читать» и (карандашом, неразборчиво): «Хранить в архиве корпусного дежурства».

Текст отчета написан каллиграфическим канцелярским почерком. Над текстом резолюция Николая I карандашом: «Приношу мою искреннюю благодарность господину шефу жандармов за попечение его об устройстве своего корпуса. Успех доказывает, что труды его не пропали; мне же остается желать, чтоб пример его одушевлял всегда подчиненных и сам корпус всегда исполнял цель его учреждения мне по сердцу и ко благу общему». На поле слева резолюция воспроизведена другим почерком и поставлена дата: «3 генваря 1829». Отчет подписан г.-а. Бенкендорфом.

ные инструкциею, и временные, или налагаемые на них по воле вашего величества и предписаниями начальства.

Прямые обязанности, состоящие в наблюдении за общим мнением, в открытии злоупотреблений сокровенных, в обнаружении страждущей невинности или преступления ненаказанного и т. д., были исполняемы всеми без исключения: многочисленные сведения, доставленные ими, особенно по III отделению собственной вашего императорского величества канцелярии, из коих некоторые были весьма важны, свидетельствуют о деятельности их, а злоупотребления, преступления и даже злодеяния, бывшие сокрытыми и ныне преследуемые законом, несколько разительных случаев спасения людей невинных от мщения или неправосудия и, смею сказать, общее спокойствие доказывают единодушие, усердие и ревность всего корпуса к службе вашего величества.

Справедливость требует присовокупить, что столь благие следствия попечительности высшего правительства, давшего всем отраслям управления государственного надлежащее направление, не могут быть приписаны действию одних жандармских чиновников, однако то, по крайней мере, истина, что чиновники сии, как орудия и члены высшей наблюдательной полиции, содействовали таковым следствиям мерами, от них зависевшими.

Обязанности, временно налагавшиеся на генерал-штаб и обер-офицеров жандармского корпуса и состоявшие в произведении по высочайшему повелению или по моим предписаниям следствий и разного рода разысканий, были выполняемы с точностью.

По делам, в III отделении собственной вашего императорского величества канцелярии производившимся, также были делаемы жандармским чиновникам поручения, с успехом ими оконченные.

Не смея утруждать ваше величество подробным изложением всех деяний генерал-штаб и обер-офицеров жандармского корпуса, — что, впрочем, было бы и невозможно по множеству и разнообразности оных, — я ограничиваюсь весьма кратким исчислением того, что учинено ими важнейшего, независимо от исполнения обязанностей, налагаемых инструкциею.

1. Употреблены были для наблюдения за приемом рекрут и способствовали предупреждению злоупотреблений или их открытию: в Санкт-Петербургской губернии подполковник Шульман по 91 и 92 наборам; по нынешнему же или 93 назначен он же для того в С.-Петербурге, а состоящий при мне полковник Фрейганг в здешней губернии; в Вологодской, Олонецкой и Архангельской губерниях по 91, 92 и 93 подполковник Дейер; в Эстляндской, Лифляндской и Курляндской по

91, 92 и 93 подполковник Белау; в Калужской по 91 и 92 состоящий при генерал-лейтенанте Волкове майор Шварц; в Тульской по 91 набору при нем же состоящий майор Бегичев; в Московской губернии по 91 и 92 майор Волков; в Ярославской по 91 подполковник Шубинский; в Московской, Владимирской, Ярославской и Костромской содействовали наблюдениям генерал-майора Бутурлина по 92 набору подполковник Шубинский, полковник Перфильев и штабс-капитан Верьговский, Перфильев имел один наблюдение в Костромской губернии по 91 набору; в губерниях: Рязанской по 91 и в той же губернии и Тульской по 92 набору подполковник Приклонский; по обоим наборам содействовал наблюдению в Рязанской и Тульской губерниях капитан Яновский; в Орловской губернии по 91 и 92 подполковник Жемчужников: в Орловской, Курской и Слободско-Украинской содействовал по 92 набору наблюдениям флигель-адъютанта графа Строганова подпоручик Базанский; в Витебской и Могилевской по 91 и 92 полковник Мердер; в Виленской и Минской по 91 и 92 подполковник Рудковский, а ныне командирован он же для наблюдения по 93 набору в Киевскую, Черниговскую и Полтавскую губернии; в Слободско-Украинской и Курской по 92 и нынешнему 93 майор Бахметьев; в тех же губерниях по 91 набору имел наблюдение полковник Вуич, в чем содействовал ему прапорщик Андреевский, находившийся потом по 92 набору при флигель-адъютанте Гринвальде; в Казанской, Пермской и Вятской губерниях по 91, 92 и 93 подполковник Новокщенов; содействовал в наблюдениях по 92 набору флигель-адъютанту князю Ливену; в Саратовской, Пензенской и Симбирской губерниях штабс-капитан Мельгунов; в тех же губерниях имел наблюдение по 91, 92 и 93 наборам подполковник Маслов, и по 92 содействовал ему капитан Базин; ныне он командирован к полковнику Юреневу по случаю 93 набора в губернии: Саратовскую, Тамбовскую, Пензенскую и Симбирскую; в губерниях Нижегородской и Пензенской имел наблюдение по 91 и 92 набору подполковник Языков, содействовал ему же по 91, а по 92 флигель-адъютанту Прянишникову в Пензенской губернии капитан Панютин; в Астраханской губернии по 92 набору полковник Шалим; в Псковской и Новгородской губерниях майор Кокушкин; во Владимирской губернии по 91 и 92 Московского жандармского дивизиона майор Браун и в Тамбовской губернии по 91 и 92 наборам того же дивизиона майор Ржевский.

Исчисляя чиновников жандармского корпуса, употреблявшихся для наблюдения за рекрутскими приемами, я имел в предмете показать, что большая часть всего корпуса участвует в той пользе, которую произвело подобное наблюдение и которая по образу прежних приемов не может не быть ощутительною для народа, благословляющего ваше величество за все, что вы по отеческой любви к нему для блага его устрояете.

2. Места, где необыкновенно многочисленное стечение всякого рода и званий людей делало усиление наблюдательности для спокойствия и порядка необходимым, были посещаемы благонадежнейшими жандармскими чиновниками. Учреждение временных комендантов на ярмарках принесло пользу. Таковыми были в Дорогобуже и Гжатске майор Ребиндер, в Бешенковичах полковник Мердер, в Бобруйске и Пинске подполковник Рудковский, на Коренной ярмарке майор Бахметьев, на Нижегородской подполковник Языков.

3. По высочайшим повелениям были командированы для производства исследований, из коих упоминаю только примечательнейших:

Полковник Фрейганг — по донесению флигель-адъютанта князя Ливена о злоупотреблениях и притеснении рекрут в Олонецкой губернии. Открыл лихоимство, дурное содержание рекрут в Петрозаводской больнице и прочее.

Подполковник Яковлев — в Олонецкую губернию для произведения следствия о злоупотреблениях по лесной части. Поручение сие исполнено им с успехом и отличным усердием, как свидетельствует о том сенатор Баранов, под ведением коего означенное следствие окончательно производилось. Злоупотребления раскрыты на чрезвычайные суммы.

Полковник Шамин в имении генерал-лейтенанта Измайлова по случаю бунта людей его и сверх того был командирован к генерал-лейтенанту графу Гурьеву для исполнения поручений по высочайше возложенному на него исследованию.

Майор Кокушкин был командирован для исследования злоупотреблений, открытых в Пскове флигель-адъютантом Реадом. Следствие находится в главном штабе.

Майор Бегичев — в Оренбургскую губернию для исследования причин возмущения киргизцев и окончил сие поручение с отличным успехом.

Подполковник Языков был командирован для произведения строжайшего исследования о причинах приема в Макарьевском присутствии неспособных 26 рекрут и исполнил оное надлежащим образом.

О следствиях, произведенных чиновниками жандармского корпуса по делам, в III отделении собственной вашего императорского величества канцелярии производившимся, было в свое время, по мере важности оных, представляемо к высочайшему сведению.

4. Особенное заслуживают внимание действия:

генерал-лейтенанта Волкова, который, заведывая высшею полициею в Московской столице, многократные и отличные оказал услуги правительству, — кроме того он имеет особенные известные вашему величеству поручения по делам Московской комиссариатской комиссии, по следственной комиссии над генерал-майором Ушаковым и прочие. Переписка Волкова с III отделением, по части высшей полиции, составляет целые кипы;

подполковника Жемчужникова, который спас, можно сказать, достояние сирот Подымовых, о чем было донесено вашему величеству своевременно, а замечания его о злоупотреблениях по содержанию почт, сообщенные по высочайшей воле начальникам губерний, принесли казне и обществу важную пользу;

подполковника Маслова, который обнаружил многие злоупотребления при рекрутских приемах, способствовал открытию значительных злоупотреблений Саратовской губернии по Сердобскому уезду, исполнил с точностью и особенным благоразумием разыскания об убытках, причиненных чрез вторжение прошедшею зимою киргизских табунов в пределы Саратовской губернии, и доставил сведения особенно примечательные насчет Оренбургской губернии. Ныне отправляется он для наблюдения за государственными преступниками, и

майора Бахметьева, оказавшего услуги доставлением сведений о дворянских выборах и злоупотреблениях по Слободско-Украинской губернии, а также и исполнением порученного ему разыскания по делу о размежевании однодворческих села Рогосцев Курской губернии земель, вследствие чего принято в уважение предположение об учреждении временных судов в означенной губернии для разбора и окончания подобных дел.

5. Чиновники жандармского корпуса, находившиеся при главной квартире вашего императорского величества в армии, и действия всех их, и в том числе подполковника Келчевского, имевшего особенное по высочайшей воле секретное за границею поручение, известны вашему императорскому величеству.

В отсутствие мое генерал-майор Балабин, сверх начальства над 1-м округом, управлял делами штаба корпуса, а начальник 2-го отделения IV округа подполковник Репешко правил должность дежурного штаб-офицера по корпусу жандармов. Деятельность их и точность исполнения обязанностей по службе также обращают на них внимание.

Изъяснив таким образом пред вашим императорским величеством вкратце все, что налагал на меня долг шефа жандармов, обязанного перед лицом вашего величества отчетом и ответственностию по сему званию, смею присовокупить, что от времени, опытности чинов корпуса и распространения круга их деятельности должно ожидать постепенного усугубления той пользы, которую он мог принести доселе.

В продолжение существования корпуса жандармов, при трудности наполнения его людьми во всех отношениях способными и строго испытанной нравственности и при самых даже затруднениях, встречаемых обыкновенно во всяком новом начинании, все поручения исполнялись с возможным успехом.

Теперь местные начальства постигают истинную цель сего учреждения, общее мнение народа, привыкшего во всех мерах правительства, твердого и попечительного, видеть благоденствие всех и каждого, согласуется с необходимостью существования корпуса, — люди благонамеренные вообще и даже целые сословия получают доверенность к чиновникам жандармским, боязнь преследования за слова, невольно или нечаянно в кругу ближних произнесенные, исчезла; — все знают, что одни преступления и злоупотребления, не скрываясь пред очами правительства, влекут за собою наказания неминуемые; словом, я имею причины убеждаться в том, что корпус жандармов, вниманием и милостями вашего императорского величества утвержденный и одобряемый, приобретет право на уважение общее и в полном смысле будет достоин своего предназначения.

В заключение обязываюсь всеподданнейше донести вашему императорскому величеству, что для яснейшего и точнейшего впредь усмотрения действий чиновников жандармского корпуса я предположил вносить в особую ведомость (которую буду иметь счастие ежегодно представлять вашему величеству) всякое поручение на них возлагаемое и отмечать в ней успех исполнения и другие заслуживающие внимания поступки каждого, равно как и те упущения или неисправности, которые кто-либо из них допустит или за которые подвергнется замечанию начальства.

Таким образом, при одном взгляде можно будет видеть чиновника достойнейшего и степень пользы им приносимой. Ныне же составить вдруг такую ведомость почти за три года не было никакой возможности, по причинам, о коих я упомянул выше.

Генерал-адъютант Бенкендорф [1].

(Окончание следует.)

---

[1]) На следующем (чистом) листе помета: «Справка. Ведомости, следуемые к сему отчету, находятся в особой папке».

Из архива А. П. Чехова.

(Неизданные письма и документы.)

25 лет, истекшие со дня смерти Антона Павловича Чехова, принесли громадное количество материала в виде ранее неопубликованных произведений, многочисленной переписки, отдельных набросков, отрывочных заметок и т. д., принадлежащих А. П. Чехову, а также обилие воспоминаний о личности писателя, его жизни и творчестве, его интересах и внешней обстановке работы. Несмотря на это, мы не можем пока сказать, чтобы Чехов получил должную оценку и своей личности и своего творчества. «Чехов мало изучен» — таков итог внимания к художнику за 25 лет, являвшемуся одной из самых выразительных фигур буржуазной интеллигенции конца XIX и начала XX века. Пока идет лишь собирание материалов. Есть отдельные ценные статьи (в частности, статьи Воровского в сборнике «Русская интеллигенция и русская литература», Харьков, 1923 г., стр. 45—80; Фриче — «Чехов», Гиз, 1928; и др.), но, в целом, творчество Чехова требует еще длительного изучения.

Ниже публикуемые документы являются дополнением к богатому письменному наследству, оставленному после себя Чеховым.

В распоряжении Центрального Архивного Управления РСФСР находится ряд документов, относящихся к А. П. Чехову — его письма, мелкие заметки, наброски и т. д. Все эти документы поступили из сейфа Чеховых при ликвидации банкирского дома Джамгаровых. Эти материалы хранятся в Особом отделе Древлехранилища. В настоящее время Центрархив принимает меры к опубликованию всего этого материала, относящегося к А. П. Чехову и в первую очередь писем А. П., до сих пор, насколько нам известно, нигде не опубликованных.

В настоящем томе «Красного архива» печатаются следующие документы: письма А. П. к отцу — одно; к матери—26; к брату М. П. — 4 письма и 3 телеграммы; к жене брата М. П. — 2 письма; к В. М. Лаврову — 6; к В. М. Соболевскому — 11; к М. А. Саблину—1; к А. С. Суворину—4; к Н. Е. Эфросу—2 письма и 1 телеграмма; к В. А. Тихонову—1 письмо,— всего 58 писем и 4 телеграммы. Кроме того, здесь же публикуются два письма П. А. Сергеенко к А. П. и его же 9 телеграмм; 4 телеграммы к А. П. А. С. Суворина и одна телеграмма без подписи. Как письма Сергеенко, так и телеграммы Сергеенко, Суворина и без подписи касаются вопроса о передаче А. П. Чеховым права собственности на свои произведения А. Ф. Марксу. В целях более полного освещения этого вопроса публикуются: 1) нотариальная копия договора о вышеуказанной передаче, хранившаяся

у Чехова; 2) 4 расписки в получении денег от Маркса, заверенные управляющим конторой журнала «Нива»; 3) 6 копий дополнительных договоров, заключенных А. П. Чеховым на отдельные свои произведения, написанные после 1899 г.

В ближайшем будущем Центрархив выпускает особый сборник, в который войдут все остальные находящиеся в его распоряжении документы, относящиеся к А. П. Чехову.

Все публикуемые ниже письма А. П. Чехова воспроизводятся с подлинников. Написаны они, главным образом, на почтовых открытках. Сохранность их, за очень редким исключением, прекрасная. Даты в письмах не везде указаны; чаще всего Чехов отмечает число и месяц, а иногда лишь день. В таких случаях дата устанавливалась по почтовому штемпелю; в тех же случаях, когда письмо было написано не на открытке, а на отдельных листках почтовой бумаги или же когда почтовые штемпеля на открытках были совершенно неразборчивы, дата письма устанавливалась путем сопоставления его с другими письмами и отдельными местами дневника Чехова, которые могли дать те или другие указания. Таким путем удалось установить дату написания каждого письма. При публикации везде наша датировка и место написания письма взяты в скобки; пунктуация местами исправлена.

При расположении материала нами принят следующий порядок: первоначально идут письма А. П. к отцу, матери, брату и его жене, а дальше письма к знакомым; последние расположены в алфавитном порядке адресатов.

И. Лапин.

Письмо А. П. Чехова отцу — П. Е. Чехову.

[2 сентября 1897 г.] [1]).

Приедет из Москвы от Воронцова ящик с литерами Е. В. Е. Не раскупоривая, сохраните и выдайте подрядчику Егорышеву или его посланному. Уплатите по накладной за пересылку, если потребуется.

Все благополучно. Пишу это во вторник утром, проехав ст. Славяны. Всем кланяюсь, желаю всего хорошего.

Ваш А. Чехов.

Письма А. П. Чехова матери — Е. Я. Чеховой.

Четверг, 20 ноября [1897 г.].

Милая мама, я здоров, все обстоит благополучно. Сегодня получил я от папаши письмо, из которого узнал, что у нас околела лошадь. Какая? Уж не А. или П.?

Здесь великолепная, теплая погода. Ходим по летнему.

Поклон папаше, Марьюшке и всем. Ваш А. Чехов.

Благодарю за письмо!

---

[1]) Открытое письмо, по почтовому штемпелю которого определена дата. Письмо адресовано на ст. Лопасня.

Ей же.

[26 декабря 1898 г.].

Милая мама, подательница сего Вера Ефимовна Голубинина, учительница ялтинской женской гимназии. Пользуюсь оказией [1]) и посылаю вам десять рублей, которые я подарил вам в день именин.

Я здоров, все обстоит благополучно. Ваня [2]) вам кланяется.

Скоро Новый год, поздравляю вас и Машу [3]), желаю всего хорошего.

Ваш А. Чехов.

Благодарю за шелковую рубаху.

Ей же.

9 мая 1900.

Милая мама, вчера я приехал в Москву [4]), виделся с Машей. Она выезжает домой 13 или 14 мая вместе с другой Машей. Я приеду с нею, или немного позже. В Москве холодно но я чувствую себя здесь очень хорошо.

За зубы не платите Островскому. Я говорил ему, что платить буду я, а не вы. И, пожалуйста, не стесняйтесь, так как без зубов нельзя жить, а Островский к тому же взял очень дешево.

Будьте здоровы. До свиданья!

Ваш А. Чехов.

Не скучайте и не бойтесь.

Ей же.

14 сентября 1900 г. [Ялта] [5]).

Милая мама, я жив и здоров [6]), если не считать желудочного расстройства вследствие скоромной пищи. Завтра бабушка будет гото-

---

[1]) Открытое письмо с видом Ялты; в своем письме от 18 декабря 1898 г. А. П. Чехов просит мать «принять [от него] подарок, который он вышлет с оказией».

[2]) Иван Павлович Чехов — младший брат Ант. Павл., служивший в г. Москве учителем в городском училище.

[3]) Мария Павловна Чехова — сестра Ант. Павл.

[4]) А. П. Чехов провожал артистов Московского Художественного театра после их поездки в Крым, где ставили «Чайку» и «Дядю Ваню», и на несколько дней остался в Москве.

[5]) Открытое письмо. Мать А. П. 11 сентября, по его настоянию, уехала в Москву к М. П. Чеховой.

[6]) 13 сентября А. П. Чехов в письме к Комиссаржевской пишет: «Я нездоров все эти дни, дорогая Вера Федоровна, — жар, голова трещит и настроение прескверное». («Письма А. П. Чехова», под ред. М. П. Чеховой, 1914—1916 гг., т. VI, стр. 97.)

вить для меня рыбу. Во всем доме, имеющем 2½ этажа, живу только я один в тишине и спокойствии. Арсений и бабушка благоденствуют.

Дождя все нет и нет. От нечего делать ловили мышей и пускали их на пустопорожнее место Мандражи. Передайте Ване с семейством и Маше мой поклон.

Желаю вам всего хорошего и остаюсь преданным и всегда вашим

А. Чехов.

Ей же.

[Ялта.]

Милая мама, я жив и здоров, чего и вам желаю. У нас ничего нового, все благополучно. Дождя нет и не было. Бабушка здорова, Арсений пополнел. Вчера приходили в гости начальница и ее две воспитанницы, очень было приятно. У нас в саду чудесно цветут хризантемы и будут цвести еще долго, целый месяц. Поклон Маше и Ване с семейством. Будьте здоровы и благополучны, не забывайте вашего А. Чехова.

4 октября 1900.

Купил на всю зиму дров и угля. Журавль и собаки здоровы и веселы.

Ей же.

9 октября [1900 г. Ялта.].

Милая мама, я жив и здоров, чего и вам желаю. В Ялте ничего нет нового, погода попрежнему теплая, летняя. Был дождь, но неважный. Хризантемы чудесно цветут, журавль и собаки здравствуют, бабушка и Арсений благоденствуют. Поклонитесь Ване с семьей и Маше. Желаю вам всего хорошего.

Ваш А. Чехов.

Ей же:

Понедельник [25 декабря 1900 г.].

Милая мама, поздравляю вас с ангелом и желаю всего лучшего, а главное — здоровья. Машу поздравляю с именинницей и желаю вам обеим провести праздники в отличнейшем расположении духа.

Я жив и здоров, погода здесь [1]) чудесная, теплая, совершенно летняя, так что хожу без калош, в летнем пальто. На дворе зеленая травка и цветы, поспевают апельсины. Поклонитесь Марьюшке, Арсению, Синани и Варваре Константиновне [2]). Скажите Маше, чтобы из

[1]) Осень 1900 г. А. П. провел в Москве, а в начале декабря уехал за границу на французскую Ривьеру и поселился в Ницце. См. биогр. очерк, написанный М. П. Чеховым (Письма, т. VI, стр. IV).

[2]) Харькеевич, начальница женской гимназии в Ялте.

моих денег она дала вам десять рублей — это мой подарок именинице.

Крепко целую. Ваш А. Чехов.

Ей же.

13 января 1901 г. [Ницца].

Милая мама, я жив и здоров; надеюсь, что и вы здоровы. Здесь очень хорошая погода, тепло, как летом, сухо, и окна можно держать открытыми. Скажите Арсению, чтобы он окопал землю около маслин и тоже бы удобрил. Я недолго буду здесь, скоро приеду. Нового ничего нет. Кланяйтесь Варваре Константиновне, Синани и Надежде Ивановне [1]), а также Софье Павловне. Бабушке поклон особый. Если Арсений сделает в саду все, как нужно, то ему будет от меня награда. Желаю вам всего хорошего, будьте здоровы и благополучны, не забывайте меня.

Ваш А. Чехов.

Ей же.

14 января 1901 г. [Ницца].

Милая мама, почтовую повестку передайте Арсению; пусть он получит деньги и снесет их Сергею Яковлевичу Елпатьевскому, живущему в Ялте, в собственном доме — это выше Средина.

Я здоров. Желаю вам всего хорошего и полного благополучия. Поклон бабушке.

Ваш А. Чехов.

Ей же.

17 января [1901 г. Ницца].

Милая мама, сегодня 17 января, я получил письмо от Маши, а вчера вечером поздравительную телеграмму от Варвары Константиновны; пожалуйста, поблагодарите ее за память и поклонитесь. Я жив и здоров. Нового ничего нет. Пакет иголок привезу вам. Скажите Арсению, чтобы он около каждой розы окопал и удобрил землю. Как поживает наш калека-журавль? А умный Каштанка?

Поклонитесь бабушке и Арсению. Желаю вам всего хорошего.

Ваш А. Чехов.

От С. П. Бонье [2]) получил телеграмму. Скоро приеду — в феврале.

---

[1]) Срединой.

[2]) С. П. Бонье — ялтинская знакомая семьи Чеховых.

Ей же.

24 января 1901 г. [Ницца].

Милая мама, я жив и здоров, чего и вам желаю. Скажите Арсению, чтобы он ничего не сажал без меня, я скоро приеду, должно быть, в начале поста [1]). Пишут, что в Ялте теперь сухо и тепло. Не знаю, правда ли это.

Я привезу вам иголок и мыла. И бабушке тоже будет подарок.

Нового ничего нет, все по старому. Будьте здоровы, богом хранимы: выходите почаще гулять, а то заболеете от сидячей жизни. Поклон Варваре Константиновне, бабушке и Арсению. Низко вам кланяюсь и шлю тысячу пожеланий, самых лучших.

Ваш А. Чехов.

Ей же.

Суббота [28 января 1901 г. Пиза].

Милая мама, теперь я в Италии, отсюда поеду домой в Ялту, значит, скоро увидимся. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш А. Чехов.

Ей же.

Пятница [2 февраля 1901 г. Рим].

Милая мама, я теперь в Риме. Отсюда поеду в Неаполь. Пусть Арсений скажет на почте, чтобы мою корреспонденцию никуда не посылали, а отдавали ему всю; я скоро приеду.

Писем ни от кого не получаю. Здесь в Италии прохладно.

Будьте здоровы, желаю вам всего хорошего.

Ваш Чехов.

Ей же.

12 мая [1901 г. Москва].

Милая мама, я приехал в Москву [2]), все здоровы, погода прекрасная, теплая. Скажите Арсению, чтобы он поливал березу раз в неделю,

---

[1]) В этот же день в письме к М. П. Чеховой, А. П. пишет: «...сегодня, в пятницу, я уезжаю в Алжир. Мой адрес: . . . . Пробуду там недели две, потом поеду в Ялту». (Письма, т. VI, стр. 124). А. П. Чехов неоднократно говорил о своем желании ехать в Алжир, но в этот раз он, действительно, собирался выехать вместе с М. М. Ковалевским, и лишь болезнь последнего расстроила эту поездку.

[2]) А. П. Чехов стал чувствовать себя хуже и поехал в Москву, где «и подверг себя всестороннему осмотру д-ра Щуровского». (Письма, т. VI, стр. 4). О результатах осмотра А. П. в письме к М. П. Чеховой говорит следующее: «...ну-с, был я у д-ра Щуровского. Он нашел притупление и слева и справа, справа большой кусок под лопаткой, и велел немедленно ехать на кумыс, в Уфимскую губ...» (Письма, т. VI, стр. 141).

а эвкалипт (он около хризантем и камелий) раз в два дня. Пусть ничего не обрезывает. Я остановился на Тверской в гостинице «Дрезден». Говорят, что и О. Р. Васильева, ваша подружка, тоже здесь. Маша приедет в Ялту очень скоро; насчет грибов я сказал ей. Зонтик ваш отдал в починку. Мой кашель стал легче. Поклонитесь Варваре Константиновне с барышнями, Марьюшке и Арсению и оставайтесь здоровы и благополучны.

Ваш А. Чехов.

Ей же.

17 сентября 1901 г. [Москва].

Милая мама, я приехал в Москву. Мой адрес: Спиридоновка, д. Бойцова. Маша совершенно здорова и чувствует себя хорошо, Ольга [1]) тоже. Обе вам кланяются. В Москве прохладно, но сухо. Квартира хорошая.

Я буду писать вам часто, а вы не скучайте и живите себе помаленьку. Будьте здоровы. Поклон Марьюшке, Арсению, Марфуше и Марье.

Ваш А. Чехов.

Ей же.

19 сентября [1901 г. Москва].

Милая мама, все обстоит благополучно, здоровы, живем мирно. Будьте добры, скажите Арсению, чтобы он теперь же, не дожидаясь, подвязал деревья и розы мочалкой. Если не хватит мочалки, то пусть возьмет у меня в шкафу в спальне. Погода здесь теплая.

Я буду писать вам часто. Квартира у наших хорошая, уютная и, повидимому, теплая; есть и для вас комната. Желаю вам всего хорошего, будьте здоровы и покойны. Поклон всем домашним и Варваре Константиновне.

Ваш А. Чехов.

Ей же.

21 сентября 1901 г.

Милая мама, все живы и здоровы, чего и вам желаем. Вот уже третий день идет дождь, не переставая, совсем осень, но не холодно. Я купил себе новое осеннее пальто и костюм. Думаю, долго не заживусь в Москве, скоро приеду в Ялту, и тогда вы, буде пожелаете,

---

[1]) Ольга Леонардовна Книппер, артистка Московского Художественного театра, на которой А. П. женился 25 мая 1901 г.

можете проехаться в Москву. В Петербурге я еще не был, рассчитывал поехать туда дня на два — и, вероятно, поеду. Будьте здоровы и счастливы, всего вам хорошего. Поклон всем.

Ваш А. Чехов.

Ей же.

2 октября 1901 г.

Милая мама, я жив и здоров и все здоровы, чего и вам желаем от души. В Петербург я еще не ездил и, вероятно, не поеду, так как уже становится прохладно, пора возвращаться домой, в Ялту.

Нового ничего нет. Поклонитесь Варваре Константиновне и матери Манефе, бабушке и всем нашим. Низко вам кланяюсь и желаю всего хорошего, самого лучшего.

Ваш А. Чехов.

Ей же.

12 октября 1901 г.

Милая мама, скоро я приеду, хотя в Москве погода очень хорошая, теплая. О дне приезда буду телеграфировать. Все наши здравствуют, я тоже здоров. Нового ничего нет.

Ваня здоров, чувствует себя хорошо. Будьте здоровы. Поклон Варваре Константиновне с Манефой, Марьюшке, Арсению и Марфуше.

Желаю вам всего хорошего, целую вас.

Ваш А. Чехов.

Ей же.

21 октября [1901 г.].

Милая мама, пусть Арсений скажет на почте, чтобы писем моих не посылали в Москву; скоро я приеду в Ялту.

Нового ничего нет, все здоровы. Мое здоровье гораздо лучше, чем было в Ялте.

Целую вам руку и желаю всего хорошего. Итак, до свиданья! Больше писать вам не буду, так как приеду. Грибов купил, туфли купил.

Ваш А. Чехов.

Ей же.

5 июня 1902 г.

Милая мама, я жив и здоров. Ольга лежит, похудела очень, но чувствует себя лучше[1]). В Москве очень жарко, жарче, чем

[1]) В письмах к М. Горькому, М. П. Чеховой, В. Г. Короленко и В. М. Соболевскому от 2 по 12 июня 1902 г. А. П. говорит об очень сильном заболевании О. Л. Книппер.

в Ялте. Ваня поехал на Унжу, потом, по всей вероятности, поедет в Ялту.

Нового ничего нет. Будьте здоровы и благополучны, кланяйтесь Маше.

Ваш Антон.

Ей же.

26 июня 1902 г.

Милая мама, шлю вам привет из Перми [1]), где я в настоящее время нахожусь. Послезавтра уезжаю в Москву, буду там утром 2 июля.

Все благополучно. Я здоров. В Перми жарко.

Поклон Маше, Марьюшке и Поле. Желаю вам всего хорошего целую руку.

Ваш Ант[он].

Ей же.

28 апреля 1903 г.

Милая мама, я — в Москве, жив и здоров, чего и вам желаю. Маша и Ольга здоровы, квартира очень хороша, и было бы вообще недурно, если бы не было так холодно. По случаю холода я все время сижу дома и не выхожу на улицу. Живут наши очень высоко, на третьем этаже, так что подниматься мне приходится с большим трудом. Вчера у нас был отец Василий, муж Сани, зять Людмилы Павловны; произвел очень хорошее впечатление. Отправляется в Петербург. Остановился он у Вани.

Целую вам руку. Вчера была Надежда Ивановна, она похудела, недовольна невесткой. Поклон Леле бабушке, Поле, Арсению и Насте.

Ваш А. Чехов.

Ей же.

3 мая 1903 г. [Москва].

Милая мама, скажите бабушке, что очки уже куплены и будут высланы ей завтра. Скажите ей также, что у меня был доктор Коробов, который рассказывал, что Ольга [2]) лежала в Городской больнице, была больна от истощения (от частого деторождения), теперь же она здорова. Здесь в Москве холодно, я сижу в комнате, нигде не бываю.

---

[1]) В Пермь А. П. поехал вместе с Саввой Морозовым, известным московским фабрикантом; ими была предпринята непродолжительная прогулка по Волге и Каме вплоть до Перми.

[2]) Ольга Германовна, жена брата Мих. Павл. Чехова.

Отец Василий, муж Сани, бывал у нас; произвел он на всех очень хорошее впечатление; теперь он в Петербурге. Нового ничего нет, все идет по старому. Завтра, в воскресенье, мы обедаем у Вани. У него все благополучно. Володя здоров. Будьте здоровы, поклонитесь всем. Скажите Жоржику, что письмо я получил, благодарю. Целую руку и остаюсь преданный

А. Чехов.

Ей же.

4 мая 1903 г. [Москва].

Посылаю бабушке очки. Скажите ей, чтобы темные очки она носила днем, в солнечную погоду, а светлые пусть надевает, когда нужно что-нибудь рассмотреть или когда пойдет в церковь и вечером.

У нас все здоровы, нового ничего нет. Опять стало тепло.

Скажите бабушке, что к светлым очкам надо привыкнуть, в первое время будет в них не особенно приятно.

Поклонитесь Жоржу и Леле. Целую руку и низко кланяюсь.

Ваш А. Чехов.

Ей же.

24 января [1904 г. Москва].

Милая мама, поздравляю вас с днем ангела и с Рождеством, желаю вам прожить еще очень долго в добром здоровьи и покое. Мы живы и здоровы [1]). Нового ничего нет. Поклонитесь Маше, Ольге Германовне и детям.

Целую вас и кланяюсь. Ваш А. Чехов.

Поздравляю вас, дорогая мамаша, и с днем ангела и с праздниками и с наступающим Новым годом, и желаю встретить и провести оный в добром здравии и в спокойствии душевном. Передайте от меня привет и поздравление Михаилу Павловичу и Ольге Германовне, деток поцелуйте.

Когда вы приедете в Москву? [2]) Тогда уже непременно поживете у нас. Целую вас и желаю всего хорошего.

Ваша Оля [3]).

---

[1]) Дата письма устанавливается путем сопоставления с письмом к Е. Я. Чеховой от 7 января 1904 г.

[2]) А. П. жил с декабря 1903 г. в Москве, а Е. Я. Чехова — в Петербурге у своего младшего сына — М. П. Чехова.

[3]) О. Л. Книппер.

Милая мамаша, поздравляю с прошедшим ангелом и с праздником. Женюшу тоже поздравляю вместе с родителями. Скоро напишу. Целую крепко.

Ваша Маша [1]).

Телеграммы и письма А. П. Чехова — М. П. Чехову.

Телеграмма № 20. Под. 5 [декабря 1890 г.]. 9 ч. 29 м. полд.

Алексин. Податному инспектору Чехову. Из Раздельной.

Приеду Москву субботу курьерским. Чехов.

Алексин. Податному инспектору Чехову. Из Фастова. Телеграмма № 38. Под. 6 [декабря 1890 г.] 10 ч. полун.

Буду Москве пятницу курьерским. Антуан.

Углич. Чехову.

Телеграмма № 5. Подана 9 [ноября 1895 г.] 2 ч. 50 м. пополудни.

Из Отрады Моск.

Ты назначен исправляющим должность отделения Ярославской [2]) все здоровы.

Антон.

Ему же.

22 февраля 1901 г. Ялта.

Милый Миша, я вернулся из-за границы и теперь могу ответить на твое письмо. Что ты будешь жить в Петербурге [3]), это, конечно, очень хорошо и спасительно, но насчет службы у Суворина ничего определенного сказать не могу, хотя думал очень долго. Конечно, на твоем месте я предпочел бы службу в типографии, газетой же пренебрег бы. «Новое время» в настоящее время пользуется очень дурной репутацией [4]), работают там исключительно сытые и довольные

---

[1]) М. П. Чехова.

[2]) Ярославской казенной палаты.

[3]) Брат А. П., М. П. Чехов, по окончании юридического факультета, поступил на государственную службу и в последнее время служил в Ярославской казенной палате (см. телеграмму А. П. от 9 ноября 1895 г.). В его судьбе А. П. принимал большое участие, помогая и советами и материально.

[4]) В 1898 г. во Франции слушалось дело французского офицера еврея Дрейфуса по обвинению его в государственной измене. Эмиль Золя выступил в защиту

люди (если не считать Александра [1]), который ничего не видит), Суворин лжив, ужасно лжив, особенно в так называемые откровенные минуты, т. е. он говорит искренно, быть может, но нельзя поручиться, что через полчаса же он не поступит как раз наоборот. Как бы ни было, дело это не легкое, помоги тебе бог, а советы мои едва ли могут оказать тебе какую-либо помощь. Служа у Суворина, имей в виду каждый день, что розойтись с ним очень нетрудно, и потому имей наготове казенное место или будь присяжным поверенным.

У Суворина есть хороший человек — это Тычинкин, по крайней мере, был хорошим человеком. Сыновья его, т. е. Суворина, ничтожные люди во всех смыслах, Анна Ивановна тоже стала мелкой. Настя и Боря, повидимому, хорошие люди. Был хорош Коломин, но умер недавно.

Будь здоров и благополучен. Напиши мне, что и как. Ольге Германовне и детям в Петербурге будет хорошо, лучше, чем в Ярославле.

Напиши подробности, буде они уже есть. Мать здорова.

Твой А. Чехов.

Ему же.

5 марта [1901 г. Ялта].

Милый Миша, то, что говорит мой Иванов доктору Львову, говорит человек утомленный, поношенный; напротив, человек должен постоянно если не вылезать, то выглядывать из своей раковины, и должен он мудрствовать всю свою жизнь, иначе то уж будет не жизнь, а житие. Против жизни в Петербурге я ничего не имею, это хороший город, к нему легко привыкнуть, как к Москве; вопрос же в том, где служить. Я в письме своем был против суворинской газеты; там можно печатать только беллетристику, да и то держась далеко в стороне. Служить же в типографии — это другое дело; типография у него очень хорошая во всех смыслах. Но лучше бы всего иметь в Петербурге какое-нибудь место, в каком-нибудь департаменте и по вечерам заниматься литературой [2]). Кронотов груб, но имей в виду, что Суворин

Дрейфуса; в письме к Александру Павл. Чехову А. П. пишет: «В деле Золя «Новое время» вело себя просто гнусно. По сему поводу мы со старцем [А. С. Сувориным — *Н. Л.*] обменялись письмами (впрочем, в тоне весьма умеренном) и замолкли оба. Я не хочу писать и не хочу его писем...» (Сб. «А. П. Чехов. Из мемуарных материалов», 1928 г., стр. 298).

[1]) Старший брат А. П. — Александр Павл. Чехов.

[2]) В письме к А. С. Суворину от 24 сентября 1902 г. А. П. пишет: «...вчера получил от брата Миши письмо. Пишет, что он назначен заведующим книжной торговлей на железных дорогах. Мне кажется, что это дело как раз по нем; он может сделать много хорошего и, если не будет по целым месяцам сидеть с женой на печи, то его чиновничьи таланты окажутся на своем месте». (Письма, т. VI, стр. 248).

еще грубее, и служить только у него одного — это хуже гораздо, чем служить в Чернигове или Бобруйске. А вот так бы: до обеда где-нибудь в департаменте, а вечером у него в типографии (на манер Тычинкина, учителя гимназии) — этак было бы хорошо.

Мне мешают писать это письмо, все ходят ко мне. Поклонись Ольге Германовне и детишкам, пожелай им от меня всего хорошего. Будь здоров; все устроится, конечно, и все будет благополучно.

Мать здорова. Новостей нет.

Твой А. Чехов.

Ему же.

11 декабря [1902 г. Ялта].

Милый Миша, денег теперь нет, по всей вероятности, пришлю в январе или феврале, когда будут. «Европейская библиотека» — название старое, затасканное; ее издавал, между прочим, Н. Л. Пушкарев в Москве, выпусками раз в неделю. Затем, пять рублей — цена необыкновенно высокая, совсем не по карману дьячкам и телеграфистам, на которых ты, как пишешь, главным образом, рассчитываешь. Цена твоему журналу самое большее — 3 р., а то и 2 р. Ведь за 5 р. можно издавать иллюстрированный, со всякими премиями, и во всяком случае, с оригинальной беллетристикой, а не с переводной, которая ныне, с точки зрения подписчика и порядочного издателя, считается макулатурой. Все, что можно было взять, уже взяли и берут Булгаков и Пантелеев, — один, издавая иллюстрированный журнал с приложением «Тысячи одной ночи», а другой — толстые книги с богатой хроникой заграничной. Переводная беллетристика — это пуф! Это наполовину, как сам ты знаешь, ничего нестоящий мусор. Все, что ценно заграницей, все, заслуживающее перевода, уже переводится и издается фирмами «Знание» и проч.

По моему мнению (быть может, я и ошибаюсь — все может быть), у тебя после публикации не наберется и 800 подписчиков и к концу года уже ты влезешь в долги, которые уплатить будет трудно. И, по моему мнению, издание следует отложить до 1904 г., а чтобы не потерять права, в июле выпустить одну книжку не для подписчиков, а для цензуры, так делают все издатели, пока не соберутся с силами. Тебе следует издавать, если уж так хочешь издавать, не журнал, который потребует прежде всего усидчивости на одном месте и аккуратности, а что-нибудь вроде еженедельного «Календаря», в который входили бы святцы, астрономия, агрономия, тиражи и все, одним словом, что к трактуемой неделе относиться может. Это, по крайней мере, было бы оригинально и полезно, и это нашло бы тебе денег сколько

угодно, и это отнимает очень мало времени, ибо номера можно составлять за месяц вперед. Можно издавать «Календарь» и ежемесячный по 1 р. в год с подписчика или по 2 р., смотря по программе, причем в декабре ты выпускаешь январский номер, в январе февральский и т. д. Это все-таки было бы хоть оригинально, а «Европейская библиотека» — это банально, как потертый пятиалтынный. Подумай! Подумай! Пожалуйста, не сердись за непрошенные советы. Но ты кажешься мне столь неопытным человеком (в литературном отношении), что не могу удержаться, чтобы не впутаться в твое дело.

Приезжай в Ялту, здесь поговорим. Время еще не ушло, лучше семь раз отмерить, чем резать прямо, не меривши. Так приезжай же.

Будь здоров, не ханжи. Ольге Германовне и детишкам мой привет. Мать здорова.

Твой А. Чехов.

Ему же.

27 августа 1903 г. [Ялта].

Милый Миша, прости, прислать ничего не могу, потому что в настоящее время ничего не пишу, а то, что будет написано, давно уже обещано. И к Горькому, мне кажется, ты напрасно обращаешься: он берет 2—3 тысячи за лист и, во всяком случае, не станет работать в журнал, направление коего ему не может быть известно.

Все наши здравствуют и шлют тебе поклон. Погода хорошая. Все обстоит благополучно.

Ольге Германовне, Жене и Сереже нижайший поклон и пожелания самые сердечные.

Твой А. Чехов.

Письма А. П. Чехова жене М. П. Чехова — О. Г. Чеховой.

[24 декабря 1902 г. Ялта.]

Многоуважаемая Ольга Германовна, поздравляю вас и семейство ваше с праздником и с наступающим Новым годом и желаю вам от души провести как сей, так и многие предбудущие в добром здоровьи и благополучии.

С истинным почтением имею честь быть ваш покорнейший слуга и родственник Аутский [1]) мещанин А. Чехов.

Евгения Яковлевна просит вас убедительно выслать ей выкройки с лифа, исполнением каковой просьбы премного обяжете всех аутских мещан.

---

[1]) Аутка около Ялты, где была дача А. П. Чехова.

Ей же.

[31 декабря 1903 г.]

С Новым годом, с новым счастьем, милая моя дочь [1]), желаю вам настоящего счастья, здоровья и побольше денег. Надеюсь, что и в предстоящем 1904 году вы будете вести себя хорошо, и мне не придется с вас взыскивать. Имейте в виду, что я строг, вспыльчив и при малейшем нарушении моих требований могу лишить вас наследства.

Вашей свекрови, супругу и детям низко кланяюсь и поздравляю. За письмо сердечно благодарю. Будьте здоровы и благополучны, благословляю вас и прошу не забывать. Целую обе ваши ручки.

Ваш папаша А. Чехов.

Письма А. П. Чехова В. М. Лаврову [2]).

14 сентября [1892 г.].

Дорогой Вукол Михайлович, не знаю, попаду ли я к вам 17-го. Посылаю вместе с этим письмом исправленную корректуру [3]) и мое поздравление с именинницей [4]). Желаю ей на новом месте богатеть и быть здоровой. А может быть, я и приеду. Все зависит от холеры, которая уже в 10 верстах от меня [5]), и от погоды, которая через день бывает отвратительна.

Всех благ! Ваш А. Чехов.

Ему же.

22 октября [1892 г.].

Многоуважаемый Вукол Михайлович!

Корректуру получил. Благодарю и извиняюсь за беспокойство. Дорога ужасная, отвратительная, и мне жаль вашей посланной,

---

[1]) А. П. был «посаженным отцом» на свадьбе М. П. и О. Г. Чеховых.

[2]) В. М. Лавров (1852—1912) — издатель «Русской мысли».

[3]) Осенью этого года А. П. передал в редакцию «Русской мысли» две повести — «Рассказ неизвестного человека» и «Палата № 6»; последняя первоначально была отдана в консервативный орган «Русское обозрение», но так как здесь повесть долго не печатали, то А. П. взял ее из редакции «Р. О.» и передал В. М. Лаврову.

[4]) Софья Федоровна, жена В. М. Лаврова.

[5]) В 1892 г. холера охватила юг России и осенью подходила к Московской губернии. А. П. жил в это время в своем имении Мелихове Серпуховского уезда. А. П., как члену санитарного совета и как врачу, было предложено принять на себя заведывание холерным участком. Он тотчас согласился безвозмездно.

которая должна была два часа болтаться в грязи, смешанной со снегом. Повесть того не стоит. Сейчас я буду посылать нарочного на станцию, завтра — тоже, и таким образом муки, какие приняла на себя ваша Пелагея, являются излишними. Ведь я говорил сестре, что на станции будет мой нарочный и что рукопись надо было отдать начальнику станции. Ну, да что делать!

29 окт[ября] у меня в Серпухове санитарный совет и обед с докторами, а 30-го я буду в Москве вместе с корректурой. Остановлюсь в «Лоскутной».

В «Русском обозрении», очевидно, хотят пуститься на какой-нибудь фокус. Уж не напечатать ли повесть? Храни создатель. Посылаю письмо на имя редактора Александрова.

Корректуры не задержу, будьте покойны. Желаю всего хорошего и кланяюсь.

Ваш А. Чехов.

Ему же.

13 ноября 1900 г.

Милый Вукол, завтра, 14-го, я в час дня завтракаю у Ушакова. дал ему слово; но если удастся как-нибудь увернуться, то ровно в 12 ч. буду у тебя. Если завтра не увидимся, то черкни, будешь ли в Москве в среду. Будь здоров и благополучен. Целую тебя и желаю всего хорошего.

Твой А. Чехов.

Ему же.

2 декабря [1900 г.].

Милый друг Вукол, большое, сердечное тебе спасибо за память. Книгу получил уже давно, не собрался же до сих пор написать тебе, потому что мешали разные дела и посетители.

Когда же ты в Ялту? Кланялся тебе Фома Петрович и велел передать, что он без тебя жить не может. В Ялте ты найдешь все по старому: только нет доктора Грудинского, и я живу уже не у Иловайской, а у себя в Аутке. Посадок сделали очень много, и твой Золотарев сослужил мне большую службу.

Погода преподлая. Напиши же, когда ждать тебя и не нужно ли поговорить с м-м Яхненко насчет помещения.

Шлю привет и поклон Софье Федоровне и Виктору Александровичу. Митрофану Ниловичу тоже поклон. Ну, будь здоров и весел. Крепко жму руку.

Твой А. Чехов.

Ему же.

9 января 1901 г.

Милый друг Вукол Михайлович, большое тебе спасибо за письмо. И я тоже поздравляю тебя с Новым годом, желаю здоровья, много подписчиков и хорошего настроения.

Я поправляюсь, стал много есть; скоро начну писать. Кровохаркания уже нет.

Будь другом, прикажи выслать мне словарь Брокгауза — последний том, какой у меня есть, это 62.

Крепко жму руку и низко кланяюсь тебе, Софье Федоровне и Виктору Александровичу [1]). Будь здоров!

Твой А. Чехов.

Ему же.

3 августа 1901 г. Ялта.

Здравствуй, милый Вукол Михайлович!

Получив от тебя письмо, я тотчас же написал в Таганрог, чтобы тебе выслали сантуринского, написал П. Ф. Иорданову, доктору, члену городской управы, местному уроженцу, который подарил мне однажды несколько бутылок великолепнейшего сантуринского. Должен тебе сказать, что это вино редко бывает хорошим и редко кому нравится; это — на вкус, плохая марсала, очень крепкое, много в нем спирту, так что пьют его рюмками, а не стаканами. Впрочем, с хорошим приятелем можно и целую бутылку выпить. Ты не написал, сколько тебе выслать вина, и я написал, чтобы тебе выслали пока на пробу одно ведро.

В Ялте Горького нет, он в Нижнем. Если приедет сюда (что, повидимому, едва ли состоится в этом году), то поговорю с ним насчет письма В. А. и ответ его сообщу тебе.

Был я в Уфимской губ. на кумысе и чувствовал себя там недурно, здесь же в Ялте стал неистово кашлять и ничего не делаю до последнего времени. Теперь же кашель унялся и чувствую себя гораздо бодрее.

Маша и супруга моя в Гурзуфе; когда увижу, то передам им от тебя поклон. Отчего ты не приезжаешь в Ялту?

Ну, однако, будь здоров и богом храним на многие лета. Поклонись Софии Федоровне и Виктору Александровичу.

Крепко тебя обнимаю. Твой А. Чехов.

---

[1]) Виктор Александрович Гольцев, журналист, редактор и сотрудник нескольких журналов; ему А. П. писал: «я есмь твой искренний, преданный друг и таковым останусь до конца дней моих, и я тебя люблю и давно уважаю». (Письма, т. VI, стр. 274).

Письмо А. П. Чехова В. А. Тихонову [1]).

[18]97. 9/XI.

Милый Владимир Алексеевич, только что (9 ноября 8½ ч. утра) получил вашу книжку и письмо. Шлю вам в ответ пожелания самые лучшие, и благодарность от всего сердца. В ожидании от меня более подробного письма, которое я соберусь написать вам в ноябре, поскорее сообщите мне, сколько я должен взнести в «Союз» в качестве члена [2]). Заказных писем мне не присылайте, почтальону высоко приходится ходить ко мне, и не заставать меня, и опять приходить, лучше всего простые и открытые письма. Мой адрес: Nice, Pension Russe. Кланяется вам В. И. Немирович-Данченко, живущий в том же Pension Russe, этажем ниже. Будьте здоровы и благополучны. Еще раз благодарю.

Ваш А. Чехов.

Письмо А. П. Чехова М. А. Саблину [3]).

12 августа [1897 г. Мелихово].

Михаил Алексеевич, милый мой Grossvater, напишите мне, где в настоящее время находится В. М. Соболевский [4]).

«Русские ведомости» как-то сообщали из «вполне достоверного источника», что я теперь на Кавказе. Это пишут нарочно. Я в Мелихове, куда и прошу адресоваться.

Тысячу раз жму вам руку и обнимаю вас, s'il vous plait. Жду ответа.

Ваш А. Чехов.

Письма А. П. Чехова В. М. Соболевскому.

8 августа [1895 г.].

Дорогой Василий Михайлович, возвратясь к себе, я нашел на столе корреспонденцию, мною написанную, которую следовало бы поместить 2 авг[уста], но я не взял ее с собой, и теперь посылаю с просьбой дать ей место среди корреспонденций из провинции. 15 лет

---

[1]) В. А. Тихонов — фельетонист и драматург, с которым А. П. Чехов находился в оживленной переписке.

[2]) Повидимому, имеется в виду «Союз взаимопомощи русских писателей», о котором А. П. упоминает в письме к Н. Ф. Анненскому от 2 мая 1897 г. («Чех. сборник», 1929 г., стр. 60).

[3]) М. А. Саблин — статистик и публицист, завед. конторой «Русских ведомостей».

[4]) В. М. Соболевский — один из редакторов-издателей «Русских ведомостей».

службы — штука не важная, но только не в земстве. Прослужить врачом в земстве 10 лет труднее, чем 50 быть министром.

Как поживаете? У меня все благополучно. Крепко жму руку.

Ваш А. Чехов.

Я написал брату и говорил уже о хирурге для Тв. мануфактуры.

Ему же.

15 октября 1895 г. Ст. Лопасня.

Дорогой Василий Михайлович, посылаю рассказ [1]). Так как он идет простым, а не заказным письмом, то я буду думать, что он пропал, до тех пор, пока не получу известие, что он дошел благополучно. Мне хотелось бы прочесть его в корректуре. Моя сестра (адрес ее известен Михаилу Алексеевичу: Сухаревская-Садовая, д. Кирхгоф, кв. 17) уезжает из Москвы домой в четверг утром; будьте добры послать ей корректуру, которую я прочту в четверг вечером, а в пятницу утром пошлю обратно.

У нас тепло. Желаю вам всего хорошего и низко кланяюсь.

Ваш А. Чехов.

Ему же.

Пятница. [Сентябрь 1897 г.] [2])

Дорогой Василий Михайлович, я уже телеграфировал вам, что приеду в Биарриц в понедельник. Выеду из Парижа утром в 9 час. и приеду вечером около 10 час. Если по случаю дурной погоды или по другим каким-либо причинам вы уедете из Биаррицы до понедельника вечера, то оставьте записку — я отправлюсь по вашим следам. Остановлюсь в «Виктории».

Крепко жму руку. Ваш А. Чехов.

Ему же.

24 октября [1897 г.].

Дорогой Василий Михайлович, здравствуйте! Все обстоит благополучно и новостей никаких, кроме разве того, что в Pension Russe

---

[1]) «Анна на шее».

[2]) Написано на почтовой бумаге со штампом: «Hôtel Vendôme Ascenseur, I, Place Vendôme. Paris. Adresse télégraphique: Vendômotel-Paris». Дата устанавливается путем сопоставления с другими письмами А. П. к В. М. Соболевскому.

поселился действ. статский советник, управляющий пробирной палаткой (на манер Кузьмы Пруткова) и что сегодня переезжает к нам В. И. Немирович-Данченко, который решил окончательно покинуть Монте-Карло. Повидимому, он шибко проигрался. Цифра 13, на которую он так сильно рассчитывал, обманула его [1]).

Как видите, посылаю еще рассказ.

Ковалевский уезжает в Париж около 26-го. Якоби бывает в Р. Р. почти каждый день. Вчера уверял всех нас, что Григорович — шпион.

От вас ни слуху, ни духу. Черкните 2—3 слова. Когда будете на Воздвиженке, передайте нижайший поклон и привет Варваре Алексеевне и детям.

Погода теплая. Вчера было пасмурно.

Жму руку. Ваш А. Чехов.

Ему же.

15 июня [1898 г. Мелихово].

Дорогой Василий Михайлович, может случиться, что 16—17—18 июня я буду в Москве. Если и вы приедете тоже в один из этих дней, то известите меня по адресу: Ново-Басманная, д. Крестовоздвиженского. И напишите, когда и в каком часу вам удобнее повидаться, чтобы я, приехавши, не помешал вам.

Будьте здоровы. До свидания! Ваш А. Чехов.

Ему же.

13 июля [1898 г. Мелихово].

Дорогой Василий Михайлович, я задержался дома, благодаря сырой дождливой погоде. Теперь опять стало хорошо, но так как вы говорили, что Варвара Алексеевна к 15 июля сама будет в Москве, то свой отъезд в Поповское я отложил до после 16-го. Если же дожди опять пойдут, то придется отложить до конца месяца.

Будьте здоровы. Крепко жму руку и желаю всего хорошего.

Ваш А. Чехов.

Ему же.

16 августа [1898 г. Мелихово].

Дорогой Василий Михайлович, для Тверской ма[нуфактуры] рекомендуют некоего Артемьева, земского врача, прекрасного хирурга.

---

[1]) В подлиннике последние две фразы — «повидимому... обманула его» неизвестно чьей рукой обведены карандашом.

И я написал о нем Варваре Алексеевне по адресу: Клин, Моск. губ. Так ли я написал адрес? Жду теперь от В. А. ответа, чтобы телеграфировать Артемьеву.

У меня Виктор Александрович. Погода чудесная. Будьте здоровы и благополучны. Крепко жму руку. Ваш А. Чехов.

Ему же.

23 августа [1898 г. Мелихово].

Дорогой Василий Михайлович, я писал в Клин Варваре Алексеевне насчет врача Артемьева и ответа не получил, между тем 8 дней назад я телеграфировал Артемьеву, и он нетерпеливо ждет дальнейших распоряжений и, пребывая в неизвестности, шлет письма и телеграммы. Будьте добры, напишите или телеграфируйте Варваре Алексеевне, чтобы она поскорее сообщила мне, получила ли она мое письмо и куда должен ехать Артемьев. Не получая от нее ответа, я решил, что ее нет в Клину, и теперь не пишу ей, потому что не знаю ее адрес. Итак, буду ждать ответа и пока крепко жму вам руку. У меня гостит Меньшиков [1]), приехавший ко мне от Толстого, рассказывает много интересного. В начале сентября уеду на юг. Ваш А. Чехов.

Ему же.

14 октября [1898 г.].

Дорогой Василий Михайлович, черкните мне хоть одно слово, дома ли вы? Если дома, то немедленно я вышлю вам рассказ [2]).

Как поживаете? Что нового? Передайте мой привет и нижайший поклон Варваре Алексеевне, Наташе, Глебу, Варе. По Москве, конечно, скучаю и, если бы не работа, то чувствовал бы себя очень скверно.

Итак, буду ждать ответа. Мой адрес: Ялта. Даже телеграфируйте: «Ялта Чехову: Дома». Крепко жму руку. Ваш А. Чехов.

Ему же.

11 июля 1899 г. [Москва].

Дорогой Василий Михайлович, в понедельник в 12 часов я уезжаю в Таганрог, а оттуда в Ялту. Стало быть, обедать у вас не буду.

Возвращусь в конце июля или в начале августа.

Будьте здоровы, крепко жму вам руку и желаю всего хорошего.

Ваш душой А. Чехов.

---

[1]) Михаил Осипович Меньшиков — сотрудник «Нового времени».

[2]) «В родном углу».

Ему же.

25 октября 1901 г.

Дорогой Василий Михайлович, я уезжаю в Ялту! Будьте здоровы, желаю вам всего хорошего. Поклонитесь Варваре Алексеевне и скажите ей, что я не успел побывать у нее, все сидел с гостями; в великом посту буду в Москве и непременно явлюсь к ней. Желаю ей и детям здоровья и счастья.

На-днях в редакции у вас будет получено письмо из Нижнего от доктора Н. И. Долгополова. Это давний мой приятель, очень хороший человек, и опровержение, которое он пришлет, вполне справедливо.

Крепко обнимаю вас. До свидания! Ваш А. Чехов.

Письма А. П. Чехова Н. Е. Эфросу [1]).

16 ноября [1900 г.].

Дорогой Николай Ефимович, мне тоже хотелось повидаться с вами, но как это устроить — ума не приложу. Завтра, быть может, в 6 час. вечера я буду у сестры по Мал. Дмитровке и наверное буду в Художественном театре во время представления «Доктора Штокмана», часов в 9 веч. или в 8½ — и пробуду там час или полтора, в кабинете Немировича-Данченко.

Желаю вам всего хорошего, крепко жму руку.

Ваш А. Чехов.

Ему же.

Телеграмма из Москвы № 386206. Принята 18/I 1904 г.

Безгранично признателен за вчерашнее [2]).

Чехов.

Ему же.

25 февраля 1904 г.

Дорогой Николай Ефимович, ваше последнее письмо я получил сегодня в Ялте. Из Москвы я уехал еще 15 февра[ля].

---

[1]) Н. Е. Эфрос — литератор, сотрудник «Новостей дня» и «Семьи», впоследствии сотрудник «Русских ведомостей».

[2]) Телеграмма послана в связи с чествованием А. П. Чехова в Московском Художественном театре 17 января 1904 г. во время представления «Вишневого сада».

Я приеду в Москву вскоре после первого мая и в день приезда извещу вас, а пока напишите мне, — быть может, я нужен вам, могу быть полезен чем-нибудь.

Желаю вам всего хорошего, крепко жму руку.

Ваш А. Чехов.

Письма А. П. Чехова А. С. Суворину.

27 марта 1897 г.

Меня выпустят из клиники [1]) только в страстную пятницу — не раньше. В Петербург запрещают ехать. Пишу лежа. Кровь идет помаленьку.

Мне привезли из дому телеграмму, в которой Настя приглашает меня на спектакль. Передайте, что я благодарю от всей души.

Пишите, а то скучно чертовски. Спасибо Васе, присылает газеты.

Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов.

Ему же.

10 декабря [1897 г.].

Посылаю с известным художником В. И. Якоби две посылочки, которые, пожалуйста, передайте брату А. П. Отдайте Василию, он передаст.

На этом свете все обстоит благополучно. Якоби очень болен и очень любит жизнь. Анне Ивановне, Насте (будущей великой артистке) и Боре нижайший поклон и привет из глубины сердца. Получил от m-elle Эмили письмо, она пишет, что 20 декабря у вас спектакль pro domo sua. Пожалуйста, напишите мне, как и что: хорошо ли играли и какие были подношения. Я скучаю, и для меня теперь все интересно.

Пишут, что летом вы в Феодосии. Меня возьмете с собой? В Феодосии скучно, но мне нравится, особенно, когда я не вижу Айвазовского.

Пишу маленький роман. Ваш А. Чехов.

Ему же.

7 декабря 1897 г.

Художник уже заарестовал меня и пишет. Это кончится 14—16 июля, и тогда я приеду к вам в Петербург, чтобы повидаться; только

[1]) Приехав в Москву 20 марта 1897 г., А. П. серьезно заболел: у него открылось очень сильное кровотечение, и д-р Оболенский 25 марта отвез его в клинику Остроумова на Девичьем поле.

боюсь, как бы вы к тому времени не уехали куда-нибудь. Константин Семенович [1]) писал мне, что, по вашему и его мнению, было бы лучше, если бы книга моя, которая теперь набирается, состояла только из двух рассказов — «Мужики» и «Моя жизнь» [2]). Я ответил так: если книга, состоящая из этих двух рассказов, будеть иметь вид рублевой книги, то да будет по вашему, я не стою за остальные рассказы.

Пишу это, сидя в усадьбе Семенковича [3]). Будьте добры, скажите, чтобы сделали расчет по квитанции, которую при сем прилагаю, и прислали бы деньги мне и поскорее. У нас с Семенковичем свои счеты, и деньги, которые ему приходятся за сочинения Фета, мне очень нужны.

У меня семь пятниц на неделе: решил зимовать в Неаполе. Нового ничего нет. Здоровье мое великолепно. Жара и засуха мне очень на пользу.

И так скоро увидимся. На сих днях еще раз буду писать вам, а теперь некогда: в зале играют на рояле, зовут.

Будьте здоровы и покойны, дай бог вам всего хорошего.

Ваш А. Чехов.

Ему же.

25 апреля 1903 г.

Будьте добры, сообщите мне:

1) когда вы будете в Москве или проездом через Москву, 2) за что воспрещена продажа «Нового времени».

Зимой мне нездоровилось; был плеврит, был кашель, а теперь ничего, все благополучно, если не говорить об одышке. Наши наняли квартиру на третьем этаже, и подниматься — для меня это подвиг великомученический.

Анне Ивановне, Насте и Боре шлю привет и поклон. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш А. Чехов.

Телеграммы А. С. Суворина А. П. Чехову.

Ялта, Чехову. Из Петербурга. № 792946. Принята 16/I 1899 г.

---

[1]) К. С. Тычинкин — сотрудник «Нового времени».

[2]) Сборник — «Мужики» — «Моя жизнь» — вышел в издании Суворина в 1897 г.

[3]) Владимир Николаевич Семенкович, племянник Фета-Шеншина, сосед А. П. Чехова по Серпуховскому уезду.

Вопрос право собственности[1]) только на изданные сочинения не правда ли? Я не понимаю, зачем вам торопиться с нравом собственности, которое будет еще расти во всяком случае. На первый вопрос отвечайте, понедельник переговорю с Колесовым; семь раз отмерьте сначала. Разве ваше здоровье плохо? От вас давно нет писем.

Суворин.

Телеграмма. Отв. уплачен 30 слов. Ялта, Антону Чехову. Из Петербурга. № 825546. 18/I 1899 г.

Сидел три часа Петром Алексеевичем [2]). Маркс [3]) дает 75 000. Толстой говорит, что за одно приложение к «Ниве» ваших вещей можно дать 50 000. «Нива» этого не избегнет года через два; надо бы знать ваши побуждения причины продавать не только настоящее,

[1]) Вопрос о продаже А. П. Чеховым своих произведений в собственность Марксу освещен очень подробно во многих сборниках, биографических очерках и статьях, посвященных А. П. Чехову; наиболее полным является предисловие к переписке А. П. Чехова с П. А. Сергеенко, А. Ф. Марксом и Ю. О. Грюнбергом, написанное Б. Л. Модзалевским (Чехов, «Новые письма», 1922, стр. 88—94). Публикуемые письма и телеграммы Сергеенко и телеграммы Суворина еще полнее освещают всю процедуру заключавшегося договора, а также поведение отдельных лиц — Суворина, Маркса, Сергеенко, Грюнберга. Телеграмма Суворина Чехову от 18 янв. 1899 г. и письмо Сергеенко от того же числа исчерпывающе выясняют льстивую и лицемерную физиономию нововременского дельца (ср. письмо А. П. Чехова к М. П. Чехову от 22 февр. 1901 г.). Не лишены интереса замечания П. А. Сергеенко о Ю. О. Грюнберге, подтверждающие ту общую положительную характеристику, которая ему была дана современниками. Интересно далее упоминание Сергеенко о роли Л. Н. Толстого, о дружественных отношениях которого к Чехову так много рассказывают биографы А. П. Наконец, указанные письма и телеграммы Сергеенко к Чехову полностью обрисовывают весь ход переговоров его с А. Ф. Марксом. Позднее (1904 г.) А. П. считал заключенный с Марксом договор «ошибкой» и «продажу сочинений довольно неудачной» (см. письмо А. П. Чехова к В. Л. Кигну от 24 янв. 1904 г. «Новые письма», стр. 63). Но в 1899 г. А. П. постоянно чувствовал нужду в деньгах, а с другой стороны, «теперешних больших (горьковских) цен на литературные произведения еще не было» (письмо к В. Л. Кигну от 29 февр. 1904 г. Там же, стр. 65).

Адольф Федорович Маркс — издатель журнала «Нива», известного своими литературными приложениями. Издание «Нивы» было коммерческим предприятием Маркса. Благодаря большому тиражу журнала литературные приложения тоже имели массовое распространение.

Ю. О. Грюнберг — управляющий конторой «Нивы» и издательством Маркса.

Петр Алексеевич Сергеенко — товарищ А. П. Чехова по таганрогской гимназии, беллетрист и сотрудник многих юмористических журналов. Сергеенко близко стоял к Л. Н. Толстому и ему принадлежит несколько статей о Толстом и Чехове.

[2]) Петр Алексеевич Сергеенко.

[3]) В подлиннике: «Макс».

но и будущее; последнее особенно тяжело, — это своего рода кабала. Десять листов в год вам дадут пять тысяч, а он не дает пяти тысяч за книжку. В полную собственность подождите продавать, напишите мне, что вас заставляет это делать; не знаю, какая сумма вас может вывести из затруднения, но если вы можете обойтись двадцатью тысячами, я вам их тотчас вышлю. Это я могу и хотел бы сделать от всей души. Не решайтесь так быстро, подумайте. Всего лучшего, милый Антон Павлович.

Суворин.

Телеграмма. Ялта. Чехову. Из Петербурга. № 278232. 21/I. 1899 г.

Сейчас был Сергеенко. Маркс ужасно испугался вашей угрозы прожить до восьмидесяти лет, когда ценность ваших произведений так возрастает; вот сюжет для комического рассказа. Всего вам лучшего. Еду на «Смерть Грозного».

Суворин.

Телеграмма. Ялта. Чехову. Из Петербурга. № 57074. 12/II. 1899 г.

Водевиль есть вещь, но и все остальное — прекрасные вещи. Ваша сделка даже на два года невыгодна, не только на десять лет. Ваша репутация только начинает подыматься на чарующую высоту, и тут вы пасуете; против парадоксов дамских буду возражать. Крепко жму вам руку.

Суворин.

Телеграмма А. П. Чехову от неизвестного.

Телеграмма. Срочная. Ялта. Отв. срочный уплач.

Антону Чехову. Из Петербурга. № 900611. 24/I. 1899 г.

Условие о заграничных изданиях нарушает сделку покупателя. Расстраивают.

Телеграммы и письма А. П. Чехову от П. А. Сергеенко.

Телеграмма. Ялта. Антону Павловичу Чехову.

Из Петербурга: № 607011. 16/I. 1899 г.

Предлагают право собственности пятьдесят, упираюсь 80 000; треть денег можно теперь, остальные сроками. Уполномачиваешь вести переговоры и заключить договоры? Надеюсь настойчивостью

натянуть 10 000. Приедешь, пришлешь доверенность или доверитель? Разъезжая, двадцать, кв. 38.

Сергеенко.

Телеграмма. Ялта. Антону Павловичу Чехову.

Из Петербурга. № 13372. 17/I. 1899 г.

Предварительный договор подписан. Ты получаешь за право собственности уже напечатанных и будущих произведений семьдесят пять и за каждый новый том в двадцать печатных листов пять тысяч, доход пьес пожизненно принадлежит тебе. Договор высылаю и пишу подробно.

Сергеенко.

Телеграмма. Ялта. Антону Павловичу Чехову.

Из Петербурга. № 13980. [18/I] 1899 г.

Поведение Алексея уклончиво, рассчитывать нельзя, тороплюсь. Высылай доверенность звание славяносербский мещанин, в скобках пиши Сергиенко. Вышли инструкции относительно денег и твои обязательства книгопродавцам. Отвечай срочной. Разъезжая, 20, кв. 38.

Письмо П. А. Сергеенко А. П. Чехову.

18 января 1899 г. СПБ.

Дорогой Антон, вчера послал тебе телеграмму, но не успел управиться с письмом, решивши написать его после свидания с Сувориным. Должен сказать тебе, что Маркс один из тех людей, из которых можно выковать желательные формы, только в известный момент, доведя его до раскаленного состояния. Благодаря горячей рекомендации Льва Ник[олаевича] [1]) относительно тебя и предварительному настойчивому накаливанию со стороны секретаря Грюнберга, мне, в сущности, приходилось только ковать. Вчера я подписал предварительный договор с Марксом, по которому Маркс обязывается уплатить тебе за все тобою напечатанное по день подписания договора 75 т. в три срока по 8 месяцев (20 т. при заключении и т. д.). При подписании договора можно, я думаю, уговорить будет Маркса дать не 20 т., если тебе очень нужны деньги. Доход с пьес пожизненно принадлежит тебе. Покупая твои произведения, Маркс, разумеется, не мог не обогатить себя относительно будущих твоих работ. Я торговался, как жид

[1]) Толстого.

но выше не мог натянуть, как 250 руб. за печатный лист. И Грюнберг мне посоветовал не натягивать более тетиву. Вот главные пункты договора.

Если Маркс при составлении договора выставит какие-нибудь детали для обеспечения себя от обмана с нашей стороны, то мой совет, — в пустяках надо уступить ему. Вчера, получив твою телеграмму, я фразу о Суворине почел для себя обязательной в смысле свидания с ним. Если ты телеграфируешь ему, как другу, то мы сообща можем наиуспешнее и наилучше сохранить твои выгоды, и он своим опытом может оказать значительную услугу. Если же ты телеграфируешь ему, как издателю, которого предупредить считаешь своим долгом, то тем более я должен свидеться с ним. Может быть, он даст нам больше и зачем же тогда нам брать меньше? Но из очень продолжительной и интересной беседы с ним я вынес относительно нашего дела самое удручающее впечатление. Нам не дают ничего кроме жалких слов, которые могут только затемнить наше и без того перемежающееся умосостояние. Что такое 75 т.? 75 т. вздор. Чехов всегда стоит дороже. И зачем ему спешить? Денег он всегда может достать. Деньги— г.... собачье! и т. д. Когда же я, пользуясь раскаленностью железа, сказал: значит, вы дадите больше, чем Маркс? — послышалось шипение и только. — «Я не банкир. Все считают, что я богач. Это вздор. Главное же, понимаете, меня останавливает нравственная ответственность перед моими детьми и так далее. Как я могу навязывать им в будущем различные обязательства и так далее. А я дышу на ладан»... Словом, я вышел от него сбитым с толку и даже в тревоге, уж не сооружаю ли я леса будущих нареканий за то, что продешевил тебя... Во всяком случае, имей в виду, что подписанный мною договор юридической силы не имеет, и ты в праве его не утвердить. Но если бы считал выработанные условия для тебя подходящими, немедленно вышли на мое имя доверенность и инструкции, куда тебе перевести деньги и т. д. Звание мое: «славяносербский мещанин». Доверенность с обозначением полномочий вышли: Москва, Лубянка мебл. комн. «Бельвю». Но о факте высылки доверенности телеграфируй мне и Марксу. Ему: «приготовьте нотариальный договор, высылаю для подписи доверенность Сергеенко». Кстати, в наших купеческих грамотах моя фамилия «Сергеенко», а в моем паспорте «Сергиенко», а потому в доверенности надо писать: «Сергеенко (Сергиенко)». Относительно стеснений ты, пожалуйста, оставь всякие тревоги. Для меня истинное удовольствие оказать тебе услугу. А Лев Ник[олаевич] даже сказал, что завидует мне в этих хлопотах — и я вполне его понимаю. Он очень тепло и душевно к тебе относится. Мы целый вечер говорили о выработке условий, и он просил передать Марксу его настойчивый совет поскорее издать твои произведения, которые гораздо интереснее, чем искусствен-

ные вещи Тургенева и Гончарова. Он даже хотел писать неоднократно тебе и просил меня непременно передать тебе все это. Что же насчет расходов, сопряженных с поездками, то, даю тебе честное слово, я поставлю тебе в счет до копейки все расходы. Мне даже Маркс предложил погасить мои расходы. Но я рассчитываю впоследствии сорвать с него какой-нибудь куш для доброго дела. Ты так чуток и так глубоко умеешь заглядывать в человеческую душу, что поймешь вполне мое радостное чувство, в котором я буду находиться, оказав тебе посильную услугу, и оставишь в зародышевом виде всякие терзания, что ты причиняешь мне какие-то затруднения.

Душевно любящий тебя П. С.

Если у тебя есть какие обязательства с издателями, то в доверенности упомяни, что уполномочиваешь расторгать обязательства.

Телеграмма. Ялта. Антону Павловичу Чехову.

Из Петербурга. № 708811. 19/I. 1899 г.

Понял ли, что 250 лист за напечатанное уже? Если понял, сколько желаешь, отвечай решительно.

Сергеенко.

Телеграмма. Ялта. Антону Павловичу Чехову.

Из Петербурга. № 15218. 20/I. 1899 г.

Ух! Последняя выжимка — 75 000 за все напечатанное под фамилией и псевдонимами. Редакция издания принадлежит тебе, доход пьес собственность твоя и наследников. За будущие предварительно напечатанные 250 лист и через каждые пять лет двести рублей надбавки за лист. Для составления договора необходимы твои обязательства перед другими издателями. Пожалуйста, отвечай срочной, остальное сойдемся.

Сувчинский [1]).

Телеграмма. Ялта. Антону Павловичу Чехову.

Из Петербурга. № 243733. 21/I. 1899 г.

Роль моя исчерпана, тороплюсь, предварительный договор подписан. Доверенность на заключение договора делай имя Сергея Аркадьевича Андреевского — Знаменская, 35, — он согласился быть

[1]) Так в подлиннике.

твоим представителем на случай. Мой адрес: Москва, Лубянка, «Бельвю». Шлю горячий товарищеский привет.

Телеграмма. Ялта. Срочная. Антону Чехову. Из Петербурга. № 16284. [21/I] 1899 г.

Если послана, остаюсь.

Сергеенко.

Телеграмма. Ялта. Срочная. Антону Павловичу Чехову.

Из Петербурга. № 20474. 26/I. 1899 г.

Договор нотариально подписан, деньги после включения пункта неустойки, которой не уполномочен доверенностью. Телеграфируй немедленно Суворину, к другим издателям, остановить дальнейшее печатание твоих произведений ввиду неустойки. Копию договора высылаю, никаких отчетов от «Нового времени» не мог добиться.

Сергеенко.

Телеграмма. Ялта. Антон [у] Чехов [у] Ялта. ПБГ. № 31446. 58. 7. 10. 10. [26/I. 1899].

Finita ле комедия! Банки закрылись, переведу понедельник 19 500. Относительно пьес имелось в виду и вставлено в договор. Издание полное будет зависеть тебя, все книги издателей — твоя собственность. Впредь гонорар 400 лист, попробуй фотографироваться. Мелиховской школе дастся Епифанову окажете помощь [1]). Гнедич просит к марту рассказ Пушкинского сборника. Пиши непосредственно Адольфу. Выезжаю. Подробности письмом. Толстой, Гнедич, Баранцевич приветствуют.

Письмо П. А. Сергеенко А. П. Чехову.

Вторник. 26 января 1899 г. СПБ.

Каждый день собираюсь посвятить тебя в подробности таинственных переговоров на Малой Морской, все откладывая письмо до курьерского поезда, но всякий день к вечеру доведен бываю Марксом до такого одурения, что утрачиваю всякую способность мыслить и рассуждать. Надо тебе сказать, дорогой Чехонте, что ты видишь перед собою уже готовое, так сказать, г...., но не знаешь о тех потугах, при которых оно у иных земнородных появляется на свет божий. К числу самых трудных рожениц принадлежит и почтенный создатель капи-

[1]) Так в подлиннике.

тала. Относительно всякой мысли, затрагивающей его интересы, над ним необходимо учинить нечто вроде кесарева сечения. Ко всему этому присоединились еще и некоторые пикантные подробности, связанные с твоим делом, вроде того, что Маркса называют сумасшедшим, если он заключит с тобою договор на выработанных нами условиях. Сумасшедшим я...

Среда.

Москва, Лубянка, мебл. комн. «Бельвю». [18] 99. 1. 27.

Вчера письмо мое было прервано подписанием контракта, и я совсем был бы доволен, если бы не твой бестолковый нотариус, упустивший из виду пункт о неустойке. Впрочем, отчасти это даже и м. б. хорошо, потому что подписание договора для Маркса обязательно, ты же можешь расстроить сделку, если бы у тебя нашелся более выгодный покупатель, с потерей 800 р. за бумаги. Относительно 400 р., выпавших на твою долю, я считаю себя несколько виноватым; в водовороте переговоров, происходивших в течение 10 дней, каждый день с утра до вечера, мой ум завертелся, и я забыл о нотариальных расходах и не выторговал их у Маркса. Но впоследствии нельзя было ничего сделать, он не то, что не хотел слышать ни о какой уступке с его стороны, но, очевидно, под влиянием косвенных влияний, делал все, чтобы наша домашняя сделка расстроилась без неприличий для его потомственно-дворянского престижа. Да успокоится твое самолюбие по этому поводу! Твои произведения не есть товар, имеющий на рынке более или менее определенную ценность, и все зависит от свойств, средств и настроения покупателя. По поводу каждого пункта я хотя и спрашивал твоего мнения, но держал его только про запас, решение же принимал лишь после бесед с сведущими людьми. И выгодна ли для тебя подготовленная мною сделка или нет, откровенно говоря, я сказать не могу. И если бы ты предоставил на мое решение, подписывать ли тебе теперь неустоечную запись или нет, то я отказался бы дать тебе утвердительный ответ. Но что в данное время никто не согласился бы заключить с тобою прилагаемый при сем договор — это я наверно знаю, потому что, — ты извини меня — боясь продешевить тебя, я предварительно зондировал почву везде. А суворинцы так прямо говорят, что нужно быть сумасшедшим на месте Маркса, чтобы связывать себя таким договором. Относительно стиля договора и «многочисленных псевдонимов» ты, пожалуйста, не издевайся, потому что это напряженно-вдумчивый труд Маркса. Отстоявши вчера пункт, по которому Маркс обязывал тебя доставлять ему все тобою написанное, и добившись неупоминания вопроса об иностранных

изданиях, который можно толковать и так и сяк, я не мог не сделать ему уступок относительно формы и пустяков. Ограничение договора 20-летним периодом я старался провести в твоих интересах. При постепенно увеличивающемся гонораре цена 850 р. через 20 лет за твои произведения не может казаться слишком соблазнительной. Главное же, что Маркс, имея полное собрание твоих сочинений, д о л ж е н [1]) будет согласиться на всякие условия, чтобы не лишать ценности своего приобретения. Относительно сроков платежа я — если не ошибаюсь, — телеграфировал или писал тебе. Получить разом 75 т. можно только по наследству. Пунктуальный Маркс не хотел и слышать о 25 т. при заключении договора. Сказано было 20 т. Но, под давлением Грюнберга, он сделал уступку и обещал прислать тебе 5 т. немедленно по доставке тобою всего материала для полного собрания сочинений, которые предпол[агает] быть изящным, с критическими статьями о тебе, предисловиями и проч. и проч.. Кстати, немедленно снимись в «большом виде» с умным выражением лица и пришли Марксу для приготовления роскошного портрета. Мне думается, что Лев Ник[олаевич] не откажется написать предисловие к твоим произведениям, а для Маркса это почти вроде Синая. В сущности, если хорошенько философствовать, то можно удивляться, как мало серьезных людей на свете. Он, неуязвимый и безупречный Маркс, прочитавший в своей жизни только две твоих вещи и получивший от меня 7 жидких томиков, вываливает этакую сумму денег, да еще хочет, чтоб жена не изменяла ему! Но оставим на время философию. Благодаря глупости твоего нотариуса, я не мог передоверить получение денег никому, и для этого придется еще раз съездить во 2-м классе на твой счет в Петербург и распорядиться по твоему усмотрению с деньгами. Затруднений особенных для меня это не представляет, потому что безотлагательные личные дела, призывавшие меня в Москву, мною сегодня благополучно покончены, и я через несколько дней могу безнаказанно подарить тебе два дня. Но только сделать надо это следующим образом. Засвидетельствуй у нотариуса содержание 8 §, т.-е. «Я, Чехов, к такому-то договору присоединяю обязательство не быть перед Марксом жуликом, и прохвостом» и т. д. Как бы глуп не был ялтинский нотариус, он нужную формулу должен составить правильно. Бумаги подобного рода отныне и до века высылай заказным образом: Лубянка, мебл. комн. «Бельвю» и немедленно пошли, на всякий случай, две телеграммы: одну в Луховицы, другую в Москву: «Обязательство послано». В письме с обязательством изложи подробнее инструкции относительно денег. Уплачивать Суворину долг я не посоветовал бы,

[1]) Разрядка в подлиннике.

во 1-х, потому что у них еще есть твои книги, во 2-х, они — свиньи и отчетов ты от них не добьешься до третьего пришествия, будучи их кредитором. Пускай лучше они будут заинтересованы в скорейшем подведении счетов. Несмотря на то, что суворинцам известно уже около недели, что принципиально вопрос о продаже Марксу покончен, они выпускают твои новые рассказы и печатают о том, что у них еще печатаются твои произведения. Содержание телеграммы Суворина мне известно, но это мало привлечет к нему симпатий со стороны потомства. Предвидя, что «братту» твоему будет больно твое полное игнорирование, я был у него, просил совета, и, грешный человек, немножко соврал, что это твое желание. С ранами, брат, необходима иногда осторожность. Насчет моих расходов можешь успокоиться: вчера Маркс спросил у меня, сколько у меня вышло расходов за это время; я сказал около 100 рублей, будучи в двух шагах от истины, потому что у меня вышло 86 рублей (несколько раз ел блины с зернистой икрой). Он приказал выдать мне 100 рублей, таким образом я еще заработал на тебе 14 р., и 7 р. ты можешь считать за мною, действуя по товарищески. В заключение вчера была умилительная картина и лобзания, и, упрекая меня за «выжимки», Маркс заявил, что считает себя «в долгу». Я (в сторону) — «Сорву я с тебя со временем аванс!» (Вслух и с благородством). «В таком случае, вы не откажетесь пожертвовать на доброе дело по моему указанию?» Заминка. Согласие. Лобзание. Поэтому, если у тебя есть какие-нибудь безотлагательные нужды на примете, напиши. Кое-что можно сорвать при подписании, потом будет поздно, по предсказаниям Мартына Задеки.

P. S. Если сделка устраивает тебя, то ты доставил мне высокое нравственное наслаждение, и я буду считать этот случай лучшей страницей в моих сочинениях. Но все-таки больше всего сделка обязана Юл. Ос. Грюнбергу и его горячему отношению к тебе. Я попробовал заезжать насчет благодарности, но он осадил меня и хорошо бы сделал, если бы заехал, что называется, в морду. Но думаю, что твои произведения с какой-нибудь теплой надписью доставят ему полное удовлетворение за его усилия, которые и не снились многим мудрецам.

Твой П. Сергеенко.

P. p. S. Относительно судьбы твоего капитала надо подумать и поговорить серьезно. Порядочному человеку неприлично получать $4^1/_2$ %. Пускаться же тебе в приключения еще неудобнее. Да и трудно, мне кажется, тебе будет сохранить капитал и невинность. Как ты откажешь какому-нибудь товарищу милому, хорошему quelque chose «всего на несколько дней»? Лучше бы всего, если позволит здоровье, приобрести доходный уголок. Но об этом потом.

П. С.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Копия.

С.-Петербург. Тысяча восемьсот девяносто девятого года января двадцать шестого дня. Мы, нижеподписавшиеся: потомственный дворянин Адольф Федорович Маркс и поверенный врача Антона Павловича Чехова славяносербский мещанин Петр Алексеевич Сергеенко, заключили настоящий договор в нижеследующем:

1. Антон Павлович Чехов продает Адольфу Федоровичу Марксу в полную литературную собственность все свои сочинения, как уже напечатанные под его, Чехова, фамилиею или под его многочисленными псевдонимами до сего двадцать шестого января тысяча восемьсот девяносто девятого года, так равно и на те, которые будут обнародованы в течение первых двадцати лет после подписания сего договора, безразлично, — имеются ли они уже теперь в рукописи или еще будут им написаны впоследствии, причем по отношению к этим будущим своим произведениям Антон Павлович Чехов сохраняет только право обнародования их однократным напечатанием в повременных изданиях или в литературных сборниках с благотворительною целью, после чего они по особым договорам должны быть передаваемы им в полную литературную собственность Адольфа Федоровича Маркса.

2. За право литературной собственности на все сочинения Антона Павловича Чехова, напечатанные до сего двадцать шестого января тысяча восемьсот девяносто девятого года, Адольф Федорович Маркс уплачивает Антону Павловичу Чехову семьдесят пять тысяч рублей, в следующие сроки: при передаче ему неустоечной записи Чехова, о которой говорится в пункте восьмом сего договора, двадцать тысяч рублей, в декабре сего тысяча восемьсот девяносто девятого года десять тысяч рублей, в январе будущего тысяча девятисотого года двадцать тысяч рублей, в декабре того же тысяча девятисотого года десять тысяч рублей и в январе следующего тысяча девятьсот первого года остальные пятнадцать тысяч рублей.

3. За право литературной собственности на будущие же сочинения Антона Павловича Чехова, то-есть, на те, которые будуто бнародованы в течение первых двадцати лет после подписания сего договора, Адольф Федорович Маркс при самой передаче ему в собственность этих сочинений уплачивает Антону Павловичу Чехову следующие суммы: за произведения, обнародованные: а) в течение первых пяти лет со дня подписания сего договора, то-есть с 26 сего января 1899 г. по 26 января 1904 г., по двести пятидесяти рублей за печатный лист в тридцать пять тысяч букв; б) с 26 января 1904 г. по 26 января 1909 г. по четыреста пятидесяти рублей; в) с 26 января 1909 г. по 26 января 1914 г. по шестисот пятидесяти рублей и, наконец, г) с 26 января 1914 г. по 26 января 1919 г. по восьмисот пятидесяти рублей за печатный лист.

4. Чехов предоставляет однако Марксу право отказаться от приобретения в собственность какого-нибудь из новых его, Чехова, произведений, если оно по своим литературным качествам будет найдено неудобным для включения в полное собрание его сочинений.

5. При продаже своих сочинений, могущих появиться в свет после двадцать шестого января тысяча девятьсот девятнадцатого года, Чехов, при одинаковости прочих условий, обязан предоставлять Марксу преимущественное право на приобретение их.

6. Антон Павлович Чехов сим удостоверяет, что он никому, а в том числе и прежним издателям своих сочинений, права на дальнейшее издание этих сочинений никогда не предоставлял.

7. Так как Антон Павлович Чехов печатал свои произведения в разных повременных изданиях под многочисленными псевдонимами, ближе всего известными ему лично, как автору, то для доставления Адольфу Федоровичу Марксу фактической возможности воспользоваться приобретаемым им правом, Чехов обязуется в самом непродолжительном времени и не далее как в течение шести месяцев со дня подписания сего договора собрать все без исключения произведения свои, напечатанные в разных изданиях, и доставить Марксу полный их текст, с обозначением, по возможности, где, когда и с какою подписью каждое из произведений было напечатано. Кроме того, Чехов, в течение того же срока, обязан проредактировать все свои сочинения, составив из них «полное собрание» в известном по соглашению с Марксом количестве томов и доставить Марксу весь материал в совершенно готовом виде не позднее двадцать шестого июля сего тысяча восемьсот девяносто девятого года.

8. Договор сей вступает в окончательную силу только по доставлении Марксу неустоечной записи Чехова, по которой он обязуется уплатить Марксу неустойку в размере пяти тысяч рублей за каждый печатный лист своих произведений за последующие от сего числа двадцать лет, которые будут напечатаны, в том случае, если произведений этих в собственность Марксу он не передаст, а воспользуется ими иным, чем указано в первом пункте сего договора, способом; а равно обязуется уплатить ему ту же неустойку за произведения свои уже напечатанные, если окажется, что из сих произведений, вопреки удостоверения, изложенного в пункте шестом сего договора, какие-либо уступлены кому-либо для дальнейшего издания. По представлении такой неустоечной записи договор сей вступает в свою силу, и, вместе с тем, Маркс уплачивает Чехову первые двадцать тысяч рублей (пункт второй). Если такой записи в течение месячного от сего числа срока представлено Марксу не будет, то настоящий договор уничтожается.

9. Договор сей хранить свято и ненарушимо как Чехову и Марксу, так и их наследникам и правопреемникам. Подлинный иметь Марксу, а копию Чехову.

10. Расходы по совершению сего нотариального договора Маркс и Чехов несут в равной доле.

По доверенности врача Антона Павловича Чехова, славяносербский мещанин Петр Алексеевич Сергеенко (он же Сергиенко).

Потомственый дворянин Адольф Федорович Маркс.

Тысяча восемьсот девяносто девятого года января двадцать шестого договор этот явлен у меня, Тимофея Дмитриевича Андреева, с.-петербургского нотариуса, в конторе моей, Казанской части, по Невскому проспекту, № 28, славяносербским мещанином Петром Алексеевичем Сергеенко (он же Сергиенко) по доверенности врача Антона Павловича Чехова, явленной у ялтинского нотариуса Фролова-Багреева 20 сего января за № 141, в подлиннике мне предъявленной и потомственным дворянином Адольфом Федоровичем Маркс, живущими: первый, Московской части, по Разъезжей улице, № 20, а последний, Адмиралтейской части, по Конногвардейскому бульвару, № 3, лично мне известными и имеющими законную правоспособность к совершению актов. Сбора в доход города взыскано четыреста рублей. По реестру № 1019. С.-П.

Нотариус Т. Андреев.

Я, нижеподписавшийся, удостоверяю верность этой копии с подлинником ее, представленным мне, Тимофею Дмитриевичу Андрееву, с.-петербургскому нотариусу, в конторе моей, Казанской части, по Невскому проспекту, № 28, вышеименованными гг. Сергиенко и Маркс. При сличении мною этой копии с подлинником, в последнем подчисток, зачеркнутых слов и никаких особенностей не было. 1899 г., января 26 дня. По реестру № 1021.

Нотариус Т. Андреев.

С.-Петербург. 1899 г. января 26. С сего документа в конторе с.-петербургского нотариуса Андреева выдана копия за № 1021 гг. Сергеенко и Маркс. Тысяча восемьсот девяносто девятого года февраля шестого дня. Мы, нижеподписавшиеся, делаем добавление к первому пункту договора, что право поспектакльной платы за драматические произведения Чехова принадлежит исключительно ему, Чехову, а после смерти Чехова его наследникам.

Потомственный дворянин Адольф Федорович Маркс.

По доверенности врача Антона Павловича Чехова славяносербский мещанин Петр Алексеевич Сергеенко (Сергиенко тоже).

Я, нижеподписавшийся, удостоверяю, что предстоящие подписи сделаны в присутствии моем, Тимофея Дмитриевича Андреева, с.-петербургского нотариуса, в конторе моей, Казанской части, по Невскому проспекту, в д. № 28, потомственным дворянином Адольфом Федоровичем Маркс и славяносербским мещанином Петром Алексеевичем Сергеенко (он же Сергиенко), последним, действующим по доверенности врача Антона Павловича Чехова, явленной у ялтинского нотариуса Фролова-Багреева 20 января 1899 г. за № 141, в подлиннике мне предъявленной, живущими: первый, Адмиралтейской части, по Конногвардейскому бульвару, № 3, а последний, Московской части , по Разъезжей улице, № 20, лично мне известными. — 1899 г. февраля 6 дня. По реестру № 1369.

Нотариус Т. Андреев.

1899 г. февраля 6 дня по сему договору получил первый платеж в сумме двадцати тысяч руб. сер. (20 000 руб.) по доверенности врача Антона Павловича Чехова славяносербский мещанин Петр Алексеевич Сергеенко.

Я, нижеподписавшийся, удостоверяю, что предстоящая подпись сделана в присутствии моем, Тимофея Дмитриевича Андреева, с.-петербургского нотариуса, в конторе моей, Казанской части, по Невскому пр., в д. № 28, славяносербским мещанином Петром Алексеевичем Сергеенко (он же Сергиенко), действующим на основании вышеприписанной доверенности г. Чехова за № 141, живущим Московской части, по Разъезжей ул., № 20, лично мне известным. 1899 г. февраля 6 дня. По реестру № 1375.

Нотариус Т. Андреев.

1904 г. мая 26 с пункта первого сего договора в конторе СПБургского нотариуса Гревс выдана выписка за № 3106 г. Розинер.

И. д. нотариуса [фамилия неразборчива].

Копии отдельных расписок.

I. В счет десяти тысяч рублей, причитающихся мне к получению от А. Ф. Маркса в сем декабре месяце 1899 г., согласно пункту второму заключенного ме-

жду нами нотариального договора от 26 января 1899 г. о продаже мною А. Ф. Марксу авторских прав на мои сочинения, А. Ф. Маркс уплатил мне 17 августа сего года авансом две тысячи (2 000) рублей, а остальные восемь тысяч (8 000) рублей получены мною от А. Ф. Маркса сего числа по переводу с.-петербургской конторы Государственного банка за № 20869-м на ялтинское казначейство. Г. Ялта. 1899 г. декабря 20 дня.

Антон Чехов.

II. Причитавшиеся мне к получению в январе месяце сего 1900 г. двадцать тысяч (20 000) рублей, в счет условленной платы по второму пункту заключенного между мною и А. Ф. Марксом нотариального договора от 26 января 1899 г. о продаже мною А. Ф. Марксу авторского права на мои сочинения, я, нижеподписавшийся, Антон Павлович Чехов, получил от А. Ф. Маркса полностью по телеграфному переводу с.-петербургской конторы Государственного банка от 19 января 1900 г. за № 629-м на ялтинское казначейство. Г. Ялта. 1900 г. января 22 дня.

Антон Чехов.

III. Причитавшиеся мне к получению в декабре месяце сего 1900 г. десять тысяч (10 000) рублей, в счет условленной платы по второму пункту заключенного между мною и А. Ф. Марксом нотариального договора от 26 января 1899 г. о продаже мною А. Ф. Марксу авторского права на мои сочинения, я, нижеподписавшийся, Антон Павлович Чехов, получил от А. Ф. Маркса полностью по переводу от сего декабря, за № 126400, банкирской конторы И. В. Юнкер, в С.-Петербурге, на ее отделение в Москве. Г. Москва. 1900 г. декабря 10 дня.

Антон Чехов.

IV. Причитавшиеся брату моему Антону Павловичу Чехову к получению в январе месяце сего 1901 г. от издателя журнала «Нива» Адольфа Федоровича Маркса пятнадцать тысяч (15 000) рублей в счет условленной платы по второму пункту нотариального договора от 26 января 1899 г. о продаже А. Ф. Марксу права литературной собственности на сочинения А. П. Чехова, я, Мария Чехова, за отсутствием брата моего из России, по доверию, выраженному им в письме на имя А. Ф. Маркса от 16 декабря 1900 г., получила от А. Ф. Маркса сполна через посредство конторы Н. Н. Печковской в Москве сего 17 января 1901 г., в удостоверение чего и выдаю настоящую расписку. Г. Москва.

По доверенности брата моего, врача Антона Павловича Чехова, Мария Павловна Чехова.

Я, нижеподписавшийся, удостоверяю, что предстоящая подпись на этом сделана собственноручно, в присутствии моем, Владимира Алексеевича Тимашева-Беринг, московского нотариуса, в конторе моей, Тверской части, 2-го уч., по Воскресенской площади, в д. Корзинкиных, лично мне известною домашнею учительницею Мариею Павловною Чеховой, живущею Арбатской части, 2-го уч., в доме Шешкова. Января 17 дня 1901 г. По реестру № 141.

Московский нотариус Тимашев-Беринг.

С подлинным верно, 16 мая 1905 г. Управляющий конторою журнала «Нива». [Подпись].

Копия.

Тысяча девятьсот первого года марта двенадцатого дня. Согласно первому и третьему пунктам договора между мною, врачом Антоном Павловичем Чеховым, и потомственным дворянином Адольфом Федоровичем Марксом от 26 января 1899 г., явленного у с.-петербургского нотариуса Т. Д. Андреева того же 26 января 1899 г., по реестру № 1019, я, нижеподписавшийся, Антон Павлович Чехов, сим передаю Адольфу Федоровичу Марксу в полную и вечную литературную собственность, написанную мною и обнародованную в февральской книжке «Русской мысли» за текущий 1901 г., новую пьесу под заглавием «Три сестры», объемом в три с четвертью ($3^3/_4$) печатных листа, считая в листе 35 000 букв. Причитающуюся мне плату за три с четвертью печатных листа по двести пятьдесят (250) руб. с листа, всего в количестве восьмисот двенадцати руб. (812) 50 коп., я, А. П. Чехов, получил от А. Ф. Маркса сполна при подписании сего акта.

Антон Павлович Чехов.

Я, нижеподписавшийся, удостоверяю, что предстоящая подпись сделана собственноручно в присутствии моем, Ивана Харитоновича Волкова, ялтинского нотариуса, в конторе моей в доме Решеткина, по Набережной, в Ялте, врачом Антоном Павловичем Чеховым, жительствующим в своем доме, в Аутке, ялтинского уезда, лично мне известным. В двенадцатый день марта тысяча девятьсот первого года. По реестру № 604.

Нотариус Ив. Волков.

С подлинным верно. 16 мая 1905 г.
Управляющий конторою журнала «Нива». [Подпись].

Копия.

Тысяча девятьсот первого года декабря 7 дня. Согласно первому и третьему пунктам договора между мною, врачом Антоном Павловичем Чеховым, и потомственным дворянином Адольфом Федоровичем Марксом, от 26 января 1899 г., явленного у с.-петербургского нотариуса Т. Д. Андреева того же 26 января 1899 г., по реестру № 1019, я, нижеподписавшийся, Антон Павлович Чехов, сим передаю Адольфу Федоровичу Марксу в полную и вечную литературную собственность следующие, обнародованные в повременных изданиях, три новых произведения мои, а именно: 1) «В овраге», — напечатано в журнале «Жизнь», кн. I за 1900 г., размером в два и две сотых ($^2/_{100}$) печатного листа. 2) «Дама с собачкой», рассказ, напечатан в журнале «Русская мысль», кн. XII за 1899 г., размером в девяносто пять сотых ($^{95}/_{100}$) печатного листа, и 3) «На святках», рассказ, напечатан в «Петербургской газете», № 1 за 1900 г., размером в двадцать три сотых ($^{23}/_{100}$) печатного листа, считая в листе по 35 000 букв. Причитающуюся мне по сему акту плату за три и одну пятую ($3^1/_5$) печатного листа, по двести пятьдесят (250) руб. с листа в 35 000 букв, всего в количестве восьмисот (800) рублей, я, А. П. Чехов, получил от А. Ф. Маркса полностью при подписании сего акта.

Антон Павлович Чехов.

С подлинным верно. 16 мая 1905 г.
Управляющий конторою журнала «Нива». [Подпись].

Копия.

С.-Петербург. Тысяча девятьсот второго года апреля двадцать пятого дня. Согласно первому и третьему пунктам договора между мною, врачом Антоном Павловичем Чеховым, и потомственным дворянином Адольфом Федоровичем Марксом, от 26 января 1899 г., явленного у с.-петербургского нотариуса Т. Д. Андреева того же 26 января 1899 г., по реестру № 1019, я, нижеподписавшийся, Антон Павлович Чехов, сим передаю Адольфу Федоровичу Марксу в полную и вечную литературную собственность обнародованный в апрельской книжке «Журнала для всех» за текущий 1902 г. новый рассказ мой под названием «Архиерей», объемом в четыре пятых (4/5) печатного листа, считая в листе 35 000 букв. Причитающуюся мне плату за четыре пятых листа, по расчету 250 рублей с листа, в количестве двухсот (200) рублей я, А. П. Чехов, получил от А. Ф. Маркса сполна при подписании сего акта. Г. Ялта. 1902 г. апреля месяца 29 дня.

Антон Чехов.

С подлинным верно. 16 мая 1905 г.
Управляющий конторою журнала «Нива». [Подпись].

Копия.

С.-Петербург. Тысяча девятьсот второго года октября двадцать четвертого дня. Согласно первому и третьему пунктам договора между мною, врачом Антоном Павловичем Чеховым, и потомственным дворянином Адольфом Федоровичем Марксом, от 26 января 1899 г., явленного у с.-петербургского нотариуса Т. Д. Андреева того же 26 января 1899 г., по реестру № 1019, я, нижеподписавшийся, Антон Павлович Чехов, сим передаю Адольфу Федоровичу Марксу в полную и вечную литературную собственность мое новое произведение: «О вреде табака. Сцена-монолог в одном действии», объемом в двадцать две сотых (22/100) печатного листа, считая в листе 35 000 букв. Означенное произведение, по взаимному между нами соглашению, не было предварительно обнародовано в повременных изданиях. — Причитающуюся мне плату за двадцать две сотых листа по расчету 250 рублей с листа, в количестве пятидесяти пяти (55) рублей, я, А. П. Чехов, получил от А. Ф. Маркса сполна при подписании сего акта. Г. Москва. 1902 г. октября месяца 28 дня. Водевиль «О вреде табака», изданный в восьмидесятых годах «Театральною библиотекой» Разсохина в Москве, не имеет с означенной сценой-монологом ничего общего, кроме заглавия и названия действующего лица, и изданию не подлежит.

Антон Павлович Чехов.

С подлинным верно. 16 мая 1905 г. Управляющий конторою журнала «Нива». [Подпись].

Копия.

Тысяча девятьсот четвертого года февраля одиннадцатого дня. Согласно первому и третьему пунктам договора между мною, врачом Антоном Павловичем Чеховым, и потомственным дворянином Адольфом Федоровичем Марксом, от 26 января 1899 г., явленного у с.-петербургского нотариуса Т. Д. Андреева того же 26 января 1899 г., по реестру № 1019, я, нижеподписавшийся, Антон Павлович Чехов, сим передаю Адольфу Федоровичу Марксу в полную и вечную литературную собственность обнародованный в декабрьской книжке «Журнала для всех» за прошлый 1903 г. новый рассказ мой под названием «Невеста», объемом в один печатный лист в 35 000 букв, причем, хотя по пункту 3, литера а) вышеозначен-

ного договора от 26 января 1899 г. мне причитается с листа лишь двести пятьдесят рублей, А. Ф. Маркс однако пожелал оплатить выше поименованный рассказ мой «Невеста», объемом в один лист, одною тысячею (1 000) рублей, каковую сумму я, Антон Павлович Чехов, получил от А. Ф. Маркса сполна при подписании сего акта. Город Ялта, 1904 г. февраля 19 дня.

Антон Павлович Чехов.

С подлинным верно, 16 мая 1905 г.
Управляющий конторою журнала «Нива». [Подпись].

Копия.

Тысяча девятьсот четвертого года марта двенадцатого дня. Согласно первому и третьему пунктам договора между мною, врачом Антоном Павловичем Чеховым, и потомственным дворянином Адольфом Федоровичем Марксом от 26 января 1899 г., явленного у с.-петербургского нотариуса Т. Д. Андреева того же 26 января 1899 г., по реестру № 1019, я, нижеподписавшийся, Антон Павлович Чехов, сим передаю Адольфу Федоровичу Марксу в полную и вечную литературную собственность мою новую пьесу в четырех действиях под названием «Вишневый сад», объемом в два с половиной ($2^1/_2$) печатных листа в 35 000 букв, причем, хотя по пункту 3 литера б) вышеозначенного договора от 26 января 1899 г. мне причитается лишь по четыреста пятьдесят рублей с листа, А. Ф. Маркс однако пожелал оплатить вышепоименованную пьесу мою по тысяче рублей с листа. Причитающуюся мне, по этому расчету, за пьесу «Вишневый сад», объемом в два с половиною листа, плату в сумме двух тысяч пятисот (2 500) рублей, я, А. П. Чехов, получил от А. Ф. Маркса сполна при подписании сего договора. Г. Ялта, 1904 г. марта 17 дня.

Антон Павлович Чехов.

С подлинным верно. 16 мая 1905 г.
Управляющий конторою журнала «Нива». [Подпись].

Из записной книжки архивиста.

Приказ № 2.

Приказ № 1, передававший охрану завоеваний революции в руки широких солдатских масс, вызвал естественное негодование в буржуазно-помещичьих и офицерских кругах, которые, в лучшем случае, готовы были пойти на замену наиболее бездарной части верхушки командного состава более молодыми силами, способными организовать победу на фронте. Приказ № 1 превращал солдата из пушечного мяса, которое н у ж н о было буржуазии, в сознательного гражданина, который был ей о п а с е н. Этим и объясняется та бешеная кампания, которая разгорелась вокруг этого приказа.

На приказ свалили вину за «разложение», которое началось на фронте, якобы, в результате его издания. Как и во многих других случаях, и здесь «революционная демократия» в лице меньшевистско-эсеровского Исполкома Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов испугалась собственной тени и забила отбой. Она отреклась от приказа и поспешила выпустить своего рода «сенатское разъяснение» к приказу № 1 в виде приказа № 2.

Однако достаточно ознакомиться с фактической стороной дела, чтобы стало совершенно очевидным, что и в этом случае наша «революционная демократия» стала игрушкой в руках контрреволюционных сил.

Приказ № 1 был составлен во второй половине дня 1 марта и, следовательно, не мог быть выпущен раньше 2 марта. При существовавших тогда условиях связи с фронтом он вряд ли мог в короткий срок получить на фронте широкое распространение — для этого требовалось время, и время довольно значительное. Чтобы понять, что это именно так и было, достаточно вспомнить, как узнал фронт о событиях в Петрограде 28 февраля — 1 марта. Вот что рассказывает по этому поводу Деникин [1]).

«Утром 3 м а р т а [разрядка наша. — *Ф. Д.*] мне подали телеграмму «для личного сведения» о том, что в Петрограде вспыхнуло восстание, что власть перешла к Госуд. Думе и что ожидается опубликование важных государственных актов. Через несколько часов телеграф передал и манифесты императора Николая II и великого князя Михаила Александровича. Сначала было приказано распространить их, потом, к немалому моему смущению (телефоны разнесли уже весть), задержать, потом, наконец, снова — распространить». Так обстояло дело с опубликованием акта об отречении Николая уже в то время, когда Временное Правительство было сформировано и Совет Рабочих и Солдатских Депутатов развивал лихорадочную деятельность по введению нового строя. Так обстояло дело с опубликованием акта, изданного при участии командующих всеми фронтами и Гучкова — военного министра Временного Правительства. Насколько медленно проникали в армию сведения о событиях

---

[1]) «Очерки русской смуты», т. I, вып. I, стр. 60.

в Петрограде, видно хотя бы из того, что еще 5 марта протоиерей при штабе 2-й армии Рубин осмелился разослать благочинным всех дивизий следующее телеграфное распоряжение: «...Поминайте [в] ектениях на великом выходе государыню Марию Федоровну и верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, в молитве: «Спаси, господи, люди твоя...». Наконец, и по признанию Милюкова, «первый месяц или полтора после революции армия оставалась здоровой. Не пропуская явных агитаторов, командный состав добросовестно старался пойти навстречу требованиям нового строя...» [1]). При этих условиях невозможно, конечно, допустить, чтобы приказ № 1, против которого составился единый враждебный фронт, начиная с военного министра, всего Временного Правительства и кончая всем командным составом армии, мог получить в короткий срок широкую известность на фронте. И если солдатские массы на фронтах действовали в духе приказа № 1, то это объясняется не непосредственным воздействием этого приказа на их умы, а исключительно тем, что «...идеи, проведенные в нем, зрели и культивировались много лет...» [2]). Это является лишним доказательством того, что приказ № 1 являлся действительно творчеством солдатских масс. Это подтверждается и следующим сообщением Деникина: «...в самом начале революции, к о г д а е щ е н и к а к и е с о в е т с к и е п р и к а з ы н е п р о н и к л и [разрядка наша. — *Ф. Д.*] на Румынский фронт, командующий VI армией генерал Цуриков, по требованию местных демагогов, ввел у себя комитеты и даже пространной телеграммой, заключавшей доказательства пользы нововведения, сообщил об этом и нам...»

[1]) Милюков, «История второй русской революции», т. I, вып. I, стр. 80.

[2]) Деникин, цит. соч., стр. 68.

Таким образом, даже Деникин косвенно признает, что приказ № 1 лишь формулировал те настроения, которые и без того существовали на фронте. Но элементы, которым революция была страшна, которые мечтали о реставрации, прекрасно понимали, что старого строя им не вернуть, пока в армии существуют подобные настроения. Им нужно было раздавить революцию, но сделать это они могли только руками самой же революции. Поэтому они начинают давить на Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, на него взваливают ответственность за последствия «разложения» армии, которое, якобы, явилось в результате издания приказа № 1, на самом же деле было прямым последствием системы действий старого режима (как впоследствии возложили на большевиков ответственность за хозяйственную разруху), от него требуют принятия энергичных мер для восстановления дисциплины на фронте, будто бы разрушенной приказом № 1. Уже 6 м а р т а на заседание Исполнительного Комитета Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов является делегация от ген. Рузского, которой «дано предписание явиться в Петроград и сообщить о крайне вредном влиянии приказа № 1...» [1]). Выше мы приводили уже доказательства того, что к моменту выезда делегации с фронта 4—5 марта приказ № 1 не мог получить там широкого распространения. Значит, Рузский явно лгал. Но он знал, с кем имеет дело. И трусливая «революционная демократия» попадается на эту удочку и выносит постановление: «...задержать приказ № 2 и послать телеграммы по фронту, разъясняющие, что приказы №№ 1 и 2 относятся к Петроградскому гарнизону...» [2]).

Таким образом, под давлением революционных сил, Исполком принимает

[1]) «Пролетарская революция» № 1 (13), 1923 г., стр. 318—319.

[2]) Там же.

1 марта приказ № 1, 4 же марта он, испугавшись собственных революционных шагов, выносит постановление — «приказ этот разъяснить в целях уничтожения возникших на этой почве недоразумений» и 5 марта издает приказ № 2, 6 марта в начале заседания постановляет издать по всем гарнизонам приказ № 2, разъясняющий смысл приказа № 1 и подтверждающий основные положения приказа № 1, а в конце того же заседания, под давлением военщины, отменяет это свое постановление.

Таким образом, и в этом частном вопросе, как в зеркале, отразилась вся трусливая, колеблющаяся сущность мелкобуржуазной «демократии».

В результате перипетий, которым подвергся приказ № 2, последний получил, повидимому, небольшое распространение, и возникли даже сомнения в том, существовал ли он вообще. В настоящее время в Моск. Центр. Архив Октябрьской Революции поступил предназначавшийся для печати подлинник этого приказа. Поскольку опубликованный в «Хронике Февральской революции» Д. О. Заславского и В. А. Канторовича [1]) текст, хотя и незначительно, но все же отличается от подлинного, мы считаем нужным привести его в том виде, в каком он был принят Исполкомом Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов

Ф. Драбкина.

ПРИКАЗ № 2 [2]).

5 марта 1917 года.

По войскам [3]) Петроградского округа всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для точного исполнения; рабочим Петрограда для сведения.

В разъяснение и дополнение приказа № 1 Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов постановил [1]):

1) [2]) Приказ № 1 Совета Рабочих Депутатов предложил всем ротам, батальонам и другим воинским частям избрать соответственные [3]) для каждой части комитеты (ротные, батальонные и т. п.), но «приказ» этим не установил, чтобы эти комитеты избирали офицеров для каждой части. Комитеты эти должны быть избраны для того, чтобы солдаты Петроградского гарнизона были организованы и могли через представителей комитетов участвовать в общеполитической жизни страны и, в частности, заявлять Совету Рабочих и Солдатских [4]) Депутатов о своих взглядах на необходимость принятия тех или иных мероприятий. Комитеты должны также ведать общественные нужды каждой роты или другой части.

Вопрос же о том, в каких пределах интересы военной организации могут [5]) быть совмещены [6]) с правом солдат выбирать себе начальников, передан

---

[1]) См. т. I, 1924 г., стр. 295—296.

[2]) На подлиннике штамп: «Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов». Подлинник хранится в Моск. Центр. Архиве Октябрьской Революции (фонд № 3348, инв. № 3727).

[3]) Слово: «войскам» написано карандашом над зачеркнутым «гарнизону», написанным чернилами.

[1]) Текст: «Приказ № 2... постановил» написан Н. Д. Соколовым чернилами.

[2]) Знак — «1» поставлен на полях Н. Д. Соколовым чернилами; далее текст «Приказ № 1 Совета... специальной комиссии» напечатан на машинке.

[3]) Первоначально: «соответственных»; слово: «для»—приписано над строкой карандашом Н. Д. Соколовым.

[4]) Слова: «и солдатских» написаны над строкой карандашом Н. Д. Соколовым.

[5]) Слова: «интересы военной организации могут» написаны Н. Д. Соколовым чернилами над зачеркнутым: «воинская дисциплина, крайне необходимая в настоящее время, может».

[6]) Первоначально: «совмещена».

на рассмотрение и разработку специальной комиссии [1]).

Все произведенные до настоящего времени выборы офицеров [2]) утвержденные [3]) и поступившие на утверждение [4]) военного начальства, должны остаться в силе [5]).

До того времени, когда вопрос о выборных начальниках будет разрешен вполне точно [6]), Совет признает за комитетами отдельных частей [7]) право возражений [8]) против назначения того или другого офицера. Возражения эти должны быть направляемы в Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов, откуда они будут представляться в Военную Комиссию, где наряду с другими общественными организациями участвуют [9]) и представители Совета Рабочих [1]) и Солдатских Депутатов [2]).

3) [3]) В приказе № 1 установлено значение Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, как учреждения [4]), руководящего [5]) всеми политическими выступлениями [6]) петроградских солдат. Этому своему выборному [7]) органу солдаты обязаны подчиняться в своей общественной и политической жизни.

Что же касается до [8]) военных властей [9]), то солдаты обязаны подчиняться всем их распоряжениям, относящимся до военной службы [10]).

4) Для того, чтобы устранить опасность вооруженной [11]) контрреволю-

---

[1]) Слова: «передан... комиссии» зачеркнуты, но затем подчеркнуты чернилами в знак восстановления текста. Текст: «Все произведенные ... должны остаться в силе» написан Н. Д. Соколовым чернилами.

[2]) Далее зачеркнуто: «должны».

[3]) Далее зачеркнуто: «уже».

[4]) Слова: «и поступившие на утверждение» написаны над строкой карандашом, далее исправлены окончания «военным» и «начальства».

[5]) Слова: «До того времени, когда» написаны Н. Д. Соколовым чернилами; первоначально зачеркнуто: «Теперь», «В настоящее время, д. до»; далее текст: «вопрос о выборных. . . . . и представители Совета Рабочих» напечатан на машинке.

[6]) Далее вместо первоначально стоявшего в машинописном тексте: «солдатами» зачеркнуты карандашом слова: «ротными, батальонными и полковыми», написанные карандашом над строкой.

[7]) Слова: «комитетами отдельных частей» приписаны над строкой карандашом.

[8]) Подчеркнутое в подлиннике карандашом набрано здесь разрядкой.

[9]) Слова: «наряду с другими общественными организациями участвуют» написаны Н. Д. Соколовым чернилами над зачеркнутым: «участвуют и представители военного ведомства».

[1]) Далее зачеркнуто: «Депутатов».

[2]) Слова: «и Солдатских Депутатов» приписаны чернилами Н. Д. Соколовым.

[3]) Весь дальнейший текст документа от слов: «В приказе № 1» до: «в исполнение Временным Правительством» написан Н. Д. Соколовым чернилами.

[4]) Слово: «учреждения» написано Н. Д. Соколовым чернилами над зачеркнутым: «выборного органа».

[5]) Далее зачеркнуто: «всей политической».

[6]) Далее зачеркнуто: «рабоч.».

[7]) Слово: «выборному» написано Н. Д. Соколовым над строкой чернилами.

[8]) Далее зачеркнуто чернилами и карандашом: «чисто военной службы, то все приказания и распоряжения военных властей распоряжений».

[9]) Далее зачеркнуто: «ко».

[10]) Далее в подлиннике написано рукой Н. Д. Соколова и зачеркнуто: «4) С целью устранения возможности контрреволюции, приказ № 1 воспрещал обезоружение петроградского гарнизона, завоевавшего России ее политическую свободу».

[11]) Далее зачеркнуто: «нападения».

ции, Совет Рабочих и Солдатских Депутатов [1]) выставил требование о разоружении петроградского гарнизона, завоевавшего России ее политическую свободу [2]).

И Временное Правительство приняло на себя обязательство не допускать такого разоружения, о чем и объявило в своей декларации [3]).

В согласии с этой правительственной декларацией ротные и батальонные комитеты обязаны наблюдать за тем, чтобы оружие [4]) петроградских солдат от них не отбиралось [5]), что и было указано в приказе № 1.

5) Подтверждая требования, изложенные в пп. 6 и 7 приказа № 1, Исполнительный Комитет отмечает, что [1]) некоторые из них уже приводятся в исполнение Временным Правительством.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и прочих строевых и нестроевых командах [2]).

Исполнительный Комитет Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов [3]).

№ 2 рабочего листка «Зерно».

Рабочий листок «Зерно», издававшийся в 1880—1881 гг. чернопередельцами, вышел всего в шести номерах. Пять из них (№№ 1, 3, 4, 5, 6) перепечатаны целиком во втором томе «Историко-революционного сборника», вышедшего под редакцией В. И. Невского в 1924 г. Все указанные номера «Зерна» появились в свет в печатном виде; полный комплект их сохранился в сборнике печатных подпольных произведений, составленном в 80-х гг. в департаменте полиции. Второй номер «Зерна» в указанном департаментском сборнике отсутствует, так как он вышел не в печатном, а в литографированном виде. Номер этот представляет большую редкость и был найден Н. Л. Сергиевским в одном из дел архива бывш. министерства юстиции, в котором он хранился в качестве вещественного доказательства.

В «Исторической записке о ходе тайного печатания в России», помещенной в заграничном «Былом» (кн. XI—XII, стр. 179), а также в обширной рукописной записке о подпольных изданиях в России, составленной в 80-х гг. в департаменте полиции И. Аф. Грифцовым, говорится, что гектографированы были оба первые номера «Зерна». Очевидно, это ошибка, и Грифцов, судя по тому, что он характеризует содержание «Зерна» лишь по №№ 3—6, вероятно, не имел в руках ни первого, ни второго номера. Первый номер, выпущенный в декабре 1880 г., был отпечатан, но в какой типографии — неизвестно. Первая чер-

[1]) Далее зачеркнуто: «на т.».

[2]) Далее зачеркнуто: «Поэтому приказ № 1 и постановил, чтобы солдатские комитеты (ротные и батальонные) уст».

[3]) Далее зачеркнуто: «Дабы не осуществились даже . . . Для поддержания (треб) этого требования. Для осуществления этого (об) этого обяз».

[4]) Далее зачеркнуто: «солдат с».

[5]) Далее зачеркнуто карандашом: «что и» и «как об этом и было». Сверху написано карандашом: «что и было».

[1]) Далее написано и зачеркнуто Н. Д. Соколовым чернилами: «многие».

[2]) Текст: «Настоящий приказ . . . . Солдатских Депутатов» напечатан типографским шрифтом.

[3]) Первоначально было: «Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов», слова: «Исполнительный Комитет» — вставлены рукой Н. Д. Соколова. Далее рукою Н. Д. Соколова написано чернилами: «К печати. Н. Д. Соколов».

нопередельческая типография в Петербурге, на Васильевском острове, провалилась в ночь на 28 января 1880 г., а вторая — в Минске начала действовать лишь с начала 1881 г.; в ней-то и были отпечатаны последние номера «Зерна» (3—6). Возможно, что № 1 был отпечатан за границей, равно как и первые номера другого чернопередельческого периодического издания «Черный Передел». Во всяком случае, чернопередельцы готовились к открытию своей типографии в Минске еще со второй половины 1880 г.; в это время добывался шрифт, учился набирать главный участник минской типографии Иос. Гецов [1]).

Очевидно, чернопередельцы, выпустив первый номер «Зерна» и не надеясь в ближайшем будущем отпечатать второй, отгектографировали его, имея для него злободневный материал и не желая отдалять его выход на продолжительное время. Кто принимал участие в этом — неизвестно, но, основываясь на воспоминаниях Н. С. Русанова и Иос. Гецова, можно с уверенностью предположить, что и в собирании материала для этого номера и, вероятно, в его издании принимали деятельное участие М. И. Шефтель, К. Я. Загорский и А. П. Буланов, наиболее близко стоявшие к изданию чернопередельческих органов и имевшие близкое отношение и в 1881 г. к минской типографии.

Передовая статья публикуемого второго номера «Зерна» датирована 1 декабря 1880 г., но составление номера продолжалось и в декабре месяце, так как в статье «Русская жизнь» цитируется № 336 газеты «Голос», вышедшей 5 декабря 1880 г. Можно с уверенностью сказать, что второй номер «Зерна» появился в свет в самом начале января 1881 года.

Рабочий листок «Зерно» предназначался для распространения в широких массах; поэтому стиль его статей является нарочито-популярным, тем псевдонародным стилем, который так характерен для пресловутых народнических пропагандистских «сказок» первой половины 1870 г. В некоторых фразах даже чувствуется непосредственное влияние этих сказок (ср. начала статей — передовой и озаглавленной «Русская жизнь»: «Правда одна и та же! И не за облаками она скрывается, не в шапке-невидимке гуляет по белу-свету...»; «Не по столбовой дорожке, а по извилистой тропинке плетется жизнь наша на святой Руси! Поросла ты, тропиночка, терновником, шипами колючими да иглами острыми» со «Сказкой-говорухой» или «Мудрицей-Наумовной» С. М. Кравчинского). Народнический стиль соответствует и народническому содержанию статей второго номера, который по идеологии своей ближе подходит к номеру первому «Зерна», чем к последующим его номерам. Несмотря на то, что листок называется «рабочим», что в передовой статье, дающей популярное изложение понятия социализм, говорится о рабочих и о прибавочной стоимости, что в статье «Русская жизнь» дается даже перефразировка известного лозунга: «Потерять голодному человеку нечего, а выиграть он может все», — все же надо сказать, что авторам статей ближе всего интересы не рабочих, а крестьянские и что их идеология соответствует идеологии народников-землевольцев. В статьях нет и помину о терроре, нотки которого проскальзывают в третьем номере «Зерна», не затронут совсем вопрос о политической борьбе, о чем говорится в последующих номерах, широко развит старый принцип организации будущего общества на артельных началах. Эволюция чернопередельчества

[1]) См. сводную работу о чернопередельческих типографиях С. Лившица в журн. «Каторга и ссылка», 1929, № 6(55), стр. 44—49.

к социал-демократизму лишь только слабо чувствуется во втором номере, в его передовой статье, кстати сказать, целиком перепечатанной тоже в качестве передовой в третьем номере «Зерна» с исправлением ошибок («упорный труд» вместо ошибки «прямой труд») и с незначительными стилистическими изменениями («другими издержками» вместо «другими расходами», «при нынешнем порядке» вместо «при нынешних порядках» и т. п.).

Публикуемый второй номер «Зерна» сохранился в бывш. архиве министерства юстиции в качестве вещественного доказательства к делу № 471 (1881 г.) (II угол. отделение) «О прокламациях, распространяемых в пределах Саратовской губ.» (ЛОЦИА). В марте 1881 г. по почте из Петербурга была послана прокламация к крестьянам в связи с событиями 1 марта в Аткарский, Балашовский, Вольский и Камышинский уезды. В какие из перечисленных уездов и в каком количестве экземпляров был послан второй номер «Зерна», из дела не видно.

С внешней стороны второй номер «Зерна» представляет собою тетрадку, в обычный писчий лист, на 12 страницах; текст расположен в два столбца, кроме последней страницы. Последняя страница (12) почти совсем выцвела, и текст разбирается с большим трудом. Текст написан от руки хорошим, ровным, четким почерком. Первая статья (некрологическая заметка) помещена в траурной рамке.

Текст листка печатается по новой орфографии, но с соблюдением всех его особенностей. *А. Шилов.*

«ЗЕРНО».

№ 2. 1880 года.

Рабочий листок.

4 ноября 1880 г. в 8 час. 10 мин. утра приняли мученический венец борцы за народное освобождение Александр Александрович Квятковский и Андрей Корнеевич Пресняков. Они умерли мужественно, с твердой верой, что их дело не погибнет и правда рано или поздно возьмет верх. И они не ошиблись! На место погибших бойцов станут сотни и тысячи других. Русский народ встанет как один человек против своих притеснителей и кровопийц! А имена этих мучеников с гордостью будут повторяться из уст в уста наряду с именами других мучеников, погибших за народное дело! Вечная слава мученикам и месть врагам!!

С.-Петербург. 1880 г. 1 декабря.

Правда везде одна и та же! И не за облаками она скрывается, не в шапке-невидимке гуляет по белу-свету. Нет, ее можно и узнать и понять! Надо только оглянуться кругом, вдуматься в свою жизнь и в общее дело всего рабочего трудящегося люда да посоветоваться с совестью, как общему горю пособить. Вспомните только, что не в одной нашей России рабочему люду живется плохо, что и в других странах работникам приходится так или иначе выступить против врагов своих кулаков-фабрикантов, притеснителей-помещиков и поддерживающих эту братию крючкотворов-чиновников. Итак, если правда везде одна и та же, то и русский рабочий, если подумает о ней, как следует, найдет ее в том же, в чем находят ее рабочие других стран. Эта правда — освобождение рабочего народа — зовется социализмом, а себя лучшие люди всех стран, люди, ставшие за общее дело работников, отдавшие этому делу и жизнь и душу, готовые голову за него сложить, называют социалистами.

Объясним же, что такое социализм. Какой должен быть устроен порядок в обществе, чтобы рабочий человек жил не впроголодь, как ныне, а сытно и в довольстве, и чтобы один человек не обижал и не притеснял другого.

Теперь трудящийся человек обогащает хозяина, служит ему рабочим скотом и изнуряется непосильной работой. Социалисты хотят, чтобы каждый, работая лишь столько, сколько на самом деле нужно для его потребностей, стал сам себе хозяином. Теперь рабочий и семья его не обеспечены и куском хлеба: сегодня ты не наелся досыта, а завтра тебе хозяин отказал от работы и смотри — совсем с голоду гибнуть придется. Социалисты хотят, чтобы всякий, кто желает трудиться, был обеспечен от нужды. Теперь рабочих держат в невежестве и темноте. Социалисты хотят, чтобы свет учения и понимания проник в среду рабочих, чтобы и рабочие могли сделаться людьми образованными и толковыми. Теперь дети рабочих убиваются на фабриках и заводах непосильным трудом. Социалисты хотят, чтобы все дети учились в школах, пока не вырастут и не окрепнут для работы. Теперь рабочие приниженны и придавлены, не имеют никаких прав, и только ленивый не притесняет их. Социалисты думают, что все люди равны, и потому хотят, чтобы рабочие получили человеческие права наравне со всеми членами общества, чтобы никто не смел их обижать, чтобы они стали людьми свободными и независимыми. Теперь вся сила государства берется с крестьян и рабочих: из них вербуется войско, платежами и податями с них наполняется казна; но всем этим начальство распоряжается, не спрашиваясь народа, и даже прямо во вред народу. Социалисты хотят, чтобы крестьяне и рабочие стали хозяевами и гражданами в своей стране и чтоб судьбой ее заправляли их выборные излюбленные люди. Когда она может наступить, эта правда, сулящая всем работникам счастье и довольство? При нынешнем порядке далеко не все члены общества живут своим трудом, своим честно заслуженным заработком. Вот по этой причине тому, кто пропитывается своей работой, приходится больше работать на других, чем на себя. И посмотри-ка на барина — палец о палец не ударит, а в какой роскоши живет: дома великолепные, рысаками народ давит, разъезжая по балам да по театрам! Рабочему со всей фабрикации прибыль — мозоли да спина горбатая, а капиталисту — брюхо толстое, жизнь развеселая да богатство. Но по справедливости не должно быть того, чтоб один работал на другого... Никто не имеет права жить даром, чужим трудом, разве только больные, малые дети да старые старики. Жизнь никому даром не дается, и каждый должен сам в поте лица зарабатывать свой хлеб насущный. Каждый здоровый и взрослый член общества должен взяться за какую-нибудь работу, чтобы с нее прокормиться. Тогда никому не будет надобности жить чужим трудом. И тогда лишь, когда люди все станут работать, они сделаются вполне честными и совестными! Подумайте, рабочие, кто кормит и содержит в роскоши богача? — Бедняк! Кто является благодетелем капиталиста? — Поденщик! Но рабочий идет работать на фабриканта не по своей доброй охоте, не по желанию осчастливить кулака или помещика работает на его земле крестьянин-батрак... Их гонит необходимость, потому что, как известно, голод не тетка, нужда не сестра. У крестьянина мало земли своей, и вот ему приходится трудиться на чужой или уходить в город на заработки. У рабочего нет своих инструментов и вообще предметов нужных, чтобы с пользою применить свой труд, и вот он нанимается к фабриканту и работает для его выгоды больше, нежели для своей.

Но ведь земля не создана для Петра или Ивана, она создана одинаково для всех людей, желающих на ней трудиться. Земля принадлежит всему народу, и ею имеет право пользоваться всякий, кто желает ее обрабатывать своими руками. В старые-то времена

земля на самом деле была собственностью всего народа, да завладели ею сильные и богатые люди сперва прямо грабежами, захватом, а потом эти же господа сами стали писать законы для всей страны. Ну, всем понятно, что никто сам себе не враг, и вот оказалась по этим барским и царским законам земля священною собственностью помещиков и мироедов. Разве круглый дурак не поймет, что правды в этом столько же, сколько в деревянном истукане, которому молится язычник!.. И такую же священную собственность составляют машины, заводы и фабрики и всякого рода капиталы — все это только предлог грабить рабочего и пользоваться его даровым трудом.

Рассудите сами! Вот, положим, ты ткач — есть у тебя и охота и уменье работать, да нет ни станка, ни машины. Тут ты хоть волком вой, а с пустыми руками ничего не поделаешь... И вот станешь работать за хозяйским станком, за это тебе пойдет плата такая, что еле хватит на прокормление, а весь излишек с твоей работы хозяин в карман спрячет. Но если бы не было нужды ни тебе, ни другому рабочему итти работать на хозяина, то он со своими машинами ничего не мог бы поделать, и капиталы бы ни к чему не пригодились ему. Сам он работать не хочет или не может, а ведь ни кредитных бумажек, ни звонкой монеты, ни паровой машины есть не станешь и сыт ими не будешь, разве только подавишься. Правда, за них можно купить съестные припасы, да припасы-то сами не вырастут, надо, чтобы рабочий потрудился над их производством. Значит все машины и капиталы нужны хозяину для обирательства, а потому их следует отобрать в пользу трудящегося люда, которому они действительно послужат для работы. Да и подумайте, чьими руками созданы все эти машины и капиталы? Не капиталисты и хозяева трудились над ними, а созданы [они] упорным трудом бедняков-работников. Ваши отцы работали, чтобы создать капиталы, а сами всю жизнь остались бедняками, а дети их по сей день остаются бедняками, наемными работниками при этих капиталах. Вот почему фабрики и заводы должны перейти к самим рабочим; работники сами должны стать хозяевами своего труда и капитала. Иной, пожалуй, скажет: «Что же, что машину сработал или дом выстроил наш брат рабочий? Ведь ему за это заплачено было деньгами, а машина осталась за хозяином!» Это-то правда, да сообрази-ка только, что хозяин платит рабочему: весь ли заработок с его труда или нет? Конечно, нет — рабочий получает лишь столько, чтобы самому прокормиться да детей пропитать и взрастить из них опять будущих кормильцев хозяину. Ты, положим, неделю работал и сработал машину, которой цена 100 руб. Хозяин тебе в конце недели заплатит за твой труд, скажем, 10 руб. сер., а материал ему стоит уже со всеми другими издержками, ну, скажем, 25 руб. или 30 руб. сер. Всего, значит, он затратил 40 руб., а получил чистого барыша 60 руб. сер. — все за твой труд, потому что материал всякий купит на базаре за те же 25 или 30 руб. сер. Вот как с труда рабочего накопляются капиталы у хозяина! Вот почему все капиталы, по справедливости, принадлежат рабочему. Да только никто из рабочих не может сказать, вот эта машина принадлежит мне, и я с нею могу сделать, что хочу. Все капиталы созданы отцами и братьями нынешних работников для всего своего потомства, они составляют общее наследство, общее достояние.

Вот почему придется устроить следующий порядок, без спору, самый лучший, какой только удалось придумать людям. Вся земля, заводы и фабрики — все будут принадлежать всему обществу; работать на них народ станет артелями, потому, всякому из-

вестно, работа сообща не в пример выгоднее, нежели работа в одиночку. Заправлять работами на каждом заводе или на каждой фабрике будут свои выборные мастеровые или старосты. Но вот о чем необходимо еще позаботиться, как бы не вышло так, что за одно производство возьмется слишком много людей, а за другое слишком мало, так что в одном предмете, скажем в хлебе, получится избыток, а другого, примерно — сукна, окажется мало. Тогда сыт-то будешь, зато, может, нагишом щеголять придется. Понятно, значит, почему очень важно, чтобы работа всех была рассчитана хорошо и точно по нуждам всего населения страны. А этого уже ни отдельный рабочий, ни отдельная артель сделать не может, они знают только свою работу. Это дело трудное, и его необходимо поручить людям, известным умом, опытностью и честностью — выборным с разных заводов, общин и местностей. Они будут уполномочены распределить все материалы и орудия труда по рабочим артелям, а рабочие силы по разным производствам, как следует по общему плану, по расчету. Все производство, все, что выработают в общинах и артелях, должно поступать в общие кладовые, а уже оттуда народные выборные, по мере надобности и за строгою отчетностью, станут распределять продукты между рабочими справедливо, по заработкам. Вот какой порядок самый лучший — никому здесь обиды нет. Нет здесь капиталиста, которому задаром идет львиная доля, и каждый получает полный заработок за свой труд.

Иному, кто никогда раньше не думал о таком порядке работы и уплаты за нее, порядок этот покажется очень уж диковинным. Чтобы лучше освоиться с тем, что сказано об этом порядке, надо припомнить какой-нибудь пример из нашей жизни, сколько-нибудь подходящий (хотя вообще-то наша жизнь нынешняя так же походит на будущий порядок, как дымная лучинка на светлое солнышко). Вот, крестьяне хутора Грековки Черниговской губ. и уезда, взявши в 1876 г. в аренду целым обществом имение, ввели общественную запашку, совместный сэкон и обмолот, так что в раздел идут уже зерна и солома. Так они поступают и с сенокосом (в селении до 100 дес. пашни и сенокосу). Крестьяне находят свою систему и с п р а в е д л и в о й и у д о б н о й. Ни общий труд, ни дележ продуктов не подавали повода к недоразумениям и нареканиям.

И в других местах бывали примеры такого рода. Есть у нас на Руси артели (куда не затесался еще кулак-пройдоха), которые справляют дела сложные, где требуется много рабочих сил. Каждый работник делает свое дело по указанию и распоряжению выборного старосты. А кончат работу, рассчитаются между собою и разделят заработки по труду каждого. Вот подобную артель будут составлять все работники при будущих порядках, только будет эта артель далеко покрупнее, да побогаче. Всякий поймет, что запрячь в одну телегу волка и лошадь нельзя, и потому при будущих порядках нынешнему правительству не будет места, не подойдет оно, значит, к нему, а все власти будут свои выборные. Внутренними распорядками каждого завода, каждой фабрики, сельской общины или целой местности, округа будет заведывать мир, собрание или местные выборные. А где дело коснется всего народа, чтобы, значит, вести дело между общинами и артелями, или с другими странами, чтобы, значит, управлять всей страной, надо будет из каждой местности послать гласных или ходоков-доверенных в общую думу, которая и будет об[щ]е-народными делами править. Особенно этим выборным надо будет заботиться, чтоб все дети одинаково учились в

хороших и правильно устроенных школах, потому что, если все будут образованными, то никто себя в обиду не даст. Вот когда правда станет царить на земле! Эта правда наступит, когда:

1) Все будут работать, и никто не останется праздным. 2) Земля, фабрики, заводы и капиталы будут принадлежать всему рабочему народу. 3) Работа будет производиться сообща — артелями, по общему плану, а продукты из общих кладовых справедливо распределяться между работниками. 4) Отдельные люди, артели и общины будут вполне свободны во всем, что не касается интереса других общин и лиц. 5) Все должности будут заняты выборными от всего населения, которых можно сместить, как только окажутся ненадежными. 6) Все дети будут одинаково воспитываться и обучаться.

Вот что называется социализмом! За такой порядок стали рабочие во всех странах Европы. За этот порядок борются и русские социалисты. За это русское правительство ссылает и заточает по тюрьмам, отправляет на каторгу и вешает лучших людей русской земли, истинных друзей народа. Но правды не задушить, рано или поздно она возьмет верх! Русский народ станет за нее крепко, грудью и раздавит орду мироедов и кулаков с ненавистным правительством во главе, как триста лет тому назад он сбросил иго татарской орды! Как повести борьбу и как добиться лучших порядков в жизни, об этом еще у нас будет речь впереди!

О дороговизне и значении бумажных денег.

В настоящее время дороговизна дает знать себя повсюду. Конечно, этому есть свои причины, даже несколько причин. Вот об одной-то из таких причин мы и хотели поговорить. Конечно, прежде всего дороговизна происходит оттого, что жизненные припасы — хлеб, мука, масло, картофель и т. п. — требуют теперь для своего производства больше человеческого труда, чем нужно было раньше. Главным образом, это стало оттого, что обеднел русский мужик, который сеет хлеб, бьет масло, сажает картофель. С каждым годом подати все увеличиваются, а земли не прибавляется. На уплату податей нужны во что бы то ни стало деньги, а потому крестьянин всячески старается добыть себе их. Он скупится на самые необходимые расходы, хлеба для посева оставляет мало, больше же продает на сторону, земли удобрять не удобряет, потому что для этого нужен хоть навоз, а скота у мужика мало. Часто последних коров да лошадей за подати сводят у него со двора. Земля стала плохо рожать, истощилась без удобрения, и вот русский мужик гораздо больше прежнего мается над плохой полосой земли. Неурожай-то, стало быть, является прямо по вине тех, кто силой выколачивает с мужика подати. Этот неурожай будет все увеличиваться, если будут увеличиваться подати. Ведь мужику впору не об удобрении земли думать, не скот разводить, а только как бы подати уплатить. И с каждым годом все хуже рожает истощенная земля, все больше мается над ней мужик, и все дороже становится хлеб, картофель и т. п. Но не от одной этой причины дорого стало все. Цены повысились еще потому, что русские бумажные деньги подешевели. Ведь русский-то кредитный рубль ценится теперь немного больше половины прописанной на нем цены. Только слава, что рубль, а всего-то гривен шесть он стоит. За границей за него больше и не дают. А у нас (кроме как на бирже) хочешь, не хочешь, а принимай его за рубль. Поневоле стала подниматься цена на все. Сообразите-ка вот что. Положим, что хлебный торговец одну часть хлеба отправил в иностранные земли, а дру-

гую продал здесь. За границей ему назначат цену, положим, хоть по 10 руб. за четверть (перевозки и доставки мы не считаем, на этом продавец всегда выручит свое, сколько ему самому обошлось) настоящими, то есть золотыми, а не бумажными деньгами. Выгодно купцу — станет он продавать свой хлеб за границей и русским он дешевле не уступит. Но ведь мы с вами золотом ему не будем платить. Ведь у нас за деньги идут «государственные кредитные билеты». Однако вот беда-то! Тут купец нам и скажет, что меньше 16 руб. бумажками он с нас за четверть не возьмет. Ведь ему иностранцы 10 руб. золотом платят, а на 10 таких рублей можно купить на бирже 16 русских бумажных рублей, потому что за наш рубль заплатят только шесть гривен. С какой же стати купец возьмет с нас за четверть 10 руб. бумажками, когда за границей дадут ему за четверть 10 руб. золотом, а за такие 10 руб. он купит 16 наших бумажных рублей? Вот и придется нам платить 16 рублей бумажками. Таким образом купец повысит цену хлеба, чтобы не получить убытку от дешевизны русских бумажных денег. Но отчего же подешевели русские деньги? Настоящие золотые деньги стоят, подобно всякому другому товару, как было говорено, столько, сколько человеческого труда потрачено на добывание из земли золота и на выплавку его. Но бумажные деньги — дело другое. Золота промывается на приисках немного, оттого оно и дорого стоит. Но бумаги ты можешь сделать сколько угодно: лишь бы тряпья хватило, а этого добра нам не занимать стать. Труда на выделку бумаги на бумажных фабриках или в экспедиции, где делаются бумажные деньги, тратится теперь, по сравнению с золотом, очень мало. Оттого бумаге, что называется, грош цена. А между тем на ней пишут: «государственный кредитный билет во столько-то рублей». Отчего же получает такую цену грошовая бумага? А вот отчего. Подумайте, что значит слово «кредитный». Кредит значит доверие, кредитором называется тот, кто дает взаймы деньги другому. Ну, а кто берет взаймы деньги, называется должником. При этом должник пишет на свое имя бумагу, называемую векселем, по которой он обязуется заплатить кредитору взятую им сумму с процентами. Кредитный государственный билет и есть такой именно вексель, который русское правительство выдает на себя. На русском билете даже прописано на обороте обещание уплатить по этому векселю всякому, у кого он будет в руках, известную сумму золотом или серебром. Там написано так: «предъявителю сего выдается из разменного фонда столько-то рублей золотою или серебряною монетою». Про проценты мы не говорим, потому что их по кредитным билетам не платят. Но все-таки такие билеты — это векселя или расписки правительства; так богатый купец, которого все знают, может пускать свои расписки, и по всей округе их будут принимать за деньги, потому что на самом деле за каждую расписку можно получить деньги. Хороший должник исправно платит по своим векселям. Его векселя могут ходить все равно, что золото. Но у плохого должника, очень задолжавшего или недобросовестного, векселя берутся неохотно. Как ему можно поверить деньги под вексель, когда он плохо платит? Если он и вовсе платить не станет, что с ним ты тогда поделаешь? Ровно ничего, а вексель-то — простая бумага, не золото ведь. Векселя такого должника продаются очень дешево: каждый старается их спустить с рук. Потому неровен час: ну, как должник объявит себя банкротом! Оттого на таких сомнительных векселях может быть написано обязательство об уплате 1 000 руб., а за них еле-еле 500 руб. дадут. Это всегда

бывает, когда купец надает на себя много векселей, позаберет в долг много денег, а под рукой для уплаты ничего не имеет. Сегодня ему предъявили вексель, он хвать-хвать, под рукой денег нет, платить нечем, ну и берет под другой вексель у другого лица для расплаты по векселю, которому пришел срок. А на завтра придет к нему новый кредитор, опять делай новый заем у третьего лица. И целую жизнь тянет недобросовестный должник эту канитель, пока не обанкротится. То же самое делает наше правительство. Взяло оно и берет у нас немало труда на содержание войска, флота, на дворцовые расходы, тратит их безумно, чорт знает на что, платит же оно нам за то своими векселями — бумажными деньгами. А поди, сунься с этими векселями в разменную государственную кассу, попроси, чтобы тебе, по обещанию, уплатили за бумажку, сколько на ней написано золотом, настоящими деньгами. С чем пришел, с тем и уйдешь: не выдают, скажут тебе. Попросту говоря, у должника платить нечем. Пойдешь ты после такого ответа в меняльную лавку. Тебе там за красненькую бумажку и заплатят 6 руб. золотом. Значит, 4 руб. вылетели у тебя из кармана за то, что ты поверил правительственному обещанию, подписанному Ламанским. Все равно, как при банкротстве должника, получишь за рубль 60 коп., за 10 руб. 6 руб. А как не брать тебе кредитного билета? Ведь он у нас обязательно заместо настоящих денег ходит. Все дело в том, что мы не знаем, сколько векселей выдал на себя наш должник, т. е. сколько государственных кредитных билетов выпустило правительство. А выпустило оно верно много: недаром же не разменивает правительство своих бумажек на золото. Значит, нехватило у него настоящих золотых денег для уплаты по своим векселям. Меняла же за этот вексель тебе дает полцены. Не хочешь менять, плати бумажками за все дороже. Мало стоят эти бумажки; ведь недаром за 1 рубль шесть гривен дают. Да что делать? Единственное средство, чтобы этого не было, это чтобы каждый кредитор получше узнавал о делах своего должника. Нельзя допустить, чтобы самозванное правительство без ведома и позволения народа выпускало свои векселя. Довольно уже это правительство хозяйничало в чужих карманах. А то ни хлеб, ни картофель, ни мясо не подешевеют, а с каждым годом будут дорожать от х л е б н о г о неурожая да от бумажного урожая. И хлебный неурожай от правительства, потому что, как сказано, оно истощает мужика податями, а тот истощил землю, да и бумажный урожай тоже от правительства. В благодарность за это мы должны платить вместо 3 по 5 коп. за 1 ф. хлеба, а нередко попросту умирать с голоду, грызя кору да жолуди. Можно ли иметь доверие к должнику, который так долго морит нас?

Р у с с к а я ж и з н ь.

Не по столбовой дорожке, а по извилистой тропинке плетется жизнь наша на святой Руси! Поросла ты, тропиночка, терновником, шипами колючими да иглами острыми. Господам, заправителям русской земли, людям богатым и чиновникам — это ничего, потому ходить им когда приходится? — все больше на чужих спинах ездят, а вот бедняку-работнику плохо — все бока изорвали те иглы да колючки. В самом деле, что ни год, все хуже становится. В прошлом году во многих местах был неурожай, голод, кой-где чума гостила; в нынешнем — каких только бедствий не было: и саранча, и жучки, и червяки, и эпидемия, и язва, и чума на скоте, а главное неурожай повсеместный. Трудно теперь сыскать по всей России такое место, где народ бы не голодал. По деревням голод — есть нечего. В городах работы

нет — сотнями и тысячами рабочих рассчитывают и выбрасывают их на улицу мерзнуть и голодать. Конечно, с одним, с двумя неурожаями народ кое-как справился бы, если бы не разорили его вконец обирательство кулаков да поборы да прижимки, притеснения правительства. Слишком привык горе терпеть русский народ; но теперь совсем стала невтерпеж такая жизнь. И стали недовольство и ропот проникать в народ. У правительства нюх на это тонкий, что у собаки гончей. И вот поторопились немного народ подмаслить, значит, глаза отвести; потому, знает кошка, чье сало слопала. И сложили акциз с соли. Хоть подарок-то этот и не ахти какой — все и акциз доставляет казне 10 или 12 миллионов в год, на человека, значит, приходится по 15 коп. в год, а на семью около рубля; но в другое время и это бы недурно — не так жалко подсыпать соли на хлеб или во щи... о теперь-то что станешь с солью делать, коли хлеба нет? Ведь соль — не сахар: голодному ребенку не затычешь ею глотки: на, мол, соси! Да сам тоже без приправы грызть не станешь... А главное, известно, что русское правительство одной рукой дает, а другой отнимает — не осмотришься, как то на одном, то на другом надбавляет платежей, вот, и будет тебе и выигрыш. А кроме правительства есть и другие охотники понадуть простого человека и обобрать его. Даже голодом народным и то сумели воспользоваться ловкие люди. Судите сами, а мы расскажем, какие случаи бывают на святой Руси. Больше всего дает себя знать голод по Волге. Вот, в Саратовской губернии и в соседних с нею местах. Во многих местах совсем есть нечего, а если где и есть хлеб, так такой, что надо диву даться, как это только люди едят его. Кусок такого хлеба, присланный нарочно в здешние газеты — и вот как описывают это лакомство: «По наружному виду присланный кусок мало похож на съедобное вещество; это какая-то серо-бурая масса, напоминающая своим видом скорее кусок навоза, смешанного с песком, и только по запаху можно догадаться о присутствии в этой массе также и муки. Вкус этот хлеб имеет весьма противный, на зубах сильно хрустит». «Серьезно, питаться таким хлебом нет возможности, не подвергаясь медленной смерти... Если и не последует голодной смерти среди сельского населения в охваченном несчастием крае, то каковы силы у тех, которые переживут, в особенности у молодого поколения» («Нов. вр.» № 717). Конечно, ввиду такой нужды отыскались благодетели, которые будто бы взялись помочь от голода, стали собирать средства, скупать хлеб, раздавать его и продавать по дешевой цене. И что же? Вот из того же Саратова пишут: «Уполномоченные городом Вольском для закупки хлеба гг. Губашов и Меркульев привлекаются к судебной ответственности по обвинению в злоупотреблениях при покупке хлеба». А еще Аткарская городская управа и городской голова обличены ревизионной комиссией в разных злоупотреблениях («Гол.» № 336). Что, хороши благодетели? Надейся на них, как на гору каменную! А вот и еще примеры. Рожь больно дорога, и стали опять для пользы мужика подбавлять к ржаному хлебу картофель. Бедняк и рад, потому что за фунт хлеба с примесью надо заплатить меньше, нежели за фунт чистого ржаного хлеба. Но в этом-то и есть надувательство! Вот доктор в Воронеже в думе докладывал, что если съесть фунт ржаного хлеба, то будешь так же сыт, как когда съешь 1½ фунта с картофелем (в последнем, значит, меньше силы питательной). А в цене разница такая: за фунт ржаного хлеба заплатишь $2^1/_3$ коп., за 1½ фунта картофельного заплатишь 2½ коп. («Гол.» № 325). И тут, значит,

ловкие обиратели ухитрились лишек с тебя содрать. Вот, истинно, собачья совесть — последний кусок изо рта у голодного отнимают! Но есть господа, которым и этого мало; мало последнюю рубашку с рабочего стянуть. Вот хоть распрекраснейшее начальство Великолуцкого уезда Псковской губ. Нынче, видите ли, дичь стала в редкость, и вот благородиям вздумалось поохотиться на мужиков. Было дело так. В село Щетинино наехало начальство описывать скот за недоимку соседнему барину. После, на суде-то, разъяснилось, что и недоимка была неправильно насчитана, да и опись производилась совсем не так, как следует по закону. Бабы упирались: не давали скота. Урядники стали бить и толкать баб. За баб, известно, вступились мужики. Но никто еще не успел тронуть пальцем кого-нибудь из начальства, как командовавший ватагою пристав Нелединский выхватил револьвер и давай стрелять мужиков. Сам-то с компанией удирает, а стреляет направо и налево во всякого встречного и поперечного, хотя никто за ним и не гнался. Убил он таким образом старосту сельского наповал, а двух мужиков ранил и изувечил на всю жизнь. И чем же кончилось дело? Известно, рука руку моет. И во всем кругом виноватыми остались крестьяне же. Заковали их в цепи, бросили в тюрьму, а недавно в кандалах и на суд представили. Суд оказался милостивым, не повесил мужиков за бунт, а только присудил еще продержать их в тюрьме. Потому, хоть мужик тут и ни причем, да нельзя над ним не показать строгости — избалуется. А пристав Нелединский и до сих пор себе гуляет на воле. Никто его и не притянул к суду. Потому, что же, если он загубил несколько человек,— его благородие изволил охотиться.

Долго ли русский народ станет сносить подобные безобразия? Неужели чаша терпения его еще не переполнилась? Пора же понять, что не разные проходимцы, а сам народ — крестьяне и рабочие должны хозяйствовать в своей стране. Надо выступить на бой — хуже не будет. Потерять голодному человеку нечего, а выиграть он может все. Ведь находятся же среди рабочих охотники расправляться с мастерами ненавистными. Так надо же понять, что со всеми мастерами в отдельности не справиться. Да и мало толку в этом для себя и для других. А вот надо порешить с теми порядками, что дают возможность всякой гадине запускать свое жало в рабочего трудящегося человека!! Только тогда рабочий человек вздохнет свободно!!

Вот мы еще, братцы, расскажем вам, как «граф Бобринский бунт среди крестьян учинил». Было дело так. В Моск. губ. [1]), Епифанск[ого] уезда, с. Люториче, помещик граф Бобринский и управляющий его Фишер такую механику устроили для грабежа и обирательства крестьян, что беда! Удивительно только, как это их еще прямо в министры царские не назначили за их мудрость. Собрали они с крестьян разные недоимки, да платежи, да оброки, наложили на них всякие штрафы и вытянули с них все до ниточки, так что потом и брать нечего было. А помещик с управляющим все не унимаются, добывают они исполнительные листы . . . . . [2]) два раза. Вот крестьяне и . . . . . [2]), значит, сопротивленне властям . . . [2]), посадили в тюрьму, а потом и на суд барский представили. Ну, судьи хоть и разобрали, что его сиятельство с управляющим мошенники и простые грабители, но осудили крестьян же. Потому, опять таки, как бы простой народ не избаловался, да в правду [не] взялся за ум, против бар да начальства не встал бы. Всех крестьян

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Совершенно выцветшие места.

судилось 34 человека; многих из них и обвинить-то ни в чем нельзя было — подержали, подержали в тюрьме да и отпустили домой. И что же, братцы, нашелся ведь и у них благодетель — этот самый граф Бобринский: прислал им денег на дорогу. Мужики, конечно, отказались взять их, плюнули на его милостыню: «спасибо, мол, тебе, ваше сиятельство, и так много довольны остались твоей милостью, сыты по горло!»

Об этом деле мы еще поговорим, братцы, в следующий раз.

Издание общества «Земля и Воля».

К биографии А. А. Красовского.

Подполковник Александрийского гусарского полка Андрей Афанасьевич Красовский — очень своеобразный участник революционного движения 60-х гг. Об его личности известно очень мало. Он происходил из дворян Орловской губ. и родился около 1822 г. По некоторым известиям был очень состоятельным человеком. Участвовал в Восточной войне, на которой получил 5 ран. В 1858—1859 гг. жил в Петербурге, где вращался в некоторых кружках молодежи и высказывал весьма радикальные настроения. Знавший его в эту пору известный педагог — тогда еще молодой студент — В. П. Острогорский дает довольно четкую его характеристику. Он производил впечатление человека, не отличавшегося особенным умом или образованием, но необыкновенно сердечного и цельного. Новые настроения этот «старый, но славный, чистый сердцем ребенок» воспринимал прямо с энтузиазмом. «Слово „народ“ было для него чем-то священным, и произносил он его дрожащим голосом, говорил о народе со слезами на глазах и с нервной жестикуляцией». Он мог быть подчас прямо смешон, в его речах было много великой наивности, но все это искупалось полной его искренностью: «Помню его и до сих пор, как цельного человека, у которого слово не расходилось с делом, который что задумал, что сказал, то и сделал, хотя бы это стоило ему жизни» [1]).

Из Петербурга Красовский переехал в Киев, где был прикомандирован к кадетскому корпусу. Там он вступил в сношения с кружком «хлопоманов» (Вл. Синегуб, брат известного чайковца, и др.). В начале 1862 г. Красовский, находясь временно в Каневском уезде, обратил на себя внимание местной полиции тем, что носил украинский костюм и вступал в разговоры с крестьянами. Немедленно после получения известия об этом Красовский был вызван в Киев, получил соответственное внушение, и за ним был установлен секретный надзор. Через несколько месяцев с ним произошла катастрофа.

В связи с введением уставных грамот в Киевской губернии происходили в 1862 г. крестьянские волнения в ряде уездов. Против «бунтовщиков» посылались военные отряды. Предназначен был к выступлению в м. Богуслав с этой целью 4-й резервный батальон Житомирского пехотного полка, стоявший в лагере под Киевом. 17 июня Красовский, одетый по-украински, разбросал тайно в лагере около 10 рукописных прокламаций собственного сочинения. В прокламациях он убеждал солдат не поднимать оружия против своих, не исполнять «окаянного приказа», хотя бы он шел и от царя [1]). Один из офицеров полка, знавший Красовского в лицо, заметил его при этом и донес. Красовский

[1]) «Из истории моего учительства». 2-е изд., СПБ. 1914 г., стр. 56.

[1]) Прокламация Красовского напечатана в «Колоколе» Герцена, л. 162 и в «За сто лет» Бурцева.

был арестован и предан военному суду. Во время следствия и суда он держался очень мужественно. Он был приговорен к расстрелу, замененному 12 годами каторжных работ. Конфирмация приговора состоялась 11 октября 1862 г.

В Сибири Красовский был водворен в Нерчинских рудниках. В Александровском заводе он проживал одновременно с Чернышевским. В 1867 г. срок каторжных работ был ему сокращен до 8 лет, и он получил позволение поселиться на вольной квартире. В конце мая 1868 г. Красовский сделал попытку бежать. Потеряв ночью в дороге свой рукописный путеводитель, он застрелился из бывшего у него ружья.

Печатаемые нами документы, относящиеся ко времени после приговора над Красовским, все взяты из дела III отделения, 1-й экспедиции, № 230, часть 42 («О подполковнике Красовском»), хранящегося в Московском Архиве Революции и Внешней Политики. Письмо к царю, написанное по дороге на каторгу (лл. 45—46 названного дела), хотя и заключает в себе обычное «припадание к стопам» и пр., однако весьма сильно отличается от других документов подобного рода: вместо полного раскаяния Красовский называет свое негодование, заставившее его написать прокламацию, только «может быть, не совсем справедливым», сожалеет лишь о «некоторых порывистых выражениях» и подчеркивает, что им руководили «жажда правды и любовь к родине и человечеству». Следующий документ — записка, найденная возле тела Красовского (л. 70). Она представляет собой клочок бумаги, очень пожелтевший от сырости, но совершенно явственно сохранивший написанные на нем карандашом предсмертные слова Красовского. «Духовное завещание» Красовского (лл. 73—74) было найдено в его квартире при обыске, произведенном после его побега. «Завещание» отразило те настроения, к которым пришел в последнее время своей жизни исстрадавшийся Красовский. Бывший патриот, горячо веривший в будущее русского народа, подчеркивает свое равнодушие и презрение к русской национальности и, по довольно причудливой фантазии, объявляет себя поляком. Решительный толчок в этом направлении был ему, повидимому, дан тем сервилизмом, яркие проявления которого Красовский видел в 1866 г., после покушения Каракозова, при всеобщих восторгах по адресу «спасителя»-царя — Комиссарова. С этими же переживаниями Красовского связан и последний печатаемый документ — отрывок из его записной книжки (л. 100). Записная книжка заключает в себе различные материалы: комментарии к одной английской журнальной статье, революционные и сатирические стихотворения на польском и русском языке и пр. Заканчивается она печатаемыми ниже строками. Это обращение к Некрасову — любопытный образчик того, как отнеслась политическая ссылка к стихотворным падениям Некрасова после 4 апреля 1866 г.

Довольно путаный в своих политических взглядах, живший преимущественно чувством, но очень мужественный человек, Красовский представляет интерес, как характерный в некоторых отношениях представитель своей эпохи. Могущественный общественный подъем начала 60-х гг., когда на историческую арену выступал новый класс, захватывал нередко и людей, которые по своему классовому положению и профессии, казалось бы, должны были быть гарантированы от увлечения «новыми веяниями». Искренний, хотя и наивный, радикализм гусарского подполковника, приведший его на склоне лет на каторгу, становится понятен именно на фоне исторической эпохи, в связи со многими другими аналогичными явлениями.

М. Клевенский.

1. Обращение Красовского к Александру II.

Ваше императорское величество, государь всемилостивый!

В настоящее время, когда, ввиду наступивших военных действий [1]), русские люди всех без изъятия сословий имели счастие прямо и свободно выразить вашему императорскому величеству свои мысли и чувства, да позволено будет мне, всех прав состояния лишенному политическому преступнику, но, тем не менее, русскому, принести в посильную дань и мою посильную лепту.

Государь! Было время, когда, возмущенный зрелищем повсеместного наказания войсками крестьян, ослепленный порывом, может быть, и не совсем справедливого негодования, я увлекся до того, что, не страшась ни смертной казни, ни горьких лишений и тяжелых страданий, предстоявших как мне, так и моему несчастному семейству [2]), я дозволил себе не только сам лично опровергать распоряжения правительства, но возбуждал к тому и других. Как ни велико было ожесточенное заблуждение, навлекшее на меня справедливый гнев вашего императорского величества, но, со всею откровенностью сознавая ныне пред высочайшим лицом моего государя всю противозаконность дерзновенных моих поступков, всю неуместность некоторых глубоко меня сокрушающих порывистых выражений, я уверен, что тот, кому имел я счастие быть с детства лично известным и за кого я неоднократно жертвовал своею жизнью и проливал свою кровь, лучше всех оценит и поймет, что не корысть, не злоба и не личное честолюбие, а жажда правды и любовь к родине и к человечеству руководили всеми как ошибочными, так и самыми преступными моими действиями, и что, ввиду совершающихся событий, я почел бы за величайшее счастие, если б дозволено мне было, в передовых рядах и в звании простого солдата, ценою жизни искупить печальное последствие моих прежних заблуждений и не только словом, но и делом доказать всю меру признательной моей преданности великодушному монарху, единым царственным словом уничтожившему те наказания, которые исключительно вооружали меня противу правительственных мер.

В безотрадном положении моем было бы очевидным безумием питать какие бы [то] ни было надежды, если б я не помнил отрадных слов Спасителя, сказанных разбойнику на кресте.

С тою же верой и надеждой произношу: «Помяни мя, господи!», осмеливаюсь прибегнуть к великодушному вашего императорского величества милосердию, всеподданнейше прося о милостивом назначении меня рядовым в один из кавалерийских полков действующей армии, хотя бы и в разряд штрафованных, взамен работы, не свойственной ни моим силам, ни здоровью, ни тем чувствам, которые побуждают меня доказать вашему императорскому величеству, что я желаю сделаться достойным лучшей участи.

С глубочайшим благоговением припадает к высочайшим стопам
вашего императорского величества
верноподданный
Андрей Красовский, ссылаемый в каторжную работу.

4 июня 1863 г.
г. Тобольск.

2. Записка, найденная возле тела Красовского.

Я вышел, чтоб итти в Китай. Шансы для меня чересчур неблагоприятны — я потерял ночью в дороге такие две вещи, которые непременно откроют мой след, — лучше умереть, чем отдаваться в руки врагов живым.

А. К.

3. Духовное завещание Красовского.

Во имя Свободы, Равенства и Святого Братства. Аминь!

Я, нижеподписавшийся, находясь в здравом уме и полной памяти, но чувствуя приближение почти неминуемой смерти, оставляю сие без свидетелей, но по правилам моей религии написанное домашнее духовное завещание, исполнение которого возлагаю как на справедливость государя императора, так и на добросовестность лиц, составляющих здешнее начальство. К сему следуют пункты:

1.

Хотя с трудом допускаю я мысль, чтобы даже и в России остановили на большой дороге человека, едущего с паспортом, без компрометирующих его личность вещей или бумаг, не производящего никаких беспорядков, буйств или бесчинств и честно за все деньги платящего, тем не менее как я на случай всякого несчастья твердо решился лишить себя жизни, но не отдаваться в русские руки живым, то и смерть моя почти несомненна. Не желая уносить с собой в могилу справедливого нарекания многих, быть может, людей, — предсмертной волею определяю:

Все имущество, оставляемое мною в доме здешнего обывателя Матвея Васильевича Бояркина [3]) (кроме ограниченности неразвитого ума ни в чем не виновного), завещаю ему, Бояркину, в собственность в виде первоначального вознаграждения за увезенное ружье и уведенную лошадь с седлом. Сверх того обязуюсь, если живо-здоров достигну первого, — конечно, не русского, а европейского,— города, выслать ему же, Бояркину, в виде окончательного вознаграждения — сто рублей серебром. В случае же моей смерти, — вероятно, собственноручной, — возлагаю уплату этой суммы на детей моих, по достижении ими совершеннолетия, или опекунов их по достижении желаемой добросовестности, или любезной сестре моей Дарье Дитмар, единственной из всех родных меня не забывшей (адрес ее известен г. военному губернатору Забайкальской области), или же, наконец, тому из искренних друзей моих, который не пожелает, чтобы называли меня конокрадом. В строгом смысле слова говоря, это название нейдет подражателю Христову. Спаситель мира ушел от различных преследований в Египет — почему же не уйти мне, по этой же причине, во Францию, Швейцарию или Италию? Сын человеческий въехал на чужой ослице в Иерусалим — почему же не въехать мне на чужой лошади в какой-нибудь Верхний или Нижний Удинск? Это так ясно, что и не требует дальнейших комментариев!

2.

Завещаю довести до сведения государя, что хотя Каракозова и Березовского, по всей справедливости, считаю я истинными героями, в особенности первого, но как всякое убийство, кроме весьма понятной защиты против нападающего вооруженного неприятеля, я нахожу делом самым отвратительным, то и спешу его с этой стороны успокоить. Что же касается честной и труженической деятельности Герцена с Огаревым, — я не намерен разделять ее, окончательно убедившись в том, что в России всякое свободное слово есть глас вопиющего в пустыне. — Необходимым считаю прибавить, что личной к нему вражды как к частному человеку, так и к государю, я ни малейшей не имею, ибо, хотя он меня два раза чувствительно оскорбил, желая, повидимому, облегчить мою участь, но взамен этого, желая укарать меня как бы побольше, сде-

лал для меня три истинно добрых дела. — Впервые оскорбил он меня жестоко, отняв у меня давно желанный случай с честью умереть за свои убеждения, в другой же раз было мне больно покраснеть от стыда за него же, когда объявили мне, что, по просьбе моей сестры и ходатайству генерал-губернатора, работа моя в рудниках заменяется работою крепостною [4]). Довольно! Злые дела уже позабыты — поспешу перейти к добрым, число коих преобладает, к величайшему моему удовольствию. Будучи в самое суровое зимнее время отправлен с партией бродяг пешком от Перми до Тобольска, тогда как все остальные государственные преступники отвозились с жандармами по почте не только до Тобольска, но даже и до Иркутска, я имел все нужное время, чтобы изучить столь благодетельную для нашего брата русскую паспортную систему, научиться искусству, в настоящее время столь для меня полезному, делать всякого рода паспорты и, наконец, выслушав в вышереченной академии весь курс, постигнуть всю суть великой бродяжеской науки. Другая наука еще важнее — в Забайкальской области, в соседстве дикой Шахтамы и мрачного Акатуя, где, говорят, свет божий забит досками, я не только излечился от тяжкой грудной раны, но и приобрел весь запас силы и здоровья, необходимый для предстоящего мне трудного обратного пути. Наконец — meilleur morceau pour la bonne bouche — лишив меня орловского дворянства, чина русского подполковника, высочайшего кукиша в виде бронзовой медали [5]), великороссейского имения, разлучив с русской семьею, государь, как бы желая, чтобы я без малейшей измены мог сделаться поляком, сохранил мне из всего, что имел я у себя русского, одну чисто польскую фамилию, прежде несколько замаранную доблестными подвигами покойного моего родителя в 1831 г., но теперь совершенно очищенную от монгольской коры и византийской грязи. Такая услуга неоценена: за нее обязан я раз навсегда отложить все попечение о русском народе и все из-за него нападки на русское правительство... Они стоят друг друга, так пусть же и целуются, как нежные голубки при всеобщем апофеозе Комиссарова-Костромского, осененного ореолою [sic!] нетленных мощей Тихона Задонского!

3.

Последним пунктом этого искреннего непритворного душевного примирения с государем, подданство которому слагаю с себя лишь потому, что чувствую меру своего политического роста и нравственного совершеннолетия и понимаю, что взрослый мужчина (а тем более пожилых лет), остающийся добровольно под опекою и не умеющий стряхнуть с могучих плеч этого непрошенного ига, — недостоин называться человеком, — да будет моя последняя к государю просьба, в то время, когда ежеминутно могу я отойти в вечность, не отравлять моей последней минуты преследованием людей совершенно безвинных — именно здешнее ближайшее и высшее начальство, обвинить которое в снисхождении или каком бы [то] ни было послаблении к нам, грешным, было бы вопиющей к небу несправедливостью. Как ни сильна моя к ним антипатия, насколько бы я ни был заклятым врагом ненавистных притеснений неразумной грубой силы, тяготеющей над людьми более или менее образованными, настолько же долг чести и совести обязует меня принять их сторону против несправедливого обвинения. Вспомните, государь, что были примеры почти невероятных побегов из пломб Венеции, из подземных казематов [sic!], из варшавской цитадели, да и чуть ли даже не из вашей Петропавловской крепости. Какие же сто-

глазые аргусы могут усмотреть за человеком, в шесть лет, втайне даже от самых надежных друзей и товарищей обдумавшим и развившим на самой глубине души затаенный план? Я мог бы привести его в исполнение, даже и сидя в тюрьме, так как твердо решился приобресть утраченную свободу и права во что бы то ни стало, хотя бы ценою самой жизни, ибо смерть тоже своего рода освобождение, но мысль о жалкой участи караула и часовых удерживала меня крепче всяких палисад [sic!] и решеток. Тогда было бы и законно с них спросить, но как же взыскивать за действия человека, живущего в крестьянской избе, хозяева коей, утомленные дневными трудами, спят обыкновенно крепко. Долго ли ему выйти ночью в сени, снять со стены хозяйское ружье, оседлать коня, выждать, пока ночной обход не повернет в соседнюю улицу, и тогда во весь опор ускакать в противную сторону?.. Что же тут может сделать полковник Киоблох [6]), имеющий в одном заводе под наблюдением пять тюремных замков, где раздражение умов дошло до наивысшей степени от слишком продолжительной неволи; а между тем замечателен тот факт, что за все время его управления и смотрительства штабс-капитана Волынского не произошло в них ни одной истории. Этим не могли бы похвалиться прежние щедро награжденные коменданты и их смотрители. — Неужели же лишить их заслуженной награды за мой побег, воспрепятствовать которому они могли бы только тогда, если б проникли в мои сокровенные мысли, а это дело невозможное?

Многим покажется странным, почему не дождался я, вероятно, в скорости мне предстоявшего отправления на поселение, за Байкал, откуда уйти было бы легче, да и путь предстоял бы несравненно безопаснейший и кратчайший? На это напомню, что когда в прошлом году сгорела баня у волостного головы, то подозрения в поджоге со всех сторон посыпались на заключенных в тюрьмах поляков, которым не было ни малейшего расчета, ни малейшей пользы от этого, да и как поджечь что бы ни было людям, идущим в сопровождении конвоя? Что же может предстоять мне теперь, когда взбунтовалось против этого самого головы почти все селение? Разве не падут подозрения в подстрекательстве на поляков вообще и на живущих на квартирах в особенности? При этом, весьма вероятно, сообразят, что Чернышевский, пользуясь своим обеспеченным денежным положением, никуда из дому не выходит, а Масло [7]) так же плохо знает русские законы, как и русский язык, — на ком же [sic!] обрушится все подозрение, если не на мне? Если, будучи русским подполковником в то время, как написал я воззвание к нижним чинам, в чем и сам я добровольно сознался, был я, сверх того, обвинен в возмущении крестьян, чего вовсе не было, в чем тогда не сознавался, — не сознаюсь и ныне. Так было с заслуженным штаб-офицером, что же будет с безответным ссыльным, лишенным всех человеческих прав? Вместо давно следуемой отправки на поселение, не состоявшейся лишь по причине слишком туманных выражений, вероятно, каким-нибудь семинаристом редактированного высокопарного манифеста и очевидных канцелярских беспорядков, я должен ожидать, что меня не сегодня-завтра схватят, осудят и — едва оперившегося — снова за тридевять замков засадят. Прежде пострадал я все-таки за нечто — теперь же приходится страдать за ничто, после того, как стал я к русским крестьянам равнодушнее, чем к херувимам и серафимам... Не бывать этому! Вперед, давно задуманный план, и, в случае неудачи, прощай, противная, давно надоевшая жизнь!

Г. коменданту и его сослуживцам завещаю не притеснять моих товари-

щей за дело, совершенное мною без их участия. Вам это хорошо известно, вы постоянно воспрещали всякие сношения между моими заключенными товарищами и мною и постоянно наблюдали за тем, чтобы этих сношений не было. Их таки и не было, вы это как нельзя лучше знаете. Будьте же справедливы к ним — тогда и к вам справедливы будут!

Писано в Александровском,
мая 17 дня 1868 г.

К сему духовному завещанию бывший (разницы мало) русский подполковник и каторжный, ныне свободный поляк Андрей Красовский руку приложил.

4. Из записной книжки Красовского.

Беранже ты будешь с виду,
Но Катков душой...

(Из будущей колыбельной песни автору многих колыбельных песен.)

Мой стих жестокий за тобою
Пусть вечно бродит словно тень.
Пусть он не́ даст тебе покою,
Тебя терзает ночь и день.

. . . . . .

Презренье других, безмолвных
Легко отвсюду ты поймешь
И у друзей своих чиновных *)
Ты утешенья не найдешь.

Н. Б-ов (из стих. на юбилей Г-ча) [8]).

Русская пословица говорит: дорого яичко к Христову дню, но обстоятельства, неразлучные с моим исключительным положением, вынудили меня предпочесть ей французскую: vaut mieux tard, que jamais, — и не дозволили переслать к вам во-время стихотворения, вам посвященного, написанного в ту минуту, когда газетная молва донесла и до наших отдаленных глухих нор отголосков новоклубного вдохновения вашего, начинающегося словами: «Не громка моя лира...» [9]). Вы, конечно, были правы, утверждая, что инструмент, устарелый до пошлости и приличный лишь для таких присяжных одописцев, как покойный Державин e tutti quanti, не звучен, но не подумали вы, до какой степени эта классическая, так сказать, катковская лира отвратительна в руках автора «Коробейников», «Филантропа» и «Размышлений у парадного подъезда»? Унижение это оказалось еще тем прискорбнее, что не спасло оно жизни во цвете лет погибшего покойного «Современника». Говорить вам о том, как низко вы упали во мнении не большинства поклонников вашего литературного таланта, а того меньшинства, которое некогда видело в вас самое яркое светило истинной русской поэзии, а ныне полагает, что затмилось, чтобы уже никогда не появляться на прежнем горизонте? Принадлежа к упомянутому меньшинству, я во всем с ним согласен, кроме последнего, и, при всем моем малом знакомстве с медициною, полагаю, что ваша видимая нравственная смерть — только летаргия, от которой может вас вылечить следующий рецепт:

1. Написать стихотворение, во всех отношениях превосходящее «Размышления у парадного подъезда».

2. Быть за него высланным сюда для занятия почетного места м[ежду] пок[ойным] М[ихайло]вым и еще живым Ч[ернышевски]м.

3. Принять посвященное мною стихотворение и не подавать более повода к дальнейшим такого рода посвящениям.

К р о т *).

---

*) Или клубных. — П р и м е ч а н и е в п о д л и н н и к е.

*) Из вашей повести «Несчастные». По странному стечению обстоятельств моя настоящая фамилия начинается с этих же двух букв. — П р и м е ч а н и е в п о д л и н н и к е.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Имеется в виду польское восстание 1863 года.

[2]) Семейство Красовского в 1862 г. состояло из жены и трех детей: Марии, 12 лет, Андрея, 11 лет, и Анны, 5 лет. Жена Красовского не вынесла обрушившегося на нее удара: после объявления приговора она, по сообщению киевского жандармского полковника Грибовского, сошла с ума и была помещена в дом умалишенных.

[3]) На квартире у Бояркина Красовский поселился в ноябре 1867 г. По показанию Бояркина, был всегда задумчив и несообщителен. 18 мая он выпросил у него лошадь с седлом для поездки в деревню Шахтаму. Дальнейшее сообщение Красовского, что он сам взял лошадь, имело, очевидно, целью избавить Бояркина от возможных репрессий за пособничество.

[4]) Повеление Александра II о переводе Красовского в разряд каторжных в крепостях, с ограничением срока восемью годами и включением в это число времени, проведенного им в рудниках, состоялось 12 мая 1867 года.

[5]) Красовский имел медаль в память войны 1853—1856 годов.

[6]) Кноблох, Адольф, р. около 1810 г., прусский подданный, сын архитектора. В 1831 г., будучи студентом Московского университета, был арестован как член Сунгуровского тайного общества. В 1833 г. военный суд приговорил его к отдаче в военную службу рядовым. Впоследствии дослужился до полковника и коменданта Александровского завода.

[7]) Масло, Леон, поляк, был управляющим имением в Западном крае. М. Д. Муравский сообщает, что это был «негодяй», сосланный в 1863 г. по доносу крестьян, которые, желая от него избавиться, выдумали на него, что он в их присутствии говорил о желательности повесить царя («Былое» (загран.), № 4, 1903 г.).

[8]) Уничтожающее стихотворение Н. А. Добролюбова на 50-летний юбилей писателя-реакционера Н. И. Греча (праздновался 27 декабря 1854 г.) в свое время не было напечатано, но получило широкое распространение в рукописи. Его можно найти, напр., в собрании сочинений Добролюбова под ред. Лемке, изд. Панафидиной (Спб., 1912 г.) том I, стр. 25—26.

[9]) Стихотворение Н. А. Некрасова «Осипу Ивановичу Комиссарову», начинающееся приведенной Красовским строкою, было напечатано в «Современнике», 1866 г., № 4.

А. С. Пушкин под надзором полиции.

Публикуемые ниже документы о слежке московской и петербургской полиции за А. С. Пушкиным во время пребывания его в обеих столицах в 1829—1832 гг. являются дополнением к аналогичным документам, частично уже известным в печати, а также к свидетельствам современников, исправляя неточности последних в датировках приездов и отъездов поэта. Документы, таким образом, дают возможность уточнения некоторых моментов в биографической канве жизни поэта. Документы извлечены из фонда московского обер-полицмейстера, хранящегося в Московском областном архивном бюро. Документы печатаются по новой орфографии, но с соблюдением всех особенностей стиля подлинника; заголовки принадлежат редакции, в подстрочных примечаниях даны указания археографического порядка, и приведены имеющиеся на документах пометы

Г. Костомаров.

Приказ московского военного генерал-губернатора об учреждении секретного надзора за А. С. Пушкиным от 6 сентября 1829 г. № 117.

Секретно.

Господину московскому обер-полицмейстеру.

Вследствие отношения г. тифлисского военного губернатора, которым меня уведомляет, что он, имея в виду высочайшее его императорского величества повеление о состоянии известного поэта отставного чиновника 10-го класса Александра Пушкина под секретным надзором правительства, отправившегося на-днях из Тифлиса в Москву, я рекомендую вашему превосходительству учредить секретный надзор за Александром Пушкиным.

Генерал от кавалерии Д. Голицын.

Приказ московского обер-полицмейстера об учреждении надзора за А. С. Пушкиным от 7 сентября 1829 г. [1]).

Секретно.

Гг. полицмейстерам.

Г-н тифлисский военный губернатор уведомил г-на московского военного генерал-губернатора, что он имеет в виду высочайшее его императорского величества повеление о состоянии известного поэта, отставного чиновника 10-го класса, Александра Пушкина под секретным надзором правительства, отправившегося на-днях из Тифлиса в Москву. Вследствие предписания ко мне его сиятельства от 6 сентября № 117 рукомендую: учредить по вверенному вам отделению надзор за Александром Пушкиным, мне о последующем немедленно донести.

Рапорт полицмейстера 2-го отделения обер-полицмейстеру г. Москвы от 10 октября 1829 г. № 318 [1]).

Секретно.

Его превосходительству господину генерал-майору московскому обер-полицмейстеру и кавалеру Дмитрию Ивановичу Шульгину 2-му.

Московского полицмейстера 2-го отделения.

Рапорт.

Во исполнение предписания вашего превосходительства от 7 числа прошлого сентября за № 436 честь имею донести, что известного поэта, отставного чиновника 10-го класса, Александра Пушкина, по удостоверению гг. частных приставов, в прибытии во вверенное мне отделение не оказалось; коль же скоро прибудет на жительство, то надлежащий за ним надзор учрежден, и о том вашему превосходительству донесено быть имеет.

Полицмейстер Миллер.

№ 318.
Октября 10 дня.
1829 г.

Рапорт полицмейстера 1-го отделения обер-полицмейстеру г. Москвы от 20 сентября 1829 г. № 150 [2]).

Секретно.

Его превосходительству господину генерал-майору, московскому обер-полицмейстеру и кавалеру Дмитрию Ивановичу Шульгину 2-му. Московского полицмейстера 1-го отделения.

---

[1]) Воспроизводится с отпуска, на котором имеются пометы: «К № 10843. 7 сентября 1829. 1 отд. — № 435. 2 отд.— № 436». «Сдано 6 сентября».

[1]) На подлиннике пометы: «Пол. 10 октября 1829. № 12298».

[2]) На подлиннике пометы: «Пол. 21 сентября 1829. № 11509. К докладу... Доложено его с[иятельству]».

Рапорт.

На предписание вашего превосходительства от 7-го числа сего сентября за № 435-м честь имею сим донести, что известный поэт, отставной чиновник 10-го класса, Александр Пушкин прибыл в Москву и остановился Тверской части 1-го квартала в доме Обера гостинице «Англия», за коим секретный надзор учрежден.

Полицмейстер Миллер.

№ 150.
Сентября 20 дня
1829 г.

Докладная записка московского обер-полицмейстера военному ген.-губернатору от 22 сентября 1829 г. [1]).

Секретно.

22 сентября 1829 г.

Докладная записка.

Известный поэт, отставной чиновник 10-го класса, Александр Пушкин прибыл в Москву, остановился Тверской части 1-го квартала в гостинице «Англия».

О чем донося вашему сиятельству, честь имею присовокупить, что на основании предписания вашего сиятельства от 6-го текущего месяца под №117 секретный надзор за ним, Пушкиным, учрежден.

Рапорт полицмейстера 1-го отделения обер-полицмейстеру г. Москвы от 15 октября 1829 г. № 164 [2]).

Секретно.

Его превосходительству господину генерал-майору московскому обер-полицмейстеру и кавалеру Дмитрию Ивановичу Шульгину 2-му. Московского полицмейстера 1-го отделения.

Рапорт.

Квартировавший Тверской части в доме Обера в гостинице «Англии» чиновник 10-го класса Александр Сергеев Пушкин, за коим был учрежден по предписанию вашего превосходительства секретный полицейский надзор, 12-го числа сего октября выехал в С.-Петербург, о чем имею честь вашему превосходительству сим донести и присовокупить, что в поведении его ничего предосудительного не замечено.

Полицмейстер [подпись].

№ 164.
Октября 15 дня.
1829 г.

Донесение обер-полицмейстера военному генерал-губернатору г. Москвы от 17 октября 1829 г. [1]).

Секретно.

17 октября 1829.

Господину московскому военному генерал-губернатору.

В дополнение докладной моей записки от 22 сентября вашему сиятельству честь имею донести, что известный поэт, отставной чиновник 10-го класса, Александр Пушкин 12-го сего месяца выехал в С-т-Петербург, в поведении коего по надзору ничего предосудительного не замечено, почему о учреждении за ним надлежащего надзора я вместе с сим сообщил г. исправляющему должность с-т-петербургского обер-полицмейстера г. полковнику Дершау.

Отношение московского обер-полицмейстера на имя петербургского обер-полицмейстера от 17 октября 1829 г. № 491 о выезде Пушкина из Москвы в Петербург [2]).

---

[1]) Воспроизводится с отпуска, на котором имеется помета: «К № 11509».

[2]) На подлиннике пометы: «Пол. 15 октября 1829. № 12541. К докладу. Сообщить С. П. о[бер]-полицмейстеру».

[1]) Воспроизводится с отпуска, на котором имеются пометы: «Сдано 16 октября. К № 12541».

[2]) Воспроизводится с отпуска.

Секретно.

№ 491.

Исправляющему должность с-т-петербургского обер-полицмейстера г. полковнику Дершау.

Находившийся здесь, во исполнение предписания ко мне г-на московского военного генерал-губернатора от 6 минувшего сентября за № 117, под секретным надзором известный поэт, отставной чиновник 10-го класса, Александр Пушкин 12-го текущего месяца выехал в С-т.-Петербург, за коим во время пребывания его в здешней столице в поведении ничего предосудительного не замечено, о чем ваше высокоблагородие, для надлежащего со стороны вашей об нем, Пушкине, распоряжения сим уведомляю.

Рапорт полицмейстера 1-го отделения обер-полицмейстеру г. Москвы от 15 марта 1830 г. № 37 [1]).

Секретно.

Его превосходительству господину генерал-майору московскому обер-полицмейстеру и кавалеру Дмитрию Ивановичу Шульгину 2-му.

Московского полицмейстера 1-го отделения.

Рапорт.

Тверской частный пристав донес мне, что чиновник 10-го класса Александр Сергеев Пушкин 13-го числа сего месяца прибыл из С.-Петербурга и остановился в доме г. Черткова в гостинице Коппа, за коим на основании предписания вашего превосходительства от 7-го сентября прошлого 1829 г. за № 435-м учрежден секретный полицейский надзор. Я о том честь имею сим донести.

Полицмейстер [подпись.]

№ 37.
Марта 15 дня
1830 г.

[1]) На подлиннике пометы: «Пол. 15 марта 1830. № 3299. К докладу.»

Докладная записка московского обер-полицмейстера военному генерал-губернатору г. Москвы от 17 марта 1830 г. [1]).

Секретно.

17 марта 1830.

Господину московскому военному генерал-губернатору

Докладная записка.

Вашему сиятельству честь имею донести, что чиновник 10-го класса Александр Сергеев Пушкин, 13-го сего месяца, прибыв сюда из Санкт-Петербурга, остановился Тверской части в доме г-на Черткова в гостинице Коппа, за коим, на основании предписания вашего сиятельства от 6 сентября 1829 г. за № 117, секретный надзор учрежден.

Отношение петербургского обер-полицмейстера на имя московского обер-полицмейстера от 11 мая 1830 г. № 172 [2]).

Секретно.

Господину исправляющему должность московского обер-полицмейстера.

Вследствие отношения бывшего московского обер-полицмейстера от 17-го октября 1829 г. за № 491, имею честь уведомить ваше высокоблагородие, что отставной чиновник 10-го класса Александр Пушкин, за ком во время пребывания его в здешней столице учрежден был надзор, 20 минувшего апреля выехал обратно в Москву.

Исправляющий должность обер-полицмейстера полковник

Дершау.

Ордер московского обер-полицмейстера на имя пристава Тверской части. г. Москвы от 19 мая 1830 г.

[1]) Воспроизводится с отпуска.

[2]) На подлиннике пометы: «Получ. маия 19 1830. № 6215. Секретные ордера г.г. полицмейстерам [подпись]».

Тверской части г. частному приставу [1]).

Для доклада обер-полицмейстеру канцелярии сей нужно иметь достоверное сведение: не выезжал ли из Москвы в С-т-Петербург чиновник 10-го класса Александр Пушкин со времени прибытия его в Москву, т. е. с 13 марта по настоящее число.

Правитель канцелярии [подпись].

Донесение полицмейстера 1-го отделения обер-полицмейстеру г. Москвы от 18 июля 1830 г. № 129 [2]).

Секретно.

Исправляющему должность московского обер-полицмейстера господину полковнику и кавалеру Сергею Николаевичу Муханову.

Московского полицмейстера 1-го отделения

Рапорт.

Тверской частный пристав донес мне, что квартировавший вверенной ему части в гостинице «Англия» чиновник 10-го класса Александр Сергеев Пушкин, за коим, на основании предписания бывшего господина обер-полицмейстера от 7 сентября 1829 г. за № 435-м, был учрежден секретный полицейский надзор, сего июля 16-го числа выехал в С.-Петербург. Во время же проживания его здесь ничего предосудительного замечено не было. О чем имею честь вашему высокоблагородию сим донести.

Полицмейстер Миллер.

№ 129.
Июля 18 дня
1830 г.

[1]) На обороте подлинника имеется следующий текст:

«Ныне от Тверской части сим ответствуется, что г. Пушкин с 13-го марта месяца сего года из Москвы никуда не выезжал, квартирует в доме Оберта в гостинице «Англии».

Маия 19 дня 1830 г. [подпись].

[2]) На подлиннике пометы: «Пол. 18 июля 1830. № 2962. К докладу».

Отношение московского обер-полицмейстера на имя петербургского обер-полицмейстера от 19 июля 1830 г. № 285 [1]).

Секретно.

19 июля 1830 г.

№ 285.

Исправляющему должность С-т-Петербургского обер-полицмейстера господину полковнику Дершау.

Находившийся здесь во исполнение предписания господина московского военного генерал-губернатора от 6 сентября 1829 г. за № 117 под секретным надзором отставной чиновник 10-го класса Александр Пушкин 16-го числа сего месяца выехал в С-т-Петербург, за коим во время пребывания его в здешней столице ничего предосудительного замечено не было. О чем ваше высокородие имею честь уведомить для зависящих с вашей стороны распоряжений.

Докладная записка обер-полицмейстера военному генерал-губернатору г. Москвы от 19 июля 1830 г. [2])

Секретно.

19 июля 1830 г.

Господину московскому военному генерал-губернатору.

Докладная записка.

Квартировавший Тверской части в гостинице «Англия» отставной чиновник 10-го класса Александр Пушкин, за коим по предписанию вашего сиятельства от 6 сентября 1829 г. за № 117 учрежден секретный полицейский надзор, сего месяца 16 числа выехал в С-т-Петербург, во время пребывания коего здесь ничего предосудительного замечено не было.

О чем почтеннейше донося вашему сиятельству, имею честь присовокупить, что я вместе с сим уведомил ис-

[1]) Воспроизводится с отпуска.

[2]) Воспроизводится с отпуска.

правляющего должность санкт-петербургского обер-полицмейстера г. полковника Дершау для зависящих со стороны его распоряжений.

Рапорт полицмейстера 1-го отделения обер-полицмейстеру г. Москвы от 11 декабря 1830 г. № 241 [1])

Секретно.

Исправляющему должность московского обер-полицмейстера господину полковнику и кавалеру Сергею Николаевичу Муханову.

Московского полицмейстера 1-го отделения

Рапорт.

На основании предписания бывшего московского обер-полицмейстера от 7 числа сентября прошлого 1829 г. за № 435, честь имею донести, что 9 числа сего декабря прибыл из города Лукоянова отставной чиновник 10-го класса Александр Сергеев Пушкин и остановился Тверской части 1-го квартала в гостинице «Англия», за коим надлежащий надзор учрежден.

Полицмейстер Миллер.

№ 241.
Декабря 11 дня
1830 г.

Докладная записка обер-полицмейстера военному генерал-губернатору г. Москвы от 19 декабря 1830 г. [2]).

Секретно.

19 декабря 1830.

Господину московскому военному генерал-губернатору

Докладная записка.

Прибывший из города Лукоянова 9-го сего месяца отставной чиновник 10-го класса Александр Пушкин остановился Тверской части в гостинице «Англия», за коим, на основании предписания вашего сиятельства от 6 сентября 1829 г. за № 117, надлежащий надзор учинен.

О чем вашему сиятельству имею честь доложить.

Рапорт полицмейстера 1-го отделения обер-полицмейстеру г. Москвы от 15 мая 1831 г. № 117 [1]).

Секретно.

Исправляющему должность московского обер-полицмейстера господину полковнику и кавалеру Сергею Николаевичу Муханову.

Московского полицмейстера 1-го отделения

Рапорт.

Живущий в Пречистенской части отставной чиновник 10-го класса Александр Сергеев Пушкин вчерашнего числа получил из части свидетельство на выезд из Москвы в Санкт-Петербург вместе с женою своею, а как он, по предписанию бывшего г. обер-полицмейстера от 7-го сентября за № 435 прошлого 1829 г., состоит под секретным надзором, то я долгом поставляю представить о сем вашему высокоблагородию.

Полицмейстер Миллер.

№ 117.
Мая 15 дня
1831 г.

Отношение московского обер-полицмейстера на имя петербургского обер-полицмейстера от 29 июня 1831 г. № 212 [2]).

Секретно.

Г. санкт-петербургскому обер-полицмейстеру.

---

[1]) На подлиннике пометы: «Пол. 11 декабря 1830 г. № 16229. Донести его сиятельству».

[2]) Воспроизводится с отпуска, на котором имеется помета: «К № 16229».

[1]) На подлиннике имеются пометы: «Пол. 15 мая 1831 г. № 6875. Уведомить с.-петербургского обер-полицмейстера». Зачеркнуто: «Донести его сиятельству».

[2]) Воспроизводится с отпуска, на котором имеетсяпомета: «К № 6875».

Находящийся в сей столице под секретным надзором полиции известный поэт, отставной чиновник 10-го класса, Александр Пушкин, выехал из Москвы в Санкт-Петербург вместе с женою своею, за коим во время пребывания здесь в поведении ничего предосудительного не замечено.

О чем ваше превосходительство честь имею уведомить для надлежащего со стороны вашей об нем, Пушкине, распоряжения.

Рапорт полицмейстера 1-го отделения обер-полицмейстеру г. Москвы от 23 декабря 1831 г. № 425 [1]).

Секретно.

Исправляющему должность московского обер-полицмейстера господину флигель-адъютанту полковнику и кавалеру Сергею Николаевичу Муханову.

Московского полицмейстера 1-го отделения

Рапорт.

Находящийся под секретным надзором по предписанию бывшего московского обер-полицмейстера от 7 числа сентября 1829 г. за № 435, чиновник 10-го класса Александр Пушкин сего месяца 13 числа прибыл из С.-Петербурга и остановился Пречистенской части 1-го квартала в доме гг. Ильинских, — предписанный за ним надзор учрежден.

О чем вашему высокоблагородию сим честь имею донести.

Полицмейстер Миллер.

№ 425.
Декабря 23 дня
1831 г.

Докладная записка обер-полицмейстера военному генерал-губернатору г. Москвы от 26 декабря 1831 г. [2]).

Секретно.
26 декабря 1831 г.

Докладная записка.

Прибывший из С.-Петербурга отставной чиновник 10-го класса Александр Пушкин остановился Пречистенской части в доме гг. Ильинских, за коим, на основании предписания вашего сиятельства от 6 сентября 1829 г. за № 117, секретный надзор учинен.

О чем вашему сиятельству честь имею доложить.

Рапорт полицмейстера 1-го отделения обер-полицмейстеру г. Москвы от 26 декабря 1831 г. № 426 [1]).

Секретно.

Исправляющему должность московского обер-полицмейстера господину флигель-адъютанту полковнику и кавалеру Сергею Николаевичу Муханову.

Московского полицмейстера 1-го отделения

Рапорт.

Чиновник 10-го класса Александр Пушкин, состоящий под надзором полиции, о коем я имел честь доносить вашему высокоблагородию рапортом 23 числа сего декабря за № 425-м, 24-го числа сего месяца выехал отсюда в С.-Петербург; во время жительства его в Пречистенской части ничего за ним законопротивного не замечено.

О чем вашему высокоблагородию сим честь имею донести.

Полицмейстер Миллер.

№ 426.
Декабря 26 дня
1831 г.

[1]) На подлиннике помета: «Пол. 23 декабря 1831. № 604. Донести его сиятельству».

[2]) Воспроизводится с отпуска, на котором помета: «К № 604».

[1]) На подлиннике пометы: «Получено 27 декабря 1831. № 609. Уведомить с.-петербургского обер-полицмейстера». Зачеркнуто: «и донести его сиятельству».

Отношение московского обер-полицмейстера на имя петербургского обер-полицмейстера от 30 декабря 1831 г. № 585 [1]).

Секретно.

30 декабря 1831 года.
№ 585.

Г. санкт-петербургскому обер-полицмейстеру.

Находившийся здесь, во исполнение предписания г. московского военного генерал-губернатора от 6 сентября 1829 г. за № 117, под секретным надзором известный поэт, отставной чиновник 10-го класса, Александр Пушкин 24 сего декабря выехал в Санкт-Петербург, за коим во время пребывания здесь ничего предосудительного не замечено.

О чем ваше превосходительство честь имею уведомить для надлежащего с вашей стороны об нем, Пушкине, распоряжения.

Рапорт полицмейстера 1-го отделения обер-полицмейстеру г. Москвы от 10 октября 1832 г. № 408 [2]).

Секретно.

Исправляющему должность московского обер-полицмейстера господину флигель-адъютанту полковнику и кавалеру Сергею Николаевичу Муханову.

Московского полицмейстера 1-го отделения

Рапорт.

На основании предписания предместника вашего высокоблагородия от 7 числа сентября прошлого 1829 г. за № 435, честь имею донести, что чиновник 10-го класса Александр Сергеев Пушкин из С.-Петербурга прибыл ныне сюда в Москву и остановился Тверской части в доме Обера в гостинице «Англия», за коим и учрежден надзор.

Полицмейстер Миллер.

№ 408.
Октября 10 дня
1832 г.

Рапорт полицмейстера 1-го отделения обер-полицмейстеру г. Москвы от 18 октября 1832 г. № 444 [1]).

Секретно.

Исправляющему должность московского обер-полицмейстера господину флигель-адъютанту полковнику и кавалеру Сергею Николаевичу Муханову.

Московского полицмейстера 1-го отделения

Рапорт.

Состоящий, по предписанию предместника вашего высокоблагородия от 7-го числа сентября прошлого 1829 г. за № 435, под секретным надзором полиции отставной чиновник 10-го класса Александр Пушкин, квартировавший Тверской части в доме купца Обера в гостинице «Англия», 16-го числа сего месяца выехал в С.-Петербург, за коим во время жительства его в Тверской части ничего предосудительного не замечено.

О чем вашему высокоблагородию имею честь донести.

Полицмейстер Миллер.

№ 444.
Октября 18 дня
1832 г.

---

[1]) Воспроизводится с отпуска, на котором помета: «К № 609».

[2]) На подлиннике имеются пометы: «10 октября 1832. № 439. К сведению». Зачеркнуто: «Донести его сиятельству».

[1]) На подлиннике помета: «18 октября 1832. № 450. Донести его сиятельству».

Отношение московского обер-полицмейстера на имя петербургского обер-полицмейстера от 20 октября 1832 г. № 411 [1]).

Секретно.

20 октября 1832 г.
№ 411.

Г. санкт-петербургскому обер-полицмейстеру.

Находившийся в сей столице под секретным надзором полиции известный поэт, отставной чиновник 10-го класса, Александр Пушкин 16 сего октября, по прибытии из Санкт-Петербурга, выехал опять в оный; во время же пребывания его здесь он в предосудительных поступках замечен не был.

О чем ваше превосходительство честь имею уведомить для надлежащего об нем со стороны вашей распоряжения.

[1]) Воспроизводится с отпуска, на котором имеется помета: «К № 450».

Докладная записка обер-полицмейстера военному генерал-губернатору г. Москвы от 20 октября 1832 г. № 412 [1]).

Секретно.

20 октября 1832 г.
№ 412.

Докладная записка.

Квартировавший в сей столице состоящий под секретным надзором полиции известный поэт, отставной чиновник 10-го класса, Александр Пушкин 16 сего октября выехал в Санкт-Петербург; во время же пребывания его здесь он ни в чем предосудительном замечен не был.

Известив о чем г. санкт-петербургского обер-полицмейстера, для надлежащего со стороны его об нем, Пушкине, распоряжения, долгом поставляю доложить о том вашему сиятельству.

[1]) Воспроизводится с отпуска.

Ответственная редакция: **В. Адоратский. В. Максаков. М. Покровский.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Царская Россия и Монголия в 1913—1914 гг. С предисловием *А. Попова* 3—68
Внешняя политика контр-революционных «правительств» в начале 1919 г. С предисловием *И. Минца* . . . . . 69—101
К истории процесса 21. *(Продолжение)* . . . . . 102—137
Гр. А. Х. Бенкендорф о России в 1827—1830 гг. С предисловием *А. Сергеева* . . . . . 138—174
Из архива А. П. Чехова. С предисловием *Н. Лапина* . . . . . 175—214

Из записной книжки архивиста

Приказ № 2. Сообщила *Ф. Драбкина* . . . . . 214—219
№ 2 рабочего листка «Зерно». Сообщил *А. Шилов* . . . . . 219—230
К биографии А. А. Красовского. Сообщил *М. Клевенский* . . . . . 230—237
А. С. Пушкин под надзором полиции. Сообщил *Г. Костомаров* . . . . 237—245

ГОСИЗДАТ РСФСР

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1930 ГОД НА ЖУРНАЛ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

ЛИТЕРАТУРА И МАРКСИЗМ

Журнал выходит под редакцией коллегии Института языка и литературы РАНИОН — П. И. Лебедева-Полянского, В. Ф. Переверзева, И. И. Гливенко, Е. Д. Поливанова и С. С. Динамова.

Журнал „ЛИТЕРАТУРА и МАРКСИЗМ" разрабатывает вопросы истории и теории литературы с точки зрения марксистской методологии.

В ГОД ВЫХОДИТ 6 КНИГ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 1 год — 6 р., на 6 мес. — 3 р. Отдельный номер — 1 р. 20 к.

КНИГА И РЕВОЛЮЦИЯ

ЖУРНАЛ политики, культуры, критики и библиографии.

Ответственный редактор П. М. Керженцев.

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА: Решительная борьба со всякими проявлениями антипролетарских тенденций в области науки, литературы и искусства. Помощь читателю в использовании книги и журнала как орудия социалистического строительства.

ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА: 1) Ленинизм. 2) Текущая политика партии. 3) Культурное строительство. 4) Литература и искусство. 5) Советское строительство. 6) Экономика. 7) Философия. 8) Естествознание. 9) История. 10) Коминтерн. 11) Хроника. 12) Библиография.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ПРИ УЧАСТИИ: Э. Квиринга, А. Криницкого, Н. Крупской, В. Милютина, М. Покровского и Е. Ярославского. К сотрудничеству в журнале привлечены активные работники Комакадемии, ИКП, РАНИОНА, научно-исследовательских организаций и пролетарских литературных объединений.

В 1930 году в журнале „КНИГА И РЕВОЛЮЦИЯ" вводятся новые отделы:

ДЛЯ РАБОЧЕГО ЧИТАТЕЛЯ

1. В помощь массовому читателю. 2. В помощь самообразованию партактива.

В 1930 году выйдет 36 номеров.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — 10 р., на 6 мес. — 5 р., на 3 мес. — 2 р. 50 к. Отдельный номер 35 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в Моск. Обл. отделении Госиздата РСФСР „Московский Рабочий": Москва, Центр, Неглинный пр., 9; в Периодсекторе Госиздата РСФСР—Москва, Центр, Ильинка, 3, Госиздат; в отделениях и магазинах Госиздата, а также у уполномоченных, снабженных удостоверениями.

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

(Записки Института К. Маркса и Ф. Энгельса)

КНИГА ПЕРВАЯ. От редакции. — **Статьи и исследования.** — Д. Рязанов. Военное дело и марксизм. — А. Деборин. Новый поход против марксизма. — Г. Штейн. Карл Маркс и мозельские крестьяне. — **Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса.** Ф. Энгельс. К. Маркс о Капитале. — К. Маркс. Борьба якобинцев с жирондистами. — **Из переписки К. Маркса и Ф. Энгельса.** К. Маркс к Франкелю и Варлену. — Ф. Энгельс к Лампло. — Два письма Энгельса к болгарам. — **Из истории марксизма в России.** Г. Плеханов. Речь на конгрессе в Париже в 1889 г. Письма к Геду. — Его же. Анкета. — Б. Николаевский. Ленин в Берлине в 1895 г. — Е. Гуревич. Из воспоминаний. Мой перевод «Капитала». — **Критика и рецензии.** — **Сообщения кабинетов Института.** Fichteana в кабинете философии. — Труды английских экономистов XVII века (1582—1708). — Собрание рукописей, относящихся к Парижской коммуне 1871 г. Стр. 159. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ВТОРАЯ. **Статьи и исследования.** А. Деборин. Наши разногласия. — Г. Бакалов. Русские друзья Христо Ботева. — **Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса.** К. Маркс. «Бакунин: Государственность и анархия». — **Письма и документы.** И. Лафарг. Письма к Николаю Кову. — М. Бакунин. Письма к А. Руге. — **Критика и рецензии.** — **Сообщения кабинетов Института.** Труды английских экономистов XVII века (1582 — 1708). — Сочинения А. Клоотса в кабинете истории Франции. — Сочинения Р. Оуэна в кабинете истории социализма. Стр. 180. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ТРЕТЬЯ. **Статьи и исследования.** А. Деборин. Спинозизм и марксизм. — Д. Рязанов. Маркс и Энгельс о браке и семье. — **Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса.** К. Маркс. Письма об Индии. — И. Гумбель. О математических рукописях К. Маркса. — **Письма и документы.** Б. Николаевский. К истории петербургской социал-демократической группы стариков. — А. Воден. На заре «легального марксизма». — М. Бакунин. Письма к графине Е. В. Салиас. — **Критика и рецензии.** — **Сообщения кабинетов Института.** Стр. 160. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. **К шестидесятилетию первого тома «Капитала».** Ф. Энгельс. Четыре рецензии на «Капитал» Маркса. — Г. В. Плеханов. Философские и социальные воззрения К. Маркса. — Его же. О так называемом кризисе и школе Маркса. — **Статьи и исследования.** М. Дынник. От примирения с действительностью к апологии разрушения. — **Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса.** Ф. Энгельс. Англия. — Из черновой тетради К. Маркса. — **Материалы и сообщения.** Из архивных материалов о Марксе. — Доклад гр. Лорис-Меликова Александру III о Плеханове. — Неизданное стихотворение И. С. Тургенева. — Письма М. А. Бакунина к польским корреспондентам. — А. Воден. На заре «легального марксизма». — **Критика и рецензии.** — **Письмо в редакцию.** — **Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса.** Постановление ЦИК СССР. — Из доклада Наркома по Просвещению. — Сообщение Д. Б. Рязанова об Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. Иностранная печать об Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. Стр. 160. Ц. 1 р. 50 к.

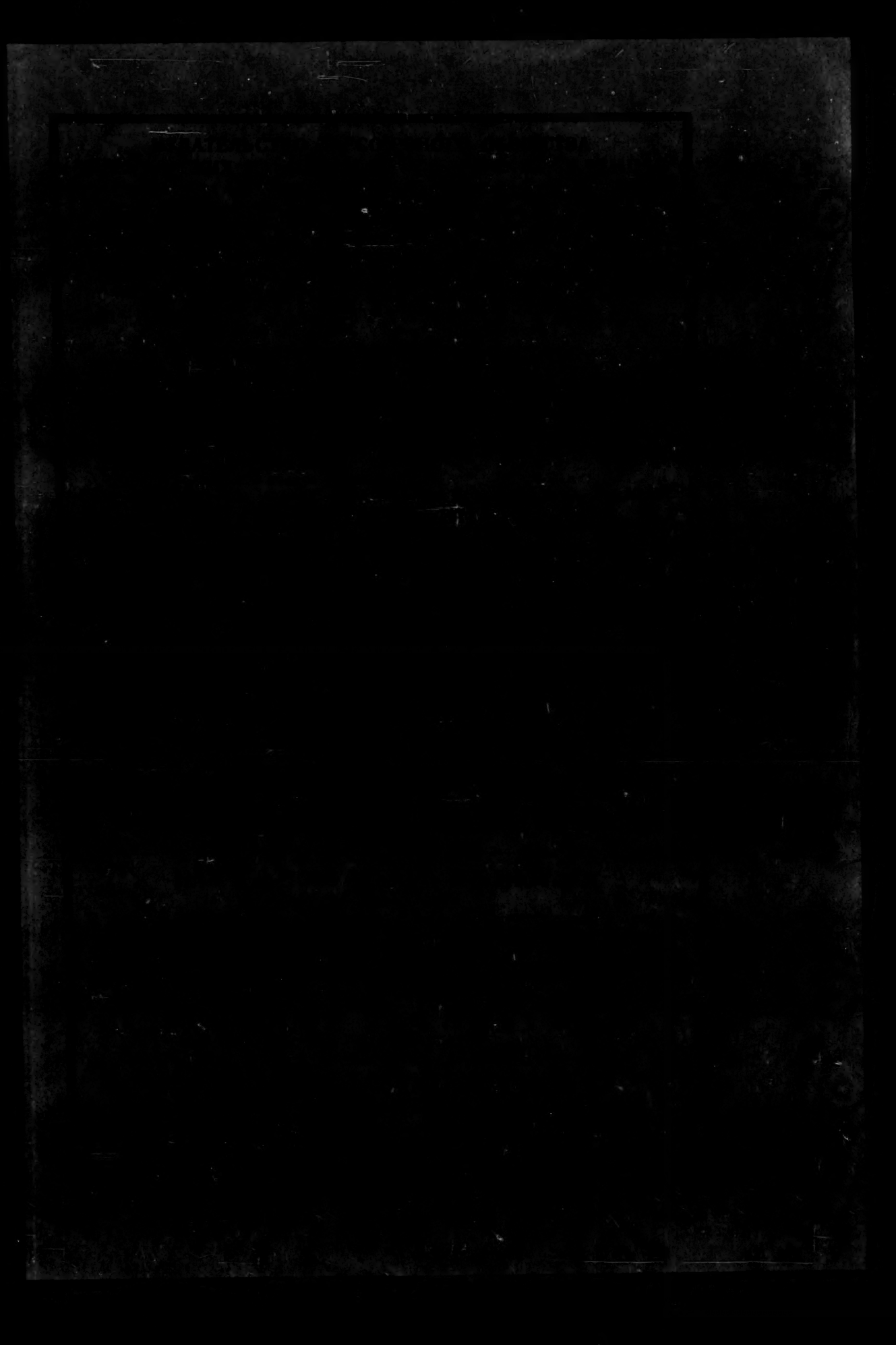
КНИГА ПЯТАЯ. **Статьи и доклады.** Д. Рязанов. Деятельность Института К. Маркса и Ф. Энгельса и его ближайшие задачи. — **Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса.** Письма К. Маркса и Ф. Энгельса к П. Л. Лаврову. — **К 10-летию со дня смерти Г. В. Плеханова.** Г. В. Плеханов. — Два слова читателям-рабочим. — Г. Бакалов. Г. В. Плеханов в Болгарии. — М. М. Ковалевский о книге Бельтова. — **Материалы и сообщения.** Письма М. А. Бакунина к Коссиловскому. — Х. Раппопорт. Воспоминания о Фридрихе Энгельсе. — **Критика и рецензии.** — **Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса.** К. Шмюкле. Первый том международного издания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. — Выставка по истории Великой французской революции. Стр. 155. Ц. 1 р. 25 к.

КНИГА ШЕСТАЯ. **Новые данные к вопросу Маркс — Лассаль.** Переписка Лассаля с Бисмарком. — **Статьи и исследования.** Ю. Стеклов. Западные влияния в мировоззрении Н. Г. Чернышевского. — Д. Рязанов. Новые данные о русских приятелях Маркса и Энгельса. — **Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса.** К. Маркс. Памфлеты Бруно Бауэра о русском конфликте. — Из переписки К. Маркса с М. Ковалевским. — **Материалы и сообщения.** Письмо Н. И. Сазонова к Г. Гервергу. — П. Аксельрод. Группа «Освобождения труда» (Неопубликованные главы из второго тома «Воспоминаний»). — **Критика и рецензии.** — **Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса.** Выставка Маркса и Энгельса. — Читальный зал 1923—1927 гг. Стр. 175. Ц. 1 р. 25 к.

КНИГА СЕДЬМАЯ—ВОСЬМАЯ. **К столетней годовщине со дня рождения Н. Г. Чернышевского.** А. Деборин. Философские взгляды Н. Г. Чернышевского. — И. Рубин. Чернышевский как коммунист. — Ц. Фридлянд. Н. Чернышевский как историк. — Д. Рязанов. Маркс и Чернышевский. — **Из литературного наследства К. Маркса и Ф. Энгельса.** Письма Г. Лопатина к Ф. Энгельсу. — Письмо Ф. Энгельса к неизвестному о русских делах. — **Материалы и сообщения.** И. Книжник-Ветров. Героиня Парижской коммуны 1871 г. Е. Л. Тумановская («Елизавета Дмитриева»). — Два письма Н. Г. Чернышевского к сыновьям. — Из переписки М. А. Бакунина: I. Письма к В. Ф. Лучинину. II. Письма к И. Демонтовичу. — Письмо Жорж-Занд к М. А. Бакунину. — **Критика, обзоры и рецензии.** Д. Рязанов. Ответ на «открытое письмо» В. Половского. — Е. Каганович. Обзор статей по теоретической политической экономии в «Вестнике Комакадемии» за 1922 — 1927 гг. — **Рецензии.** — **Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса.** Коллекция рукописей из архива Ф. Домелы Ньювенгуйса (сообщ. Ф. Шиллера). — «Парижская коммуна 1871 г.», выставка (сообщ. М. Голосовкер).

КНИГА ДЕВЯТАЯ—ДЕСЯТАЯ. (Печат.).

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — 4 книги, в год — 4 руб.

Подписку направлять: Москва, Центр, Ильинка, 3, Госиздат, в отделения и магазины.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО